СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ ЗНАНИЯ

Российское научно-образовательное издание
Издается с 1973 года

№ 7
2023

DOI 10.34823/SGZ.2023.7.62018

Журнал входит в Перечень ВАК России ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Прежние названия: «Научный коммунизм» (1973–1990); «Социально-политические науки» (1990–1993); Социально-политический журнал» (1993–1998.); «Социально-гуманитарные знания» (с 1999)

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИОЛОГИЯ: ТЕОРИЯ, ОСНОВНЫЕ КОНЦЕПЦИИ, СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ

Кравченко А.И. Профессиональное прикрепление и трудовые династии 5

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА. СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

Васильева В.А. Теория Штрауса – Хау и другие поколенческие концепции как основа для анализа феномена плагиата в студенческой среде 13

Гридина В.В. Социокультурные аспекты адаптации иностранных студентов к обучению и проживанию в России 19

Дмитриева Т.В. Цифровизация как фактор социокультурных изменений в России 23

Макаревич Э.Ф., Карпухин О.И. Изменение парадигмы общественного развития в России – от массового общества потребления к обществу социального творчества в условиях трансформации массовых коммуникаций 27

Терновая Л.О., Багаева А.В. Социально-политические парадоксы текстов государственных гимнов 37

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА. СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ. СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

Березнев А.В. Институциональные и социокультурные детерминанты скулшуттинга 43

Волков Ю.Г., Курбатов В.И. Форматы конструирования образа мигранта в современном российском медийном дискурсе 47

Данкова В.В. Правовое регулирование молодежной политики: современное состояние и направления совершенствования 53

Игумнов О.А., Мусарский М.М. «Связывающий» и «соединяющий» типы социального капитала в управлении результативностью организации: постановка проблемы 58

Кохан Ж.С., Сережко Т.А., Липунов А.С. Спорт как социальный феномен: обзор современных зарубежных социологических теорий 64

Осипов Е.М., Сазонова А.П. Функции бренда и брендинга в развитии семейного бизнеса 67

Учредитель: **ООО «Издательство «КноРус»**

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-83076
Выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 26.04.2022 г.
ISSN 0869-8120

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кедрова, д.14, корп. 2
E-mail: **shk_journal@mail.ru**
Сайт: **http://socgum-journal.ru**

Журнал представлен в Научной электронной библиотеке elibrary.ru и зарегистрирован в наукометрической базе РИНЦ (Российский индекс научного цитирования)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор:
Миронов Анатолий Васильевич – доктор социологических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, почетный работник ВПО РФ, академик РАСН, РАЕН, Международной академии наук (русская секция), член Союза социологов, Союза журналистов, Союза писателей РФ (Москва)

Ответственный секретарь:
Миронова Елена Витальевна (Москва)

Аванесова Галина Алексеевна – доктор философских наук, профессор, эксперт центра «Гражданское общество и социальные коммуникации» (кафедра ЮНЕСКО) РАНХиГС при Президенте РФ (Москва); **Балбеко Анатолий Михайлович** – доктор педагогических наук, профессор, почетный работник ВПО РФ (Москва)**; Владимирова Татьяна Николаевна** – доктор педагогических наук, проректор МПГУ, директор Института журналистики, коммуникаций и медиаобразования, член Союза журналистов России (Москва)**; Волков Юрий Григорьевич** – доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, научный руководитель Института социологии и регионалистики ЮФУ (Ростов-на-Дону); **Иванов Вилен Николаевич** – доктор философских наук, профессор, чл.-корр. РАН, советник РАН (Москва)**; Капицын Владимир Михайлович** – доктор политических наук, профессор МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва); **Кара-Мурза Сергей Георгиевич** – доктор химических наук, профессор, главный научный сотрудник ИСПИ РАН (Москва)**; Карпухин Олег Иванович** – доктор социологических наук, профессор Московского гуманитарного университета, Заслуженный деятель науки РФ; **Кефели Игорь Федорович** – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой культурологии и социологии Балтийского государственного технического университета (Санкт-Петербург)**; Козлова Оксана Николаевна** – доктор социологических наук, профессор, директор Института социологии (Щецин, Польша); **Кривопусков Виктор Владимирович** – доктор социологических наук, профессор Государственного университета управления (Москва); **Макаров Анатолий Васильевич** – кандидат философских наук, профессор, зав. кафедрой проектирования образовательных систем Республиканского института высшей школы (Беларусь, Минск); **Матюхин Андрей Викторович** – доктор политических наук, профессор, зав. кафедрой философии и истории Московского финансово-промышленного университета (Москва); **Михайленок Олег Михайлович** – доктор политических наук, профессор, руководитель отдела исследования социально-политических отношений Центра политологии и политической социологии Института социологии ФНИСЦ РАН (Москва); **Ореховская Наталья Анатольевна** – доктор философских наук, профессор департамента социологии Финансового университета при Правительстве РФ (Москва); **Панферова Валентина Васильевна** – зам. главного редактора, кандидат философских наук, профессор, почетный работник ВПО РФ, член Международной федерации журналистов, профессор кафедры коммуникационного менеджмента, рекламы и связи с общественностью Института журналистики, коммуникаций и медиаобразования МПГУ (Москва)**; Пуляев Вячеслав Тихонович** – доктор экономических наук, профессор, президент Академии гуманитарных наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург); **Скворцов Николай Генрихович** – доктор социологических наук, профессор, декан социологического факультета СПбГУ (Санкт-Петербург); **Субочев Николай Сергеевич** – доктор социологических наук, профессор кафедры корпоративного управления РАНХиГС, почетный работник ВПО РФ (Волгоград); **Хазиев Валерий Семенович** – доктор философских наук, профессор, почетный работник ВПО РФ, заведующий кафедрой философии, социологии, политологии БГПУ им. М. Акмуллы, директор научно-исследовательского центра развития исламского образования БГПУ им. М. Акмуллы (Уфа, Башкирия)

Отпечатано в типографии ООО «Стромынка Принт», Москва, ул. Стромынка, д. 18

Тираж 300 экз. Формат А4. *Подписано в печать:* 30.07.2023 *Цена свободная*

Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию.

Издание не подлежит маркировке согласно п. 2 ст. 1 Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию».

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ. ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ. СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

Гусейнов О.М. Правовая социализация как фактор формирования устойчивой ориентации личности на правомерное поведение 73

Кандалов В.И., Карташова Д.А. Особенности реализации современных военных информационно-коммуникативных операций 78

Равочкин Н.Н., Леопа А.В., Мельникова Т.В., Рахинский Д.В. Социальный институт как результат хабитулизации и его функции: философский анализ 82

Романец Е.А. Цифровая трансформация здравоохранения: государственная политика в аспекте цифровой повестки 86

Тамбиянц Ю.Г., Терещенко О.В., Кулик С.В., Гнатенко Н.И. Русофобия как теоретический феномен: попытка концептуализации внешних проявлений 93

Урецкий А.Ю., Билашенко Н.А. Эволюция взглядов отечественных и зарубежных мыслителей на содержание категории «качество жизни» 100

Циткилов П.Я. Евразийско-общерусский мир: проблемы критики и цивилизационной дезориентации 105

ФИЛОСОФСКИЕ МИРОВОЗЗРЕНИЯ. ОНТОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ

Боровинская Д.Н., Мавлонова Б.А. Ключевые принципы объективации мыслительных процессов и формы организации учебной деятельности в условиях цифровизации 112

Викторов А.В. Феномен искусственного интеллекта в философской традиции 117

Тетенков Н.Б. Мировоззрение человека как способ адаптации к усложнению социальной реальности 121

ФИЛОСОФИЯ РЕЛИГИИ И РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ

Аторин Р.Ю. Мистические аспекты знаменного пения 124

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ, ТЕХНОЛОГИИ

Кафтан В.В., Молодцов И.Н. Тренды развития коммуникативных технологий современной информационной войны 127

Ушаков Е.В. Умное управление (smart governance) как новый концепт в теории и практике публичного управления 131

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Донцов А.С. Влияние внешней политики США на сотрудничество между КНР и АСЕАН 135

Омарова Т.Р. Влияние миграционного фактора на внешнеполитическую повестку Италии 138

Чесноков Г.Д. Нацизм и неонацизм в Европе 142

Чжоу Юди. Социально-политическая идентичность стран ЕС: систематизация теорий безопасности 147

Щербачевич Е.С. Формирование внешнеполитического курса Перу в 1945–1990 гг. 153

TABLE OF CONTENTS

SOCIOLOGY: THEORY, MAIN CONCEPTS, MODERN APPROACHES

Kravchenko A.I. Professional attachment and labor dynasties 5

SOCIAL PROBLEMS OF SOCIETY DEVELOPMENT. SOCIOLOGY OF CULTURE

Vasilyeva V.A. The Strauss-Howe theory and other generational concepts as a basis for analyzing the phenomenon of plagiarism among students 13

Gridina V.V. Sociocultural aspects of adaptation of foreign students to study and live in Russia 19

Dmitrieva T.V. Digitalization as a factor of socio-cultural changes in Russia 23

Makarevich E.F., Karpukhin O.I. Changing the paradigm of social development in Russia – from a mass consumer society to a society of social creativity in the context of the transformation of mass communications 27

Ternova L.O., Bagaeva A.V. Socio-political paradoxes of the texts of national anthems 37

SOCIAL STRUCTURE. SOCIOLOGY OF MANAGEMENT. SOCIAL INSTITUTIONS AND PROCESSES

Bereznev A.V. Institutional and sociocultural determinants of schoolshooting 43

Volkov Yu.G., Kurbatov V.I. Formats for constructing the image of a migrant in modern Russian media discourse 47

Dankova V.V. Legal regulation of youth policy: current state and directions for improvement 53

Igumnov O.A., Musarsky M.M. «Bridging» and «bonding» social capital types in organization performance management: problem statement 58

Kokhan Z.S., Serezhko T.A., Lipunov A.S. Sport as a social phenomenon: a review of modern foreign sociological theories 64

Osipov E.M., Sazonova A.P. Brand and branding functions in the development of family business 67

PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY. PHILOSOPHY OF CULTURE. SOCIAL PHILOSOPHY

Huseynov O.M. Legal socialization as a factor in the formation of a stable orientation of a person to lawful behavior 73

Kandalov V.I., Kartashova D.A. Features of the implementation of modern military information and communication operations 78

Ravochkin N.N., Leopa A.V., Melnikova T.V., Rakhinskiy D.V. Social institution as a result of habitualization and its functions: philosophical analysis 82

Romanets E.A. Digital transformation of healthcare: public policy in terms of the digital agenda 86

Founder: **LLC Publishing House «KnoRus»**

Mass media registration certificate PI No. FS 77-83076 Issued by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media on April 26, 2022.

ISSN 0869-8120

Editorial address: 117218, Moscow, st. Kedrova, d. 14, bldg. 2

E-mail: **shk_journal@mail.ru**
Website: **http://socgum-journal.ru**

The journal is presented in the Scientific Electronic Library elibrary.ru and registered in the scientometric database RSCI (Russian Science Citation Index)

EDITORIAL TEAM:

Chief Editor:

Mironov Anatoliy Vasilievich – Editor in Chief, Dr. Sci. (Soc.), Prof., Honored worker of higher school of Russia, Russian Federation honorary worker of higher education, member of Russian Academy of Social Sciences, member of Russian Academy of Natural Sciences and International Academy of Sciences (Russian section), member of Union of sociologists, the Union of journalists, the Union of writers of Russia (Moscow)

Secretary of the editorial staff:
Mironova Elena Vitalievna

Avanesova Galina Alekseevna – Dr. Sci. (Philos.), Prof., civil society expert and social communication (UNESCO Chair) Russian presidential (Moscow); **Balbeko Anatoliy Mihailovich** – Dr. Sci. (Educ.), Prof., Russian Federation honorary worker of higher education (Moscow); **Vladimirova Tatyana Nikolaevna** – Dr. Sci. (Educ.), prorector of Moscow State Pedagogical University, Director of the Institute of journalism, communications and media education, member of the Union of journalists of Russia (Moscow); **VolkovYuriy Grigorievich** – Dr. Sci. (Philos.), Prof., Honoured science worker of RF, supervisor of the Institute of Sociology and regional studies SFU (Rostov-on-Don); **Ivanov Vilen Nikolaevich** – Dr. Sci. (Philos.), Prof., Corresponding member of the RAS, Counsellor of the RAS (Moscow); **Kapicyn Vladimir Mikhailovich** – Dr. Sci. (Pol. Sci.), Prof. of Lomonosov Moscow State University (Moscow); **Kara-Murza Sergey Georgievich** – Dr. Sci (Chemic.), Prof., Chief researcher of the ISPR RAS (Moscow); **Karpukhin Oleg Ivanovich** – Dr. Sci. (Soc.), Prof. of the Moscow University for the humanities, Honoured science worker of RF, (Moscow); **Kefeli Igor Fedorovich** – Dr. Sci. (Phil.), Prof., Head of the Department of cultural studies and sociology at Baltic State Technical University (St. Petersburg); **Kozlova Oksana Nikolaevna** – Dr. Sci. (Soc.), Prof., Director of the Institute of Sociology (Szczecin, Poland); **Krivopuskov Viktor Vladimirovich** – Dr. Sci. (Soc), Prof. of the State university governance (Moscow); **Makarov Anatoliy Vasilievich** – Cand. Sci. (Philos.), Prof., Head of the Department of the educational systems planning of the Republican Institute of Higher Education (Belarus, Minsk); **Matyukhin Andrey Victorovich** – Dr. Sci. (Pol. Sci.), Prof., Head of Department of philosophy and the history of the Moscow financial-industrial University (Moscow); **Mihajlenok Oleg Michailovich** – Dr. Sci. (Pol. Sci.), Prof., Head of Department research on the socio-political relations Centre of politics and political sociology, Institute of Sociology FRSC RAS (Moscow); **Orehovskaya Natalya Anatolievna** – Dr. Sci. (Philos.), Prof. Department of Sociology University of Finance under the Government of the Russian Federation (Moscow); **Panferova Valentyna Vasilievna** – Deputy Chief Editor, Cand. Sci. (Philos.), Prof., Russian Federation honorary worker of higher education, member of the International Federation of journalists, Prof. Department of communication management, advertising and public relations of the Institute of journalism, communications and media education of Moscow State Pedagogical University (Moscow); Pulyaev Vyacheslav Tihonovich – Dr. Sci. (Econ.), Prof., President of the Academy of Arts, Prof. of St. Petersburg State University (St. Petersburg); **Skvortsov Nikolay Genrikhovich** – Dr. Sci. (Soc.), Prof., Dean of the Sociology Department of St. Petersburg State University (St. Petersburg); **Subochev Nikolay Sergeevich** – Dr. Sci. (Soc.), Prof. of chair of the corporate governance at RANEPA, Russian Federation honorary worker of higher education (Volgograd); **Haziev Valeriy Semenovich** – Dr. Sci. (Philos.), Prof., Russian Federation honorary worker of higher education, Head of the Department of philosophy, sociology, political science, Director of the Research Centre for development of Islamic education Bashkir State Pedagogical University by the name of M. Akmullah (Ufa, Bashkortostan)

Former titles: «Scientific Communism» (1973–1990); «Socio-Political Sciences» (1990–1993); Socio-Political Journal" (1993–1998); «Social and Humanitarian Knowledge» (since 1999)

Printed in the printing house of Stromynka Print LLC, Moscow, st. Stromynka, 18 Circulation 300 copies. A4 format. Signed in print: 30.06.2023. Free price

All materials published in the journal are subject to internal and external peer review.

The publication is not subject to labeling in accordance with paragraph 2 of Art. 1 of the Federal Law of December 29, 2010 No. 436-FZ "On the Protection of Children from Information Harmful to Their Health and Development".

Tambiyants Y.G., Tereshchenko O.V., Kulik S.V., Gnatenko N.I. Russophobia as a theoretical phenomenon: an attempt to conceptualize external manifestations 93

Uretsky A. Yu., Bilashenko N.A. The evolution of the views of domestic and foreign thinkers on the content of the category "quality of life" 100

Tsitkilov P. Ya. The Eurasian-All-Russian World: Problems of Criticism and Civilizational Disorientation..... 105

PHILOSOPHICAL WORLD VIEWS. ONTOLOGY AND THEORY OF KNOWLEDGE

Borovinskaya D.N., Mavlonova B.A. Key principles of objectivation of thinking processes and forms of organizing learning activities in conditions of digitalization 112

Viktorov A.V. The phenomenon of artificial intelligence in the philosophical tradition..... 117

Tetenkov N.B. A person's worldview as a way of adapting to the complexity of social reality..... 121

PHILOSOPHY OF RELIGION AND RELIGIOUS STUDIES

Atorin R.Y. Religious aspects of banner singing..... 124

POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES, TECHNOLOGIES

Kaftan V.V., Molodtsov I.N. Trends in the development of communication technologies of modern information warfare..... 127

Ushakov E.V. Smart governance as a new concept in the theory and practice of public administration..... 131

INTERNATIONAL RELATIONSHIPS

Dontsov A.S. Influence of American foreign policy on cooperation between China and Asean 135

Omarova T.R. The Impact of the Migration Factor on Italy's Foreign Policy Agenda..... 138

Chesnokov G.D. Nazism and Neo-Nazism 142

Zhou Youdi. The socio-political identity of EU countries: a systematization of security theories..... 147

Shcherbachevich E.S. The shaping of the Peruvian foreign policy in 1945–1990. 153

Профессиональное прикрепление и трудовые династии

Кравченко Альберт Иванович,
доктор социологических наук, профессор, ведущий аналитик кафедры истории и теории социологии социологического факультета МГУ
E-mail: kravchenkoai@mail.ru

Профессиональное прикрепление работника к своей профессии является одной из древних социальных практик в системе общественного разделения труда, призванной обеспечить государство либо крупного работодателя рабочей силой и дешевым трудом. От древнего Египта, Греции, Рима и Византии через средневековую Европу и Русь она тянется до наших дней, существует часто в скрытых, а нередко и явных формах принуждения к труду. В 1930- годы трудовая мобилизация часто проходила как скрытая форма принуждения к труда, а еще ранее таким механизмом служило крепостное право. Немецкие и советское концентрационные лагеря в середине XX века являли миру не только открытые формы принуждения к труду, но и экстремальные, связанные с риском для здоровья и жизни условия труда. Кастовая система на протяжении тысячелетий служит эффективной системой прикрепления к профессии на основе религиозной доктрины. Трудовые навыки и профессиональное мастерство передается в кастах от отца к сыну, формируя базу гендерной социализации. В нашей стране, как и в большинстве других стран, передача трудовых навыков в одной профессии из поколения в поколение ведет к появлению особого социологического феномена – трудовых династий.

Ключевые слова: профессиональное прикрепление, трудовые династии, принуждение к труду, дешевая рабочая сила, разделение труда, социализация.

Профессиональное прикрепление в ранне- и позднеантичном обществе

Во времена египетского фараона Амазиса каждый житель обязан был явиться к специальному чиновнику и сообщить о своих занятиях, средствах и доходах. Государственное регулирование экономических отношений в централизованных обществах Древнего Востока основывалось на систематическом учете и опросах занятости населения. Тогдашняя экономика основывалась на *жестком разделении труда* и *примитивной кооперации труда*, *централизованном распределении рабочей силы* («рабов»), зависимого населения *по видам труда* (свободном оргнаборе), *принудительной регламентации труда* и *профессиональном закреплении работников*. Система принудительного труда была связана с системой насильственного прикрепления людей к определенным профессиям. Платой за труд, в том числе труд ремесленника, служили продовольственные выдачи и выдачи одежды.

Древневосточные документы дают богатейшую информацию о социальной стратификации общества, профессионально-квалификационной структуре населения, формах социальной организации труда, нормах выработки, распределении рабочей силы, механизмах стимулирования труда и его оплате, структуре и продолжительности рабочего дня. Самостоятельными элементами экономического механизма являлись *профессиональное обучение* и *профессиональный отбор*. В Древнем Египте и Вавилоне существовали общеобразовательные и специальные школы, которые готовили юношей к управлению государством. Дети чиновников поступали на службу по окончании школы и поднимались по служебной лестнице в зависимости от своего усердия и таланта, а также от могущества их покровителей. Будущие чиновники должны были овладеть широким кругом гуманитарных и естественных наук, в совершенстве владеть придворным этикетом, знать основы психологии отношений между людьми и т.п.

Первые египетские общеобразовательные школы и профессиональные школы чиновников возникли в 3 тысячелетии до н.э. В Древнем Египте профессия писца была собирательной. Писцами называли ученых, юристов, чиновников и вообще грамотных людей, которые могли читать и писать. Но высшую ступеньку в богатом сословии занимали не писцы, а жрецы. Они назначались царем, и он даровал им многочисленные привилегии. Жрецы составляли интеллектуальную элиту общества и ведали тайным знанием. Писцы входили во второй эшелон и больше относились к «исполнительской элите», если возможно такое выражение. Из них набирался государственный аппарат управления. Неудивительно, что в Египте возник культ писца – счетовода, культ профессионала чиновника.

Но еще более древними признаются шумерские школы писцов – эдубба, появившиеся около 3500 г. до н.э. Шумерские жрецы были обособленным сословием, происходившим из знатных фамилий. Звание жреца было

наследственным, кандидат в жрецы должен был быть здоров и не иметь физических недостатков. Жрецы знали астрономию, земледелие, математику, магию, мантику, медицину, искусство заклинаний и заговоров, времяисчисление, метрологию, религию, мифологию и др. До сих пор сохранились в различных музеях мира мистические произведения халдеев, записанные на клинописных табличках, это заклинания против злых демонов, астрологические расчеты, различные лечебно-магические наставления.

В Египте школы открывались сначала при дворце фараона и при храмах, а со II тыс. до н.э. – также при крупных государственных учреждениях. Во многом они были похожи на нынешние: классные комнаты с параллельными рядами скамеек на два, три, четыре места. И парты, и школьные принадлежности, и учебный материал – все выполнялось из глины, чернильницы и клинописные таблички с «прописями» – из обожженной глины [1].

Профессиональная подготовка в Древнем Египте, в отличие от современных обществ, была вынесена за рамки формального школьного образования. Хотя, несомненно, существовали какие-то краткосрочные курсы профессионального мастерства «по месту работы», где детей учили прикладным наукам, в частности мумификации, строительству пирамид и рисованию. Закончившие их юноши могли устроиться скульпторами, каменотесами, каменщиками, плотниками, рисовальщиками в пирамидах, строителями, кузнецами, горшечниками, кожевниками, ткачами, курьерами, ювелирами. Этому нельзя было обучиться в домашних условиях, поскольку большинство подобных профессий требовало предварительного обучения письму и математике.

В позднеримском Египте ремесленников-рабов было значительно меньше, чем свободных ремесленников. На всей территории страны как в городе, так и в деревне (исключая Александрию господствует мелкое производство, основанное на труде юридически свободного производителя, все меньше и меньше прибегающего к эксплуатации рабов. Поскольку речь идет о периоде глубокого разложения рабовладельческого строя, то отмеченное явление вполне закономерно. Вместе с тем, как показали исследования Ж.П. Вальцинга, Э. Корнеманна, А. Персона и Ф.М. де Робертиса, будучи юридически свободными, ремесленники государственных мастерских на деле были лишены свободы выбора профессии (принудительное наследственное прикрепление к ремеслу), свободы передвижения и т.д., и своим бесправным положением в известной мере напоминали рабов. Другую группу зависимых ремесленников составляли ремесленники, работавшие в крупных имениях. Ремесленников можно было встретить и в монашеской среде как среди анахоретов, так и среди киновитов [2].

Однако ядром египетских ремесленников в позднеримское время были ремесленники, работавшие самостоятельно (на рынок и на заказ) и наемные работники. В наихудшем положении находились ремесленники, работавшие по найму – мистии. Условия труда были тяжелые, а зависимость от работодателя большая, в особенности, если при заключении договора ремесленник получал задаток. Конечно, со временем мистий мог стать самостоятельным хозяином. Такие случаи засвидетельствованы папирусами, например, башмачник Псат (VI в.) через четыре года после заключения трудового договора становится женихом дочери хозяина. Но далеко не всем наемным работникам удавалось выйти в люди.

Более независимым было положение ремесленников, работавших самостоятельно. Но далеко не все ремесленники владели собственными мастерскими. Аренда мастерской приводила к тому, что ремесленник отдавал часть заработка собственнику помещения и попадал в зависимость от него. Довольно часто ремесленникам приходилось снимать жилье, плата за которое представляла немалую статью расхода в бюджете ремесленника. Плата за аренду мастерской, жилья, налоги, постои и вымогательства приводили к тому, что многие ремесленники жили в нужде и ощущали постоянную потребность в деньгах [3, с. 43–56].

И в этой среде, так же как и у работников государственных мастерских, наследственность профессии была обычным явлением, но она не носила принудительного характера. Наследственность профессии вызывалась не государственным принуждением, а традицией и экономическими условиями.

Отсутствие принудительной наследственности ремесла не означает, однако, что ремесленники были полностью свободны в сфере профессиональной деятельности. Лицо, освоившее ремесленную профессию, заносилось в список ремесленников данной специальности. Составлением списка преследовались в первую очередь фискальные цели. Переквалификация, изучение другой специальности и переход на работу по новой специальности не разрешались. Если иногда переквалификация и осуществлялась, то только с разрешения администрации. Профессиональное прикрепление ремесленника к своей специальности неизбежно сопровождалось и его территориальным прикреплением, ибо только в таком случае деятельность ремесленника могла находиться под постоянным контролем, и обеспечивались фискальные интересы государства. В контроле заинтересована и ремесленная корпорация, которой невыгодно терять носителя части общего налогового бремени. Переезд в другое место происходил только с разрешения властей, ибо он был связан с необходимостью внесения соответствующих изменений в податные списки [4].

Не меняя своей профессии, ремесленники вполне законно, могли выполнять работу и по другой специальности. Чаще всего совмещение профессии наблюдается в смежных специальностях: строители выполняют работу по изготовлению кирпичей, а кирпичники берут на себя работу по кладке стен, пекари выполняют работу мельников и мельники – работу пекарей (в данном случае совмещение профессий находило даже иногда отражение в терминологии), плотники выполняют работу, которую обычно делают пильщики, матрос занимается изготовлением лодки и т.д. Иногда ремесленники выполняли работу, ничего общего не имевшую с их основной профессией [5].

Совмещение профессий показывает, что хотя ремесленники и были прикреплены к своей специальности и не могли ее менять по своему усмотрению, не было непроходимой грани между занятиями различных групп населения. Сельское хозяйство являлось для многих ремесленников дополнительным источником дохода, а некоторых (например, ткачей) обеспечивало сырьем. В папирусах встречаются упоминания о ремесленниках как владеющих землей, так и арендующих землю. Землю арендуют: золотых дел мастера, пекари, маслоделы, плотники, ткачи, кузнецы, гончары, сапожники и др. [3].

В Древнем Риме ремесленники, организованные по коллегиям, т.е. сообществам, должны были «навсегда оставаться в своем состоянии», что значило для них ни что иное, как насильственное потомственное прикрепление к своим профессиям. Характерной тенденцией периода правления императора Диоклетиана явилось постепенное *закрепление сословий:* естественные общественные классы делаются мало-помалу наследственными, резко разграничиваются друг от друга и каждое из них несет на себе такую или иную государственную повинность, «тягло» (functio). Общей причиной этого

явления служит упадок общественной жизнедеятельности, заставляющий государство для удовлетворения его нужд прибегать к принудительному прикреплению различных общественных классов к их профессиям.

Профессии, организованные по сословному принципу, напоминали некие общины (коллегии), связанные круговой порукой и несшие своеобразное государственное тягло. Наследственной и принудительной становится даже военная профессия: сыновья солдат должны также быть солдатами, и лишь недостающее количество пополняется из рекрут (tirones). Той же участи подвергаются многие отрасли торговли и промышленности; все лица, занятые в этих отраслях, объединены теперь в принудительные наследственные корпорации, цехи, на которые, за круговой порукой, возлагается выполнение их профессиональных обязанностей. Таковы профессии корабельщиков (naviculariі), обязанных доставлять на своих кораблях съестные припасы в столицы; профессии булочников (pistorii) и мясников (Boarii); профессии рабочих в государственных фабриках, рудниках и т.д. Почти везде свободная организация труда заменяется принудительной; почти все несут такую или иную государственную *functio,* делаются в этом смысле рабами государства – *servientes patriae* [6].

Сходная ситуация прослеживается в Византии. В каждой мастерской, во главе которой стоял начальник, работало три разряда лиц: рабы, вольноотпущенники и свободные. Но все они, без различия происхождения, были прикреплены к своему занятию и не могли от него освободиться. Их клеймили каленым железом и, чтобы нельзя было скрыть клейма под одеждой, стали выжигать имя императора на кисти руки. В случае бегства им очень трудно было найти убежище. Закон наказывал штрафом всякого, кто укроет их. В некоторых случаях, если, например, беглец был оружейником, укрыватель или его дети должны были занять место убежавшего ремесленника на заводе [7]. «Следует, – говорит Константин, – чтобы ремесленники на монетном дворе постоянно оставались в этом положении»; а закон 438 г., еще более суровый, гласит, что оружейники «должны быть до такой степени прикреплены к своему ремеслу, чтобы, даже истощив на работе все свои силы и умирая, они не покидали занятия, в котором родились» [8, с. 315].

Законодательные акты IV в., вошедшие в свод законов Юстиниана, закрепляли ремесленников и лиц, работавших в государственных мастерских, за определенным родом занятий. В ряде случаев эти обязанности были наследственными. В частности, монетарии, т.е. работавшие на монетных дворах империи, не только не имели права покидать своих мастерских, но, чтобы сделать для них невозможным бегство или сокрытие своего звания, им ставили клеймо на руку – «государственные буквы», или «стигматы» с тем, «чтобы таким образом их можно было опознать». Строго запрещалось укрывать рабов царских ткацких мастерских или «предоставлять убежище беглым, из числа семей, занятых в гинекеях», – больших текстильных мастерских [9].

Кастовая профессионализация

Яркий пример профессионального прикрепления дает кастовая система Индии. В первых веках нашей эры в Индии стали складываться феодальные отношения. В этот период происходит процесс преобразования варн в касты. Возникшие первоначально внутри непривилегированных варн, они превратились в замкнутые общественные группы. Объединялись они принадлежностью к одной и той же профессии. Принадлежность эта была пожизненной и переходила к детям. Произошло насильственное прикрепление людей к их профессиям, их роду занятий (касты ремесленников, купцов, домашней прислуги и пр.). Наименее привилегированными были касты пастухов, гончаров, ткачей (они считались принадлежащими к варне шудр). Презираемые профессии (могильщики, поденщики и пр.) стали участью так называемых неприкасаемых. Всякий, кто принадлежал к «чистым кастам», не мог иметь с ними общения.

Касты – сложная система иерархически выстроенных эндогамных групп населения, разделяемых между собой традиционным занятием той или иной профессией (занятием, производством), образом жизни, имущественным неравенством, религиозными нормами и запретами, правилами наследования, поведения и взаимодействия. Уходящая своими корнями в религию и основанная на разделении труда кастовая система диктовала вид профессии как пожизненного занятия, которое передавалось от родителей детям в течение многих тысячелетий такой тип стратификации присущ только индуизму и не признается другими религиями в Индии. Касты – иерархические замкнутые профессиональные группы. Касты можно рассматривать как экстремальную форму сословной системы, полагает М. Хагопьян [10]. Каста – это малая группа, имеющая собственное имя, характеризующаяся эндогамией, наследуемым членством, специфическим стилем жизни, который чаще всего подразумевает безукоризненное соблюдение традиций определенного вида занятий.

Из века в век земледельческие касты обрабатывали землю и снабжали общину зерном; скотоводческие касты разводили скот и обеспечивали всех молочными продуктами; ремесленные касты изготовляли в обмен на продукты утварь, одежду, украшения; члены низших каст убирали деревенские улицы и дома, вывозили трупы животных, обдирали их и изготовляли обувь, стирали на всех и стригли всех; члены самых высоких каст были жрецами, учителями, руководителями духовной жизни, бдительно следившими за соблюдением всех кастовых предписаний. Каждый ремесленник, как и брахман, обслуживал только определенный круг семей. Если эти семьи из высоких каст, то и ремесленник считается членом более высокой подкасты (группы внутри своей касты). И наоборот. Незримая нить связывала семьи обслуживаемых с семьями обслуживающих. Ни та, ни другая сторона не могла беспричинно порвать ее и вступить в деловые отношения с другими семьями. Если такое случалось, то сразу же вмешивался кастовый панчаят (выборное правление касты, и привлекал виновных к самой строгой ответственности. В результате профессиональная прикрепленность детерминировала экономическую привязанность производителей и потребителей услуг.

Каста не упоминается в официальных документах, но в социальной жизни и в быту кастовые предписания действуют безусловно. Согласно им, индуисты строго придерживаются наследственных профессий, вступают в брак только в своей группе и стараются не общаться с представителями низших каст. «Касту, к которой человек относится, указывают сегодня даже в брачных объявлениях, наряду с цветом волос, ростом и весом. Принцип передачи занятия по наследству в Индии соблюдается строго, личные склонности и таланты учитываются лишь в малой степени. Так, члены спортивных команд (особенно по самым популярным в Индии видам спорта – регби и хоккею на траве) набираются только из людей, принадлежащих к специальным кастам…»[1].

[1] Эксперт, №38, 9 октября 2000(стр.72-73)

Как и рабство, кастовый строй характеризует закрытое общество и жесткую стратификацию. В общении между представителями разных каст существуют строгие ограничения. Во главе кастовой иерархии, насчитывающей около 3 тысяч каст и 2,5 тысяч подкаст, стоят брахманы-жрецы. По традиции все касты, или джати, группируются в четыре основные варны (на санскрите слово «варна» обозначает «цвет») и составляют социальную пирамиду. На ее вершине расположены брахманы (священники и ученые), за ними идут кшатрии (воины и правители), затем вайшьи (купцы и фермеры), а на самом низу находятся шудры (ремесленники, рабочие, слуги и рабы). Каждая каста соблюдает очистительные ритуалы, совершаемые в случае нарушения профессиональных, пищевых или социальных табу.

Кастовый строй уподобляет индийское общество улью с горизонтальными слоями сотов. Каждый слой был столетиями изолирован от другого системой запретов взаимного общения и, главное, перемены профессии, и каждая ячейка каждого слоя изолирована от соседней ячейки запретами взаимных браков. Высокие не должны общаться с низкими (не кушать вместе, не пить из их рук, не смотреть на их женщин, не разрешать своим детям играть с их детьми). Даже тип одежды говорит о принадлежности человека к той или иной касте. Характер жилища, пищи, даже сосудов для ее приготовления (все определено, все предписано, все изучено с детства).

Конституция Индии не отменяет каст, но объявляют наказуемыми всякие действия, направленные к дискриминации членов тех или иных каст. Кроме того система каст существовала в Полинезии, на западе Тропической Африки, в Южной Аравии, Египте и Индии. Так, у народа Фульбе в Западной Африке выделяются группы-касты мастеров по металлу, по дереву, горшечников, кожевников, ткачей и мастеров словесного и музыкального ремесла – гриотов.

Таким образом, каста – это прежде всего профессия и пожизненное прикрепление к ней. Благодаря профессиональному закреплению социальной группы за конкретной профессией, трудовые навыки и мастерство передаются по мужской линии от отца к сыну с малых лет. Это способствует более простому и прочному закреплению профессиональных секретов и приемов, трудовых обычаев в процессе детской социализации. На вхождение в профессию не требуется дополнительного времени. Отпадает надобность в профессиональной адаптации, вхождении в трудовой коллектив, трудовой адаптации и прочих психологических издержках временной занятости. Человек заранее знает, для чего он в жизни приспособлен и каково его место в общественном разделении труда. Профессиональное мастерство входит в плоть и кровь, всасывается с молоком матери, окаймляется целым набором ритуалов, норм и табу. Никакого рынка труда и наемных работников при кастовой системе не существует, как не существует и издержек от этих экономических институтов.

Передача профессии по наследству

Прикрепление к профессии может носить вынужденный и добровольный характер. Если государство распределяет занятое население по заранее составленным им видам работы и превращает их в пожизненную форму деятельности, как это происходило в Древнем Египте, то налицо первый вариант. Но если профессия передается от отца к сыну и первый не только обучает второго ремеслу, но и несет социальную ответственность за его дальнейшую судьбу, то следует говорить скорее о добровольном характере прикрепления к профессии. Таким образом, передача профессии по наследству представляет собой исторического предшественника выбора профессии.

Передача своего ремесла как определенная социальная практика известна с древнейших времен и встречается у ремесленников Древнего Египта и Греции. И в Древней Руси наблюдалась передача своего ремесла от отца к сыну. Из писцовых книг Тотьмы, Великого Устюга и Соль-Вычегодска начала XVII в. известно, что у чернорабочих профессия не передавалась. А у квалифицированных рабочих дети часто трудились в той же сфере, что и отцы. Так, у носовщиков (иначе лоцманов), относившихся к квалифицированной части работников водного транспорта, а по социально-экономическому положению к разряду «середних» посадских людей, обычно профессия отца переходит к сыну и долго держится в семье. В то же самое время ярыжные (обычные бурлаки), зачислявшиеся в разряд «худых и самых худых посадских, маломочных людей», передавали по наследству свое ремесло: если отец «ходит в судовых ярыжных», сын просто ярыжный, который «питается у винокурни», или бродит «меж дворы по миру», или «кормится всякой черной работой» [11].

Более творческий, ответственный и оплачиваемый труд носовщиков позволял гордиться своей профессией, был притягательным для молодежи и нелегок в овладении. Хорошо знать водный фарватер и всевозможные мели, уметь безошибочно проводить суда по сложному морскому лабиринту мог далеко не каждый. Только с годами накапливался нужный профессиональный опыт, который затем передавался по наследству. Напротив, работа ярыжных относилась к неквалифицированному ручному труду, для занятия которым требовалась огромная физическая сила, но не знания. В эту категорию часто нанимали людей случайных, например, беглых или бродяг. Они получали в 4 раза меньше носовщиков.

В Древнем Египте обычай передачи профессии по наследству получил широкое распространение. К примеру, в одном из папирусов перечислены 25 поколений строителей, принадлежавших к одной семье. Свою профессию передавали детям жрецы, музыканты, ремесленники и т.д. Отцы-ремесленники при обучении порой использовали детские игрушки: модели земледельческих орудий, мельниц, кузниц.

В Древнем Риме сын булочника самим рождением был обречен заниматься ремеслом своего отца и уже двадцати лет начинал службу в качестве булочника; то же правило применялось и к зятю. Пока булочник не найдет себе преемника, одобренного правительством, он остается прикрепленным к своей лавке, и ничто не может освободить его [8, с. 314].

Структура древнеирландского общества была жестко иерархизирована. Самым важным являлось деление на «привилегированных» (*nemed, soérnemed*) и «непривилегированных» (*doérnemed*). К первым относились короли, вожди, епископы и аббаты, судьи и поэты всех рангов (но не барды!). Ко вторым – большинство свободного населения, торговцы, иностранцы и «люди ремесла» (за исключением поэтов). Рабы в эту схему не включались. Ремесленники передавали свою профессию по наследству, притом как по мужской, так и по женской линии. В широком смысле «ремесленниками» считались представители различных профессий, требовавших специальных знаний и навыков: *sair* «плотники», ***go**bainn* «кузнецы», *cerdda* «ювелиры», *legi* «врачи» и др. – все они относились к ***fo**danae*, т.е. к «низшим ремесленникам». Отдельную категорию «людей ремесла» составляли *поэты* (*fíli*). Стихотворения и поэмы, сочиненные на заказ, считались самым дорогим «товаром». Поэ-

том можно было стать либо по наследству, либо пройдя специальный двенадцатилетний курс обучения в поэтической школе. Все ирландские поэты были организованы в единую «корпорацию», включавшую семь рангов, при этом в зависимости от ранга поэт мог сочинять и исполнять только произведения определенного жанра и метрического размера. В отличие от поэтов, *барды* не являлись привилегированной профессией, и могли либо исполнять произведения, сочиненные другими поэтами, либо сочинять стихи низшего разряда – «бардовскую поэзию» (*bairdne*), не включавшую хвалебные оды, генеалогии и надгробные плачи. Барды приравнивались к простым ремесленникам. Теми же привилегиями, что и поэты, обладали профессиональные судьи (*brithem*). Судьи и поэты относились к «высшим ремесленникам» – *dagdanae*. Судьи и поэты высших рангов, как и аббаты монастырей, приравнивались по статусу к королям[1].

В социальной истории прослеживается следующая закономерность. Творческие или редкие профессии (жрецы, шаманы, врачи, юристы, ученые, артисты, гондольеры и др.) передаются по наследству добровольным порядком – в качестве личного выбора профессии. Напротив, малопрестижные и нетворческие занятия, например каменотеса или кожевника, по наследству передаются в принудительном порядке. В качестве принудительного фактора выступает социально-экономическая политика государства либо социально-экономическое положение семьи, когда деваться некуда и приходится наследовать профессию отца.

При родоплеменном строе профессия шамана передавалась по наследству чаще по личному решению человека, реже – по воле клана. Но каким бы ни был способ отбора, шаманом признается лишь тот, кто получил двойное наставление: 1) экстатического порядка (сны, видения, транс и т.д.) и 2) традиционного порядка (шаманская техника, имена и специализация духов, мифология и генеалогия клана, тайный язык и т.д.). Эта двойная подготовка, обеспеченная духами и старыми шаманами, и представляет собой посвящение. Когда речь идет о наследственном шаманстве, избранию будущего шамана предшествует изменение поведения. Души шаманов-предков выбирают молодого человека из своей семьи и приступают к его подготовке. Призвание стать шаманом открывается также в результате несчастного случая или необычного происшествия. Так, у бурят, сойотов, эскимосов можно стать шаманом при близком ударе молнии. В Сибири тот, кто призван стать шаманом, выделяется странным поведением: он ищет уединения, становится мечтателем, любит бродить по лесу или в пустынных местах, у него возникают видения, он поет во сне и т.д. Благодаря своему посвящению шаман обучается не только технике «смерти» и «воскресения», но также тому, что он должен делать, когда его душа покидает тело, и в первую очередь тому, как ориентироваться в неизвестных далях, куда он проникает во время экстаза. Он учится исследовать новые уровни существования, открытые благодаря его экстатическому опыту [12].

Начиная с XVII в. в Японии понятие «садовник» стало устойчивой профессией, которая сделала возможность передачи методик и знаний систематически и по наследству. По наследству в этой стране передавалась профессия гейши. До сих пор в Италии профессия гондольера (они работают только на собственных лодках), как правило, передается по наследству, но в виде исключения ее можно получить и за другие заслуги (например, победив в «Исторической регате»). В любом случае, для того чтобы получить право управлять гондолой, необходимо проучиться на специальных курсах гондольеров 9 месяцев и сдать серьезные экзамены: по управлению лодкой, по иностранному языку и по истории Венеции. Только после этого мэрия рассмотрит заявку соискателя на получение престижной лицензии. Наибольшие шансы – у уроженцев Венеции. Ну и еще надо быть мужчиной, так как женщин на эту работу не берут. Нынешние гондольеры в основном молодые парни, очень редко можно увидеть мужчину в годах.

Культурная практика передачи профессии по наследству формирует семейные династии артистов, художников, писателей, музыкантов. Так, профессия дрессировщика обычно передается по наследству, из поколения в поколение. Во многих европейских странах по наследству передается профессия часовщика. Таким способом в Швейцарии возникли самые знаменитые фирмы часов, насчитывающие в своей родословной несколько десятков поколений. По наследству нередко передается профессия военного. Рыцарство – как социальный класс, сложившись в XIII в., превратился в замкнутое сословие. Рыцари считали важным делом военную профессию. Звание рыцаря передавалась по наследству. Музыкальная культура Узбекистана очень богата, на нее повлияли арабы и персы; музыкантов там учат с раннего детства, профессия, как полагается, передается по наследству, а женщины поют невероятной красоты голосами. На Кавказе и в России раньше профессия чабана передавалась по наследству.

Интересные подробности содержит история японских шахмат сёги. Сёги издавна пользовались популярностью у всех сословий Японии, в том числе и у низших, несмотря на то, что игровые комплекты стоили дорого. Новые, реформированные сёги, были высоко оценены тремя выдающимися полководцами Японии – Нобунага, Хидэёси и Иэясу. В начале XVII века, когда последний из них стал военным правителем Японии – сегуном (кстати, в словах «сёгун» и «сёги» первые иероглифы одинаковы и означают «генерал»), он создал специальное учреждение сёгидокоро (комитет по сёги) для оказания правительственной поддержки развитию сёги, в том числе и финансовой. Был введен титул «мэйдзин» (великий мастер) и система «иэмото», суть которой была в передаче мастерства по наследству внутри семьи, т.е. сёги становились потомственным занятием – создавались династии по этой профессии [13].

Сегодня на трубочистов нигде не учат. Опыт передается по наследству. Есть даже целые династии представителей этой профессии. До революции трубочистными мастерами работали и женщины. Профессия водителя вместе с самим транспортным средством, выкупленным в собственность, в мальтийских семьях передается по наследству. В некоторых странах и в определенных социальных слоях профессия грабителей могил очень часто передается по наследству на протяжении многих поколений.

По социологическим канонам профессия – исключительно достигаемый статус, которым овладевают благодаря личным стараниям и умениям. Но это касается классового общества, а не кастового. Такой статус отличается тем, что является объектом свободного выбора. Однако институт профессионального наследования заставляет думать, что профессия может быть также и предписанным статусом, который индивид не волен выбирать. От других предписанных статусов профессию отличает культурная вариативность. Если король – предписанный статус у всех народов и во все времена, то профессия в одних обществах и в одни исторические эпохи является достигаемым статусом, а в другие – предписанным.

[1] Ирландское общество (www.mi.ru).

Профессиональные и трудовые династии

Передача профессии по наследству сформировала особый социокультурный феномен – профессиональные и трудовые династии. В строгом смысле профессиональной династией считается только такая межпоколенческая преемственность, когда все родственники принадлежат к одному роду деятельности.

Трудовой династией считается ситуация, когда на одном предприятии или учреждении работают целыми семьями: отец и сын, муж и жена, братья, сестры и др. При этом все они могут трудиться по самым разным профессиям. История ОАО «Дальэнерго» насчитывает 16 трудовых династий энергетиков. Это семьи, которые из поколения в поколение работают на станциях и предприятиях Приморской энергосистемы. Общий трудовой стаж всех династий ОАО «Дальэнерго» насчитывает более 2360 лет. Около 30% студентов Московского автомобильно-дорожного колледжа им. А.А. Николаева – представители профессиональных династий. Многие из них получали образование в этих стенах – приводят сюда своих детей и внуков. Образование профессиональных династий ученых началось в России уже в конце XVШ в., когда в Петербургском университете и Царскосельском лицее среди студентов появилось значительное количество детей профессоров и преподавателей. Ученые установили, что полноценная интеллигенция и элита формируется лишь в профессиональных династиях через 4–5 поколений.

В советское время было принято одобрять и публично восхвалять преемственность рабочей профессии в поколениях, династии сталеваров, ткачих, доярок. Казанский государственный казенный пороховой завод (КГКПЗ) гордится своими старейшими династиями, общий стаж работы на заводе которых насчитывает от 200 до 700 лет. Это трудовые династии Ураскузиных – 701 год, Новиковых – Цигенько – 538 лет, Колпаковых – 660 лет, Гржимайло – 458 лет, Моисеевых – 423 года. По результатам социологического опроса – их около ста пятидесяти. Они все славятся своими трудовыми и общественными делами. Многие из представителей трудовых династий все силу и теплоту своей души вложили в развитие завода и его коллектива. Все представители трудовых династий – отличники производства, профессионалы своего дела, общественники. Их всех объединяет не только общественные связи, но и то, что все они, «заводчане», принадлежат к когорте рабочих людей легендарного порохового завода (http://expo.cps-rt.ru). В полиграфии много профессиональных династий. От родителей к детям передаются любовь к профессии, знание и опыт. Потомственные кадры есть среди лесников, пожарных, военных, полиграфистом, актеров, режиссеров, библиотекарей, железнодорожников, аптекарей и – даже среди воров.

Семейственность способствует закреплению кадров на предприятии, повышает степень ответственности родственной системы, дисциплинирует молодежь, помогает обучать профессии и передавать ценности профессиональной культуры из поколения в поколение. Когда отмечают высокий профессионализм того или иного рабочего, добавляют – потомственный слесарь, потомственный механик, электрик и т.д. В широком смысле оба термина употребляются как синонимы.

Мастерство создания скани в русском искусстве имеет тысячелетнюю традицию. В послереволюционные годы многие профессиональные навыки, включая и искусство создания узорных изделий из витой металлической нити, были за ненадобностью забыты и не передавались молодым поколениям мастеров, в связи с чем старинную технологию надо было осваивать заново. Новый этап истории производства скани в Красном Селе начался в 1934 г., и именно с его развитием было связано возрождение и дальнейший подъем промысла после трудных 1920-х гг., когда он был на грани вымирания. Поскольку большинство мастеров в артелях и промколхозах в окрестностях Красного Села были потомственными ювелирами, происходившими из известных до революции профессиональных династий Чулковых, Грустливых, Шестерниных, Уткиных, Смирновых, Сорокиных и других, уже через один-два года красносельские подстаканники, портсигары, пряжки и кулоны, выполненные в технике ажурной скани из меди и латуни, отличались довольно высоким уровнем технического исполнения.

Благодаря кастовой системе в Индии сложилась традиция профессиональных династий. К высшей касте принадлежали брахманы, куда входили служители культа и высшая интеллигенция. Другая высшая каста – кшатрии, выходцы из нее – воины, управляющие и цари. Низшими варнами издревле считались вайшью (торговцы, ремесленники, служащие, торгующие своими способностями, – актеры, лекари и др.) и шудры (бедные ремесленники, земледельцы и просто неимущие). В нынешнем индийском обществе существуют фамилии, которые переводятся как ткач, рикша, аптекарь, староста и др., имея, по всей видимости, то же значение, как и в русском народе происхождение Кузнецовых, Ткачевых или Рыбаковых. Вполне понятно, что подобная династийность и уровень состоятельности людей из различных каст, определяющие степень их участия в политической жизни общества, являются в большинстве своем продуктом многовековых процессов. Из представителей элитарных семей и слоев высших каст происходит большинство индийских политиков и глав крупных финансово-промышленных групп. Прекрасные земледельцы, искусные мастера по изготовлению предметов старины и прочие творцы являются хранителями многовековых семейных секретов ремесла, передаваемых вместе с традиционным трудолюбием. Есть в Индии династии известных бизнесменов, юристов и ученых. В древности определение склонностей и талантов ребенка было в руках учителей – брахманов. Выяснялось, чем занимались его родители, а также кем он мог быть в прошлой жизни. После этого давались, как это можно назвать, жизненные предписания. К примеру, для шудр – начальная стадия, называемая камой, т.е. получать наслаждение от еды, питья и сна. Более высокая степень – вайшью – нужно стремиться к накоплению средств, что, впрочем, естественно для торговцев. Кшатрии должны жить согласно дхарме – они наделялись властью и ответственностью. Для брахманов смысл жизни был в освобождении – мокша. Выходило так, что бедняк из варны шудра вряд ли когда-нибудь мог накопить состояние или заняться торговлей. Естественно, из семей потомственных военных выходили искусные полководцы. Со временем принадлежность к касте стала передаваться по наследству, и большинство индийцев уже с юных лет видели определенную программу своей будущей жизни [14].

Профессионально-трудовые династии формируются обычно в двух ситуациях: 1) там, где невелик рынок труда и устроиться, как только на предлагаемое родственниками рабочее место некуда; и 2) в самых элитарных сферах занятости, где конкуренция со стороны чужих претендентов очень большая, но глава клана стремится обеспечить «теплые места» своим детям. Так, почти на каждой железнодорожной станции необъятной России есть профессиональные династии. Это и понятно, поскольку на небольших полустанках трудоустроиться больше некуда. Так, из поколения в поколение люди пе-

редают свое трудовое место как эстафетную палочку. Вместе с тем в нашей стране известны профессиональные династии известных режиссеров, артистов, писателей, ученых.

Институт профессионально-трудовых династий приветствует и поддерживается государством во всех странах и во все исторические эпохи. Во многих странах проводятся специальные конкурсы и отмечаются памятные даты, посвященные им. Во многих регионах страны до сих пор проводятся вечера трудовой славы «От всей души», посвященные шахтерской или инженерной профессии. 26 марта 2003 г. Кабинет Министров Чувашской Республики законодательно учредил проведение праздничных мероприятий, связанных с профессиональными и трудовыми династиями. На сегодняшний день в Чувашии насчитывается 874 трудовые династии, и почти половина из них живет в столице республики. В селах Чувашии издают книги о трудовых династиях «Праздник родословной» – под таким названием в ГУП Чувашии «Красноармейский издательский дом» вышла новая книга (www.fin.org.ua). В 2003 г. появилась книга А. Шантурова «Иркутские врачебные династии» – первое издание, посвященное профессиональным династиям города. В конкурсе трудовых династий Первоуральского новотрубного завода победила семья с общим трудовым стажем 902 года. Конкурс проводился в преддверии празднования в 2004 году 70-летия предприятия. На конкурс были представлены семейные альбомы 12 трудовых династий завода. Торжественные встречи трудовых династий проходят на промышленных предприятиях Нижнего Новгорода. Широкую известность получили трудовая династия ОАО «ГАЗ» – Роженковых, династия сормовичей – Мельниковых, династия на Горьковском авиационном заводе «Сокол» – Сушовых, династия на заводе «Теплообменник» – Орловых, династия на заводе им. Фрунзе – Бурениных, династия на Горьковском машиностроительном заводе – Кошелевых.

Италия славится едва ли не самыми прочными семейными традициями во всей Европе. Но нынешние ребята уже не стремятся идти по стопам родителей, а выбирают свой путь. Прервать «профессиональные династии» готовы 62% современных итальянских подростков. Дети хотят жить лучше, чем их папы и мамы, а это предполагает в большинстве случаев выбор другой профессии. Меньшинство, так уж и быть, согласны повторить карьеру родителей, но это в основном отпрыски банкиров, преуспевающих предпринимателей, известных артистов, высокопоставленных чиновников. Более того, в высших сферах даже стало больше выходцев из одних и тех же кланов. А вот династии сельской интеллигенции постепенно сходят на нет, да дети рабочих и крестьян хотят «идти другим путем». Такой социальной мобильности в итальянском обществе не наблюдалось никогда (http://today.viaduk.net).

Появление профессиональных династий в социологии принято связывать с зарождением и развитием так называемого трудового общества, а их крушение – с переходом к обществу досуга. Профессиональное прикрепление надо рассматривать как социального контрагента профессиональному призванию, которое подробно изучал М. Вебер в «Протестантской этике». Бог «призывает» протестанта к тому или иному делу, признавая его тем самым «богоизбранным». Ответить на призыв человек должен своим трудолюбие и профессиональным мастерством. В индуизме нет понятия призвания, но есть долг, обязанность, исполнение которых означает исполнение своей кармы. Будешь плохо работать, попадешь в низшую касту. В протестантизме плохая работа означает грех.

Литература

1. Марру А.И. История воспитания в античности (Греция). М., 1998.
2. Фихман И.Ф. Ремесло и крупное имение в византийском Египте. (По данным греческих папирусов) // Палестинский сборник. Вып. 7. М. – Л., 1962, с. 54.
3. Фихман И.Ф. Египет на рубеже двух эпох (Ремесленники и ремесленный труд в IV – середине VII в.). М., 1965.
4. Фихман И.Ф. К проблеме социального состава ремесленников в Египте IV – середины VII в.н.э. // Проблемы социально-экономической истории древнего мира. М. – Л., 1983, с. 359–360.
5. Фихман И.Ф. Ремесленники позднеримского Египта, по данным папирусов // Античное общество. Труды междунар. Конференции. М., 1967.
6. Покровский И.А. История римского права. СПб., 1999. с. 210–218.
7. Boissier G. La religion romaine d'Auguste aux Antonins. P., Hachette, 1909. vol.2. p. 240.
8. Гиро П. Частная и общественная жизнь римлян. СПб., 1995. с. 315.
9. Пигулевская Н. Византия на путях в Индию из истории торговли Византии с востоком в IV–VI вв. М., 1951.
10. Hagopian Mark N. The Phenomen of Revolution. N.Y.: Dodd, Mead and Company, 1975
11. Введенский В. Заметки по истории труда на Руси 16–17 века // Архив истории труда в России. П., 1922. Кн.3.с.51–70.
12. Михайлов Т.М. Из истории бурятского шаманизма (с древнейших времен по XVIII в.). – Новосибирск, 1980; Токарев С.А. Ранние формы религии. М., 1990.
13. Кислюк Л.У. Краткая история японских шахмат сёги (http://fishka-spb.ru).
14. Бахамов Р. Каста – и баста? // Московские новости. 2002. № 13 (79).

PROFESSIONAL ATTACHMENT AND LABOR DYNASTIES

Kravchenko A.I.
Lomonosov Moscow State University

The professional attachment of an employee to his profession is one of the ancient social practices in the system of social division of labor, designed to provide the state or a large employer with labor and cheap labor. From ancient Egypt, Greece, Rome and Byzantium through medieval Europe and Russia, it stretches to the present day, it often exists in hidden, and often explicit forms of forced labor. In the 1930s, labor mobilization often took place as a hidden form of forced labor, and even earlier serfdom served as such a mechanism. German and Soviet concentration camps in the middle of the twentieth century showed the world not only open forms of forced labor, but also extreme working conditions associated with risks to health and life. For thousands of years, the caste system has served as an effective system of attachment to a profession based on religious doctrine. Labor skills and professional skills are transferred in castes from father to son, forming the basis of gender socialization. In our country, as in most other countries, the transfer of labor skills in one profession from generation to generation leads to the emergence of a special sociological phenomenon – labor dynasties.

Keywords: professional attachment, labor dynasties, forced labor, cheap labor, division of labor, socialization.

References

1. Marru A.I. History of education in antiquity (Greece). M., 1998.
2. Fikhman I.F. Craft and large estate in Byzantine Egypt. (According to Greek papyri) // Palestine collection. Issue. 7. M.-L., 1962, p. 54.

3. Fikhman I.F. Egypt at the turn of two eras (Craftsmen and handicraft labor in the 4th – middle of the 7th centuries). M., 1965, p. 43–56.
4. Fikhman I.F. On the problem of the social composition of artisans in Egypt in the 4th – mid-7th centuries. AD // Problems of socio-economic history of the ancient world. M.-L., 1983, p. 359–360.
5. Fikhman I.F. Craftsmen of late Roman Egypt, according to papyri // Antique Society. Proceedings of the International Conferences. M., 1967.
6. Pokrovsky I.A. History of Roman law. SPb., 1999. p. 210–218.
7. Boissier G. La religion romaine d'Auguste aux Antonins. P., Hachette, 1909. vol.2. p. 240.
8. Giro P. Private and public life of the Romans. SPb., 1995. p. 315.
9. Pigulevskaya N. Byzantium on the routes to India from the history of Byzantine trade with the East in the 4th-6th centuries. M., 1951.
10. Hagopian Mark N. The Phenomen of Revolution. N.Y.: Dodd, Mead and Company, 1975
11. Vvedensky V. Notes on the history of labor in Rus' in the 16th-17th centuries // Archive of the history of labor in Russia. P., 1922. Book 3.pp.51–70.
12. Mikhailov T.M. From the history of Buryat shamanism (from ancient times to the 18th century). – Novosibirsk, 1980; Tokarev S.A. Early forms of religion. M., 1990.
13. Kislyuk L.U. A Brief History of Japanese Shogi Chess (http://fishka-spb.ru).
14. Bakhamov R. Casta – and that's it? // Moscow News. 2002. No. 13 (79).

Теория Штрауса – Хау и другие поколенческие концепции как основа для анализа феномена плагиата в студенческой среде

Васильева Валерия Алексеевна,
старший преподаватель кафедры сравнительных политических исследований, аспирант факультета социальных технологий, Северо-Западный институт управления РАНХиГС
E-mail: vavasilyeva@gmail.com

Современный мир знаний требует от высших учебных заведений не только формирования у студентов определенных навыков и знаний, но и борьбы с академическим мошенничеством. К сожалению, это явление все еще остается актуальным в университетах по всему миру и может иметь негативное влияние на качество образования и репутацию учебных заведений. Особенно остро проблема академического мошенничества встала с развитием искусственного интеллекта и запуском ChatGPT, таким образом, осмысление феномена академической нечестности студентов является важной задачей для современной науки. Одной из наиболее перспективных теоретических концепций для анализа данной проблемы является теория поколений Штрауса – Хау. Эта теория предполагает разделение людей на определенные группы в зависимости от их возраста, жизненного опыта и мировоззрения. Применение теории поколений к изучению академической нечестности позволяет проанализировать процессы, происходящие между студентами, преподавателями и другими участниками образовательного процесса, а также сформулировать рекомендации для снижения уровня мошенничества. Данная статья посвящена анализу феномена академической нечестности студентов с использованием теории Штрауса – Хау. Использование теории поколения в высших учебных заведениях позволяет более эффективно выявлять и предотвращать плагиат, понимать мотивы его совершения и помогает развивать подходы, которые помогают привить студентам чувство ответственности за свои работы и учебные достижения.

Ключевые слова: академическое мошенничество, плагиат, теория поколений, ChatGPT.

Введение

Поколенческий подход в любых отраслях социально-гуманитарного знания вполне имеет право на существование, так как есть весьма серьёзные основания для его применения. Так, в демографии поколением считается категория населения, представители которой одновременно или в пределах определённого периода переживали одни и те же демографические события. Возможно выделение поколений и по другим критериям, например, то получение образования, начало работы, выход на пенсию и проч. В социологии и культурологии к перечисленным выше критериям добавляется ещё социализация в сходных экономических и социокультурных условиях, а само поколение «растягивается» на период от момента собственного рождения до рождения своих детей. Теория поколений, созданная В. Штраусом и Н. Хау в 90-х годах XX века [29, достаточно молода и находится на стыке множества наук – психологии, социологии, экономики, истории, культурологии. Поэтому эта теория сегодня используется учеными как инструмент для решения практических задач во многих областях. Вслед за Штраусом и Хау исследователи, изучающие и использующие теорию поколений, применяют условные обозначения современных поколений X, Y и Z.

На основе теории поколений были проведены множество исследований различных аспектов мотивации, обучения и продвижения персонала [5; 12; 17; 18; 20]. Исследователи используют теорию поколений для изучения маркетинга, медицины, туризма, электронной коммерции, потребительских предпочтений [26; 1; 9; 23]. Отдельное внимание исследователи уделяют применению теории поколений в образовании, где сталкиваются представители трех, а иногда и четырех поколений [18; 21; 25]. Представителей поколения Z обучают учителя поколения Y по методикам, разработанным поколением X. При этом сама модель обучения зачастую создавалась представителями поколения, называемого бэби-бумерами. Исследования последних лет показывают наличие новых проблем в образовании, связанных с коммуникациями, взаимопониманием, взаимодействием преподавателей старших поколений (Беби-бумеров, поколения X) со студентами поколений Y и Z. Это разные способы получения информации, разные скорости и масштабы запоминания и, что особенно интересно для нашего исследования – разные ценности. Поэтому совершенно логично исследовать типологические характеристики этих поколений, чтобы сбалансировать интересы для достижения результатов обучения [14; 15; 20; 32; 31]. Такой подход важен для большей степени вовлечения подрастающего поколения в процесс приобретения знаний. Некоторые авторы изучают особенности современного поколения

для выбора наиболее эффективных методов и технологий обучения [12]. В частности, Интернет становится незаменимым помощником учителя. Особенно это касается вынужденных условий, в которых оказались университеты в условиях эпидемиологических ограничений.

Теория Штрауса – Хау и поколенческие различия

Понятие «поколение» в науке междисциплинарно и полисемантично [4]. Поколенческий подход в любых отраслях социально-гуманитарного знания вполне имеет право на существование, так как есть весьма серьёзные основания для его применения. Так, в демографии поколением считается категория населения, представители которой одновременно или в пределах определённого периода переживали одни и те же демографические события. Под демографическими событиями в данном случае понимаются такие, как рождение, вступление в брак, рождение первого ребёнка (или период рождения всех детей, а также окончание репродуктивного периода) и т.п. Возможно выделение поколений и по другим критериям, например, получение образования, начало работы, выход на пенсию и проч. В социологии и культурологии к перечисленным выше критериям добавляется ещё социализации в сходных экономических и социокультурных условиях, а само поколение «растягивается» на период от момента собственного рождения до рождения своих детей. В традиционном обществе, понятное дело, этот период был существенно короче, чем в современном, но зато тогда не было столько стремительных технологических, социальных и мировоззренческих изменений, которые происходят в наши дни. Поэтому в доиндустриальную эпоху выделение поколений по таким критериям не имело научного или практического смысла, тогда как в современном и, тем более, постсовременном обществе представители каждого следующего поколения формируются как личности уже в существенно иных условиях по сравнению с поколениями предыдущими, даже соседними.

Родоначальником теории поколений считается К. Мангейм [13], который рассматривал поколения именно большие социальные группы (если концепция тяготела к социологии, культурологии или истории) либо как категории населения (если в большей степени основой выступали экономика, статистика, демография и проч.), которые в одни и те же периоды своей жизни переживали одни и те же или как минимум схожие события и в сходных условиях. Социологическую концепцию постматериализма, включающую новый подход к исследованию ценностей и их изменений от поколения к поколению, разработал Р. Инглхарт [28]. Основная его идея заключалась в том, что в конце прошлого столетия произошёл переход от материалистических ценностей к так называемым постматериалистическим, причём это он считает одним из наиболее значимых социальных изменений на протяжении всего XX века.

Теория Штрауса – Хау, разработанная американскими учеными Уильямом Штраусом и Нилом Хау в начале 1990-х, определяет поколения как группы людей, рожденных в определенные периоды времени, которые разделяют общие взгляды и ценности. Теория разделяет поколения на «Поколение Великой Депрессии», «Поколение Воинов», «Поколение Бэби-Бумеров», «Поколение X», «Поколение Y» (также известное как миллениалы) и «Поколение Z».

Среди отечественных крупнейших учёных, проводивших социологические исследования в области поколенческой проблематики, следует отметить прежде всего Ю.А. Леваду и В.В. Радаева. Первый увидел проблему в оценке роли поколения «шестидесятников», которые, по мнению автора, подготовили основу для тех трансформаций российского общества, которые происходили в нём с конца прошлого столетия, но сами так и не смогли найти своё место в новой системе социальных отношений. Кроме того, Ю.А. Левада постоянно задавался вопросом о том, какие же ценности, нормы, установки и поведенческие практики несут с собой те поколения, которые приходят, начиная с указанного периода [10]. В.В. Радаев в рамках изучения им поколенческой проблематики в качестве её концептуального ядра называет «социальный перелом» в современной России, вызванный сменой поколений [19]. На основании оригинальной классификации поколений, построенной учёным по дифференцированным им же историческим условиям в период взросления представителей каждого из них, исследуется межпоколенческая динамика по целому ряду эмпирических индикаторов.

Также стоит упомянуть коммерческий проект (консалтинговую компанию) Е. Шамис и Е. Никонова «RuGeneration»[1], в котором команда авторов, основываясь на психосоциолингвистике изучают картину мира, модели и сценарии с точки зрения цикличности поколений.

Несмотря на множество различных авторских подходов к раскрытию теории поколений, границы этих поколений, являясь довольно условными, мало чем отличаются друг от друга. Определяя границы поколений авторы фиксируют два интервальных «события» – годы рождения и годы вступления во взрослую жизнь. Таким образом, в XX веке исследователи (Штраус и Хау, Радаев, Шамис) выделяют шесть поколений:

Родившиеся до 1938 г. – «мобилизационное» поколение

1939–1946 гг. – поколение оттепели, «шестидесятники»

1947–1964 гг. – беби-бумеры, или «поколение застоя»

1965–1980 гг. – «поколение X», «неизвестное поколение», «реформенное поколение»

1981–2000 гг. – поколение Y, «миллениалы, или, по Е. Шамис, «миллениумы»

С 2000 г. – поколение Z, «хоумлендеры»

Начиная с 2022–2023 года уже рождаются дети «поколения Альфа», или, применительно к детям в российском обществе, «Дельта» [2]. Однако, для целей нашего исследования нам интересны три поколения, которые в настоящее время вовлечены с разными статусами в образовательный процесс. Это поколения X, Y и Z.

Анализ феномена плагиата в студенческой среде

Используя теории Штрауса – Хау и другие поколенческие концепции, можно провести глубокий анализ феномена плагиата в студенческой среде, поскольку, согласно этой теории, каждое поколение обладает уникальными характеристиками. Такое исследование включает:

- Изучение мотивации студентов разных поколений к плагиату. Например, миллениалы и поколение Z могут быть более склонны к плагиату из-за повышенной конкуренции на рынке труда, осознания своей заменимости или нежелания вкладывать много времени в изучение сложных тем.
- Анализ восприятия плагиата разными поколениями. В то время как старшие поколения могут рассматривать плагиат как серьезное нарушение академиче-

[1] «RuGenerations – российская школа Теории поколений». URL: https://rugenerations.su/

ской этики, младшие поколения могут считать его менее значимым или даже неизбежным. Об уходе в прошлое однозначных нравственных ориентиров говорят многие исследователи [7]. Молодые люди значительно терпимее к нарушению норм морали отчасти потому, что считают, как в «жестоком» мире более успешны те, кто игнорирует принципы [6].

- Разработка стратегий и методов преподавания, которые учитывают поколенческие различия и способствуют снижению плагиата. Это может включать использование современных технологий для обнаружения плагиата, обучение критическому мышлению и академическому письму, а также создание условий для развития у студентов мотивации к самостоятельному изучению материала.

В контексте анализа плагиата, поколенческие различия могут объяснить, почему некоторые студенты считают плагиат допустимым, а другие – нет. Например, для поколения X и более старших поколений плагиат часто рассматривается как недопустимое нарушение академической этики, тогда как младшие поколения могут видеть его как нечто более нейтральное или даже необходимое средство для успешного обучения.

Так, студенты «поколения «X» уже были свидетелями периода значительного развития технологий, включая компьютеры и интернет. Они могут иметь более независимый подход к обучению и исследованию информации. С одной стороны, они могут быть более подготовлены к использованию источников информации и более осознанно относиться к плагиату. С другой стороны, доступ к большому количеству информации также может стать искушением для плагиата.

Поколение «миллениалов», или «Y», выросли в эру интернета и цифровых технологий. Они привыкли к мгновенному доступу к информации и социальным сетям. Однако, в научной литературе акцентируется проблема отсутствия у студентов поколения «Y» навыков критического анализа информации, преобразования ее в собственное знание, а также неумение организовать собственный образовательный процесс [8; 30]. Поколение «Y» тяготеет к новаторству и экспериментам, оно оперирует большими объёмами информации, относится к работе как к источнику удовольствия и средству самовыражения, характеризуется отсутствием желания заниматься по учебникам и стремлением получать результат немедленно. Они независимы, рациональны и жизнерадостны [27]. Это поколение часто считается более гибким и креативным, однако они также могут иметь склонность к мультизадачности и недостатку внимания к деталям. Это может повлиять на их отношение к плагиату. Некоторые студенты могут рассматривать плагиат как быстрый способ достичь результата без необходимости вложения собственного труда. Однако, благодаря доступу к обширной информации, они также могут быть осведомлены о последствиях плагиата и иметь понимание академической честности.

А студенты поколения «Z» выросли в полностью цифровой эпохе. Они взаимодействуют с технологиями практически с самого детства и имеют высокий уровень цифровой грамотности. Это поколение может быть более склонно к использованию интернет-ресурсов и онлайн-инструментов в своих работах. В отличие от предыдущего поколения, «зетам» нужны четкие инструкции, понятные условия и однозначные формы оценивания. Особенно хорошо работают схемы, визуализированная информация, проще говоря, картинки. Собственный опыт автора показал, что студенты легко обрабатывают большие объемы информации, но сделать правильные выводы и оценить результаты они могут только тогда, когда четко поставлена задача. На удивление, студенты «Z» спокойно воспринимают критику в адрес сделанных ими работ, признают, что публичный «разбор» сделанных ими заданий оказывается очень полезным, хотя и зачастую болезненным.

Исследования академического мошенничества среди студентов показывают увеличение масштабов этого явления в более поздних поколениях [11; 24]. Причин этому множество, можно выделить основные:

1. Изменение ценностей и приоритетов. Возможно, в более ранних поколениях академическая честность и этические принципы были более прочно закреплены в социокультурной среде, а с течением времени и изменением ценностей некоторые студенты могут быть склонны искать пути сокращения усилий и достижения успеха.
2. Безусловно, технологический прогресс и условия доступа к информации. К сожалению, сегодня у студентов гораздо больше возможностей для мошенничества, особенно учитывая запуск ChatGPT.
3. Конкуренция в вузе и затем на рынке труда. Современное общество ставит перед студентами высокие ожидания успеха и достижений. Конкуренция в сфере образования и трудоустройства может создавать давление на студентов, что может приводить к стремлению к незаконным практикам для достижения высоких оценок и статуса.
4. Общественное мнение, гораздо менее склонное сегодня к стигматизации обмана для достижения поставленных целей вообще и в учебе в частности.

В целом, каждое поколение имеет свои особенности, которые могут влиять на восприятие плагиата в студенческой среде. Однако важно отметить, что не все студенты из одного поколения будут иметь одинаковое отношение к плагиату. Множество факторов, таких как культурные и социальные влияния, образовательные стандарты и индивидуальные ценности, мотивация также могут играть роль в формировании отношения студентов к плагиату.

При исследовании причин межпоколенческих изменений ученые приходят к выводу, что основной фактор, влияющий на различные аспекты социализации людей, вступающих в фазу зрелости – это бурное развитие информационных технологий во всех сферах жизни. Особенно ярко это прослеживается в поколениях «X», «Y» и «Z» Учеными признается основная проблема студентов нового поколения – неготовность, неумение и нежелание читать и разбирать длинные и сложные академические тексты [17]. А за отсутствием таких навыков – неумение и писать академические тексты.

В этой связи, работая сегодня в основном с поколением «Z», мы именно на этих студентах акцентируем внимание при исследовании академических девиаций. Сейчас именно для этого поколения разрабатываются изменения в образовательных стандартах, методах преподавания, подачи учебного материала, так как «цифровому» поколению, говоря их языком, «не заходят» традиционные лекции, семинары, рефераты и курсовые работы [3].

Методы снижения уровня мошенничества у поколения «Z»

Учитывая особенности поколения, для снижения уровня мошенничества в студенческой среде необходимо формирование у обучающихся навыков критического мышления, поиска нестандартных решений, умения формулировать и выражать собственные мысли, писать академические тексты, проводить исследования. К сожалению, препо-

даватели поколения «беби-бумеров» и даже «X» нередко сами неспособны продемонстрировать такие навыки и разница в ценностях, способах передачи и усвоения информации, профессиональных и общих знаний еще больше усугубляет несоответствие, непонимание и, как следствие, разрыв коммуникаций педагога и обучающегося [16].

Конкретные подходы, позволяющие, возможно, снизить уровень плагиата у студентов поколения «Z», заключаются в следующем.

1. Важно предоставить студентам четкое понимание того, что является плагиатом и какие правила следует соблюдать при использовании чужой информации. Введение специальных курсов или модулей, посвященных академической честности, может помочь студентам разобраться в этой теме. Показ примеров из реального мира, где плагиат имеет серьезные последствия, может помочь студентам осознать важность академической честности. Приведение реальных историй и случаев, связанных с плагиатом, может служить предостережением и стимулировать ответственное поведение.
2. Поощрение студентов к развитию собственных идей и творческого подхода к учебным заданиям может уменьшить их склонность к плагиату. Задания, которые стимулируют креативность и самостоятельное мышление, могут быть более привлекательными для студентов и помочь им осознать ценность собственной работы. Вместо традиционных эссе или исследовательских работ можно предложить студентам альтернативные формы заданий, которые способствуют творческому мышлению и собственной работе. Это могут быть проекты, презентации, групповые работы и другие форматы, которые стимулируют активное участие и индивидуальное выражение идей.
3. Наконец, важно установить четкую систему поощрений и наказаний в отношении плагиата. Негативные последствия, такие как снижение оценки или дисциплинарные меры, должны быть четко представлены и применяться в случае нарушения академической честности.

В дополнение к сказанному необходимо добавить, что вообще образовательный процесс сегодня требует больше интерактивности, особенно на семинарах и практических занятиях. Об этом говорят и сами студенты, называя прослушивание докладов на семинарах «устаревшей формой». А если к этой устаревшей форме семинара добавить неинтересные, годами не меняющиеся темы докладов, которые студенты делают к семинарам, чтобы получить баллы, или автоматический зачет, такая комбинация будет идеальной для различного рода мошенничества. При этом студенты уверены, что преподавателям так же скучно и баллы они проставляют, не учитывая ни качество собранного материала, ни самостоятельность студента, ни пользы от сделанной работы студентам.

И наоборот, проектные коллективы студентов, работающих над одной, ими самими выбранной (сформулированной) теме, семинары в виде дебатов, решение кейсов методом «мозгового штурма», моделирование на занятиях конференций с обсуждением докладов прямо в аудитории – это все привлекает студентов поколения «Z» к самому процессу обучения и значительно снижает саму возможность академического мошенничества.

Комбинирование этих подходов поможет студентам осознать важность академической честности, развить навыки исследования и критического мышления, а также почувствовать поддержку и стимулирование для создания собственных оригинальных работ. Обучение Поколения Z академической честности является важным шагом для формирования ответственной и этичной молодежи, которая будет продолжать уважать авторские права и вносить оригинальный вклад в свои области знаний.

Заключение

Теория Штрауса – Хау и другие поколенческие концепции предоставляют ценные инструменты для анализа феномена плагиата в студенческой среде. Исследования, проведенные на основе этих концепций, позволяют выявить причины и мотивы, по которым студенты могут прибегать к плагиату. Это может быть связано с повышенным давлением на успех, необходимостью соответствия высоким ожиданиям, недостатком времени или просто незнанием правил академической этики. Учитывая поколенческие различия, можно лучше понять причины и мотивы, стоящие за плагиатом, и разработать эффективные стратегии для его предотвращения и снижения. Однако, мы учитываем, что поколенческие особенности могут объяснить лишь часть проблемы плагиата, и необходимо рассматривать и другие факторы, такие как индивидуальные характеристики студентов, социокультурные особенности и образовательные практики. Однако, применение теории Штрауса – Хау и других поколенческих концепций может стать отправной точкой для более глубокого понимания и успешного решения проблемы плагиата в студенческой среде и разработки более эффективных стратегий предотвращения и преодоления этой проблемы в студенческой среде.

Литература

1. Архипов, А.Е. Теория поколений в маркетинговом управлении: ретроспективно-дискурсивный аспект проблематики / А.Е. Архипов, В.Д. Еськов // Современные технологии управления. – 2020. – № 3(93). – С. 15.
2. Бесчасная, А.А. Поколение «Дельта»: в поисках характеристик российского поколения настоящего-будущего / А.А. Бесчасная // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2020. – Т. 23, № 4. – С. 7–39. – DOI 10.31119/jssa.2020.23.4.1.
3. Гаркуша Н. С., Городова Ю.С. Педагогические возможности ChatGPT для развития когнитивной активности студентов // Профессиональное образование и рынок труда. 2023. Т. 11, № 1. С. 6–23. https://doi.org/10.52944/ PORT.2023.52.1.001
4. Глотов, М.Б. Поколение как категория социологии / М.Б. Глотов // Социологические исследования. – 2004. – № 10 (246). – С. 42–48.
5. Гурова, И.М. Теория поколений как инструмент анализа, формирования и развития трудового потенциала / И.М. Гурова, С.Ш. Евдокимова // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). – 2016. – Т. 7, № 3(27). – С. 150–159. – DOI 10.18184/2079–4665.2016.7.3.150.159.
6. Двадцать лет реформ глазами россиян. Аналитический доклад. (2011) М.: ИС РАН.
7. Зарубина Н.Н. Молодежь в условиях аномии: кто примет ответственность за будущее России? / Н.Н. Зарубина // Общественные науки и современность. – 2016 – № 2 – с. 52–63.
8. Короткина, И.Б. Академическая грамотность и методы глобальной научной коммуникации / И.Б. Короткина // Научный редактор и издатель. – 2017. –

Т. 2, № 1. – С. 8–13. – DOI 10.24069/2542–0267–2017–1–8–13.
9. Косенко, А.А. Теория поколений в библиотеке. В поисках взаимопонимания / А.А. Косенко // Библиотечное дело. – 2017. – № 17(299). – С. 23–27.
10. Левада Ю.А. Заметки о «проблеме поколений» // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2002. № 2. С. 9–11
11. Макарова, М.Н. Академическая этика за рубежом и в России: как предотвратить студенческие нарушения в вузах?: монография / М.Н. Макарова. – Ижевск: Удмуртский государственный университет, 2021. – 256 с. – ISBN 978–5–4312–0920–8.
12. Макарова, С.П. Методы обучения и теория поколений / С.П. Макарова, Ю.А. Гайдунко // Научная мысль. – 2017. – № 2(24). – С. 26–28.
13. Мангейм К. Проблема поколений // Мангейм К. Очерки социологии знания: Проблема поколений. Состязательность. Экономические амбиции. М.: ИНИОН РАН, 2000. С. 8–63.
14. Мирошкина, М.Р. Интерпретация теории поколений в контексте российского образования / М.Р. Мирошкина // Ярославский педагогический вестник. – 2017. – 6 с.
15. Мунина, О.В. Перспективы применения социальных технологий в профессиональной подготовке специалиста по работе с молодежью через призму теории поколений / О.В. Мунина // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. – 2019. – Т. 13, № 5. – С. 83–87.
16. Мунина, О.В. Теория поколений: риски и перспективы применения в образовательном процессе / О.В. Мунина, З.В. Соколова // Актуальные проблемы социально-гуманитарных наук и образования: сущность, концепции, перспективы: Материалы VII Международной научной конференции, Саратов, 15 апреля 2019 года. – Саратов: Издательство «Саратовский источник», 2019. – С. 382–388.
17. Радаев В.В. Как побудить студентов к чтению сложных текстов: опыт использования цифровых технологий // Высшее образование в России. 2022. Т. 31. № 7. С. 113–122. doi: 10.31992/0869–3617–2022–31–7–113–122
18. Радаев, В.В. Кризис в современном преподавании: что именно пошло не так? / В.В. Радаев // Социологические исследования. – 2022. – № 6. – С. 114–124. – DOI 10.31857/S013216250019853–1.
19. Радаев В.В. Миллениалы: Как меняется российское общество М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2019.- 224с.
20. Саркисян, Р. СДО Moodle как идеальная среда для обучения студентов поколения Z (на примере электронного курса русского языка, разработанного для студентов АГЭУ) / Р. Саркисян // Вестник Армянского государственного экономического университета. – 2022. – № 1. – С. 177–195. – DOI 10.52174/1829–0280_2022.1–177.
21. Федоров, А. А. «Конвенция поколений» в новом мире образования / А.А. Федоров, Е.Ю. Илалтдинова, С.В. Фролова // Высшее образование в России. – 2018. – Т. 27, № 7. – С. 28–38. – DOI 10.31992/0869–3617–2018–27–7–28–38.
22. Шамис Е.М. Теория поколений: необыкновенный Икс / Е. Шамис, Е. Никонов. – 2-е изд., стер. – М.: Ун-т «Синергия»: Шк. бизнеса, 2017. – 138 с.
23. Шамис Е.М., Никонов Е., В семье не без Миллениума. Что делать поколению (1985 2002 г.р.), которое меняет мир. Издательский дом университета «Синергия», 2019.
24. Шмелева, Е.Д. Академическое мошенничество студентов: учебная мотивация vs образовательная среда / Е.Д. Шмелева, Т.В. Семенова // Вопросы образования. – 2019. – № 3. – С. 101–129. – DOI 10.17323/1814–9545–2019–3–101–129.
25. Юдина, Н.В. Образование взрослых на протяжении жизни и теория поколений / Н.В. Юдина // Научный результат. Серия: Социология и управление. – 2016. – Т. 2, № 1. – С. 83–89. – DOI 10.18413/2408–9338–2016–2–1–83–89.
26. Bento, M., Martinez, L.M., Martinez, L.M.: Brand engagement and search for brands on social media: comparing generations X and Y in Portugal. J. Retail. Consum. Serv. 43, 234–241 (2018). https://doi.org/10.1016/j.jretconser.2018.04.003
27. Blyznyuk, T. Generational values of generation Y: Survey of ukrainian senoir school pupils and students / T. Blyznyuk // Economics & Sociology. – 2017. – Vol. 10, No. 3. – P. 153–166. – DOI 10.14254/2071–789X.2017/10–3/11.
28. Inglehart R. The Silent Revolution: Changing Values and Political Styles Among Western Publics. 1997. Princeton: Princeton University Press.
29. Strauss W., Howe N. Generations: The History of America›s Future, 1584 to 2069. Morrow, 1991.
30. Vasileva, V.A. Use of e-resources by unmotivated students: a success story from a library in Russia / V.A. Vasileva, V.S. Vasilyeva // Information and Learning Science. – 2019. – Vol. 120, No. 11–12. – P. 773–788. – DOI 10.1108/ILS-06–2019–0056.
31. Weiler A. Information-Seeking Behavior in Generation Y Students: Motivation, Critical Thinking, and Learning Theory // The Journal of Academic Librarianship, Volume 31, Issue 1, 2005, P. 46–53, https://doi.org/10.1016/j.acalib.2004.09.009.
32. Zayko, T., Vinichenko, V. Generational Theory: An Overview of the Research Conducted. In: Manakov, A., Edigarian, A. (eds) International Scientific Siberian Transport Forum TransSiberia – 2021. TransSiberia 2021. Lecture Notes in Networks and Systems. – 2022. – V.403. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978–3–030–96383–5_88

THE STRAUSS-HOWE THEORY AND OTHER GENERATIONAL CONCEPTS AS A BASIS FOR ANALYZING THE PHENOMENON OF PLAGIARISM AMONG STUDENTS

Vasilyeva V.A.
North-West Institute of Management, RANEPA

The modern world demands from higher education institutions not only the formation of exceptional skills and knowledge among students, but also the fight against academic fraud. Unfortunately, this phenomenon is still relevant in society around the world and can negatively affect the quality of education and the reputation of educational institutions. The problem of academic fraud became especially acute with the advent of potentially artificial intelligence and the launch of ChatGPT, so understanding the phenomenon of academic dishonesty is extremely important for modern science. One of the most promising theoretical concepts for analyzing this problem is the Theory of Generations Strauss-Hau. This is the theory of dividing people into groups depending on their age, lifestyle and worldview. The application of developmental theory to the study of academic dishonesty makes it possible to identify processes, improve them among students, teachers and distinguish between the identification of the educational process, as well as formulate recommendations for reducing the level of violations. This article is devoted to the analysis of the phenomenon of academic dishonesty of students using the Strauss-Hau theory. The use of generational theory in higher education allows greater freedom in detecting and preventing plagiarism, understanding the motivation behind its

excellence, and developing approaches that help instill in students a sense of their work and academic achievement.

Keywords: Academic dishonesty, plagiarism, The Theory of Generations, ChatGPT.

References

1. Arkhipov, A.E. Архипов, A.E. The theory of generations in marketing management: a retrospective-discursive aspect of the problem / A.E. Arkhipov, V.D. Eskov // Modern management technologies. – 2020. – № 3(93). – C. 15.
2. Beschasnaya, A.A. Generation "Delta": in search of characteristics of the Russian generation of the present-future / A.A. Beschasnaya // Journal of Sociology and Social Anthropology. – 2020. – T. 23, № 4. – C. 7–39. – DOI 10.31119/jssa.2020.23.4.1.
3. Garkusha N. S., Gorodova Yu.S. Pedagogical opportunities of ChatGPT for the development of cognitive activity of students // Vocational education and labor market. 2023. T. 11, № 1. C. 6–23. https://doi.org/10.52944/ PORT.2023.52.1.001
4. Glotov, M.B. Generation as a category of sociology / M.B. Glotov // Sociological research. – 2004. – № 10 (246). – C. 42–48.
5. Gurova, I.M. Theory of generations as a tool for analysis, formation and development of labor potential / I.M. Gurova, S. Sh. Evdokimova // WORLD (Modernization. Innovations. Development). – 2016. – T. 7, № 3(27). – C. 150–159. – DOI 10.18184/2079–4665.2016.7.3.150.159.
6. Twenty years of reforms through the eyes of Russians. Analytical report. (2011) M.: ИС РАН.
7. Zarubina N.N. Youth in conditions of anomie: who will take responsibility for the future of Russia? / N.N. Zarubina // Social sciences and modernity. – 2016 – № 2 – c. 52–63.
8. Korotkina, I.B. Academic literacy and methods of global scientific communication / I.B. Korotkina // Scientific editor and publisher. – 2017. – T. 2, № 1. – C. 8–13. – DOI 10.24069/2542–0267–2017–1–8–13.
9. Kosenko, A.A. The theory of generations in the library. In search of mutual understanding / A.A. Kosenko // Library business. – 2017. – № 17(299). – C. 23–27.
10. Levada Yu.A. Notes on the "problem of generations" // Monitoring of public opinion: economic and social changes. 2002. № 2. C. 9–11
11. Makarova, M.N. Academic ethics abroad and in Russia: how to prevent student violations in universities?: monograph / M.N. Makarova. – Izhevsk: Udmurt State University, 2021. – 256 c. – ISBN 978–5–4312–0920–8.
12. Makarova, S.P. Teaching methods and the theory of generations / S.P. Makarova, Yu.A. Gaidunko // Scientific Thought. – 2017. – № 2(24). – C. 26–28.
13. Mannheim K. The problem of generations // Mannheim K. Essays on the sociology of knowledge: The problem of generations. Competitiveness. economic ambitions. Moscow: INION RAN, 2000. C. 8–63.
14. Miroshkina, M.R. Interpretation of the theory of generations in the context of Russian education / M.R. Miroshkin // Yaroslavl Pedagogical Bulletin. – 2017. – 6 c.
15. Munina, O.V. Prospects for the use of social technologies in the professional training of a specialist in working with youth through the prism of the theory of generations / O.V. Munina // Actual problems of the humanities and socio-economic sciences. – 2019. – T. 13, № 5. – C. 83–87.
16. Munina, O.V. Theory of generations: risks and prospects of application in the educational process / O.V. Munina, Z.V. Sokolova // Actual problems of social sciences and humanities and education: essence, concepts, prospects: Proceedings of the VII International Scientific Conference, Saratov, April 15, 2019. – Saratov: Publishing house "Saratov source", 2019. – C. 382–388.
17. Radaev V.V. How to encourage students to read complex texts: the experience of using digital technologies // Higher Education in Russia. 2022. T. 31. № 7. C. 113–122. doi: 10.31992/0869–3617–2022–31–7–113–122
18. Radaev, V.V. Crisis in modern teaching: what exactly went wrong? / V.V. Radaev // Sociological research. – 2022. – № 6. – C. 114–124. – DOI 10.31857/S013216250019853–1.
19. Radaev V.V. Millennials: How Russian Society is Changing M.: HSE Publishing House, 2019.-224c.
20. Sargsyan, R. LMS Moodle as an ideal environment for teaching students of generation Z (on the example of an electronic Russian language course developed for ASUE students) / R. Sargsyan // Bulletin of the Armenian State University of Economics. – 2022. – № 1. – C. 177–195. – DOI 10.52174/1829–0280_2022.1–177.
21. Fedorov, A. A. "The Convention of Generations" in the new world of education / A.A. Fedorov, E. Yu. Ilaltdinova, S.V. Frolova // Higher education in Russia. – 2018. – T. 27, № 7. – C. 28–38. – DOI 10.31992/0869–3617–2018–27–7–28–38.
22. Shamis E.M. Theory of Generations: Extraordinary X / E. Shamis, E. Nikonov. – 2d ed., ster. – M .: Un-t "Synergy": School of business, 2017. – 138 c.
23. Shamis E.M., Nikonov E., In a family not without a Millennium. What to do for the generation (born 1985–2002) that is changing the world. University Publishing House «Synergy»», 2019.
24. Shmeleva, E.D. Academic fraud of students: educational motivation vs educational environment / E.D. Shmeleva, T.V. Semenova // Educational Issues. – 2019. – № 3. – C. 101–129. – DOI 10.17323/1814–9545–2019–3–101–129.
25. Yudina, N.V. Adult education throughout life and the theory of generations / N.V. Yudina // Scientific result. Series: Sociology and Management. – 2016. – T. 2, № 1. – C. 83–89. – DOI 10.18413/2408–9338–2016–2–1–83–89.
26. Bento, M., Martinez, L.M., Martinez, L.M.: Brand engagement and search for brands on social media: comparing generations X and Y in Portugal. J. Retail. Consum. Serv. 43, 234–241 (2018). https://doi.org/10.1016/j.jretconser.2018.04.003
27. Blyznyuk, T. Generational values of generation Y: Survey of ukrainian senoir school pupils and students / T. Blyznyuk // Economics & Sociology. – 2017. – Vol. 10, No. 3. – P. 153–166. – DOI 10.14254/2071–789X.2017/10–3/11.
28. Inglehart R. The Silent Revolution: Changing Values and Political Styles Among Western Publics. 1997. Princeton: Princeton University Press.
29. Strauss W., Howe N. Generations: The History of America›s Future, 1584 to 2069. Morrow, 1991.
30. Vasileva, V.A. Use of e-resources by unmotivated students: a success story from a library in Russia / V.A. Vasileva, V.S. Vasilyeva // Information and Learning Science. – 2019. – Vol. 120, No. 11–12. – P. 773–788. – DOI 10.1108/ILS-06–2019–0056.
31. Weiler A. Information-Seeking Behavior in Generation Y Students: Motivation, Critical Thinking, and Learning Theory // The Journal of Academic Librarianship, Volume 31, Issue 1, 2005, P. 46–53, https://doi.org/10.1016/j.acalib.2004.09.009.
32. Zayko, T., Vinichenko, V. Generational Theory: An Overview of the Research Conducted. In: Manakov, A., Edigarian, A. (eds) International Scientific Siberian Transport Forum TransSiberia – 2021. TransSiberia 2021. Lecture Notes in Networks and Systems. – 2022. – V.403. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978–3–030–96383–5_88

Социокультурные аспекты адаптации иностранных студентов к обучению и проживанию в России

Гридина Вера Валерьевна,
кандидат педагогических наук, доцент кафедры философии и социально-гуманитарных наук Самарского государственного технического университета
E-mail: samavera@mail.ru

Актуальность данной статьи обусловлена укреплением международных связей в сфере образования, популяризацией российского высшего образования за рубежом и созданием единого рынка труда.
В статье рассматриваются основные проблемы социокультурной адаптации иностранных студентов, получающих высшее образование в нашей стране. На результатах конкретного социологического исследования, проведенного в вузах г. Самара, выявлены и проанализированы основные сложности (чувство одиночества, финансовые трудности, проблемы со знанием языка, незнание российских законов, сложности в общении со сверстниками, в поисках работы и оформлении документов, климатические и бытовые условия), с которыми приходится сталкиваться иностранным студентам в процессе обучения и проживания в России, рассмотрена важность национальных традиций в повседневной жизни молодежи. В статье предложены способы решения проблем социокультурной адаптации и возможные форматы международных студенческих мероприятий.

Ключевые слова: студенческая молодежь, национальные традиции, иностранные студенты, социокультурная адаптация, межнациональные отношения.

Проблема адаптации человека к изменяющимся условиям является одной из центральных в современном обществе. С каждым годом растет число студентов, приезжающих в Россию из ближнего и дальнего зарубежья, чтобы получить высшее образование в вузах нашей страны и стать высококвалифицированными специалистами. Иностранные студенты приезжают в Россию, чтобы получить престижное образование, подготовиться к защите диссертации и переподготовке по выбранной специальности. Возможность получить образование в вузах других стран важна не только с точки зрения индивидуальной социальной мобильности. В наше время все стремительней развиваются и крепнут межгосударственные связи в образовательной среде, что является залогом плодотворного сотрудничества государств и общественных институтов. Успешное прохождение обучения зависит не только от качественной подачи учебного материала, но и от социокультурной адаптации студентов в российских вузах.

Процесс адаптации различные авторы рассматривают как процесс активного приспособления человека к новой среде жизни с помощью различных средств. Он требует большого внимания и контроля, так как данные проблемы связаны с налаживанием социальных контактов представителей разных народов, преодолением языкового барьера, самореализации и интеграции в новом социуме, развитием межкультурного общения и взаимодействием между нациями [1;2; 3; 4]. Сущность социально-культурной адаптации со стороны государства, учебного заведения, сверстников заключается в том, что нужно помочь иностранным студентам сохранять и поддерживать привычный для них образ жизни, не опровергая существующие уклады общества, показать им свою культуру, помочь в ее принятии. Чтобы лучше адаптироваться в новой стране проживания, иностранному студенту следует знать некоторые особенности менталитета и традиций принимающей страны.

На территории нашего многонационального государства проживает свыше 190 различных этнических групп. Культура и традиции принимающей страны оказывают огромное влияние на образ жизни людей, проживающих на ее территории. При этом важной социально-политической и отчасти социокультурной проблемой является насаждение «принудительной» самоидентификации посредством отнесения индивида к одной из этнических общностей. В.В. Степанов, один из специалистов с области национальных отношений в отечественной социологической науке, отмечает: «В современной России уже нет «паспортного» разделения граждан на национальности, но статистики и управленцы пока еще с трудом переваривают тот факт, что люди живут не народами, а семьями и взаимодействуют не «между национальностями», а в сложной социальной среде» [5, С. 95–96]. Важно своевременно выявлять и решать те проблемы, которые испытывают иностранные студенты ближнего и дальнего зарубежья в процессе социокультурной адаптации.

В связи с этим, в нескольких самарских вузах было проведено социологическое исследование, результаты которого были направлены на выявление наиболее

сложных проблем в адаптации, степени значимости национальных традиций в повседневной жизни иностранных студентов и разработку рекомендаций по внедрению эффективных форм и видов международных студенческих мероприятий.

В выборку вошли как студенты, недавно приехавшие в страну (менее 3 месяцев назад) и проходящие сложный период социально-культурной адаптации, так и те, кто уже сумел адаптироваться к новым условиям проживания (проживающие в нашей стране более года или постоянно).

Приезжая в другую страну, иностранный студент попадает из предсказуемой, понятной ему среды в ситуацию неопределенности и появления новых трудностей, связанных с образовательным процессом на чужом языке. Результаты исследования показывают, что почти половина студентов дальнего зарубежья высоко оценивают свой уровень владения русским языком, 24% отмечают незначительные трудности в изучении языка. При этом, большинство опрошенных отмечают, что стали изучать язык уже в России, после заселения в общежитие или в процессе обучения. В связи с этим, у первокурсников возникают определенные сложности в восприятии содержания дисциплин на чужом для них языке и взаимодействии со сверстниками и преподавателями. Безусловно, важными факторами в адаптации является университет в целом и преподаватели в частности, которые должны помогать иностранным студентам. Однако, как показывают результаты исследования, лишь 16% студентов получают такую помощь от деканатов и 6% от преподавателей. Наибольшую же поддержку в процессе адаптации к жизни в России иностранным студентам оказывают русские студенты (27%), родственники (23,5%), с которыми они стараются поддерживать связь и земляки (21%).

Первый год пребывания вдали от Родины всегда является наиболее сложным в адаптации, с чем согласны более трети респондентов, отметившие, что в первый год они испытывали чувство одиночества и хотели вернуться домой. Самыми распространенными трудностями, связанными с проживанием и обучением в Самаре, иностранные студенты назвали удалённость от Родины, семьи, друзей (48%) [Таблица 1]. Еще 34% опрошенных регулярно сталкиваются с финансовыми трудностями (большие расходы, цены на еду, медобслуживание, прочие услуги), 32% респондентов отмечают сложности в оформлении документов (визы, временная регистрация). Серьезные финансовые сложности в настоящее время возникают в связи с экономическими санкциями, когда родители не имеют возможности переводить материальные средства студентам на обучение и проживание. Молодые люди пытаются самостоятельно трудоустроиться, чтобы заработать на жизнь, однако отечественные работодатели с большой неохотой берут иностранцев на работу. Причины тому самые разные: языковой барьер, низкая зарплата, неквалифицированный труд, к которому молодые люди оказываются не готовы, отсутствие опыта работы и т.д. Еще одна сложность, которую называют иностранные студенты – климат, который опрошенные, особенно из восточных стран, считают достаточно суровым – у 20% респондентов возникают трудности с адаптацией к погодным условиям. Более половины опрошенных респондентов сталкивались со стереотипами и предрассудками во взаимодействии со сверстниками, находясь в России, и отметили, что это вызывает определенные сложности в общении и обучении.

Среди незначительных трудностей у респондентов – сложности в общении с русскими студентами – 10% и бытовые проблемы (непривычная еда, неудовлетворительные условия проживания) – 6%.

Таблица 1. С какими трудностями, связанными с проживанием и обучением в Самаре, Вы сталкиваетесь наиболее часто? (можно выбрать любое количество вариантов ответа)

	проценты
Удалённость от Родины, семьи, друзей	48,1
Финансовые трудности (большие расходы, цены на еду, медобслуживание, прочие услуги)	34,6
Сложности в оформлении документов: визы, временная регистрация	32,1
Сложно найти работу/подработку	23,5
Непривычный климат	19,8
Языковой барьер (плохое/недостаточное знание русского языка)	14,8
Негативное отношение (недоброжелательность, агрессия, проблемы в общении с местным населением)	13,6
Другая культура, традиции, менталитет	13,6
Разница в уровне образования, трудно даётся обучение	12,3
Сложности в общении с русскими студентами	9,9
Бытовые проблемы (непривычная еда, неудовлетворительные условия проживания)	6,2
Незнание законов (нет взаимопонимания с полицией и другими органами власти)	11,1

Следующий блок вопросов был посвящен актуальности национальных традиций и обычаев в повседневной жизни студентов.

Результаты опроса показывают, что 66% иностранных студентов уверены, что знакомы с национальными традициями и обычаями своего народа. Большинство опрошенных определяют национальную культуру по трем показателям: культуре (69%), языку, традициям (66%). Язык играет существенную роль в формировании этнической общности, народа и нации. Среди представителей малых этнических групп, более 74% респондентов общаются в семье на своем национальном языке, еще 25% опрошенных общаются в семье на языке принимающей страны. Это говорит о том, что семьи иностранных студентов стараются сохранять свои национальные языки даже под воздействием процессов миграции.

Примечательно, что такой показатель, как территория, для студентов практически не играет никакой роли. Отсутствие привязки к конкретному месту, с которым бы молодые люди связывали бы свою национальность, на наш взгляд, связано с процессами мировой глобализации и интеграции.

Более 70% иностранных респондентов отмечают необходимость сохранения исторического прошлого своего народа. При этом, более 80% респондентов считают, что это помогает лучше понять свою культуру, 67% считают, что это помогает сохранить преемственность поколений. Таким образом, большинство студентов осознают важность приобретения знаний о культуре своего народа. Как свидетельствуют результаты опроса, иностранных студентов с традициями своего народа в большей степени знакомят родители (80% респондентов). Подавляющая часть студентов в качестве основного источника информации о культуре выбирает семью, и только потом школу/университет, интернет и др. Подавляющая

часть опрошенных (72% иностранных респондентов) уверены, что смогли бы самостоятельно передать знания о национальных традициях своим детям. А считают ли иностранные студенты важными знания о культурных традициях и истории принимающей их страны? К сожалению, более трети (40%) опрошенных иностранных студентов считают, что для комфортного проживания в России нужно знать лишь наиболее важные исторические факты и культурные традиции принимающей страны. Это может свидетельствовать о недостаточно четком позиционировании высших образовательных учреждений РФ в мировом образовательном пространстве как образовательного института, выросшего на национальных культурных традициях и готовящих кадры, в первую очередь, для удовлетворения нужд и потребностей российского общества. Кроме того, в вузах должна проводиться работа с привлечением не только преподавателей, но российских студентов по популяризации российского национально-культурного и исторического наследия среди иностранных студентов. Безусловно, цифры, полученные в проведенном исследовании, заставляют задуматься и о состоянии исторического сознания и культурной идентичности всего российского общества.

Как отметили 58% иностранных студентов, у них не возникает сложностей с пониманием культурных традиций России. Эта часть респондентов интересуется обычаями и традициями России. Чтобы понять, какие формы взаимодействия студентов из разных стран были бы более эффективными, респондентам были заданы соответствующие вопросы. Более 40% респондентов выразили свой интерес к различным международным творческим мероприятиям (литературно-поэтический, музыкально-танцевальный, кулинарный вечер и т.п.). Подобные мероприятия способствуют формированию благоприятной среды для международного культурного обмена и снижению национальной напряженности среди молодежи. Во время проведения таких мероприятий студенты могут найти новых друзей, поделиться особенностями своей культуры и традиций. Кроме того, это может способствовать привлечению иностранных студентов в российские вузы, у РФ открывается возможность выхода на образовательные рынки других стран, популяризации и экспорта российского высшего образования за рубежом, создание единого рынка труда, что является важным моментом для трудоустройства будущих выпускников и тем самым для мотивации их выбора.

Высокий интерес среди студентов вызвали городские экскурсионные программы с включением этнографических мастер-классов, информацией о национальных традициях и обычаях (32% иностранных студентов). Подобные экскурсии студенты предпочли бы проводить в форме квестов, в которых принимали бы участие как русские, так и иностранные студенты.

Готовность иностранных студентов к подготовке мероприятий с участием русских студентов отметили 65% опрошенных иностранцев.

Результаты исследования показывают, что студенты, как иностранные, так российские, в целом открыты к взаимообогащению и коммуникации с представителями других народов и культур[4].

Для более успешного решения проблем, связанных с адаптацией иностранных граждан во время обучения в России, можно рекомендовать уделять больше внимания вопросу дидактической адаптации студентов. Важны совместные мероприятия, беседы с русскими студентами, преподавателями, поскольку находясь в кругу сверстников, проще выучить язык, понять культурную составляющую принимающей страны, а продуманные беседы-консультации с преподавателями помогают снять некоторые затруднения по вхождению в социокультурную среду. Сегодня в сети существует огромное количество сайтов и приложений для общения между представителями разных национальностей, которые помогают познакомиться с культурой и менталитетом граждан любой страны. На базе вуза и при студенческих общежитиях можно создавать специальные интернациональные клубы или курсы, где иностранцы смогут общаться с русскими студентами, узнавать о российской культуре.

В целях более успешного вхождения в другую социальную среду, деканатам и преподавателям, работающим на факультетах, нужно систематически проводить различные мероприятия, в которых принимали бы активное участие не только студенты-иностранцы, но и русские студенты. Необходимость более активной работы преподавательского состава с иностранными студентами подтверждается и результатами проведенного исследования. Таким образом, будет происходить объединение наций, обогащение каждого участника новыми знаниями о культуре различных стран. Исследование подтверждает важность и востребованность таких мероприятий.

Чтобы студенты-иностранцы понимали и принимали культуру России, необходимо искать общие ценности, сближающие их с российским студенческим и преподавательским сообществом. Именно поэтому нужно организовывать регулярные выездные экскурсии по культурным и историческим памятным местам города и региона, знакомить их с пространством города, в котором находится их университет, осуществлять походы в театры, спортивно-развлекательные центры, проводить тематические кулинарные, литературно-поэтические, музыкально-танцевальные вечера, с акцентом на национально-культурные и этнические традиции их участников.

Литература

1. Абрамян Н.Ю. Роль традиций в нравственном воспитании студенческой молодежи: социально-нормативный аспект // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2008. 2008. № 6. С. 27–31. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rol-traditsiy-v-nravstvennom-vospitanii-studencheskoy-molodezhi-sotsialno-normativnyy-aspekt/viewer (дата обращения: 21.11.2022)
2. Авдонина Д.С., Бочкарёва Ю.В., Булганина С.В. Проблемы адаптации иностранных студентов в российских вузах // Современные научные исследования и инновации. **2016. № 11 (67). С. 784–787. – URL:** https://web.snauka.ru/issues/2016/11/74033 (дата обращения: **01.12.2022).**
3. Алексеева А.Н. Национальная культура в современной социологии // Вестник современных исследований. – 2018. – № 12 (27). – С. 15–18.
4. Аникина А.В., Шиманская О.К. Национальная и гражданская идентичность студенческой молодёжи в зеркале социологии // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. Вып. 1(25). С. 118–126.
5. Бубликов В.В., Ткачев А.А. Население с множественной этничностью (национальностью) и прогноз его фиксации в ходе Всероссийской переписи населения 2021 года // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8. № 1. С. 95–107. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/naselenie-s-mnozhestvennoy-etnichnostyu-natsionalnostyu-i-prognoz-ego-fiksatsii-v-hode-vserossiyskoy-perepisi-naseleniya-2021-g/viewer (дата обращения: 01.12.2022).

6. Гусейн-заде Р.Н. Деревянченко А.А. Иностранные студенты в российских вузах // Знание. Понимание. Умение. 2021. № 1. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/inostrannye-studenty-v-rossiyskih-vuzah-1/viewer (Дата обращения: 21.11. 2022)
7. Социокультурная адаптация иностранных студентов в российских вузах: проблемы, решения, лучшие практики [Электронный ресурс]: сборник статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции (8–9 декабря 2021 г.) / Пермский государственный национальный исследовательский университет. – Электронные данные. Пермь, 2022. 90 с. – URL: http://www.psu.ru/files/docs/science/books/sborniki/Sociokulturnayaadaptaciya-inostrannyh-studentov-v-rossijskih-vuzah.pdf (дата обращения: 21.11. 2022)

SOCIOCULTURAL ASPECTS OF ADAPTATION OF FOREIGN STUDENTS TO STUDY AND LIVE IN RUSSIA

Gridina V.V.
Samara State Technical University

The relevance of this article is due to the linking of ties in the field of education, the popularization of Russian higher education abroad, the creation of a universal labor market.
The article deals with the main socio-cultural adaptation of foreign students receiving higher education in our country. On the basis of the results of a specific sociological study conducted in the universities of Samara, the main difficulties were identified and analyzed (feeling of loneliness, financial difficulties, problems with knowledge of the language, ignorance of Russian laws, difficulties in communicating with peers, in search of work and paperwork, climatic and household conditions) that foreign students have to face in the process of studying and living in Russia, the importance of national traditions in the daily life of young people is considered. The article suggests ways to solve the problems of socio-cultural adaptation and possible formats for international student events.

Keywords: students, national traditions, foreign students, sociocultural adaptation, interethnic relations

References

1. Abramyan N. Yu. The role of traditions in the moral education of student youth: a social and normative aspect // Proceedings of the Volgograd State Pedagogical University. 2008. 2008. № 6. pp. 27–31. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rol-traditsiy-v-nravstvennom-vospitanii-studencheskoy-molodezhi-sotsialno-normativnyy-aspekt/viewer (Date of access: 11/21/2022)
2. Avdonina D.S., Bochkareva Yu.V., Bulganina S.V. Problems of adaptation of foreign students in Russian universities // Modern scientific research and innovation. 2016. No. 11 (67). pp. 784–787. – URL: https://web.snauka.ru/issues/2016/11/74033 (date of access: 12/01/2022).
3. Alekseeva A.N. National culture in modern sociology // Bulletin of modern research. – 2018. – No. 12 (27). – P. 15–18.
4. Anikina A.V., Shimanskaya O.K. National and civil identity of student youth in the mirror of sociology // Bulletin of the Perm University. Philosophy. Psychology. Sociology. 2016. Issue. 1(25). pp. 118–126.
5. Bublikov V.V., Tkachev A.A. Population with multiple ethnicity (nationality) and the forecast of its recording during the 2021 All-Russian population census // Scientific result. Sociology and management. 2022. V. 8. No. 1. S. 95–107. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/naselenie-s-mnozhestvennoy-etnichnostyu-natsionalnostyu-i-prognoz-ego-fiksatsii-v-hode-vserossiyskoy-perepisi-naseleniya-2021-g/viewer (date accessed: 01.12.2022).
6. Huseyn-zade R.N. Derevyanchenko A.A. Foreign students in Russian universities // Knowledge. Understanding. Skill. 2021. № 1. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/inostrannye-studenty-v-rossiyskih-vuzah-1/viewer (Date of access: 21.11.2022)
7. Sociocultural adaptation of foreign students in Russian universities: problems, solutions, best practices [Electronic resource]: a collection of articles based on the materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference (December 8–9, 2021) / Perm State National Research University. – Electronic data. Perm, 2022. 90 p. – URL: http://www.psu.ru/files/docs/science/books/sborniki/Sociokulturnayaadaptaciya-inostrannyh-studentov-v-rossijskih-vuzah.pdf (accessed 21.11.2022)

Цифровизация как фактор социокультурных изменений в России

Дмитриева Татьяна Викторовна,
аспирант кафедры философии Государственного университета просвещения
E-mail: tanusha_ber@mail.ru

В статье рассматривается цифровизация как процесс распространения цифровых технологий на все сферы общественной жизни посредством переноса в цифровую среду функций и видов деятельности, ранее выполнявшихся человеком, и как социокультурный феномен современности, детерминированный потребностями социума в повышении эффективности своей деятельности на основе научно-технического прогресса. Он затрагивает все сферы общественной жизни и выступает существенным фактором деформаций в духовной сфере российского общества через создание новых смыслов и виртуальных ценностей в искусственно созданной цифровой среде, меняет сознание и образ жизни человека, все более заменяя объективную реальность виртуальной. Изменения коснулись практически всех сфер жизнедеятельности человека, но в разной степени: экономики, производства, бизнеса, государственного управления, социальной, политической и духовной сфер.

Ключевые слова: цифровизация, социокультурные изменения, цифровая трансформация, цифровые технологии, социокультурный феномен.

Цифровизация, в первом приближении, может рассматриваться как процесс распространения цифровых технологий на все сферы общественной жизни посредством переноса в цифровую среду функций и видов деятельности, ранее выполнявшихся человеком.

Цифровые технологии окружают современного человека со всех сторон: в каждом современном доме, учреждении, на предприятиях, заводах, в школах, университетах, больницах. Исследователи считают, что процесс цифровизации будет развиваться в геометрической прогрессии ежегодно. Изменения в жизни общества позволяют представить охват современного мира процессом цифровизации. Рассмотрим, как он затрагивает важнейшие сферы российского общества, влечет социокультурные изменения и формирует новый тип общественных отношений.

Основной сферой цифровизации в России выступает экономика. В экономическом развитии социума традиционно выделяют аграрный, индустриальный, постиндустриальный этапы. Сегодня мы вправе говорить о четвертом – цифровом. В цифровой экономике ключевым фактором производства являются данные в цифровом виде, обработка больших объемов и использование результатов анализа которых позволяют повысить эффективность производства, технологий, оборудования, хранения, продажи, доставки товаров и услуг [1]. В качестве её характерных черт можно отметить отказ от посредников, экономия средств и новая схема взаимодействия – вместо экономики спроса на первый план выдвигается «экономика предложения», которая предполагает «наращивание производительных сил и сферы услуг, повсеместное укрепление инфраструктурной сети, освоение передовых технологий, создание новых, современных индустриальных мощностей и целых отраслей» [2].

Высокая конкуренция в бизнесе делает его одной из наиболее перспективных сфер в цифровом развитии. Проведенные исследования показывают, что основными направлениями цифровизация бизнеса выступают онлайн-услуги, торговля через интернет, электронные платежи, краутфандинг, электронный документооборот, интернет-реклама [3], оказывающие существенное влияние на социальную сферу. Цифровизация в бизнес-сфере способствует технологическому сдвигу, перемещению предприятий на электронные платформы вследствие оптимизации, повышению точности и эффективности работы. Выделяются следующие стадии такого перехода: компьютеризация, автоматизация, цифровизация, как оптимизация процессов с целью их приспособления к условиям цифровой экономики, и цифровая трансформация. Естественным следствием процесса цифровизации экономики и бизнеса является сокращение рабочих мест. Но данный процесс имеет и обратную сторону – возможность совершенствовать структуру занятости, повысить экономическую активность граждан, предоставить людям возможность получить новую специальность, в том числе сфере информационных технологий, чтобы они могли полноценно реализовывать себя в растущих, перспективных секторах.

Цифровая трансформация активно сказывается на сельском хозяйстве страны. На российских полях увеличивается количество роботов и беспилотных аппаратов, созданных для сельского хозяйства. По итогам

2022 года Россия устойчиво занимает ведущие места в мире по производству зерновых (пшеница – 13%, ячменя – 16%) [2]. Цифровые технологии позволяют увеличить объём производства продуктов, используя меньше ресурсов и отведенных площадей. Инвесторы прогнозируют рост производительности сельского хозяйства до 70% к 2050 году [4]. То есть, обеспечивается компенсация естественного процесса урбанизации, когда при устойчивой тенденции уменьшения численности сельского населения возрастает производительность его труда.

Цифровая трансформация топливно-энергетического комплекса предприятий, включающего электроэнергетику, нефтегазовый комплекс и угольную промышленность, является востребованным и материально затратным направлением [5]. Для нашей страны успешная цифровизация энергетической отрасли является важнейшей задачей, поскольку ее результативная и бесперебойная работа выступает залогом благосостояния населения, доступности цифровых технологий, повышения общей культуры населения, как, впрочем, и 100 лет назад

Одной из отраслей, адаптированных к условиям цифровой трансформации, стала транспортно-логистическая отрасль, которая отличается мобильностью и простотой оснащения. Её главными стимулами являются развитие технологий в транспортном машиностроении, использование электромобилей. Цифровые решения уже вышли за рамки информационно-коммуникационных технологий и «помогают создать новые бизнес-модели, типы операций, маркетплейсы и услуги, которые могут стать новыми источниками дохода» [6]. В России идет активная цифровизация транспортной отрасли, результатами которой станут: внедрение Единого проездного билета в субъектах России; интеграция транспортных услуг на принципах мультимодальности; увеличения средней скорости движения через оптимальное распределение транспортных потоков, что влечет расширение доступности и освоения российских территорий. Предусмотрена интеграция «цифровых двойников» региональных дорог, систем автоматизированного управления пассажирским транспортом и городских систем в единую систему. То есть, цифровизация транспортной отрасли ведет к улучшению качества жизни населения.

Основные мероприятия по цифровизации государственного управления обеспечивают ускоренное внедрение цифровых технологий в экономику и социальную сферу, государственное управление и оказание государственных услуг, в том числе «в интересах населения и субъектов предпринимательства, обеспечивают качественное улучшение показателей, отражающих рост национальной экономики и социальной сферы» [7]. На сегодняшний день Российская Федерация проходит переходный период от электронного правительства, где при оценке результативности государственного управления особое внимание уделялось адаптации государственных услуг к потребностям отдельных граждан или групп к формированию цифрового правительства, где особое внимание уделяется вопросам открытости, прозрачности, качества управления и взаимодействия, вопросам доверия органам власти. Цифровая трансформация государственного управления способна вывести граждан на новый уровень взаимодействия с государственными органами, росту степени их участия в решении назревших проблем (например, «Добродел» в Московской области).

Под цифровизацией социальной сферы понимаются процессы, позволяющие оптимизировать процедуры обмена информацией, принятия решений, входа и выхода из услуги. Граждане могут получать адресную социальную помощь через единый портал социальной поддержки без посещения чиновников, сократив количество бумажных справок для получения услуг [8]. Однако возрастает риск ошибки при обработке данных о человеке, что в итоге может серьёзно отразиться на его судьбе. К 2030 году качественной связью и доступом в интернет будут обеспечены все населённые пункты страны, где проживает от 100 до 500 человек [2].

Цифровизация в образовании предполагает создание единой образовательной системы, удобной для обучающихся, педагогов, родителей и управленцев, позволяющей использовать современные технологии и оптимизировать затраты сил на изучение и преподавание материала. Цифровизация – один из способов сделать образование одинаково доступным и качественным для всех. В цифровом пространстве проще и быстрее сформировать персонализированный подход к обучающимся, легче внедрить дифференцированные стратегии, учитывающие потребности каждого. Однако есть противоречие между декларируемыми целями и реальными возможностями, слабой мотивацией и низкой ответственностью обучающихся за получение необходимых знаний, навыков и умений [9]. От эффективности и функциональности образовательной системы зависит качество человеческого потенциала, его способность противостоять природным и социальным вызовам.

Пандемия коронавируса показала значимость цифровизации здравоохранения, необходимой врачам для получения достоверной и оперативной информации, постановки диагноза, снижения врачебных ошибок и специалистам в сфере управления. Одними из её приоритетных направлений являются: создание единой медицинской базы для всех медицинских учреждений; введение электронных медицинских карт пациента; предоставление врачам возможности использования современных информационных технологии; перевод части медицинских услуг в дистанционный формат. Услуги в сфере здравоохранения являются самыми востребованными среди государственных электронных услуг по численности пользователей, что подтверждает тезис о естественной потребности граждан в совершенствовании эффективности своей деятельности.

Развитие цифровых технологий выступает одним из факторов расширения возможностей для повышения эффективности научной деятельности. Главной задачей цифровизации науки является создание научной инфраструктуры, благодаря которой ученые смогут более оперативно получать необходимую информацию и обмениваться данными с коллегами по всему миру. Но цифровая трансформация науки имеет амбивалентный характер [10], поскольку значительно повышает скорость производства знаний, прежде всего, за счет облегчения доступа ученых к накопленному научному наследию и расширения возможностей творческой деятельности; необратимо меняет правила и нормы функционирования научных сообществ, методы государственной политики в области науки; повсеместным становится использование цифровых кодов ученых и продуктов их деятельности, а сам ученый превращается в объект нового вида массового производства. И здесь неизбежно поднимается вопрос о социальном запросе на IT-специалиста, владеющего цифровыми технологиями для обработки поступающей информации, или же на научного исследователя, способного к кропотливому творческому поиску истины.

Цифровые технологии активно преобразуют и сферу культуры. Цифровая культурная трансформация представляет собой «разноуровневый процесс преобразования представлений об объектах культуры, культурном

наследии и процессов в сфере культуры, возникающих во время их представления с помощью новых информационных технологий» [11]. Основными направлениями цифровизации культурной сферы является распространение и потребление культурных ценностей. Более 85% музеев столичных регионов признают необходимость цифровой трансформации, из них лишь 20% активно внедряют эти технологии. Для успешного развития сферы культуры важно создать единую базу данных объектов культурного наследия, что является одним из приоритетных направлений цифровизации. Но более важно заниматься пропагандой достижений отечественной истории и культуры, чтобы молодые россияне знали, гордились и стремились стать их достойными продолжателями и наследниками. В то же время цифровизация выступает существенным фактором деформаций в духовной сфере российского общества посредством создание новых смыслов и виртуальных ценностей в новой искусственно созданной информационной среде, все более подменяя объективную реальность виртуальной.

В политической сфере успешно реализуются цифровые проекты: прямая линия с Президентом России (с 2001), дистанционное электронное голосование на выборах различного уровня (с 2019), электронное голосование по поправкам в Конституцию Российской Федерации (2020), видеоконференции глав государств и правительств, особенно в период пандемии и др. Вместе с тем, на политическую систему России оказывается мощное давление с активным задействованием цифровых технологий. После начала специальной военной операции ряд стран Запада объявил о введении санкций против России, включающих ограничения на поставки высокотехнологичной продукции, в том числе цифровой, и временное прекращение деятельности на российском рынке множества иностранных компаний, что ставит под угрозу планы достижения национальной цели цифровой трансформации до 2030 года. Посредством цифровых технологий коллективный Запад стремится манипулировать общественным сознанием россиян.

Естественно, что возможности цифровизации должны использоваться для продвижения идеологической, правовой и моральной основ российской политики. Создание отечественной информационно-коммуникационной цифровой платформы, объединяющей усилия всех заинтересованных субъектов по производству и продвижению патриотического контента, консолидации государства и общества на основе общности истории и культуры, единого понимания смысла дня сегодняшнего и видения завтрашнего – то есть, на конструктивной идеологии развития страны, представляется необходимым и даже запоздавшим. Обязательным здесь выступает идеологическая определенность, высокая технологичность, своевременность производимой и продвигаемой продукции.

Таким образом, цифровизация медленно, но верно приходит в жизнь россиян. Имеются препятствия на ее пути, однако, есть предпосылки и условия для успешного внедрения. В современной политической ситуации грамотное применение цифровых технологий, разработка собственного программного обеспечения и соответствующих продуктов позволит обеспечить безопасность России и высокий уровень жизни населения.

Использование метода социально-философского анализа [12] позволяет сделать вывод о цифровизации как социокультурном феномене современности, детерминированном потребностями социума в повышении эффективности своей деятельности на основе научно-технического прогресса, затрагивающим все сферы общественной жизни и выступающим существенным фактором деформаций в духовной сфере российского общества через создание новых смыслов и виртуальных ценностей в искусственно созданной цифровой среде, меняющим сознание и образ жизни человека, все более заменяя объективную реальность виртуальной.

Литература

1. Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы». – URL: /http://kremlin.ru/acts/bank/41919 (дата обращения: 19.10.2022).
2. Пленарное заседание Петербургского международного экономического форума. – URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/71445 (дата обращения: 17.06.2023).
3. Кто двигает интернет вещей в России. – URL: https://iotmegafon.vedomosti.ru/ (дата обращения: 29.11.2022).
4. Сельское хозяйство идет по цифровой целине. – URL: https: //www.comnews.ru/content/209426/2020–10–07/2020-w41/selskoe-khozyaystvo-idet-cifrovoy-celine?utm_source=facebook&utm medium=general&utm_campaign= general (дата обращения: 12.03.2021).
5. Указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации до 2024 года». П. 11. – URL: https://msr.mosreg.ru/deyatelnost/nacionalnyi-proekt-demografiya/normativnye-pravovye-akty/04–03–2019–15–52–22-ukaz-prezidenta-rossiyskoy-federatsii-ot-7-maya-20 (дата обращения: 05.03.2023).
6. Цифровизация транспорта в российских регионах. – URL: https:// www.cnews.ru/news/top/2020–10–26_tsifrovizatsiya_transporta (дата обращения: 21.02.2022).
7. Паспорт национального проекта «Цифровая экономика Российской Федерации». – URL: http://www.prisp.ru/images/pdf/nacproekt_cifr_economik.pdf (дата обращения: 12.05.2021).
8. Число учетных записей на портале гос. услуги достигло 135 млн человек. – URL: https://tass.ru/ekonomika/11564097 (дата обращения: 04.12.2022).
9. В 2020 году более 60% школьников не воспринимали новый формат всерьез, прогуливая онлайн-занятия / 7 основных проблем современного дистанционного обучения. – URL: https://disshelp.ru/blog/7-osnovnyh-problem-sovremennogo-distantsionnogo-obucheniya / (дата обращения: 12.04.2023).
10. Попова С.М. К вопросу о понятии цифровой трансформации науки деятельности. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-ponyatii-tsifrovoy-transformatsii-nauki (дата обращения: 21.03.2021).
11. Ермакова Е.А. Цифровая культура и новые формы СМИ: особенности воздействия на аудиторию. – URL: http://heritage-institute.ru/wp-content/uploads/2020/12/czifrovizacziya-kultury.pdf (дата обращения: 21.02.2023).
12. Беркут В.П. Социально-философский анализ в методологии научного познания // Вестник МГОУ. Серия «Философские науки». 2016. № 1. – М.: Изд-во МГОУ. – С. 14–24.

DIGITALIZATION AS A FACTOR OF SOCIO-CULTURAL CHANGES IN RUSSIA

Dmitrieva T.V.
State University of Education

The article considers digitalization as a process of spreading digital technologies to all spheres of public life through the transfer to the

digital environment of functions and activities previously performed by a person, and as a socio-cultural phenomenon of modernity, determined by the needs of society to increase the efficiency of its activities based on scientific and technological progress. It affects all spheres of public life and acts as a significant factor of deformations in the spiritual sphere of Russian society through the creation of new meanings and virtual values in an artificially created digital environment, changes the consciousness and lifestyle of a person, increasingly replacing the objective reality with virtual reality. The changes affected almost all spheres of human activity, but to varying degrees: economy, industry, business, public administration, social, political and spiritual spheres.

Keywords: digitalization, socio-cultural changes, digital transformation, digital technologies, socio-cultural phenomenon.

References

1. Decree of the President of the Russian Federation No. 203 dated 09.05.2017 “On the Strategy for the development of the Information Society in the Russian Federation for 2017–2030”. – URL: http://kremlin.ru/acts/bank/41919 (accessed: 19.10.2022).
2. Plenary session of the St. Petersburg International Economic Forum. – URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/71445 (accessed: 17.06.2023).
3. Who moves the Internet of Things in Russia. – URL: https://iot-megafon.vedomosti.ru / (accessed: 29.11.2022).
4. Agriculture is on the digital virgin land. – URL: https: //www.comnews.ru/content/209426/2020–10–07/2020-w41/selskoe-khozyaystvo-idet-cifrovoy-celine?utm_source=facebook&utmmedi-um=general&utm_campaign= general (accessed: 12.03.21).
5. Decree of the President of the Russian Federation dated 07.05.2018 No. 204 “On national goals and strategic objectives of the development of the Russian Federation until 2024”. item11. – URL: https://msr.mosreg.ru/deyatelnost/nacionalnyi-proekt-demografiya/normativnye-pravovye-akty/04–03–2019–15–52–22-ukaz-prezidenta-rossiyskoy-federatsii-ot-7-maya-20 (accessed: 05.03.23).
6. Digitalization of transport in Russian regions. – URL: https://www.cnews.ru/news/top/2020–10–26_tsifrovizatsiya_transporta (accessed: 21.02.2022).
7. Passport of the national project “Digital economy of the Russian Federation”. – URL: http://www.prisp.ru/images/pdf/nacproekt_cifr_economik.pdf (accessed: 12.05.2021).
8. The number of accounts on the State Services portal has reached 135 million people. – URL: https://tass.ru/ekonomika/11564097 (accessed: 04.12.2022).
9. In 2020, more than 60% of schoolchildren did not take the new format seriously, skipping online classes / 7 main problems of modern distance learning. – URL: https://disshelp.ru/blog/7-osnovnyh-problem-sovremennogo-distantsionnogo-obucheniya / (accessed: 12.04.2023).
10. Popova S.M. On the question of the concept of digital transformation of the science of activity. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-ponyatii-tsifrovoy-transformatsii-nauki (accessed: 21.03.2021).
11. Ermakova E.A. Digital culture and new forms of mass media: peculiarities of impact on the audience. – URL: http://heritage-institute.ru/wp-content/uploads / 2020/12/czifrovizacziya-kultury.pdf (accessed: 02.21.2023).
12. Berkut V.P. Socio-philosophical analysis in the methodology of scientific knowledge // Bulletin of the Moscow State University. The series “Philosophical Sciences”. 2016. No. 1. – Moscow: Publishing House of Moscow State University. – 14–24 pp.

Изменение парадигмы общественного развития в России – от массового общества потребления к обществу социального творчества в условиях трансформации массовых коммуникаций[1]

Макаревич Эдуард Федорович,
д.с.н., профессор кафедры философии, социологии и культурологии Московского гуманитарного университета
E-mail: Edward.makarevich@mail.ru

Карпухин Олег Иванович,
д.с.н., профессор кафедры философии, социологии и культурологии Московского гуманитарного университета, главный научный сотрудник Института социологии ФНИЦ РАН
E-mail: socio@mosgu.ru

В статье рассматривается процесс трансформации массового общества потребления и соответствующего ему гражданского общества. Когда в России был взят курс на укрепление суверенитета страны, то это гражданское общество начало постепенно превращаться в общество социальных инициатив – общество социального творчества. Переход от массового общества потребления к обществу социального творчества пришелся на период становления искусственного интеллекта в образовании и медиа-коммуникациях, прежде всего в социальных сетях. Развитие искусственного интеллекта в образовательной среде и в социальных сетях порождает объемное противоречие: все более расширяющееся разделение между интеллектуалами и массами, в котором исчезает этический фактор.

Ключевые слова: массовое общество потребления, гражданское общество, общество социального творчества, медиа коммуникации, цифровые медиа, искусственный интеллект, социальные сети, геймификация сети, манипулирование массовым сознанием.

Искусственный интеллект в образовании в условиях формирования общества социального творчества

Из целого ряда понятий искусственного интеллекта к нашему случаю более подходит определение данное Бреттом Кингом. Искусственный интеллект – это прежде всего машинный интеллект, который заменяет человеческое мышление при принятии некоторых решений или при обработке данных, необходимых для анализа конкретных, определенных задач. Машинный интеллект – это алгоритмы, способные принимать эквивалентные человеческим решения в ограниченной области и, по принятым параметрам, делающие это лучше человека. Искусственный интеллект изменит характер управления, так как системы лучше, чем люди решают поставленные задачи. При этом, искусственный интеллект способен к когнитивной деятельности, он может самообучаться для решения новых задач, для обработки новой информации, выходящей за границы первоначальной программы (Кинг, 2018: 73, 130). Внедрение искусственного интеллекта в систему образования и в систему коммуникаций и общения – социальные сети, повышает возможности этих систем в формировании личности, но при этом меняет вектор воспитания личности, которая пройдя «обработку» искусственным интеллектом в меньшей степени может реализовать себя в творческой сфере.

По планам министерства просвещения РФ в 2021 году в 1% школ начал вводится в тестовом режиме новый предмет «Искусственный интеллект», а к 2024 году этот предмет будет включен в программу обучения в половине средних учебных заведений страны. Этот эксперимент проводится в соответствии с федеральным проектом «Искусственный интеллект» и включен в дорожную карту развития искусственного интеллекта в РФ, разработанную Сбербанком и Российским фондом прямых инвестиций. Следует отметить, что предмет «Искусственный интеллект» создает базовую основу для реальной практики искусственного интеллекта в учебном заведении.

Глава Сбербанка Г. Греф видит эту практику в двух аспектах: персонализация обучения в школе и развитие цифровых навыков у учащихся (Греф, 2021: Электр. Ресурс).

1. Персонализация обучения подразумевает изучение цифрового следа ребенка. Она основана на создании персональных траекторий для каждого учащегося на основе использования искусственного интеллекта. По сути, речь идет о создании так называемых «цифровых двойников» – виртуальных интерактивных копий реальных людей – школьников, студентов, которые помогают эффективно ими управлять, оптимизируя учебные и творческие операции. В основе «цифровых двойников» лежит анализ данных по каждому субъекту учебного процесса – интеллектуальные данные, уровень развития, кругозор, объем памяти, интересы, круг общения, модель поведения в учебном процессе. Получая информацию о молодом человеке, цифровые двойники

[1] Продолжение. Начало см. в № 6. 2023.

помогают делать учебный процесс более гибким и настраиваемым, повышать эффективность и устойчивость этого процесса. Для этого вполне возможно использование в том числе дополненной и виртуальной реальности (AR и VR). Это позволит моделировать практически любые ситуации. А в целом персонализация обучения усиливает эффективность учебного процесса.

2. Второй аспект практики искусственного интеллекта в учебном заведении (по Грефу) – это так называемое «навыковое обучение», то есть овладение социальными, когнитивными и эмоциональными навыками. Это предполагает переход к проектной деятельности, а потом овладение цифровыми навыками: конструирование продуктов, цифровой архитектуры, «общение» с искусственным интеллектом.

Этим навыкам будет учить машина, робот, они обеспечат массовое обучение. В этом сила искусственного интеллекта, который позволит обучаемому получить быстрый и свободный доступ к любым данным, к любой нужной информации, и как поводырь подведет к нужному решению. Но знание как признак избранности, как признак индивидуального таланта будет заменено практическими навыками, на которые будет исключительный спрос.

Согласно концепции Грефа, практика использования искусственного интеллекта в школе предлагается следующая: «искусственный интеллект может быть репетитором, автоматизировать оценку знаний, анализировать поведение учеников». Главным контролером образовательного процесса будет искусственный интеллект.

Здесь энтузиастов внедрения в образовательную практику искусственного интеллекта встречает сопротивление немалой части гуманитарной интеллигенции, которая ведет преподавательскую деятельность в школах и в вузах. Ее позицию лучше всего выразил, и не безосновательно, Н.С. Михалков, известный режиссер и руководитель Академии кинематографического и театрального искусства.

«Модель образования с использованием искусственного интеллекта направлена на замену живого урока, живой лекции, живого общения с учителем, с профессором – на общение с роботом, то есть с искусственным интеллектом. Это приведет к обесчеловечиванию образовательного процесса. С чем себя будет идентифицировать ученик, студент? С бездушным искусственным интеллектом?» (Михалков, 2021: Электр. ресурс).

Можно дополнить суждения Михалкова. При обучении социальным, когнитивным и эмоциональным навыкам, встает вопрос, как открыть творческие возможности обучаемых, как стимулировать у них творчество ума, как вдохновить на творческий подход в ответах на вызовы, риски и угрозы современного мира? Для этого необходимо, чтобы в этот процесс был встроен учитель, преподаватель, профессор, чтобы он, используя данные «цифрового двойника» обучаемого, работал в тесном, реальном контакте с учеником и студентом. Иначе приобретаемые ими навыки будут машинного, роботизированного свойства, неспособного стимулировать и вдохновлять творческие усилия. А в чем сила учителя, профессора? В знании, опыте, достижениях и истории своей жизни. И здесь главное то, что учитель, профессор выступает не в роли манипулятора, а в роли наставника.

Искусственный разум может помочь приобрести навыки, что выразится в знании основ предмета, основ и правил проектирования и конструирования, но искусственный интеллект вряд ли научит творческому мышлению, творческим решениям. Это передается только в контакте с учителем, с профессором: от человека к человеку. Как готовят выдающихся специалистов? Сначала отбирают способных, а потом их учат в небольших группах, в непосредственном контакте, те ученые, которые реально занимаются исследованием современных процессов в той или иной сфере науки. Выдающихся специалистов можно подготовить только «лицом к лицу», в непосредственном общении. Именно таких специалистов, ученых, инженеров, подготовленных контактно, американцы ищут по всему миру уже не одно десятилетие, для пополнения своих научных центров.

Только в союзе с учителем, профессором, ученым персонализация обучения и развитие цифровых навыков покажут свою эффективность. Исходя из этого следует признать, что в обществе социального творчества учитель, воспитатель, наставник, профессор, активисты различных инициатив и движений становятся ведущими фигурами влияниями на человека.

В среде чиновничьей, управляющей процессами цифровизации общества, есть такое мнение: образование может быть компьютерное и человеческое. Компьютерное (где персонализация обучения без учителя), значит массовое, а человеческое, значит, элитарное? Но элиту можно подготовить только очно.

Получается, что использование искусственного интеллекта в образовании по такой модели будет способствовать в определенной степени разделению общества на интеллектуалов и массы.

Здесь активизировались сторонники не фундаментального, а компетентностного образования, которое даёт инструментально-рациональные знания и навыки, исключая фундаментальные, базовые знания, ту же самую математику, физику, химию, биологию, философию, которые являются основой прикладного знания. Компетентностное образование более ориентировано на потребителей, а не на созидателей. А это ведет к господству в современном обществе инструментального знания и технократического мышления в ущерб критическому знанию. Инструментальный разум (добавим, питающийся компетентностным знанием), – по мнению Ю. Хабермаса,– «угрожает узурпировать место разума и тем самым вызвать тоталитарные последствия, например, в деятельности государственной бюрократии, которая ошибочно полагает себя центром и вершиной общества» [Хабермас, 1995: 83]. Следуя путем развития компетентностного знания, мы будем усиливать разделение между интеллектуалами и массами, в конечном счете, стимулировать социально-интеллектуальное неравенство.

Еще в 2009 г. американский социолог Н. Гардельс констатировал, что главная проблема на Западе – это основное разделение между интеллектуалами и массами. Причина этого, по его мнению, заключается в том, что Америка стала страной посттекстуальной культуры (Гардельс, 2009: 17). Это значит, что люди в своей массе перестали читать серьезные книги, ибо только чтение текста рождает мысли, питающие интеллект.

Пожалуй, действительно главная проблема современных развитых обществ – разделение между интеллектуалами и массами, культурой интеллектуалов на основе фундаментальных, критических знаний и культурой масс на основе инструментально-рационального знания. И здесь важен этический фактор разделения интеллектуалов и масс.

Влияние нейронных сетей на систему образования и массовые коммуникации

Нейронные сети – это вид искусственного интеллекта, ориентирующегося на человеческий мозг. Нейросеть является математической моделью решения сложных

интеллектуальных задач, которая строится на принципах функционирования сети головного мозга как системы, создается при поддержке компьютерных технологий обработки информации, распознавания текстов и речи, сегментирования изображений и голоса, анализа и синтеза для получения определенного интеллектуального продукта.

Студент Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ) Александр Жадан за сутки написал дипломную работу с помощью нейросети по теме «Анализ и совершенствование управления игровой компании» и защитил ее. Как рассказал студент, на создание текста, который требует работы в течение нескольких месяцев, у него ушли сутки. Конечно, не все шло гладко. К примеру, план, который составил робот, пришлось переписывать; не сразу машина «согласилась» и на написание 60 страниц текста (пришлось разбивать задание на несколько частей). Кроме того, от преподавателя не скрылось нарушение логики русского языка (чат-бот мог мыслить и, соответственно, писать только по-английски). Но в целом результатом Жадан остался доволен: оригинальность переведенного им после на русский язык текста диплома после проверки его программой «Антиплагиат» составила 82%, и он получил за нее оценку «удовлетворительно». В РГГУ, преподавателям которого в итоге стало все известно, негативно отнеслись к такой подмене; они предложили разумно ограничить использование искусственного интеллекта» (Веденеева, 2023: Электр. ресурс).

В этом случае важно то, что преподаватели предложили «разумно ограничить использование искусственного интеллекта», то есть, использование нейросетей. Разумно ограничить – это значит, разбудить мышление студента, предложить ему самостоятельно найти решение интеллектуальной задачи, используя искусственный интеллект как вспомогательный инструмент. В этом и смысл высшего образования – научить выпускников высшей школы профессионально мыслить и формулировать вопросы для искусственного интеллекта. В этом случае искусственный интеллект является проводником рационально-инструментальных знаний и решений, а человек – носителем и «проводником» критического знания. А для этого выпускник должен уметь сначала определить своим критическим умом некое «целое», внутри которого и должен происходить анализ. И этому выпускник высшей школы должен научиться в ходе учебного процесса. Но в связи с этим актуально и предложение первого заместителя председателя Комитета Госдумы по науке и высшему образованию Олега Смолина «обучить выявлению текстов нейросети, имеющуюся систему проверки уникальности текстов».

Но сегодня опасность нейросетей заключается в том, что они становятся инструментом генерирования лжи в массовых коммуникациях – телевидении, радио, интернете. Основным продуктом нейросетей становятся так называемые «дипфейки» – текстовые, фото, видео и аудиоматериалы, насыщенные «нужной» информацией, которые транслируются на соответствующую аудиторию от имени известных экспертов, ученых, ведущих теле-радио-программ, политиков, общественных деятелей, писателей и литераторов, деятелей искусства, – с их искусственным изображением и речью. Эти искусственно выращенные образы («дипфейки») создаются посредством технологий генерации контента с помощью искусственного интеллекта. При этом нейросеть способна к самообучению, к корректировки своих продуктов, в результате чего они становятся все более похожими на своих реальных прототипов. Контент, который создает искусственный интеллект, становится неотличим от авторского контента, а правду все труднее отличать ото лжи.

Продукция нейросетей положила начало новому типу пропаганды – алгоритмическому, то есть пропаганде, создаваемой искусственным интеллектом. Сначала алгоритмическая пропаганда создавалась для рекламных и развлекательных целей, для обслуживания общества потребления. Но теперь эта пропаганда становится оружием информационных войн, дезинформации и мошенничества.

Как считает один из самых авторитетных в мире китайских специалистов по искусственному интеллекту КайФу Ли, «технология AICG (генерация контента с помощью ИИ) наступает на человечество семимильными шагами, обучаясь на так называемых «больших данных», которые включают в себя множество языков, изображений, звуков, видео, 3D-изображений. Если дипфейки, сделанные на основе такого контента, будут внедрены в поисковые системы, онлайн-магазины, рекламную продукцию, мы окажемся предельно уязвимыми перед алгоритмической пропагандой» (Там же). Но ведь эта пропаганда так или иначе разрушает мировую культуру и цивилизацию.

Сегодня все больше говорят о законодательных мерах регулирования безопасности аудитории от «дипфейков». Но специалисты по искусственному интеллекту считают, что вряд ли это решит проблему, поскольку трудно выявить, кто стоит за созданием продуктов нейросетей – «дипфейков».

По сути технология создания «дипфейков» взывает к критическому мышлению граждан, которое необходимо стимулировать. К этому более всего готово общество социального творчества, где критическое знание, социальные ценности все более выходят на первый план, а рационально-инструментальные знания отступая, занимают свою нишу.

Телевидение в период перехода от массового общества потребления к обществу социального творчества

Технологическое развитие и коммерциализация телевидения в России в условиях массового общества потребления способствовали обогащению опыта и практик телепотребления россиян, а отсюда уверенному обретению себя в этом обществе. В этот период традиционные практики телепросмотра обогатились развитием многоканальности, «нелинейным» телепотреблением, дающим возможность просмотра отдельных телепрограмм по «запросу» в любое время, на любом экране, соединения телепродукции (прежде всего развлекательных и спортивных программ, художественных телесериалов) с массированной рекламой, что сплачивало общество вокруг определенных моделей потребления. Но в тоже время телевидение, традиционно предсказуемое в своем влиянии на телезрителей, начинало терять контроль над телепотреблением публики вследствие фрагментации телеаудитории по телеканалам и телепрограммам, размывания нравственных принципов в конструировании содержания телепрограмм. Вся деятельность телевидения становилась подчиненной логике товара. Поэтому начало исчезать доверие общества к телевидению, до прихода рынка эффективно выполнявшего функции социализации населения.

Но этот процесс трансформации телевидения, движимый логикой товара, был остановлен с началом 24 февраля 2022 г. специальной военной операции России на Украине. На ведущих телеканалах резко вы-

росло время, отводимое информационно-новостным и социально-политическим программам. На Первом канале (ОРТ), помимо информационно-новостных выпусков, появились ежедневные социально-политические программы «Антифейк», «Время покажет», «Мужское\Женское», «Большая игра» в форме ток-шоу, которые составили объем вещания 11 часов, что составляет около 50% суточного эфирного времени. На канале РТР, помимо информационно-новостных выпусков, появились ежедневные социально-политические программы «60 минут», «Кто против?», «Малахов», «Вечер с Владимиром Соловьевым» в форме ток-шоу, которые составили объем вещания 12 часов, что составляет 50% суточного эфирного времени. Остальное время поделено между развлекательно-музыкальными программами, телесериалами и телефильмами.

Но самое главное, что эти информационно-новостные и социально-политические программы несли новое содержание: острые темы, касающиеся безопасности и суверенитета России, специальной военной операции на Украине, денацификации и демилитаризации Украины, защиты Донецкой и Луганской народных республик, жизни в России, ситуации в европейских странах, ставших марионетками США, стратегического сотрудничества с Китаем, взаимоотношений с Индией, арабскими, латиноамериканскими и африканскими странами, нового видения мировых процессов в экономике, промышленной революции, технологиях, искусственном интеллекте, экологии Земли и океана. Эти темы становились предметом не столько пропагандистского освещения, сколько критического анализа в телевизионном эфире, для чего привлекались достойные эксперты.

В социально-политических программах были заняты лучшие репортеры и лучшие ведущие – «лидеры телевидения». В своих программах они создавали определенные информационные, публицистические или художественно-публицистические образы событий, явлений, людей. Процесс создания образов на социально-политическом телевидении породил новый жанр – шоу-публицистику, своего рода развлекательную публицистику, ток-шоу. Выступления, журналистов, экспертов, политиков в ток-шоу являли собой увлекательно-популярный стиль. Язык шоу-публициста прост, понятен, раскован, часто при этом ироничен, саркастичен, насмешлив и агрессивен по отношению к оппоненту – будь то иная точка зрения или иная оценка ситуации. И поэтому эти программы были настолько увлекательны, что их рейтинг, так важный для рекламы, был на равных, а то и выше рейтинга развлекательных программ.

Но именно эти ток-шоу и используемый там стиль общения и анализа восстановили доверие к телевидению и интенсифицировали процесс трансформации массового общества потребления в общество социального творчества. Обратимся к результатам опроса ФНИСЦ РАН, проведенного в 2020 и в 2022 гг. На вопрос, «Как на ваш взгляд, на формирование духовно-психологической атмосферы влияют сегодня такие факторы, как…», – ответы были следующие (в %) (табл. 1).

Из 11 названных в 2022 г. факторов, положительно влияющих на формирование духовно-психологической атмосферы, телевидение по значимости оказалось на 4-ем месте (19%) после факторов «доверия к президенту» (38,6%), «специальная военная операция» (22,5%), «сложившийся уровень доверия и взаимопонимания между людьми» (22,3%). Телевидение в данном случае значительно превзошло Интернет и социальные сети, в том числе и за счет того, что телевизионная аудитория пополнилась молодыми людьми, нашедшими для себя приемлемый уровень предлагаемого контента.

Таблица 1. Факторы, влияющие на формирование духовно-психологической атмосферы

Факторы	Влияют положительно		Влияют отрицательно	
	2020 г.	2022 г.	2020 г.	2022 г.
1. Состояние экономики и рынка труда	**8,3**	**7,6**	**46,1**	**51,7**
2. Пандемия коронавируса	**2,2**	**3,7**	**67,4**	**57,6**
3. Ситуация в социальной сфере (медицина, образование)	**8,9**	**9,3**	**47,4**	**44,4**
4. Международное положение России	**12,4**	**9,3**	**30,5**	**52,9**
5. Сложившийся уровень доверия и взаимопонимания между людьми	**18,7**	**22,3**	**21,6**	**21,8**
6. Уровень доверия к Президенту страны	**19,1**	**38,6**	**28,2**	**17,4**
7. Характер информирования граждан о положении дел в стране центральными каналами телевидения	**13,2**	**19,0**	**32,2**	**28,4**
8. Состояние морали и нравственности в стране	**12,5**	**19,7**	**28,8**	**25,6**
9. Интернет и социальные сети	**14,9**	**13,8**	**22,2**	**29,6**
10. Деятельность правоохранительных и судебных органов	**8,3**	**14,4**	**30,6**	**24,7**
11. Военная спецоперация России по защите ДНР и ЛНР	–	**22,5**	–	**30,3**

Социальные сети как система алгоритмов программирования поведения человека в условиях перехода от массового общества потребления к обществу социального творчества

Сегодня глобальным медиа-пространством в значительной степени управляют социальные сети: Facebook и Instagram, принадлежащий Facebook; Google и YouTube – видео-хостинг, принадлежащий Google; Twitter и Tik-Tok[1]. Социальными сетями в 2021 году пользовались 53,6% населения мира. Число пользователей сети за 2020 год увеличилось более чем на 13%. Средний пользователь в России проводит в соцсетях 2 час. 28 мин. каждый день (Вся статистика Интернета и соцсетей, 2021: Электр. ресурс).

Исследование ФНИСЦ РАН выявило приоритетные цели пользователей социальных сетей в России (табл. 2).

Исходя из данного исследования, приоритетные цели среди российских пользователей социальных сетей следующие:

1) общение с друзьями и знакомыми;

[1] Деятельность Instagram, Facebook, Twitter признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации.

2) знакомство с новостями и получение информации о текущих событиях в стране и за рубежом;

3) поиск знакомых с общими интересами;

4) знакомство с публикациями известных блогеров.

Таблица 2. Цели использования социальных сетей в России (Вопрос «Если Вы пользуетесь социальными сетями, то с какой целью это делаете?)

С какой целью пользуются социальными сетями	2020 г.	2021 г.	2022 г.
Узнают новости и получают информацию о текущих событиях в стране и за рубежом	**35,5**	–	**54,0**
Знакомятся с публикациями известных блогеров	**9,5**	–	**14,5**
Находят знакомых с общими интересами	**11,6**	–	**16,1**
Участвуют в тематических Интернет-сообществах	**5,4**	–	**9,1**
Общаются с политическими единомышленниками	**2,0**	–	**2,0**
Знакомятся с новостями кино и музыки, новыми играми, книгами и т.д.	**13,2**	–	**21,2**
Общаются с друзьями и знакомыми	**51,0**	–	**55,9**
Узнают о жизни известных и популярных людей страны	**5,2**	–	**8,5**
Обмениваются информацией о жизни своего города, поселка и т.д.	**6,0**	–	**5,5**
Участвуют в организации и проведении политических и гражданских акций	**0,5**	–	**0,6**
Для связи с коллегами по учебе, работе	**14,2**	–	**9,6**
Сегодня все общаются в соцсетях, это модно	–	–	**8,5**
Другое	**0,0**	–	**0,3**
Не являются пользователем социальных сетей	**22,8**	–	**14,9**

Социальные сети положили начало рождению различных социальных сообществ – социальных групп, где люди собираются на основе определенных интересов, переживаемых проблем, или решаемых ими задач. Благодаря соответствующим алгоритмам создаются группы по интересам, возникают деструктивные группы, например, так называемые подростковые «группы смерти», за которыми подчас стоят экстремистские организации, которые на детях и подростках отрабатывают технологии манипулирования массовым сознанием. К тем, кто впервые вошел в социальную сеть Facebook[1], следует обращение: «Присоединяйтесь к группам и начните общаться с людьми, которые разделяют ваши интересы», и далее следуют предложения таких групп. Фрагментация общества на социальные группы с помощью социальных сетей позволяет манипулировать массовым сознанием. Чем больше групп создает интеллектуальная программа, тем эффективнее, точнее осуществляется информационное воздействие на потребителей контента.

Сегодняшние программы, управляющие социальными сетями, весьма точно составляют личностные характеристики пользователей сети по их лайкам, письмам, комментариям, по их самым мелким цифровым следам в сети.

Поэтому, социальные сети, в которых преобладает фактор персонализации, как в системе образования, – это один из самых эффективных инструментов манипулирования человеком в современном мире. Искусственный интеллект как орган, управляющий процессом влияния на человека, все более точно считывает психотип личности, и управляет ее поведением лучше любой пропаганды, мотивируя на определенные поступки не только в виртуальной, но и в реальной сфере. Персонализированное управление человеком и есть особенность манипулирования группами в социальных сетях. Причем это манипулирование безымянное, ибо осуществляется программой, алгоритмы которой подводят человека к нужному состоянию.

По свидетельству бывшего аналитика компании Facebook Френсис Хауген (в Facebook в ее обязанности входил анализ данных с целью доработки алгоритма персонализации), – FB отличается сильной провоцирующей ролью. На основе полученных от Френсис Хауген документов, газета The Wall Street Journal рассказывает, как алгоритмы Facebook провоцируют разжигание агрессии и ненависти среди пользователей, как соцсеть используют в преступных целях, распространяя фейки о пандемии коронавируса и вакцинации; как Instagram вредит самооценке и психике подростков, вызывая суицидальные мысли. В одном из скопированных Хауген и опубликованных The Wall Street Journal документов отмечается, что важной аудиторией, на которую компания делает ставку, являются дети в возрасте 10–12 лет. По словам Ф. Хауген, деятельность компании разжигает ненависть, делая несчастными неуверенных в себе подростков (Спасти Facebook, 2021: Электр. ресурс).

Сила провоцирующих процессов манипулирования людьми на основе выработанных алгоритмов зависит от управляющей команды программистов, силы их интеллекта – математических знаний, таланта, умений, ценностной и этической позиций. Facebook в отличается наиболее эффективной командой, в которой ведущую роль играют двое наших соотечественников – Алексей Андреев и Петр Лапухов (последнего называют «легендой социальных сетей») (В сбое Facebook обнаружили «русский след», 2021: Электр. ресурс).

По некоторым самоощущениям, высказанным людьми этой команды, прежде всего владельцем и главой компании FB М. Цукербергом, они считают себя в некоторой степени привилегированной интеллектуальной кастой. Вот некоторые высказывания самого М. Цукерберга, попавшие в сеть.

«Если у человека есть мозги, он просто не имеет морального права работать не на себя, отдавая большую часть своего времени и результаты своих достижений своему работодателю».

«Facebook не создавался для того, чтобы быть компанией. Facebook создавался для того, чтобы выполнять социальную миссию: сделать мир более связанным и открытым».

[1] Деятельность Facebook признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации.

«Самое главное в бизнесе – сконцентрироваться на создании чего-то важного. Я просто работал над тем, чем бы мне хотелось самому заниматься».

«Человек может быть гением или обладать всеми необходимыми навыками, но, если он не верит в себя, он не будет выкладываться по полной».

«Вопрос не в том, что мы хотим знать о людях, вопрос в том, что люди сами хотят рассказать о себе».

«Белка, сдохшая у вас во дворе, может быть куда более релевантной для вас на данный момент, чем люди, умирающие в Африке».

«Чем старше я становлюсь, тем больше убеждаюсь, что обслуживание вуайеристов – лучший способ заработать».

«В мире, где социальные структуры превыше всего, виртуальное общедоступное досье – это информационная бомба». (Марк Цукерберг: цитаты, афоризмы, высказывания, 2013–2017: Электр. ресурс)

«Мы можем продолжать отстаивать свободу самовыражения, понимая, что не все будет идеально, но веря в то, что в долгосрочной перспективе и ради прогресса мы должны будем вступить в открытый диалог с идеями, которые бросают нам вызов». (Выступление Цукерберга в Джорджтаунском университете, 2021: Электр. ресурс)

Алгоритмы, разработанные этой командой интеллектуалов FB, «загоняя» подростков в соответствующие группы FB, эксплуатируя их проблемы и страхи, делают их несчастными и неуверенными в себе, разжигают у них ненависть к людям, с которыми они сталкиваются в реальной жизни. Об этом свидетельствует анализ языка этих подростков на основе переписки в сети, проведенный судебно-психиатрическим экспертом О. Бухановской: (Самоделова, 2021: Электр. ресурс).

Из отчета эксперта: «На своей странице в сети подросток писал, что его «мало интересует общение с себе подобными. Все чувства – ложь и обман. Считал, что «вокруг одни придурки» и у него «есть мысли всех перестрелять».

Из отчета эксперта: «Молодой человек называл себя богом, утверждал, что сошел на землю, чтобы исправить ошибку Вселенной, а именно избавить мир от людей, которых он называл «живностью» и «биомусором».

Из отчета эксперта: «При нападении подросток кричал: «В меня вселился бог. Я не справлюсь с собой»

Из отчета эксперта: «Своим знакомым признавался, что любит причинять окружающим боль. Парень наслаждался, если видел на их лицах страдания. … Делился, что жаждет крови. Отправляясь на бойню, на своей странице в соцсети он указал, что не считает себя экстремистом, им двигало одно: ненависть к людям. В то же время он позаботился о своем коте».

Приведенные здесь высказывания главы социальной сети, чья команда создает алгоритмы для искусственного интеллекта, манипулирующего настроениями и поведением людей, и высказывания жертв этого манипулирования – это один из случаев социально-интеллектуального разделения, где «элитные люди» манипулируют «массовыми» людьми.

Эффективность влияния на людей в персонализированном режиме зависит от взаимодействия офлайн-личности с онлайн-личностью. Онлайн-личность – это «продукт» влияния социальных сетей и цифровых технологий. Хотя социальные сети и несут некий набор угроз и рисков для человека, тем не менее они сегодня не имеют равных во влиянии на него.

Эти угрозы и риски проистекают от господства искусственного интеллекта, господства инструментально-рационального знания и технократического мышления, составляющих интеллектуальную основу социальных сетей. Среди этих рисков и угроз – введение человека в психологическую депрессию, манипулирование им, ограничение его когнитивных возможностей, разрыв его с реальной средой. Так формируется онлайн-человек, у которого зыбкое понимание истории и культуры своей страны, картина мира которого держится на ценностях массовой культуры постмодерна.

Эти угрозы и риски проистекают от господства искусственного интеллекта, составляющего интеллектуальную основу социальных сетей. Среди этих рисков и угроз – в том числе введение личности молодого человека в психологическую депрессию, манипулирование им, ограничение его когнитивных возможностей, разрыв его связей с реальной средой. Так формируется онлайн-человек, у которого зыбкое понимание истории и культуры своей страны, картина мира которого держится на ценностях массовой культуры постмодерна. Такой человек входит в противоречие с практикой общества социального творчества.

Онлайн-человек, человек в социальной сети – это не столько то, что он хочет выложить в сеть, показать, чего он хочет достичь, а то, что сделанное им должно понравиться программе. Приоритетом для такого человека является число «лайков» на его «продукт», в этом он самоутверждается. Это тот случай, когда мировоззрение человека формируется только социальными сетями, месенджерами, компьютерными играми и киноиграми (последняя нашумевшая – корейский фильм «Игра в кальмара»), но ни в личном общении с учителем, родителями, достойными друзьями из реальной жизни, не большим искусством и большой литературой. Ныне человек потребляющий и продающий себя любым способом через Интернет замещает человека думающего и созидающего, у которого две его сущности – онлайн и офлайн – находятся в гармоничном взаимодействии, что является отличительной чертой перехода от общества потребления к обществу социального творчества.

Эту ситуацию комментируют Эрик Шмидт и Джаред Коэн: «Переход от ситуации, когда личность формируется офлайн и позднее проецируется в сеть, к созданию онлайн-личности, которая затем воплощается в реальном мире, окажет огромное влияние на граждан, государства и компании» [Шмидт, Коэн, 2013: 44].

И это влияние связано с тем, что социальные сети овладели функцией автоматического мониторинга потребителей контента. Социальные сети сегодня создают большие базы персональных данных, анализ которых позволяет предсказывать поведение людей (анализ на основе методов «больших данных»), и управлять их поведением. Цифровые корпорации получают сверхприбыли от мировой торговли персональными данными. Глобальная социальная сеть Facebook с более чем 2,7 млрд пользователей является сегодня суперсетью по отбору и использованию персональных данных. Контент этой сети запрограммирован так, что сам находит своих потребителей.

Основатель социальной сети Facebook[1] М. Цукерберг, выступая на ежегодной конференции компании в октябре 2021 г., представил программу развития своей сети. Она сводится к созданию такой среды, возможности которой позволяют общаться, работать и играть на основе дополненной реальности (концепция «Метавселенной» (Metaverse). (Цукерберг рассказал о планах…, 2021: Электр. ресурс).

Дополненная реальность – это технологические изменения, происходящие в мире и изменяющие этот

[1] Деятельность Facebook признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации.

мир (внедрение искусственного интеллекта в большинство сфер жизни, использование роботов, беспилотного транспорта, развитие нанопроизводства, цифровых устройств, редактирование генома и т.д.). Дополненная реальность – это диктатура непрерывного изменения, развития, порождаемая новыми технологиями. История тоже становится частью дополненной реальности, когда новые технологии ставят ее в один ряд с современностью, когда исторические события и персонажи выступают как причины нынешних ситуаций, как опыт, пример, как фактор мотивации и вдохновения для современника. Молодой человек, не используя новые технологии, не сумеет общаться, работать, играть и конкурировать со своими сверстниками.

Новые технологии позволяют свести многие процессы к игре, подменяющей реальную жизнь. Команда FB взялась за организацию процесса геймификации в сети, в результате которого происходит превращение неигровых ситуаций в игровые, реальности – в игру, превращение, в котором молодой человек должен проявить себя – решить проблему, преодолеть препятствие, обойти конкурента, выступить с протестом, показать свое отличие от других, продемонстрировать свою способность прогнозировать, испытать азарт, занять позицию доминирования над чем-либо или над кем-либо. Такая программа – дань молодежной аудитории. Конечная цель – заставить молодого человека понять и принять, что вся его сознательная жизнь должна проходить в сети.

Если поколение беби-бумеров выступало за процветающую жизнь, поколение Х – за экономическую стабильность, то поколение, рожденное в начале 2000-х годов, выступает под слоганом, который ему дает Facebook: за непрерывные изменения во имя позитивного развития.

В 1999 г. В США вышел первый фильм из трилогии «Матрица», созданной братьями Э. и Л. Вачовски. Идея фильма в том, что наш мир является порождением компьютерной программы «Матрица». М. Цукерберг считает, что матрица, подобная киношной, уже наступает, уже в ближайшее десятилетие это наступление станет явью за счет внедрения инструментов дополненной реальности (соответствующие очки, импланты, что есть по сути «чипирование». Он говорит: «Это будет полноценный эффект присутствия – ощущение, что вы прямо там, с другим человеком или в другом месте. Тогда можно будет полноценно жить, учиться и работать где-нибудь в уютном месте с дешевой недвижимостью, и контактировать в виртуальной реальности, нивелируя любое неравенство» (Марк Цукерберг: подход к месту работы…, 2020: Электр. ресурс).

Но программа создания новой среды Цукерберга обнажает важнейшее противоречие общества: все более углубляющееся разделение между интеллектуалами и массами, где интеллектуалы – это люди, создающие искусственный интеллект, а массы – это люди, управляемые этим интеллектом, при этом, сохраняющие иллюзию, что они управляют жизнью. Так приходим к пониманию развития двух культур: культуры интеллектуалов на основе фундаментального математического знания и культуры масс, на основе прикладного инструментально-рационального знания.

Сегодня социальные сети находятся в стадии интенсивной трансформации. В процессе этой трансформации происходит активное конкурентное противоборство ведущих технологических держав за право создавать и транслировать собственный ценностный и идеологический контент, активно противостоять ценностям и смыслам своих Интернет-оппонентов в глобальном мире, где каждый из оппонентов пытается расколоть и консолидировать аудиторию на основе определенного контента, используя алгоритмы, разработанные талантами своих команд. Общество социального творчества своим созданным оригинальным контентом здесь значительно отличается от своих конкурентов.

Выводы

1. В своем развитии массовое общество трансформируется в общество потребления в таких его разновидностях как общество спектакля и общество представления.

2. Трансформация массового потребительского общества в своих разновидностях (общество потребления, спектакля, представления) ориентируется на платформу «Я» или платформу «Мы», которые корректируют мотивы поведения людей – платформа «Я» в сторону эгоцентризма, платформа «Мы» в сторону общественного вектора и кооперации интересов.

3. Состояние массового общества, ориентированного на ту или иную платформу («Я» или «Мы»), зафиксировала мировая эпидемия коронавируса COVID-19. Эффективные результаты борьбы с пандемией коронавируса в таких странах как Китай, Япония, Южная Корея свидетельствуют о преобладании модели поведения общества в этих странах на основе платформы «Мы».

4. Когда в России был взят курс на укрепление суверенитета страны, это стало началом процесса постепенной трансформации общества потребления (в таких его разновидностях как общество спектакля и общество представления) с его логикой товара во всем – в направлении становления гражданского общества в такой его разновидности как общество социального творчества на платформе «Мы». Эта трансформация стало возможной, когда государство создало такие настроения в обществе, такие нарративы, что люди откликнулись на государственный запрос, консолидируясь при этом, – об этом говорят данные социологических исследований. Практика общества социального творчества начала складываться, когда появились Общероссийский народный фронт, Агентство социальных инициатив, различные Центры научного творчества, волонтерские и добровольческие движения, ставшие несущей конструкцией общества социального творчества.

4. В своем развитии массовое общество потребления, как общество спектакля и общество представления, приходит к медиакоммуникациям, в которых ведущую роль играют цифровые медиа (интернет-медиа, социальные медиа и чат-боты).

5. Важнейшая функция цифровых медиа – манипулирование массовым сознанием, что определяет силу медиа-влияния и в целом силу интернет-культуры. Сегодня под влиянием цифровых медиа формируется онлайн–человек с извращенным геном «Я», чье мировоззрение – продукт социальных сетей, блогов, месенджеров, компьютерных игр и киноигр, а не театра и большой литературы. И он замещает человека думающего и созидающего, у которого две его сущности – офлайн и онлайн – находятся в гармоничном взаимодействии.

6. Конкурентоспособность медиа-влияния зависит как от эффективности управления большими базами данных, так и от развития национальных сетевых платформ, в чем Россия на сегодняшний день не имеет приоритетных позиций.

7. Искусственный интеллект в образовании все больше стимулирует развитие компетентностного обучения, когда знание и творчество, как признак индивидуального таланта, заменяется практическими навыками. Выдающихся специалистов можно подготовить только в непосредственном общении с учителем, «лицом к лицу».

Компетентностное образование усиливает разделение между интеллектуалами и массами, и в конечном счете, стимулирует социально-интеллектуальное неравенство.

8. Социальные сети, в которых преобладает фактор персонализации, как в системе образования с искусственным интеллектом, – один из самых эффективных инструментов манипулирования человеком в современном мире.

9. Сила провоцирующих процессов манипулирования людьми на основе выработанных алгоритмов зависит от управляющей команды сети – силы интеллекта программистов, их математических знаний, таланта, умений и ценностной позиции.

10. Программа развития социальных сетей строится на основе дополненной реальности, организующей процесс геймификации в сети, превращающий любую реальность – в игру.

11. Важнейшее противоречие современного общества: все более углубляющееся разделение между интеллектуалами и массами, где интеллектуалы создают искусственный интеллект, а массы – управляются этим интеллектом, сохраняя при этом иллюзию, что они управляют жизнью.

Литература

1. Бауман, З. Индивидуализированное общество. Пер. с англ. – М.: Логос, 2005. – 390 с.
2. Бодрийяр, Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры / Перевод с франц. – М.: Республика: Культурная революция, 2006. – 269 с.
3. В сбое Facebook обнаружили «русский след» (2021). Политнавигатор, 06.10. – URL: https://www.politnavigator.net/v-sboe-facebook-obnaruzhen-russkijj-sled.html (дата обращения: 28.11.2021).
4. Веденеева, Н. (2023). Искусственный мир победил: информация, сфабрикованная нейросетями, неотличима от правдивой. – URL: https://www.mk.ru/science/2023/02/05/iskusstvennyy-mir-pobedil-informaciya-sfabrikovannaya-neyrosetyami-neotlichima-ot-pravdivoy.html (дата обращения: 30. 04. 2023).
5. Взрослые в США тратят все больше денег на видеоигры (2019). – URL: https://3dnews.ru/987260 (дата обращения: 05.11.2020).
6. Вся статистика интернета и соцсетей на 2021 год – цифры и тренды в мире и в России (2021). – URL: https://www.web-canape.ru/business/vsya-statistika-interneta-i-socsetej-na-2021-god-cifry-i-trendy-v-mire-i-v-rossii/ (дата обращения: 30.11.2021).
7. Выступление Цукерберга в Джорджтаунском университете. Что это все-такибыло? (2021) / Роскомсвобода, 20.10. – URL: https://roskomsvoboda.org/51030/ (дата обращения: 30.11.2021).
8. Выступление Э. Шмидта на конференции Бильдербергского клуба (2019). – URL: http://www.infowars/com/google-berg-global-elite-transforms-itself-for-technocratic-revolution/ (дата обращения: 30.12.2019).
9. Гардельс, Н. США управляют своей культурой. Русский журнал. Еженедельное издание Русского института. Выпуск № 11(25), 21 апреля 2009.
10. Гегель, Г. Философия права. – М.: Мысль, 1990. – 524 с.
11. Греф назвал пять принципов современного образования (2021) / РИА «Новости», 14.01. – URL: https://ria.ru/20210114/obrazovanie-1593065352.html (дата обращения: 30.11.2021).
12. Дебор, Ги. Общество спектакля / Пер. с франц. – М.: Логос. – 224 с.
13. Ильин, И. П. (1998) Постмодернизм от истоков до конца столетия. Эволюция научного мифа. – М.: Интрада. – 229 с.
14. Коронавирус сегодня. (2020) Карта коронавируса онлайн. – URL: https://coronavirus-control.ru/coronavirus-usa/https://coronavirus-control.ru/coronavirus-usa/ (дата обращения: 02.12.2020).
15. Кинг, Бретт (2018) Эпоха дополненной реальности / Бретт Кинг, А. Лайтман, Дж.П. Рангасвами, Э. Ларк. [пер. с англ.]. – М.: Олимп-Бизнес. – 528 с.
16. Костина, А. В., Макаревич, Э. Ф., Карпухин, О. И., Луков, В. А. (2021) Культура как фактор национальной безопасности: Значение и ролевая модель. – М.: Ленанд. – 328 с.
17. Луман, Н. (2005) Реальность массмедиа / Пер. с нем. А.Ю. Антоновского. – М.: Праксис. – 256 с.
18. Макаревич, Э. Ф. (2017) Заговор профессоров. От Ленина до Брежнева. – М.: Вече. – 384 с.
19. Макаревич, Э. Ф., Карпухин, О. И. (2020) Массовые коммуникации: технологический блеск и нравственная нищета. Изд. 2-е. – М.: ЛЕНАНД. – 416 с.
20. Маркс, К., Энгельс, Ф. (1951) Манифест коммунистической партии. – М.: Госполитиздат. – 72 с.
21. Марк Цукерберг: цитаты, афоризмы, высказывания (2013–2017). – URL: https://citaty.info/man/mark-cukerberg / https://rostravel.ru/user/92710651/ (дата обращения: 30.11.2021).
22. Марк Цукерберг: «Подход к месту работы и роли молодых кардинально измениться к 2030 году» (2020) / Деловой квартал, 10.12. – URL: https://www.dk.ru/news/237144933 (дата обращения: 30.11.2021).
23. Миронова, К., Старикова, М. (2019) Школьники уважают Владимира Путина и Ивана Урганта. Исследованы сексуальные и политические предпочтения учащихся. Коммерсантъ, 30.10.2019; Лемуткина, М. (2019) Современные дети: ни секса, ни политики. МК, 31.10.2019.
24. Михалков, Н. Бесагон № 197. «Дьявол кроется в деталях», 29.10. – URL: https://besogontv.ru/videos/ (дата обращения: 30.11.2021).
25. Назаров, М. Массовая коммуникация и общество: Введение в теорию и исследования. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2014. – 360 с.
26. Роговский, Е. А. (2014) Кибер-Вашингтон: глобальные амбиции. – М.: Международные отношения. – 848 с.
27. Самоделова, С. Психологи прочли «душевный код» школьных стрелков / МК, 17.11. – URL: https://www.mk.ru/social/2021/11/17/psikhologi-prochli-dushevnyy-kod-shkolnykh-strelkov.html (дата обращения: 30.11.2021).
28. Спасти Facebook: что рассказала экс-сотрудница соцсети и чем это грозит Цукербергу / Forbes, 08.10. – URL: https://www.forbes.ru/tekhnologii/442331-spasti-facebook-cto-rasskazala-eks-sotrudnica-socseti-i-cem-eto-grozit-cukerbergu (дата обращения: 30.11.2021).
29. Уэбстер, Ф. Теории информационного общества. Пер. с англ. – М.: Аспект Пресс, 2004. – 400 с.
30. Фукуяма, Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. Перевод с англ. – М.: АСТ, 2004. – 730 с.
31. Хабермас, Ю. Демократия. Разум. Нравственность. Московские лекции и интервью. – М.: Издательский центр Academia, 1995. – 248 с.
32. Цукерберг рассказал о планах создать виртуальную реальность (2021) / Lenta.ru, 28.10. – URL: https://lenta.ru/news/2021/10/28/metaverse/ (дата обращения: 30.11.2021).

33. Шмидт, Э., Коэн, Дж. Новый цифровой мир: как технологии меняют жизнь людей, модели бизнеса и понятие государств. Перевод с англ. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. – 368 с.
34. Etling, B. et al. (2019) Public Discourse in the Russian Blogosphere: Mapping RuNet Politics and Mobilization. – URL: http://cyber.law.harvard.edu/sites/cyber.law.harvard.edu/files/Public_Discourse_in_ the Russian%20Blogosphere_2010.pdf (дата обращения: 29.12.2019).
35. Putnam, R. (1995) Tuning in, Tuning out: the Strange Disappearance of Social Capital in America // PS: Political Science and Politics, December, Vol. XXVIII, № 4.
36. Transparency vs. Anonymity: The Rules Of The OnlineWorld. (2019). – URL: http://www.bitrebels.com/social/transparency-vs-anonymity-the-rules-of-the-online-world/ (дата обращения: 31.12.2019).

CHANGING THE PARADIGM OF SOCIAL DEVELOPMENT IN RUSSIA – FROM A MASS CONSUMER SOCIETY TO A SOCIETY OF SOCIAL CREATIVITY IN THE CONTEXT OF THE TRANSFORMATION OF MASS COMMUNICATIONS

Makarevich E.F., Karpukhin O.I.
Moscow Humanitarian University

The article examines the process of transformation of mass consumer society and the corresponding civil society. When a course was taken in Russia to strengthen the sovereignty of the country, this civil society gradually began to turn into a society of social initiatives – a society of social creativity. The transition from a mass consumer society to a society of social creativity occurred during the formation of artificial intelligence in education and media communications, primarily in social networks. The development of artificial intelligence in the educational environment and in social networks generates a voluminous contradiction: an ever-widening division between intellectuals and the masses, in which the ethical factor disappears.

Keywords: mass consumer society, civil society, society of social creativity, media communications, digital media, artificial intelligence, social networks, gamification of the network, manipulation of mass consciousness.

References

1. Bauman, Z. Individualized society. Per. from English. – M.: Logos, 2005. – 390 p.
2. Baudrillard, J. Consumer society. His myths and structures / Translation from French. – M.: Republic: Cultural Revolution, 2006. – 269 p.
3. A “Russian trace” was discovered in a Facebook crash (2021). Politnavigator, 06.10. – URL: https://www.politnavigator.net/v-sboe-facebook-obnaruzhen-russkijj-sled.html (date of access: 11/28/2021).
4. Vedeneeva, N. (2023). The artificial world has won: the information fabricated by neural networks is indistinguishable from the truth. – URL: https://www.mk.ru/science/2023/02/05/iskusstvennyy-mir-pobedil-informaciya-sfabrikovannaya-neyrosetyami-neotlichima-ot-pravdivoy.html (date of access: 30.04.2023).
5. Adults in the US are spending more money on video games (2019). – URL: https://3dnews.ru/987260 (date of access: 11/05/2020).
6. All statistics of the Internet and social networks for 2021 – numbers and trends in the world and in Russia (2021). – URL: https://www.web-canape.ru/business/vsya-statistika-interneta-i-socsetej-na-2021-god-cifry-i-trendy-v-mire-i-v-rossii/ (date of access: 11/30/2021).
7. Zuckerberg’s speech at Georgetown University. What was it anyway? (2021) / Roskomsvoboda, 20.10. – URL: https://roskomsvoboda.org/51030/ (date of access: 11/30/2021).
8. Speech by E. Schmidt at the conference of the Bilderberg Club (2019). – URL: http://www.infowars/com/google-berg-global-elite-transforms-itself-for-technocratic-revolution/ (accessed 12/30/2019).
9. Gardels, N. The US controls its culture. Russian magazine. Weekly edition of the Russian Institute. Issue No. 11(25), April 21, 2009.
10. Hegel, G. Philosophy of law. – M.: Thought, 1990. – 524 p.
11. Gref named five principles of modern education (2021) / RIA Novosti, 14.01. – URL: https://ria.ru/20210114/obrazovanie-1593065352.html (date of access: 11/30/2021).
12. Debord, Guy. The Society of the Spectacle / Per. from French – M.: Logos. – 224 p.
13. Ilyin, I. P. (1998) Postmodernism from its origins to the end of the century. The evolution of scientific myth. – M.: Intrada. – 229 p.
14. Coronavirus today. (2020) Coronavirus map online. – URL: https://coronavirus-control.ru/coronavirus-usa/https://coronavirus-control.ru/coronavirus-usa/ (date of access: 12/02/2020).
15. King, Brett (2018) The Age of Augmented Reality / Brett King, A. Lightman, J.P. Rangaswami, E. Lark. [per. from English]. – M.: Olimp-Business. – 528 p.
16. Kostina, A. V., Makarevich, E. F., Karpukhin, O. I., Lukov, V. A. (2021) Culture as a factor of national security: Meaning and role model. – M.: Lenand. – 328 p.
17. Luman, N. (2005) The reality of mass media / Per. with him. A. Yu. Antonovsky. – M.: Praxis. – 256 p.
18. Makarevich, E. F. (2017) Conspiracy of professors. From Lenin to Brezhnev. – M.: Veche. – 384 p.
19. Makarevich, E. F., Karpukhin, O. I. (2020) Mass communications: technological brilliance and moral poverty. Ed. 2nd. – M.: LENAND. – 416 p.
20. Marx, K., Engels, F. (1951) Manifesto of the Communist Party. – M.: Gospolitizdat. – 72 p.
21. Mark Zuckerberg: quotes, aphorisms, sayings (2013–2017). – URL: https://citaty.info/man/mark-cukerberg / https://rostravel.ru/user/92710651/ (date of access: 11/30/2021).
22. Mark Zuckerberg: “The approach to the workplace and the role of young people will change dramatically by 2030” (2020) / Delovoy Kvartal, 10.12. – URL: https://www.dk.ru/news/237144933 (date of access: 11/30/2021).
23. Mironova, K., Starikova, M. (2019) Schoolchildren respect Vladimir Putin and Ivan Urgant. The sexual and political preferences of students were studied. Kommersant, 30.10.2019; Lemutkina, M. (2019) Modern children: no sex, no politics. MK, 31.10.2019.
24. Mikhalkov, N. Besagon No. 197. “The devil is in the details”, 29.10. – URL: https://besogontv.ru/videos/ (date of access: 11/30/2021).
25. Nazarov, M. Mass communication and society: Introduction to theory and research. – M.: Book house “LIBROKOM”, 2014. – 360 p.
26. Rogovsky, E. A. (2014) Cyber Washington: global ambitions. – M.: International relations. – 848 p.
27. Samodelova, S. Psychologists read the “soul code” of school shooters / MK, 17.11. – URL: https://www.mk.ru/social/2021/11/17/psikhologi-prochli-dushevnyy-kod-shkolnykh-strelkov.html (date of access: 11/30/2021).
28. Save Facebook: what the ex-employee of the social network said and how it threatens Zuckerberg / Forbes, 08.10. – URL: https://www.forbes.ru/tekhnologii/442331-spasti-facebook-cto-rasskazala-eks-sotrudnica-socseti-i-cem-eto-grozit-cukerbergu (date of access: 11/30/2021).
29. Webster, F. Theories of the information society. Per. from English. – M.: Aspect Press, 2004. – 400 p.
30. Fukuyama, F. Trust: social virtues and the path to prosperity. Translation from English. – M.: AST, 2004. – 730 p.
31. Habermas, J. Democracy. Intelligence. Moral. Moscow lectures and interviews. – M.: Academia Publishing Center, 1995. – 248 p.
32. Zuckerberg spoke about plans to create virtual reality (2021) / Lenta.ru, 28.10. – URL: https://lenta.ru/news/2021/10/28/metaverse/ (date of access: 11/30/2021).
33. Schmidt, E., Cohen, J. The new digital world: how technology is changing people’s lives, business models, and the concept of states. Translation from English. – M.: Mann, Ivanov and Ferber, 2013. – 368 p.

34. Etling, B. et al. (2019) Public Discourse in the Russian Blogosphere: Mapping RuNet Politics and Mobilization. – URL: http://cyber.law.harvard.edu/sites/cyber.law.harvard.edu/files/Public_Discourse_in_the Russian%20Blogosphere_2010.pdf (accessed 29.12.2019).
35. Putnam, R. (1995) Tuning in, Tuning out: the Strange Disappearance of Social Capital in America // PS: Political Science and Politics, December, Vol. XXVIII, No. 4.
36. Transparency vs. Anonymity: The Rules Of The Online World. (2019). – URL: http://www.bitrebels.com/social/transparency-vs-anonymity-the-rules-of-the-online-world/ (accessed 12/31/2019).

Социально-политические парадоксы текстов государственных гимнов

Терновая Людмила Олеговна,
доктор исторических наук, профессор кафедры социологии и управления Московского автомобильно-дорожного государственного технического университета (МАДИ)
E-mail: 89166272569@mail.ru

Багаева Алиса Валерьевна,
кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии коммуникативных систем Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
E-mail: dagny35@gmail.com

В статье раскрывается значимость государственных гимнов как исторического источника. Предоставлена картина социально-политической жизни государств, которую образно передают гимны. Эта картина не отличается однородностью. Ее мозаичный характер определен не только включением и ценностных аспектов, и геополитических. Несмотря на то, что в гимнах в передаче как одних смыслов, так и других, как правило, не используется язык иносказания, а факт доносится достаточно четко, его интерпретация может приводить к парадоксальной ситуации. Анализ таких интерпретаций, отражающих особенности социально-политической действительности, в разные периоды существования гимнов дает основание судить об изменении в обществе и трансформации характера власти.

Ключевые слова: история, источник, гимн, социум, власть.

Гимны представляют собой один из наиболее распространенных и узнаваемых музыкальных жанров. В наши дни каждое из государств-членов Организации Объединенных Наций (ООН) имеет собственный национальный гимн, как правило, со словами. Есть гимны у непризнанных и частично признанных государств, городов, регионов, политических партий, массовых движений. Гимны объединяют людей. Под звуки гимна они поднимаются, часто кладут руку на сердце, поют или застывают в почтенном молчании. Тексты национальных гимнов, выбор мелодии, время создания произведения и возведения его в ранг гимна, особенности исполнения дают весомое основание судить о национальных идеях, надеждах, картинах мира, друзьях и врагах имеющих эти гимны государств.

Ценность национального гимна как исторического источника определяется тем, что каждый гимн уникален, потому что помогает постичь те особенности истории, культуры, геополитики страны, которые выразились в этом ее символе. Символическое наполнение было присуще гимнической музыке изначально. Хотя сам термин «гимн» возник на основе древнегреческого слова «ὕμνος», означающего «хвалебную песнь», жанр этот был распространен во всех древних цивилизациях. В Древней Индии его образцом служила «Ригведа» (санскр. *ṛgveda* – веда гимнов), являющаяся собранием преимущественно религиозных гимнов, составленным в 1700–1100 гг. до н.э. [9; 10; 11]. Древнеегипетский фараон-реформатор Эхнатон был автором «Великого гимна Атону». Гаты, 17 авестийских гимнов, приписываются пророку Заратуштре. «Шицзин» («Книга песен и гимнов»), древнейший китайский литературный памятник, включающий народные песни, оды и культовые гимны, создавался в XII–V вв. до н.э. Понимая значимость гимна, Конфуций озаботился собранием их в одну книгу, чтобы навести идеальный порядок вещей, правления, обрядов и долга [16].

Исторически большинство гимнов восходили к молитве [17]. До нас дошли многочисленные древние гимны к богам [3]. Например, в Библию включена книга Псалмов, по сути, представляющих собой религиозные еврейские гимны. Греческая монахиня святая Кассия Константинопольская (около 805 –после 867), была одной из византийских женщин-писательниц, отметившихся в разных жанрах. Предпочтя монашество замужеству с императором-иконоборцем Феофилом, она основала в Константинополе монастырь, стала в нем игуменьей, а ее церковные гимны и каноны и сейчас используются в богослужении [12].

Многогранность гимнов позволяла, как видно на примере гомеровских гимнов, соединять в них священное начало и начало мирское [15]. Однако постепенно внутри жанра происходило разделение этих линий. Об этом движении можно судить по текстам дошедшего до нас сборника литературных гимнов александрийского поэта III в. до н.э. Каллимаха и орфических гимнов, исполненных в виде коротких стихотворений [1]. В качестве образца торжественной поэзии Римской империи выступает «Юбилейный гимн» поэта-лирика «золотого века» античной литературы Квинта Горация Флакка (65 до н.э. – 8 н.э.). Это произведение было создано по поручению императора Октавиана Августа специально для церемонии

празднования окончания гражданских войн и наступления эры процветания [5]. Как известно, Горацием восхищались и ему подражали Петрарка, Байрон, Пушкин и многие другие великие поэты.

В последующие периоды эти два течения – духовное и светское, которые обнаруживаются в текстах гимнов, стали переплетаться еще сильнее. Святой Франциск Ассизский (1181 или 1182–1226) пишет гимн к «брату Солнцу». В эпоху Реформации гимны превращаются в подобие агитационной литературы, как написанный Мартином Лютером в 1529 г. на основе 45 псалма (Бог нам прибежище и сила) гимн *Ein feste Burg ist unser Gott* (Бог наш – оплот), явившийся боевой песней германских протестантов. В XVII столетии в Англии отряды Оливера Кромвеля с пением гимнов шли сражаться с королевскими войсками.

После завершения в 1648 г. Тридцатилетней войны сформировалась Вестфальская система международных отношений, в основе которой лежала идея суверенитета. Со становлением национальных государств все более востребованной оказывалось закрепление такой их символики, в которой звучали бы смыслы религиозного гимна как боевой песни, но отныне они должны были отражать еще и особенности политического развития страны и власти. Неудивительно, что благодаря анализу текста и музыки гимна можно измерить соотношение «Богу – богово, а кесарю – кесарево» в национальном сознании. Более чем в восьми десятках национальных гимнов присутствует в разных вариациях упоминание Бога [2].

Имя Бога в гимне может напрямую отсылать к функции божества как хранителя. Эта традиция идет от старейшего европейского гимна, которым является гимн Соединенного Королевства, берущий начало в песне, впервые исполненной в июле 1745 г. Тогда мятежная армия католиков-шотландцев продвигалась к Лондону со словами: «Господи, даруй маршалу Уэйду Твою помощь и победу. Да стихнет бунт и, как потоком вод, будут раздавлены мятежные шотландцы. Боже, храни короля!». Песня так понравилась королю Георгу III, что он распорядился исполнять ее во время всех публичных мероприятий с его участием. Но лишь в 1825 г. эта песня стала государственным гимном, однако, без последнего куплета. В тот период текст куплета задевал уже лояльных королевской власти шотландцев. Эту трансформацию можно считать примером наиболее мягкой политической редакции текстов гимнов.

Мелодию и строку гимна Великобритании «Боже, храни короля (королеву)» (англ. *God Save the King/Queen*) в разное время использовали три десятка государств. Среди них были Австрийская империя с гимном «Боже, храни кайзера Франца» и Российская империя, которая свой первый государственный гимн «Боже, царя храни» обрела в 1833 г. [7].

В гимне Соединенного Королевства отразился процесс формирования Британской империи. Упоминаемое в тексте пространство, которое следовало охранять, расширилось. И даже после получения бывшими колониями независимости в текстах гимнов новых государств оставался основной посыл британского гимна, например, в гимнах Фиджи, Новой Зеландии, Канады, Малави, Зимбабве и других государств. В гимне Мальты есть строки: «Храни ее, Господи Боже, как ты ее всегда хранил. Помни о той, которую ты укрыл светом. Дай, Господи, мудрость тем, кто управляет, сделай милостивыми тех, кто владеет, и сильными тех, кто работает». Отголоски имперской модели обнаруживаются даже там, где уже не должно было остаться следов метрополии и ее геополитики, в частности, в гимне Южно-Африканской Республики (ЮАР) «Боже, храни Африку».

В гимнах некоторых монархий и в наши дни охранительное внимание Бога призывается по-прежнему направлять исключительно на главу государства: в Брунее – «Аллах, благослови Его Величество», в Омане – «О Аллах, защити ради нас его Величество султана». Также в текстах ряда гимнов имеются уточнения, какой помощи от Бога следует ожидать. В британском гимне призывается «сразить врагов, привести их к погибели, спутать политику их государств, обломать их подлые помыслы». Можно найти даже весьма четкие указания Богу на врагов государства: шведов в датском гимне, испанцев – нидерландском, русских – польском и итальянском. В гимне Социалистической Народной Ливийской Арабской Джамахирии при Муамаре Каддафи врагом назван был империализм: «Аллах велик! Аллах велик! Он выше агрессивных замыслов и Он лучший помощник угнетенных… Долой империалистов, Аллах превыше тиранов-предателей, восхваляй его, схвати тирана и уничтожь его!» В одном из наиболее известных национальных гимнов – «Марсельезе» (фр. *La Marseillaise*), родившейся в эпоху свержения старых культов и рождения новых, слово «бог» пишется с маленькой буквы, но в этом же тексте отражено обращение к Господу не только как исключительно почтительное, но и как полное надежд.

И все-таки в значительной части национальных гимнов Господь призывается не карать врагов, а помогать процветать своим возлюбленным чадам, подобно гимнам Албании, Сербии, Боснии и Герцеговины, Либерии. В них есть такие слова: «Ведь сам Господь сказал, что страны исчезнут с лица Земли, а Албания будет продолжать жить»; «Боже справедливый, Спаситель наш… Услышь голоса Твоих сербских детей, будь для нас помощником, как и прежде. Боже, владыка наш, направь и дай процветание Сербии и сербскому народу»; «Господь хранит тебя для новых поколений, страна моей мечты, страна моих отцов, единственная родина моя»; «Место славной свободы, по Божественному приказу устроенное». В четвертом куплете гимна «О, Канада» (англ. «*O Canada*», фр. «*Ô Canada*»), утвержденном в 1980 г. вместо гимна «Боже, храни Королеву», имеется такое обращение к Богу: «Правитель высший, слышащий самую тихую из молитв, не оставь нашу страну без Твоей любви, помоги найти в Тебе, Боже, награду тем, кто ожидает Лучшего дня».

В гимнах также выражается благодарность Господу за данную народам землю. В гимне Великого княжества Лихтенштейн с 1850 г. говорится, что «Высоко над молодым Рейном лежит Лихтенштейн, отдыхая на альпийских вершинах… выбранный для нас мудрой рукою Бога». Гимн Чили отмечает: «Величественны снегом покрытые горы, которые Господь дал тебе в качестве крепости». Венгры, исполняя национальный гимн, уверяют: «С Твоей помощью наши отцы получили дом».

С учетом того, что Бог помог народам обрести государственность, с ним же связывались надежды на установление законности. Еще в конце XIX столетия, в 1881 г. в гимне Венесуэлы «*Gloria al Bravo Pueblo*» появились слова: «Слава храброму народу, Сбросившему ярмо. Закон уважая, достоинство и честь. Цепи сбросьте! Цепи сбросьте! Призвал Господь». В гимне Исламской Республики Мавритания содержится требование к гражданам быть помощником Аллаху, уничтожать все, запрещенное Им.

Важно обращать внимание не только на упоминание имени Господа, но и на отсутствие такого обращения, причем в гимнах государств с высокой долей верующе-

го населения. Так, у прежнего гимна Афганистана оказалась очень сложная судьба: в 1992 г. он был принят, позже запрещен талибами, затем восстановлен. В нем тогда звучало обращение: «Аллах велик! Аллах велик! Аллах велик! Да будут строки Корана нашим порядком, да будет знамя веры нашей крышей». В августе 2021 г. после падения Исламской Республики Афганистан гимном государства стал Нашид Исламского Эмирата Афганистан или «Это дом храбрых», в котором имя Бога уже не упоминается.

В государственном гимне Соединенных Штатов Америки «*The Star-Spangled Banner*» (англ. «Знамя, усыпанное звездами») Бог упомянут в последнем куплете, который почти никогда не исполняется: «Славит Бога земля и хвалу воздает силе, сделавшей нас и хранящей народом. С правой кто стороны, не страшится судьбы, в битвах будет девизом нам “Богу верны”». Этот девиз почти без изменений зафиксирован на американских долларах. Но в США такое незначительное присутствие имени Бога в официальном гимне окупается наличием патриотической песни, написанной в 1918 г. Ирвином Берлином в «Боже, благослови Америку» («*God Bless America*»). Это сочинение имеет форму торжественной молитвы и считается неофициальным гимном Соединенных Штатов. Песня «Боже, благослови Америку» была включена в патриотический мюзикл «Это армия» (англ. *This Is The Army*), посмотрев который в феврале 1944 г., генерал Дуайт Эйзенхауэр настоял на том, чтобы спектакль показывали на всех фронтах Второй мировой войны, где были американские войска. Права на песню и все доходы композитор подарил скаутской организации «*New York City Scouts Youth Organization*» со словами: «На патриотизме зарабатывать нельзя».

Еще более непонятным является отсутствие имени Бога в официальном гимне Святого Престола. «Понтификальный гимн и марш» (лат. *Hymnus et modus militaris Pontificalis*, итал. *Inno e Marcia Pontificale*) звучит крайне редко. Гимн исполняется лишь в присутствии Папы, одного из его специальных посланников или при вручении верительных грамот главой дипломатической миссии Ватикана за рубежом.

При отсутствии имени бога во многих государственных гимнах обнаруживается неприкрытое восхваление национальных героев и поднятие их почти до уровня божества. В частности, в гимне Польши, официально называющимся «Мазурка Домбровского» (польск. «*Mazurek Dąbrowskiego*»), кроме самого генерала-поручика князя Яна Генрика Домбровского, командира Первого польского легиона Наполеоновской армии, есть отсылка и лично к Наполеону: «Дал пример нам Бонапарт! Как победу одержать!» Создатели гимна Андорры «*El Gran Carlemany*» («Карл Великий») еще больше углубились в историю, почтив Карла Великого, по легенде, освободившего Андорру от арабов. Венгры в гимне отдают дань королю Матьяшу, правившему в XV столетии и нанесшему урон «гордой Вене». В гимнах многих латиноамериканских государств упомянут наиболее известный руководитель войны за Независимость испанских колоний в Западном полушарии Симон Боливар. Есть слова о борьбе за независимость и в гимне Нидерландов, который вообще поется от лица первого штатгальтера, герцога Вильгельма Оранского.

В текстах гимнов порой не прямо, а иносказательно обожествляется имя какого-либо государственного деятеля. Государственный гимн Японии «Кими-га ё» («Твой век») написан еще в IX столетии. Там есть слова: «Да продлится царство твое Тысячу, восемь ли тысяч Колен, доколе мох не украсит скалы, выросшие из щебня». Поскольку у многих японцев эти слова ассоциируется не только с императором, но милитаристским прошлым страны, то, когда некоторые учителя во время обязательного подъема в школах государственного флага и пения гимна начали отказываться от исполнения гимна, власти признали необязательность его пения [8].

Ценность гимна как источника информации не только о социально-политической ситуации времени его создания, но и всей истории исполнения состоит в том, что государственный гимн выступает носителем коллективной памяти. Изучая гимны можно выявить, как изменялась жизнь страны. Норвежский гимн «*Ja, vi elsker dette landet*» («Да, мы любим этот край») напоминает скандинавскую сагу, повествуя о героях Гаральде, Хоконе, Эйвине, Олафе и Сверре. В гимне Италии, одно из названий которого «Братья Италии» (итал. *Fratelli d'Italia*), тоже есть перечисления, но уже не собственных героев, а геополитических врагов: «Они как тростник, что гнет мечи наемников: Австрийский орел уже потерял оперение. Кровь Италии, кровь поляков он пил вместе с казаками, но это обожгло его сердце». Таким образом, Российская империя, олицетворяемая казаками, также попала в перечень врагов Италии.

Наиболее яркий пример отражения коллективной памяти в государственном гимне связан с Германией. Сейчас он носит название «Песнь немцев» (нем. *Das Lied der Deutschen*) или «Песнь Германии» (нем. *Deutschlandlied*). Музыка была сочинена композитором Йозефом Гайдном после того, как во время поездки в Англию он услышал гимн «Боже, храни короля!». Гайдн написал такое же величественное произведение для императора Священной Римской империи Франца II, а впоследствии еще и императора Австрии Франца I. При новой музыке в качестве текста использовался немецкий перевод британского гимна. После смены нескольких монархов имя императора из текста исключили, а гимн стал называться «Боже, храни и защити нашего императора и нашу землю!» Этот вариант просуществовал недолго, поскольку Австро-Венгрия распалась. Однако объединяющая народ и власть сила музыки Гайдна повлияла на то, что эта мелодия стала основой еще одной торжественной песни, со словами, сочиненными в 1854 г. неким немецким юнкером: «Германия превыше всего». В 1922 г. песня была избрана официальным гимном Веймарской республики, а с 1933 г. – Третьего рейха. После поджога исторического здания Рейхстага (нем. *Reichstagsbrand*) работа однопалатного рейхстага проходила в помещении Кроль-оперы (нем. *Krolloper*), являвшейся театром, работавшем в Берлине как филиал Немецкой государственной оперы. Поскольку заседания Рейстага начинались и заканчивались пением гимна, остряки прозвали состав этого парламента «самым высокооплачиваемым мужским хором в Германии». Созданная в 1949 г. Западная Германия (нем. *Bundesrepublik Deutschland*) оставила и текст, и мелодию предыдущего гимна. Но первый куплет, ассоциировавшийся с гитлеровским режимом, где перечисляются территории, принадлежащие другим государствам (России, Польше, Литве, Италии и Австрии), был изъят из нового текста гимна. В объединенной Германии «Немецкая песня» сохранила роль государственного гимна. Но исполнять его следует с учетом официально утвержденного текста, чтобы не было подозрений в сочувствии экспансионистским устремлениям Третьего рейха, что может считаться нацистской пропагандой.

В гимнах в обязательном порядке перечисляются ценности, на которых зиждется государство. Часто главная из них звучит уже в названии гимна, как в «Гимне свободе». Эта поэма, написанная Дионисиосом Соломосом в 1823 г., состоящая из 158 четверостиший, легла в основу сразу двух гимнов. В 1865 г. первые 24 куплета

были объявлены гимном Греции, хотя в реальности поются, как правило, первые два четверостишия. Данное произведение используется также как гимн Кипра [13]. «Гимн свободе» можно считать рекордсменом по числу куплетов. У многих других государственных гимнов их также немало, запомнить все слова было очень трудно. Поэтому в разных странах народ для запоминания использовал разные приемы. Но и слова гимна также помогали в неожиданных ситуациях. Журналист Стаффан Скотт в книге «Династия Бернадотов» пишет о том, что в XIX столетии в некоторых шведских домах и кабаках можно было услышать, как кто-то произносит слова куплета королевского гимна Швеции. В руках у того чтеца в этот момент были игральные карты. Пересчитывать 52 карты помогали 52 слова куплета гимна королевства [14]. Подобные действия можно считать признаком свободы поведения человека в государстве.

Ценность свободы немыслима без ценности равенства. С 1788 г. национальным гимном Австралии считался британский гимн «Боже, храни королеву». С конца XIX в. периодически поднимался вопрос поиска гимна, подчеркивающего национальную идентичность австралийцев. В 1974 г. правительство Австралии по результатам опроса общественного мнения изменило прежний гимн на новый, но написанный задолго до этого. Гимн «Вперед, прекрасная Австралия» (англ. *Advance Australia Fair*) был создан в 1878 г. композитором Питером Доддсом Маккормиком. В январе 1976 г. новое правительство восстановило в правах гимн, существовавший до этого, но решило путем референдума выяснить, какое произведение следует использовать на официальных мероприятиях без участия представителей Британской королевской семьи. На референдуме «О национальном гимне», проведенном 21 мая 1977 г., явка составила 92,28%. Австралийцам помимо «Боже, храни королеву» и «Вперед, прекрасная Австралия» были предложены также «Песня Австралии» и «Вальсирующая Матильда». Победила «Вперед, прекрасная Австралия» (43,44%). Остальные варианты набрали 18,57; 9,64 и 28,34% голосов соответственно. Фактическое объявление нового гимна последовало 9 апреля 1984 г. С тех пор у этого государства имеются два государственных гимна: для мероприятий с участием членов Британской королевской семьи и для других официальных мероприятий. Австралийцы на этом в реформировании гимна не остановились, решив снять дискриминацию коренных народностей, убрав из текста гимна строчку о том, что их страна «молодая и свободная», поскольку этим игнорируется история австралийских аборигенов, живущих на континенте и на островах Торресова пролива десятки тысяч лет. С 1 января 2021 г. вместо слов «Ибо мы молоды и свободны» (иногда переводится как «Здесь, где юность с свободой цветут») идет строчка «Ибо мы едины и свободны» («Здесь, где единство с свободой цветут).

Идеи равенства отразились в гимне Канады, где имеются два не идентичных друг другу варианта текста: английский и французский. Англоязычная версия может быть охарактеризована как более спокойная. В ней поется о прекрасной стране, которую все любят. Во франкоязычном варианте текста гимна упомянуты мечи в руке, которыми, если будет необходимо, воспользуются для защиты очагов и других подвигов. В 2018 г. канадский гимн в английском варианте претерпел гендерное изменение: слова «всех твоих сыновей» были заменены на более общую формулировку «всех нас».

О политкорректности подхода к национальным гимнам говорит и тот факт, что с учетом этнического состава населения гимны Бельгии, Канады, Швейцарии, Филиппин, Камеруна и ЮАР исполняются на разных языках. Бельгийская «Песнь Брабанта» стала первым в истории гимном с двумя равнозначными текстами: французским и нидерландским – *La Brabançonne / De Brabançonne.* Власти ЮАР исходили из того, что у каждой из общин в стране уже была своя главная песня: у белых – государственный гимн времен апартеида «Призыв Южной Африки» (на английском и африкаанс), у черных – неофициальный гимн «Боже, спаси Южную Африку!», написанный на языке кхоса и затем переведенный на другой распространенный язык черных африканцев – сесото. Государственный гимн ЮАР впитал их все: первый куплет взят из «Боже, спаси Южную Африку!» на языке кхоса, далее идет куплет из «Призыва» на африкаанс, его продолжает куплет из «черного» гимна на сесото, заключает исполнение гимна куплет на английском языке.

Сложность текстов и музыки самих гимнов дополняется трудностями их исполнения. Гимны звучат не только во время важных политических мероприятий, государственных праздников, чествования победителей в спорте, но и перед значимыми культурными событиями. Например, Иоганн Штраус посвятил свой марш персидскому шаху Насеру ад-Дину, за что композитор был пожалован шахом Орденом Солнца. Шах до самой смерти был горячим поклонником Штрауса. Когда в 1873 г. шахиншах приехал на Всемирную выставку в Вене, военный оркестр не смог найти ноты гимна Персии и сыграл вместо него «Персидский марш» Штрауса, глава Персии на эту замену не обиделся. Сергей Дягилев гимном предварял концерты и спектакли «Русских сезонов». После свержения царской власти Дягилев уже не мог открывать выступления артистов гимном «Боже, царя храни». По его просьбе Игорь Стравинский нашел замену: он сделал аранжировку бурлацкой песни «Эй, ухнем». На обложке партитуры Пабло Пикассо, бывший близким другом композитора, нарисовал символ революции – красное знамя [6]. В годы социализма особый порядок исполнения гимна существовал в Чехословакии, где в обязательном порядке один за другим, без паузы исполнялись два гимна: чешский «Где мой дом?» и словацкий «Буря над Татрами».

В современном мире сложилась традиция перед всяким важным событием, будь то встреча в верхах, футбольный матч, или какое-либо другое международное мероприятие, исполнять государственный гимн. Однако оказалось, что эта часть церемонии имеет множество подводных камней, с которыми сталкиваются организаторы мероприятий и исполнители гимнов [4]. Кроме Китайской Народной Республики (КНР) существует Китайская Республика на острове Тайвань со своим собственным гимном, непохожим на «Марш добровольцев» – гимн КНР. С ростом влияния Китая в мире, случаев исполнения «Марша добровольцев», становится все больше. Число ошибок при этом тоже растет. В 2006 г. глава КНР Ху Цзиньтао впервые встретился в Вашингтоне с президентом США Джорджем Бушем-младшим. Тогда перед одной из церемоний были исполнены национальные гимны обеих стран, но перед этим был объявлен не гимн КНР, а гимн «Китайской Республики», т.е. Тайваня. К счастью, церемониймейстер ошибся в названии страны, но не в выборе музыки. В следующем году, когда власти Гренады благодарили КНР, построившую на острове современный стадион (и строительство стадиона, и льготные кредиты стали платой, которую правительство Гренады получило от КНР за разрыв дипломатических отношений с Тайванем и восстановление отношений с КНР), оркестр Королевской гренадской полиции на церемонии открытия стадиона начал играть то, что считал китайским гимном. На самом деле это был тайваньский гимн. За непростительную ошибку

пришлось извиняться лично премьер-министру Гренады Киту Митчеллу.

При исполнении государственных гимнов в торжественных случаях проблемы, как правило, возникают из-за музыки. Причем иногда причиной конфликта становится узнаваемость мелодии. Так, с 1974 по 1979 гг. музыкой гимна непризнанной республики Родезия «*Rise, O Voices of Rhodesia*» служила «Ода к радости» из 9-ой симфонии Людвига ван Бетховена. Сейчас на главной теме четвертой этой же симфонии основан «Гимн Европы», одновременно являющийся гимном Европейского союза и Совета Европы. Сильная музыка позволяет передать то, что обычно транслируется словами. Поэтому когда на спортивных международных мероприятиях российской сборной при награждении не было позволено озвучивать государственный гимн, а вместо него звучал отрывок Первого концерта для фортепиано с оркестром Петра Чайковского, то мощь этой музыки была равнозначна исполнению гимна России.

Можно спорить, что важнее в гимне: его музыка или слова. Любопытен пример Испании, где у гимна «*La Marcha Real*», упоминаемого с 1761 г. как «Марш гренадеров», в современном варианте нет слов. Анализ многих текстов гимнов показывает их несоответствие современным реалиям, что побуждает некоторых политиков и гражданских активистов выступать за редакцию текста гимна. Изменений может требовать и музыка, особенно если она написана не соответствующим национальным представлениям композитором. Так, был изменен гимн Таиланда, который был создан по решению короля Сиама Рамы V русским музыкантом Петром Щуровским, выигравшим конкурс на написание музыки. Но после 1932 г. официальным гимном стал созданный композитором по имени Пхра Чендурийанг.

Стремление к тому, что мы сейчас называем импортозамещением в отношении государственных символов более чем понятно. Этот процесс хорошо виден в жизни известной мелодии «Интернационала», которая в 1910 г. на конгрессе Социалистического Интернационала была утверждена как гимн международного социалистического движения. Но позже «Интернационал» стал и коммунистическими гимном, и государственным для: РСФСР, СССР, Дальневосточной республики, Белорусской ССР, Украинской ССР, Китайской Советской Республики и Закавказской СФСР. Однако достаточно быстро власти этих государств поняли, что не надо смешивать символы политических движений с национальными. Интернационал остался партийным гимном, а государства обрели собственные гимны. Это разделение вполне логично. Оно отвечает мобилизационной задаче государственного гимна, смысловое наполнение которой происходило не только на протяжении истории существования самого гимна, но и истории страны, что делает и текст, и музыку, и особенности исполнения гимнов ценным источником изучения социально-политических реалий, часто обнажая скрываемые в них парадоксы и позволяя от этих парадоксов избавляться.

Литература

1. Античные гимны. Антология / Под ред. А.А. Тахо-Годи. М.: Издательство МГУ, 1988. 362 с.
2. Белаш В. Во имя Отца и гимна // Коммерсантъ-власть. 2005. № 45. С. 66–68.
3. Гимны Каллимаха Киринейского / Перевел с греческого и составил примечания на оные Иван Мартынов. СПб: Типография Иос. Иоаннесова, 1823. 272 с.
4. Головинченко Д. Песня с последствиями // Коммерсантъ-власть. 2011. № 6. 14 февраля.
5. Гораций Флакк Квинт. Юбилейный гимн. Киев: Мультимедийное издательство Стрельбицкого. Цифровая книга.
6. Нехамкин Э. Эйнштейн музыки [Электронный ресурс] URL: http://www.vestnik.com/issues/2000/0801/win/nekhamkin.htm.
7. Новиков К. «Годный для войск, годный для народа – от ученого до невежды» // Коммерсантъ-власть. 2008. № 29. С. 54–60.
8. Подъемный круг // Коммерсантъ-власть. 2008. № 46. С. 42.
9. Ригведа: Мандалы I–IV: [Перевод / АН СССР]; Изд. подготовила Т.Я. Елизаренкова. М.: Наука, 1989. 767 с.
10. Ригведа: Мандалы IX–X [Текст] / Подгот. Т.Я. Елизаренкова. 2-е изд., испр. М.: Наука, 1999. 559 с.
11. Ригведа: Мандалы V–VIII: [Перевод / Рос. АН]; Изд. подгот. Т.Я. Елизаренкова; [Отв. ред. П.А. Гринцер]. М.: Наука, 1995. 743 с.
12. Св. Кассия Константинопольская. Гимны, каноны, эпиграммы / Пер. с греч. Т.А. Сенина (Монахиня Кассия). СПб.: Quadrivium, 2015. 496 с.
13. Соломос Д. Гимн свободе / Пер. с новогреч. К.А. Халдояниди. Новосибирск: Согласие, 2006. 174 с.
14. Стаффан С. Династия Бернадотов: короли, принцы и прочие… М.: ЛомоносовЪ, 2011. 408 с. [Электронный ресурс] URL: https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%A1/skott-staffan/dinastiya-bernadotov-koroli-princi-i-prochie.
15. Терновая Л.О. Священное в мирском: конфессиональное прочтение международных отношений: монография. М.: ИНФРА-М, 2022. 300 с.
16. Шицзин. Книга песен и гимнов / Пер. А.А. Штукина. М. Художественная литература, 1987. 352 с.
17. The christian harp. A collection of hymns and tunes / Христианская арфа. Коллекция гимнов и мелодий. М.: Нобель Пресс, 2012. 160 с.

SOCIO-POLITICAL PARADOXES OF THE TEXTS OF NATIONAL ANTHEMS

Ternova L.O., Bagaeva A.V.
Moscow Automobile and Highway State Technical University (MADI);
Lomonosov Moscow State University

The article reveals the importance of national anthems as a historical source. A picture of the socio-political life of states, which is figuratively conveyed by the hymns, is provided. This picture is not homogeneous. Its mosaic nature is determined not only by the inclusion of both value and geopolitical aspects. Despite the fact that in the hymns, in the transfer of both some meanings and others, as a rule, the language of allegory is not used, and the fact is conveyed quite clearly, its interpretation can lead to a paradoxical situation. An analysis of such interpretations, reflecting the peculiarities of socio-political reality, in different periods of the existence of hymns gives reason to judge the change in society and the transformation of the nature of power.

Keywords: history, source, anthem, society, power.

References

1. Antichnyye gimny. Antologiya / Pod red. A.A. Takho-Godi. M.: Izdatel'stvo MGU, 1988. 362 s.
2. Belash V. Vo imya Ottsa i gimna // Kommersant"-vlast'. 2005. № 45. S. 66–68.
3. Gimny Kallimakha Kirineyskogo / Perevel s grecheskogo i sostavil primechaniya na onyye Ivan Martynov. SPb: Tipografiya Ios. Ioannesova, 1823. 272 s.
4. Golovinchenko D. Pesnya s posledstviyami // Kommersant"-vlast'. 2011. № 6. 14 fevralya.
5. Goratsiy Flakk Kvint. Yubileynyy gimn. Kiyev: Mul'timediynoye izdatel'stvo Strel'bitskogo. Tsifrovaya kniga.
6. Nekhamkin E. Eynshteyn muzyki [Elektronnyy resurs] URL: http://www.vestnik.com/issues/2000/0801/win/nekhamkin.htm.

7. Novikov K. «Godnyy dlya voysk, godnyy dlya naroda – ot uchenogo do nevezhdy» // Kommersant"-vlast'. 2008. № 29. S. 54–60.
8. Pod"yemnyy krug // Kommersant"-vlast'. 2008. № 46. S. 42.
9. Rigveda: Mandaly I–IV: [Perevod / AN SSSR]; Izd. podgotovila T. Ya. Yelizarenkova. M.: Nauka, 1989. 767 s.
10. Rigveda: Mandaly V–VIII: [Perevod / Ros. AN]; Izd. podgot. T. Ya. Yelizarenkova; [Otv. red. P.A. Grintser]. M.: Nauka, 1995. 743 s.
11. Rigveda: Mandaly IX–X [Tekst] / Podgot. T. Ya. Yelizarenkova. 2-ye izd., ispr. M.: Nauka, 1999. 559 s.
12. Sv. Kassiya Konstantinopol'skaya. Gimny, kanony, epigrammy / Per. s grech. T.A. Senina (Monakhinya Kassiya). SPb.: Quadrivium, 2015. 496 s.
13. Solomos D. Gimn svobode / Per. s novogrech. K.A. Khaldoyanidi. Novosibirsk: Soglasiye, 2006. 174 s.
14. Staffan S. Dinastiya Bernadotov: koroli, printsy i prochiye… M.: Lomonosov", 2011. 408 s. [Elektronnyy resurs] URL: https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%A1/skott-staffan/dinastiya-bernadotov-koroli-princi-i-prochie.
15. Ternovaya L.O. Svyashchennoye v mirskom: konfessional'noye prochteniye mezhdunarodnykh otnosheniy: monografiya. M.: INFRA-M, 2022. 300 s.
16. Shitszin. Kniga pesen i gimnov / Per. A.A. Shtukina. M. Khudozhestvennaya literatura, 1987. 352 s.
17. The christian harp. A collection of hymns and tunes / Khristianskaya arfa. Kollektsiya gimnov i melodiy. M.: Nobel' Press, 2012. 160 s.

Институциональные и социокультурные детерминанты скулшуттинга

Березнев Алексей Владимирович,
старший преподаватель кафедры физической подготовки
Воронежского института МВД России
E-mail: ber132007@yandex.ru

Осуществление крайних форм агрессии в образовательных учреждениях представляет собой одну из актуальных проблем. В российском обществе имеет место ряд событий, в ходе которых учащиеся, используя огнестрельное оружие и взрывные устройства осуществляли массовое убийство. Это определяет важность осмысления причин скулшуттинга и его социальных предпосылок, что может способствовать выработке мер по противодействию данному деструктивному явлению. Анализ основных факторов возникновения скулшуттинга свидетельствует о том, что в его основе лежат предпосылки институционального и социокультурного плана. Институциональные предпосылки скулшуттинга связаны с недостаточно эффективной интеграцией отдельных учеников в социальное пространство образовательного учреждения, а также с практиками психического и физического насилия, реализуемыми в школах. Социокультурные предпосылки скулшуттинга связаны с присутствием в сознании учеников модели ультимативного проявления агрессии в социальном пространстве школы, а также с наличием в культурной и коммуникативной среде предпосылок для оправдания скулшуттинга. Последнее реализуетсся, преимущественно, в рамках деструктивных колумбайн-сообществ, на уровне которых культивируется идея осуществления крайних форм насилия в школах. Преодоление проблемы скулшуттинга требует принятия мер, направленных на локализацию как институциональных, так и культурных предпосылок его возникновения.

Ключевые слова: образовательные учреждения, насилие, скулшуттинг, колумбайн, буллинг, институциональные факторы скулшуттинга, социокультурные факторы скулшуттинга.

В настоящее время одной из острых проблем является осуществление практик крайней социальной агрессии в образовательных учреждениях. Данное явление, изначально распространившееся в ряде зарубежных стран, получило наименование «скулшуттинг», что отражает характерные для данного социального отклонения признаки – применение огнестрельного оружия и локализацию деструктивных практик на уровне учебных заведений. Одним из наиболее резонансных событий подобного рода является массовое убийство в школе г. Колумбайн, произошедшее в 1999 году [7]. Вместе с тем, как отмечают исследователи, событие в Колумбайне, хоть и является одним из наиболее резонансных (с чем связано, в том числе, нарицательное обозначение крайних форм насилия в образовательных учреждениях при помощи термина «колумбайн»), однако же далеко не первое в общем ряду подобных преступлений. Только лишь в США начиная с 1980 года фиксируется, в среднем, 40 случаев стрельбы в образовательных учреждениях, и данная цифра со временем лишь растет (начиная с 2010 года фиксируется свыше 140 случаев в год) [6].

В России до недавнего времени отсутствовала подобного рода практика. Существовали острые, резонансные ситуации проявления насилия среди школьников, однако они представляли собой, преимущественно, стихийное проявление насилия, реализуемое спонтанно, с использованием подручных средств. Однако в 2018 году в Керчи имел место преступный акт, который по всем признакам может быть квалифицирован как скулшуттинг [5], и в дальнейшем в ряде российских школ имели место сходные случаи. Все это свидетельствует о том, что в настоящее время скулшуттинг представляет собой реальную угрозу для российских образовательных учреждений, что требует разностороннего изучения данной проблемы и выявления наиболее перспективных путей противодействия ей. И, прежде всего, целесообразно обратить внимание на некоторые особенности скулшуттинга, которые указывают на его искусственный, социально-конструируемый характер. Мы можем выделить две такие особенности:

– осуществление массовой стрельбы производится исключительно на уровне учебных заведений, в то время как на уровне других общественных институтов (например, экономические предприятия, спортивные секции и т.д.) не имеет место сходных случаев проявления социальной агрессии;
– сценарий осуществления скулшуттинга в большинстве случаев имеет сходный характер, что, с учетом его сложности свидетельствует о наличии модели, воспроизводимой субъектом преступной деятельности.

Указанные выше особенности, а также специфика распространенности скулшуттинга как явления в разных странах позволяют предположить сформулировать две основные гипотезы, отражающие причины скулшуттинга:

– на уровне образовательных учреждений имеют место развитые предпосылки накопления и выплеска

социальной агрессии, в отличие от других институтов, не уравновешиваемые различными социальными регуляторами, что в конечном итоге определяет предрасположенность учащихся к реализации крайних форм агрессивного поведения;
– скулшуттинг существует и активно реализуется в социальной среде в силу того, что в мировоззрении учащихся уже присутствует социальная модель выплеска накопившейся агрессии, которая в дальнейшем воспроизводится отдельными учащимися.

Стоит отметить, что данные гипотезы не противоречат друг другу, поскольку относятся к предпосылкам возникновения агрессии и напряженности с одной стороны, и путям ее реализации в социальной практике с другой. В этом контексте представляется целесообразным анализ предпосылок возникновения склшуттинга, относящихся к факторам институционального и социокультурного плана. С учетом того, насколько острой проблемой является скулшуттинг, данное направление исследование характеризуется высокой степенью актуальности.

Вопрос о том, в чем состоит социальная обусловленность скулшуттинга, представляет теоретический и практический интерес в силу ряда причин. Прежде всего, понимание частных предпосылок возникновения случаев скулшуттинга позволяет своевременно отслеживать рискогенные факторы и осуществлять профилактику данного рода преступлений. Кроме того, понимание общих социальных механизмов, определяющих повышение вероятности осуществления скулшуттинга открывает перспективные направления социального регулирования, в рамках которых может быть преодолена или, как минимум, купирована проблема скулшуттинга. В данном случае факторы, определяющие возможность возникновения случаев «школьной стрельбы» – это одновременно точки воздействия на ситуацию. Наконец, если существуют социальные механизмы, функционирование которых заметно повышает риск возникновения случаев скулшуттинга, локализация данных механизмов может в значительной степени способствовать решению проблемы.

Для начала следует обратить внимание на специфику локализации преступных действий на уровне образовательных учреждений. В данном контексте правомерны две версии:
– на уровне института образования присутствуют развитые предпосылки для возникновения крайних форм социальной агрессии;
– институт образования входит в воспроизводимую членами общества модель преступления.

Для того, чтобы разобраться в данном вопросе, целесообразно обратить внимание на то, каковы особенности института образования и, в частности, каковы социальные характеристики учащихся общеобразовательных учреждений. Ключевым критерием, по которым производится отбор социальных признаков, является связь с проблематикой социальной агрессии и неуравновешенного поведения. В данном контексте, прежде всего, следует отметить возрастной аспект. В школах и колледжах обучаются дети и подростки, процесс социализации которых носит незавершенный характер. Это определяет то, что учащиеся далеко не всегда способны к подавлению деструктивных поведенческих реакций, что проявляется в частых конфликтах между школьниками, драках и т.д. При этом показательным моментом является то, что в младших классах учащиеся зачастую склонны осуществлять физическое насилие друг по отношению к другу, в то время как в старших классах исследователи обращают на интенсификацию практик психического насилия, выраженных в изоляции, обидных высказываниях, различных по степени опасности «шутках» по отношению к объекту травли и т.д. [1]. Отдельно следует отметить, что далеко не всегда деструктивные отношения в образовательных учреждениях ограничиваются горизонтальной плоскостью отношений между учащимися. Помимо них в ряде случаев имеют место деструктивные социальные практики, осуществляемые педагогами в отношении учеников [2]. Важным моментом в данном случае является то, что социальный статус педагога определяет его преимущества перед учениками в выстраивании социальных отношений, что определяет неравенство в их взаимодействии, которое актуально до тех пор, пока учащиеся принимают социальные нормы и правила взаимодействия, которые приняты в образовательной среде. Подобного рода конфликтные ситуации во многом выступают в роли стимулирующего фактора для того, чтобы отринуть социальные правила и ограничения и осуществить выплеск длительное время накапливаемой ответной агрессии.

Роль деструктивных социальных практик, осуществляемых в отношении учащихся, в возникновении случаев скулшуттинга крайне высока. Для понимания этого аспекта целесообразно обратиться к социально-психологическому портрету преступников, осуществлявших массовое насилие в школах. Анализ уже случившихся случаев проявления крайних форм социальной агрессии в образовательных учреждениях свидетельствует о том, что в большинстве случаев скулшуттерами становились ученики школ, которые характеризуются недостаточно эффективной интеграцией в школьный коллектив – неуверенные в себе, психически нестабильные, имеющие низкий социальный статус в учебном коллективе и, в большинстве случаев – подвергавшиеся нападкам со стороны сверстников и учителей. Уже сейчас прослеживается взаимосвязь между практиками буллинга и скулшуттинга – в большинстве известных случаев насилие в образовательных учреждениях осуществляли люди, имеющие острые психологические проблемы по причине травли со стороны сверстников [3]. В данном случае речь идет об ответной агрессии, которая зачастую позиционируется как возмездие, с той особенностью, что школьник не склонен к адресному проявлению ответной агрессии, но перенаправляет ее в отношении образовательной среды в целом. Отсюда, в частности, обобщения по типу «вы все виноваты», манифестируемые скулшуттерами.

Таким образом, первоначальный анализ вопроса позволяет заключить о том, что серьезным фактором скулшуттинга является возраст школьников и связанные с ним социально-психологические особенности их поведения, а также влияние агрессивной среды, на уровне которой сталкивается множество еще недостаточно социализированных подростков, реализующих в отношении друг друга деструктивные практики. В данном контексте проблема скулшуттинга находится в неразрывной связи с другими проблемами агрессивного поведения в образовательной среде, и в первую очередь – с проблемой буллинга. Таким образом, осуществление системной социально-психологической работы в образовательных учреждениях, направленной на нормализацию социально-психологического климата уже имеет существенный потенциал профилактики случаев проявления крайней агрессии. Вместе с тем, следует обратить внимание на то, что напряженный характер социального взаимодействия в классах является не единственной причиной скулшуттинга – в противном случае данное социальное явление имело бы существенно более равномерный (по времени) характер проявления. При этом, с учетом того, что в России имели место исторические

периоды, характеризующиеся значительно более интенсивными кризисными проявлениями в ряде сфер общественной жизни (например, первое десятилетие постперестроечного периода), закономерно было бы предположить, что в эти периоды имели место существенно более ярко выраженные институциональные предпосылки скулшуттинга, связанные как с кризисными тенденциями в сфере образования, так и с внешними деструктивными процессами (экономические затруднения, рост преступности, дисфункциональные процессы на уровне института семьи, выраженные в увеличении количества неблагополучных семей). Все это, с учетом неблагоприятной социально-правовой обстановки в данный период (включая доступность оружия) определяло широкие возможности для возникновения случаев скулшуттинга. Однако, если рассмотреть данный период на предмет количества случаев «школьной стрельбы», становится видно, что одних только институциональных предпосылок недостаточно для того, чтобы имела место развитая практика скулшуттинга. Отсюда мы приходим к пониманию важности факторов социокультурного плана, определяющих наличие в сознании учащихся социальной модели проявления крайней агрессии, которая может быть воспроизведена на практике. Иными словами, для того, чтобы учащийся, по основным критериям входящий в группу риска осуществления скулшуттинга, действительно приступил к осуществлению крайней агрессии, в его сознании должно присутствовать представление о принципиальной возможности подобного рода действий. Данное представление служит деструктивным ориентиром, способствующим перенаправлению социальной агрессии, формированию негативной идеологии, оправдывающей насилие в отношении других учащихся, а также способа активности, предполагающего разовый, крайне разрушительный акт выплеска накопившейся в течение длительного времени агрессии.

Рассматривая социокультурные предпосылки развития скулшуттинга как социального явления, мы, прежде всего, можем констатировать негативное воздействие информационного освещения «школьной стрельбы», вне зависимости от того, какого рода оценочные суждения формируются в отношении освещаемого события. Основная опасность информационного освещения скулшуттинга заключается в том, что оно актуализирует в сознании подростков деструктивную модель, которая, при соблюдении определенных условий, может быть воспринята ими в качестве привлекательной. Собственно, практика развития скулшуттинга свидетельствует в пользу данной версии – в частности, резонансные события в школе Колумбайна и их освещение в информационном пространстве привели к существенному росту количества случаев скулшуттинга, в ряде из которых имело место явное подражание действиям подростков, осуществивших в Колумбайне массовое убийство. Этот момент подражания лишний раз свидетельствует о том, что скулшуттинг – это не просто вызванное внешними факторами проявление социальной агрессии, это – реализация сложной модели, в рамках которой присутствует строго определенный способ поведения, который практически не может быть воспроизведен случайным образом. Исходя из этого, мы можем заключить о том, что одним из важнейших факторов развития скулшуттинга является распространение его модели в среде учащихся. Отсюда мы приходим к пониманию того, что серьезным фактором риска в данном случае становятся социальные механизмы, на уровне которых производится целенаправленное распространение данной модели.

В настоящее время исследователи обращают внимание на то, что среди несовершеннолетних присутствует тенденция объединения в деструктивные сообщества, одной из разновидностей которых являются колумбайн-сообщества, на уровне которых подростки и молодые люди обсуждают случаи скулшуттинга с позиции одобрения совершенных преступлений [4]. Таким образом, в настоящее время имеют место социальные механизмы, направленные на создание у молодых людей и подростков готовности к осуществлению крайней социальной агрессии, формирование у них самоидентификации с субъектами скулшуттинга, одобрения данной модели действия и, более того – восхищения ею. Во многом, сила воздействия подобного рода деструктивных сообществ связана с тем, что в них входят люди, не сумевшие эффективно интегрироваться в другие сферы общественной жизни (семья, класс и т.д.), в то время как на уровне деструктивного сообщества, в компании таких же недостаточно социализированных, обозленных людей, они чувствуют понимание и поддержку. И в данном отношении группа, наиболее сильно воспринимаемая ими в ценностном плане, предлагает способ самореализации, связанный с осуществлением насилия и саморазрушения (причем буквального, поскольку одним из элементов модели скулшуттинга является суицид).

Подведем итог. Проблема скулшуттинга имеет сложный, комплексный характер. Несомненным фактором, определяющим предрасположенность общества к возникновению подобного рода событий является недостаточная социализация учащихся, их неспособность к интеграции в социальную среду учебного заведения, а также ситуации физического и психологического насилия, осуществляемого как школьниками друг в отношении друга, так и отдельными педагогами. Вместе с тем, условием перехода от потенциальной угрозы вовлечения в практику скулшуттинга к реальному его осуществлению является наличие в сознании учащихся актуальной модели данного преступления, что связано как с деятельностью средств массовой информации, так и с разнообразными деструктивными Интернет-сообществами, на уровне которых культивируется идея допустимости и даже предпочтительности осуществления практик скулшуттинга. Борьба с данными факторами является одним из важных направлений профилактики проявления крайних форм агрессии в образовательной среде.

Литература

1. Волчецкая Т.С., Козырева И.Е., Осипова Е.В. Криминалистические и психологические особенности проявления насилия в общеобразовательных школах // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2022. № 4. С. 11–17.
2. Ганузин В.М. Синдром педагогического насилия как форма дидактогении // Медицинская психология в России. 2013. № 5 (22). С. 11–17.
3. Гусев С.Н. Детерминанты совершения актов скулшутинга // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. № 3 (62). С. 15–20.
4. Завьялова Н.Ю., Лункашу Ю.В. Скулшутинг как нравственная и юридическая проблема в российском обществе // Общество и право. 2021. № 3 (77). С. 117–122.
5. Каримов В.Х. Влияние современных информационно-телекоммуникационных технологий на криминальный оборот огнестрельного оружия и боеприпасов // Право и политика. 2019. № 1. С. 40–45.
6. Карпов В.О. Культ Колумбайна: основные детерминанты массовых убийств в школах // Вестник Казан-

ского юридического института МВД России. 2018. № 4 (34). С. 442–446.
7. Никишин В.Д. Колумбайн (скулшутинг): сущность, правовая квалификация, криминалистическая диагностика // Lex Russica. 2021. № 11 (180). С. 62–76.

INSTITUTIONAL AND SOCIOCULTURAL DETERMINANTS OF SCHOOLSHOOTING

Bereznev A.V.
Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The implementation of extreme forms of aggression in educational institutions is one of the urgent problems. A number of events have taken place in Russian society, during which students, using firearms and explosive devices, carried out mass murder. This determines the importance of understanding the causes of schoolshutting and its social prerequisites, which can contribute to the development of measures to counteract this destructive phenomenon. The analysis of the main factors of the emergence of schoolshutting indicates that it is based on the prerequisites of an institutional and socio-cultural plan. The institutional prerequisites of schoolshutting are associated with the insufficiently effective integration of individual students into the social space of an educational institution, as well as with the practices of mental and physical violence implemented in schools. The socio-cultural prerequisites of schoolshutting are associated with the presence in the minds of students of the model of an ultimatum manifestation of aggression in the social space of the school, as well as with the presence in the cultural and communicative environment of prerequisites for justifying schoolshutting. The latter is implemented mainly within the framework of destructive Columbine communities, at the level of which the idea of extreme forms of violence in schools is cultivated. Overcoming the problem of schoolshutting requires taking measures aimed at localizing both institutional and cultural prerequisites for its occurrence.

Keywords: educational institutions, violence, schoolshutting, columbine, bullying, institutional factors of schoolshutting, sociocultural factors of schoolshutting.

References

1. Volchetskaya T.S., Kozyreva I.E., Osipova E.V. Criminalistic and psychological features of violence in secondary schools // Bulletin TulSU. Economic and legal sciences. 2022. No. 4. P. 11–17.
2. Ganuzin V.M. Pedagogical violence syndrome as a form of didactogeny // Medical psychology in Russia. 2013. No. 5 (22). P. 11–17.
3. Gusev S.N. Determinants of schoolshooting acts // Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No.3 (62). P. 15–20.
4. Zavyalova N. Yu., Lunkashu Yu.V. Schoolshooting as a moral and legal problem in Russian society // Society and Law. 2021. No.3 (77). P. 117–122.
5. Karimov V.H. The influence of modern information and telecommunication technologies on the criminal turnover of firearms and ammunition // Pravo i politika. 2019. No. 1. – P. 40–45.
6. Karpov V.O. The cult of Columbine: the main determinants of mass killings in schools // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. No.4 (34). P. 442–446.
7. Nikishin V.D. Columbine (schoolshooting): essence, legal qualification, forensic diagnostics // Lex Russica. 2021. № 11 (180). P. 62–76.

Форматы конструирования образа мигранта в современном российском медийном дискурсе

Волков Юрий Григорьевич,
заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой теоретической социологии и методологии региональных исследований Института социологии и регионоведения Южного федерального университета, ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»; научный руководитель Южно-Российского филиала ФНИСЦ РАН, Южно-Российский филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук
E-mail: ugvolkov@sfedu.ru

Курбатов Владимир Иванович,
доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, Южно-Российский филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук
E-mail: kurbashy@list.ru

Статья посвящена выявлению и анализу форматов и результатов конструирования образа мигранта в современном российском медийном дискурсе, в соответствии с чем показано, что медийный образ мигранта конструируется посредством формулирования медицйных фреймов, слоганов, мемов, этнически негативных оценочных суждений, ценностных установок, медийных описаний событий и ситуаций, в которых используется ксенофобная лексика. Конструирование негативного медийного образа мигранта выражается в следующих дискурсных стратегиях, таких как категоризация, типизация, персонализация, дегуманизация, стигматизация, дискриминация и криминализация, что находят свое отражение в массовых опросах общественного мнения, демонстрирующих отрицательное и даже враждебное отношение к «иным» и «чужим» и имеет своим следствием повышение уровня ксенофобии и мигрантофобии, которые могут быть катализаторами межнациональных конфликтов.

Ключевые слова: мигрант, трудовой и нелегальный мигрант, медийный дискурс, медийный текст, медийный образ, социологический опрос, общественное мнение, ксенофобия, мигрантофобия.

Актуальность темы исследования

Формирование медийного образа мигранта – это очень сложный и противоречивый процесс. Одним из инструментов формирования образа мигранта являются различные медиа, как обычные, так и новые, электронные. В этом плане существенную роль играют цифровые сетевые коммуникации, аудитория которой непрерывно расширяется, во всяком случае, они по данным ВЦИОМа они являются главным источником информации для 65% 18–24-летних и 50% 25–34-летних [1].

Многие отечественные исследователи, например, О.Ф. Вагранова, Т.Г. Скребкова, В.Н. Титов, О.А. Якимова и другие полагают, что благодаря современным российским медиа в общественном сознании сложился в основном отрицательный образ мигранта, что событийно-ситуативная информация о мигрантах чрезмерно эмоционализируется, трактуется крайне однобоко, негативно окрашивается и криминализируется [2]. Подобная негативно окрашенная медийная лексика, по мнению таких отечественных исследователей, как И.В. Нам, Е.М. Карагеоргий, А.И. Иванова, Е.В. Никитина и других создает напряженную обстановку и может быть триггером межнациональных конфликтов [3]. Указанные обстоятельства делают изучение конструирования медийного образа мигранта актуальной и важной теоретической и практической исследовательской задачей.

Объектом исследования в данной работе является медиа-текст, как выражение современных медиакоммуникаций, а **предметом исследования** выступает медиа-дискурс о мигрантах, как продукт конструирования медийного образа мигранта. Медиа-текст, следуя И.М. Дзялошинскому, М.А. Пильгуну и другим авторам, трактуется с точки зрения контента медиакоммуникации (новостной, развлекательной, игровой, познавательной, учебной, предпринимательской, финансово-экономической и политической), а медиа-дискурс о мигрантах – как информационно-социальный конструкт [4].

Медиа-дискурс о мигрантах характеризуется как результат социального конструирования в виде создания медиа-концепта, что согласно П. Бергеру, Е. Комаровой, Т. Красиковой, Т.В. Лапиной, Т. Лукману и другим исследователям, в контексте данной работы предполагает несколько исследовательских ходов, а именно, актуализацию содержания медиа-текста, как специфического феномена и объекта исследования, выделение признаков указанного феномена и объекта посредством анализа его многообразных связей и отношений, формирование концепта и превращение его в образ посредством использования оценочных суждений [5].

Содержательное наполнение предмета исследования связано с конкретизацией представлений о современном социологическом портрете мигранта. Половозрастная его характеристика, как пишет Н.М. Эль-Сибаи такова: 82,6% мужчин и 17,4% женщин. Мужчин в возрасте от 20 до 35 лет 54,3%, при этом 100% находятся в трудоспособном возрасте. Из них 63% имеют лишь среднее образование, 8,7% в данный момент получают высшее образование, т.е. являются студентами. 63% ми-

грантов свободно владеют устным и письменным русским языком, 13% имеют слабый уровень владения русским языком. Всего лишь 22% состоят в браке [6].

Основные цели исследования

Основными целями исследования являются выявление и анализ форматов и результатов конструирования образа мигранта в современном российском медийном дискурсе.

Авторская гипотеза

Конструирование медийного образа мигранта, как отмечают отечественные и зарубежные исследователи, такие как Е.А. Гринченко, О.А. Якимова, Дж. Боэм, С. Оргад, С.М. Холм, Х. Кастанеда и другие, является многозначным и включает в себя различные форматы в виде медийных фреймов, таких как слоганы, мемы, оценочные суждения, ценностные установки, медийные описания событий и ситуаций, которые выражаются в следующих дискурсных стратегиях: категоризация, типизация, персонализация, дегуманизация, стигматизация, дискриминация и, криминализация, посредством которых создается стереотипный образ мигранта, наполненный нарративами ксенофобии и мигрантофобии [7].

Методология исследования

Характеристики образа мигранта осуществляются на основе медиа-текстов, для чего применяется прежде всего, метод критического дискурс-анализа в его трактовке Ван дер Воком, Э. Нагорнажиа, Р. Фолером и К. Хартом [8]. При анализе медиа-дискурса, как продукта медиакоммуникации, используются методы типизации, обобщения, методы оценки фактического материала, методы анализа дефиниций, методы контекстуального анализа, метод интерпретаций, сравнительно-сопоставительный метод, дескрипторный метод. Сплошное использование в тексте имеет метод социального конструктивизма в характеристике С. Московичи в виде концептуализации фактов и атрибутов, их обобщения, формирования понятия, его объективации и трансформации его в образ, а также характеристики социальной репрезентации, разработанные А. Клеменсом, П. Молинером и Р. Фарром [9].

Обсуждение

Проблема отношения к мигрантам со всей остротой возникла в постсоветской России, когда миграция приобрела массовый и стихийный характер. Отечественные исследователи такие, как Н.С. Мастикова, В.И. Мукомель, А.С. Пыркина, П.В. Фадеев и другие отмечают, что негативный образ мигранта в представлениях россиян связан с социальными стрессами, обусловленными распадом СССР и отсутствием тогда сбалансированной миграционной политики. Это показывают массовые и репрезентативные общероссийские опросы. Они отражают общую картину оценок россиянами мигрантов в конце прошлого века. В 1990 году было опрошено 1360 человек. Так, за положительное отношение к мигрантам высказались 27% опрошенных, у 34% это не вызывало никаких эмоций и 39% были настроены отрицательно, прочие затруднились с ответом. Соседствовать с мигрантами стали бы 50%, но 30% были бы против, не выразили свое мнение 15% респондентов [10].

В 2000 году Московский опрос (N=1000 человек) дал следующий результат: 43% за то, чтобы мигрантов выдворить из города, 26% – за то, чтобы ввести строгий учет мигрантов, 10% за то, чтобы помочь мигрантам адаптироваться, 1% выразили безразличие не обращать на них внимания и 8% не сформулировали свою позицию ответить [11].

Сложившаяся картина показывает, что в представлении россиян сложилось в целом негативное представление о мигрантах. Значительную роль в этом, как отмечают такие исследователи, как Н.Н. Аблажей В.И. Мукомель, Т.Г. Скребцова и другие, сыграли СМИ. Так, к 2005 году лишь 25% россиян считали нет никакой угрозы в том, мигранты составляют значительную часть трудоспособного населения страны. Лозунг «Россия для русских» с 15% в 90-х годах в 2009 году стали поддерживать более 60% опрошенных. 40% опрошенных полагали, что именно медийная сфера стала сферой разжигания межнациональных напряжений [12].

Исходя из авторской гипотезы, мы полагаем, что медийное конструирование образа мигранта выражается в специальных дискурсных стратегиях. Одна из них – это введение мигрантской темы в медийную повестку дня, превращение ее в специальный кейс. На этом уровне осуществляется категоризация и типизация мигрантов. В этом плане показательными являются данные контент-анализа медиа-материалов таких изданий, как «АиФ Ростов-на-Дону», «КП-Ростов», полученные коллективом ЮРФ ФНИСЦ РАН в апреле-мае 2022 года, обобщенные такими исследователями как Бедрик А.В., Бинеева Н.К. и Пантелеев В.Г. Исследователи выявили следующие категории мигрантов: «беженцы» и «вынужденные переселенцы»; «иностранные студенты»; «иностранные туристы»; «нелегальные мигранты»; «трудовые мигранты»; без указания категории. Массив отобранных сообщений составил 756 единиц. Иностранные туристы составили 0,9%, иностранные студенты – 1,9%, нелегальные мигранты – 4,4%, трудовые мигранты – 7,4%, беженца и вынужденные переселенцы – 49,9% от всех отобранных сообщений [13].

Следующая стратегия конструирования медийного образа мигранта, которая следующая из категоризации и типизации – это персонализация образа мигранта. Эта стратегия призвана для того, чтобы наполнить типический образ мигранта субъективно-личностными чертами, делающие данный образ интересным для пользователя медийной информации. В этом отношении интересны результаты, полученные таким исследователем, как Е.А. Гринченко в анализе ценностно-смысловой репрезентации образа мигранта в региональных СМИ, касающиеся представленности данной темы в различных медиа-контентах. При этом автором выявлено, что 30,4% сообщений имеют положительную тональность, отрицательную тональность – 57,1% и нейтральную тональность имеют 12,5%. Делается вывод о том, что положительный трудового образ – 69,6%, отрицательный образ – 30,4%. В категории «беженцы/вынужденные переселенцы» положительную тональность имеют 56,5%, отрицательную тональность 8,0%, а нейтральную тональность 35,5%. Разительно отличается медийный образ нелегальных мигрантов: положительная тональность – 0%, отрицательная тональность – 97,0%, нейтральная тональность – 3,0% [14].

Более массовые опросы общественного мнения дают примерно такую же картину. Так, опрос был проведен Институтом сравнительных социальных исследований с выборкой 1810 респондентов в восьми федеральных округах. Следуя такому исследователю, как О.А. Демидова, по замыслу которой была осуществлена проверка данных 8-й волны Европейского социального исследования за 2016 год, результаты опроса были следующими: очень хорошее отношение к мигрантам – 29 респон-

дентов (1,6%), довольно хорошее – 230 респондентов (12,71%), в чем-то хорошее, в чем-то плохое – 987 респондентов (54,53%), довольно плохое – 337 респондентов (18,62%), очень плохое – 117 респондентов (6,46%), затруднились ответить – 107 респондентов (5,91%), отказались отвечать 3 респондента (0,17%) [15].

Отрицательный образ мигранта требует понимания и объяснения. Следуя авторской гипотезе, мы полагаем, что значительную роль в формировании отрицательных коннотаций в представлениях россиян о мигрантах играют СМИ, поскольку они регулярно транслируют для массового потребителя соответствующую информацию, наполненную оценочными суждениям, т.е. конструируют медийный образ мигранта, используя для этого специальные стратегии. Общим ключом рассмотрения конструирования негативного медийного образа мигранта является то, что тема мигрантской экспансии, как российской, так и международной, является острой и разогревается в СМИ, а коммерциализация всех медиаконтентов, в том числе и новостного делает предпочтительным маркетинговый принцип, согласно которому осуществляется интерпретация медиа-контентов под углом зрения дихотомического противопоставления «негативное/позитивное» с точки зрения того, что первое более «продаваемо» и вызывает более острый пользовательский интерес, что отмечалось еще такими исследователями, как Х.С. Блум, Р. Борн, Х.Д. Прайс, С. Мак-Адамсом, С.Н. Сорока и другими [16].

СМИ зачастую акцентируют внимание на инаковости мигрантов, нагнетают страхи перед иммиграционным кризисом, чем способствует усилению анти-мигрантских настроений в обществе. Новостные сообщения о мигрантах порою подаются излишне эмоционально, с акцентом, что они имеют неприятный внешний вид, плохо владеют русским языком, пренебрегают общепринятыми правилами, не уважают нашу культуру, выполняют не квалифцированную, а самую «грязную» работу, что они сплачиваются в криминальные этнические группировки. Это пишут многие исследователи, в частности, такие как О.Ф. Вагранова, В.Е. Васильев, К.В. Власова, Т.Г. Скребцова и другие [17].

Необходимо указать и на инструменты конструирования негативного медийного образа мигранта. Это прежде всего язык медийных текстов, который наполнен милитаристскими метафорами, формирующими образ недруга («полчища мигрантов», «мигранты наступают», «мигранты оккупировали наши города», «поток нелегальных мигрантов»). Это также использование мемов типа «Москвабад», «Чуркистан». Образ мигранта криминализируется в описании событий, связанных с физическим насилием. На это указывают такие исследователи, как Е.С. Данилко, О.В. Киреева, А.П. Чудинов, Е.М. Шерман и другие авторы [18].

Сконструированный негативный медийный образ мигранта способствует высокому уровню ксенофобии. Применительно к Северному Кавказу, это показывает «Опрос Фонда «Общественное мнение» (ФОМ) проведен в октябре 2011 г. по заказу Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), когда было опрошено 24500 респондентов в 1364 населенных пунктах 49 субъектов РФ показал, что отрицательно относятся к соседству с выходцами с Кавказа 76,9% опрошенных, не возражали бы против такого соседства только 4,5%. Примерно таково же отношение опрошенных к выходцам из других стран: отрицательное отношение – 56,8%, положительное – 9,2%. Нужно отметить, что «отношение мигрантам из других регионов России, причем, независимо от их национальности, отношение следующее: не хотели бы их видеть своими коллегами 40,1% респондентов, подчиненными – 39,3%; положительно отнеслись бы 18,5% и 17,4%» [19].

Основные результаты

Анализ показывает, что негативный медийный образ мигранта содержит в себе отрицательные метафоры, оценки и установки, которые будучи внедренными в общественное сознание приобретают характер массовых стереотипов.

Способом создания негативного медийного образа мигранта является социальное конструирование, посредством формулирования медицйных фреймов, слоганов, мемов, этнически негативных оценочных суждений, ценностных установок, медийных описаний событий и ситуаций, в которых используется ксенофобная лексика.

Технологически конструирование негативного медийного образа мигранта выражается в следующих дискурсных стратегиях, таких как категоризация, типизация, персонализация, дегуманизация, стигматизация, дискриминация и криминализация.

Благодаря негативному медийному образу мигранта транслируются анти-этнические установки, которые находят свое отражение в опросах общественного мнения, демонстрирующих отрицательное и даже враждебное отношение к «иным» и «чужим».

Все указанные обстоятельства способствуют повышению уровня ксенофобии и мигрантофобии, которые могут быть катализаторами межнациональных конфликтов.

Литература

1. ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=814 (дата обращения: 25.06.2021).
2. Варганова, О.Ф. Образ трудового мигранта в федеральных и региональных СМИ (по результатам контент-анализа) // Социологическая наука и социальная практика. 2015. № 3 (11). – С. 81–93.; Скребцова, Т.Г. Образ мигранта в российских СМИ // Политическая лингвистика. Екатеринбург, 2007. Вып. 3 (23). – С. 115–118.; Титов, В.Н. О формировании образа этнического иммигранта (анализ публикаций прессы) // Социологические исследования. 2003. № 11. URL: http://www.isras.ru/ files/File/Socis/2003–11/titov.pdf. (дата обращения: 28.06.2016).; Якимова О.А. Репрезентация мигрантов в российских массмедиа и ее динамика (2010–2020 гг.) / О.А. Якимова // Siberian Socium. 2020. Том 4. № 4 (14). С. 22–40.
3. Нам, И.В., Карагеоргий, Е.М., Иванова, А.И., Никитина, Е.В. Конструирование образа трудового мигранта // Сибирские исторические исследования. 2017. № 1. – С. 166–192.
4. Дзялошинский, И.М., Пильгун, М.А. Культура коммуникаций в условиях цифровой и социокультурной глобализации: глобальный и региональный аспекты. В 3-х т. Т. III. Монография. М.: Издательство АПК и ППРО, 2018. – 400 с.
5. Бергер, П., Лукман, Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М.: Медиум, 1995. – 323 с.; Комарова, Е. Образ мигранта в медиа-дискурсе: традиционные СМИ и новые медиа // Философия и культура. 2019. № 4 (58) – С. 52–60.; Красикова, Т. Проблема конструирования социальной реальности в теории массовой коммуникации // Научный журнал «Современный дискурс-анализ» [Электронный ресурс]. – http://

discourseanalysis.org; Лапина, Т.В. Социальный конструктивизм и парадоксы социальных исследований науки // Философия: история и современность. 2004–2005: Сб. науч. тр. / Ин-т философии и права Объединенного института истории, филологии и философии СО РАН; Новосиб. гос. ун-т; Омский гос. ун-т. Новосибирск; Омск, 2005. – С. 72–86.; Moscovici, S. The phenomenon of social representations // Social representations. – Cambridge University Press, Cambridge, 1984. – P. 3–69.
6. Эль-Сибаи, Н.М. Социологический портрет современного мигранта // Фундаментальные исследования. – 2015. – № 2–25. – С. 5689–5692; URL: https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=38489 (дата обращения: 06.02.2023).
7. Гринченко, Е.А. Анализ ценностно-смысловой репрезентации образа нелегального мигранта в региональных СМИ: по результатам контентанализа // Социология. 2022. № 6. – С. 169–179.; Якимова, О.А. Репрезентация мигрантов в российских масс-медиа и ее динамика (2010–2020 гг.) // Социальные проблемы современной России. 2020. Том 4. № 4 (14). – С. 22–49.; Boehm, G. Representation, Presentation, Presence: Tracing the Homo Pictor. In: Alexander, J.C., Bartmanski, D. and Giesen, B. (eds.) Iconic Power: Materiality and Meaning in Social Life. 2012. New York: Palgrave Macmillan. – P. 15–24.; Holmes, S. M., Castañeda, H. Representing the «European refugee crisis» in Germany and beyond: Deservingness and difference, life and death // American Ethnologist. 2016. № 43. – P. 12–24. https://doi. org/10.1111/amet.12259.; Orgad, S. Media representation and the global imagination. Cambridge: Polity. 2012. – 296 p.
8. Fowler, R. Language in the news: discourse and ideology in the press. New York: Routledge, 1991. – 254 p. Available at: http://onscene.ru/Language-in-the-news – discourse-and-ideology-in-the-press-Roger-Fowler/2/babbgcj.; Hart, C. Event-construal in press reports of violence in two recent political protests: A cognitive linguistic approach to CDA // Journal of Language and Politics. – Amsterdam, 2013. – Vol. 12, N 3. – P. 400–423. DOI: https://doi.org/10.1075/jlp.12.3.05har.; Nagornaja, A.V. Chilton P. Language, space and mind: Conceptual geometry of linguistic meanings: (Summary). METHOD: Moscow Yearbook of Social Studies, 2016. № 6. – P. 251–269.; Van der Valk, I. Parliamentary discourse on immigration and nationality in France. R. Wodak, T.A. van Dijk (eds.). In: Racism at the top: parliamentary discourses on ethnic issues in six European states. Klagenfurt: DRAVA-Verlag, 2000. – P. 221–260.
9. Clémence, A. Social positioning and social representations // Representations of the social: Bridging theoretical traditions / Ed. by K. Deaux, G. Philogène. Oxford: Blackwell Publishers, 2001. – P. 83–85.; Farr, R. La représentation collective de l'individu // Bulletin de psychologie. 2001. T. 54. No. 6. – P. 735–743.; Moliner, P. Une approche chronologique des représentations sociales // La dynamique des représentations sociales / Ed. by P. Moliner. Grenoble: Presses Universitaires de Grenoble, 2001. – P. 245–268.; Moscovici, S. Why a theory of social representations? // Representations of the social: bridging theoretical traditions / Ed. by K. Deaux, G. Philogène. Oxford: Blackwell Publichers, 2001. – P. 18–61.
10. Мастикова, Н.С., Фадеев П.В. Кто настроен против иммигрантов в России? Анализ некоторых социально-демографических характеристик // Вестник Института социологии. 2020. Т. 11. № 4. – С. 99–125. https://doi.org/10.19181/vis.2020.11.4.681; Мукомель, В.И. Миграционная политика России: Постсоветские контексты / Институт социологии РАН. – Диполь-Т. 2005. – 351 с.; Пыркина, А.С. Миграционные процессы в России постсоветский период // Молодой ученый. 2019. № 51 (289). – С. 313–316.
11. Массовые и репрезентативные опросы, проводимые с 1989 г. Аналитическим Центром Юрия Левады. См.: Гудков Л. Динамика ксенофобии в постсоветской России // Вестник Института Кеннана в России. 2002. Вып. 1. – С. 49–50.; Гудков, Л.Д. Смещенная агрессия: отношение россиян к мигрантам // Вестн. обществ. мнения. 2005. Ноябрь-декабрь. № 80.
12. Аблажей, Н.Н. Образ трудового мигранта в прессе и массовом сознании россиян // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История. Филология. 2012. Т. 11. – С. 17–23.; Мукомоль В.И.. Российские дискурсы о миграции // Вестн. обществ. мнения. 2005. № 1 (75).; Скребцова, Т.Г. Образ мигранта в современных российских СМИ // Политическая лингвистика. Екатеринбург, 2007. Вып. 3 (23). – С. 15–119. URL: http: //www.philology. ru/linguistics2/ skrebtsova-07.htm
13. Бедрик, А.В., Бинеева, Н.К., Пантелеев, В.Г. Отражение категорий мигрантов в региональных СМИ и возможность его влияния на их интеграцию в принимающее общество: по материалам контент-анализа Интернет-изданий Ростовской области // Гуманитарий Юга России. 2022. № 6. – С. 112–127.
14. Гринченко, Е.А. Анализ ценностно-смысловой репрезентации образа нелегального мигранта в региональных СМИ: по результатам контент-анализа // Социология. 2022. № 6. – С. 169–179.
15. ESS8–2016 / ESS ERIC. 2021. URL: https://www.europeansocialsurvey.org/data/download. html?r = 8 (дата обращения: июль 2021).; Демидова, О.А. Отношение к иммигрантам в России: региональный аспект // Пространственная экономика. 2021. Т. 17. № 3. С. 133–155. https://dx.doi. org/10.14530/se.2021.3.133–155.
16. Bloom, H.S., Price, H.D. Voter Response to Short-Run Economic Conditions: The Asymmetric Effect of Prosperity and Recession // American Political Science Review, 1975 Volume 69. – P. 1240–1254.; Born, R. Surge and Decline, Negative Voting, and the Midterm Loss Phenomenon: A Simultaneous Choice Analysis // American Journal of Political Science. 1990. Volume 34. № 3. – P. 615–660.
17. Варганова, О.Ф. Образ трудового мигранта в федеральных и региональных СМИ (по результатам контент-анализа) / О.Ф. Варганова // Социологическая наука и социальная практика. 2015. № 3 (11). – С. 81–93.; Васильев, В.Е., Власова, К.В. Образ мигрантов в российских интернет-СМИ в период пандемии COVID-19 // Вестник общественных и гуманитарных наук. 2020. Т. 1, № 3. – С. 44–51.; Скребцова, Т.Г. (Транс)формирование социальных стереотипов в современном российском публичном дискурсе (на примере трудовых мигрантов и беженцев// Политическая лингвистика. – 2015. – № 1 (51). – С. 224–230.
18. Данилко, Е.С. Конфликты, связанные с мигрантами, на YouTube.com / Е.С. Данилко // Этнографическое обозрение. 2020. № 3. – С. 10–23. DOI: 10.31857/S086954150010045–9; Киреева, О.В. Метафорическое моделирование миграции в дискурсе российских и британских СМИ / О.В. Киреева // Политическая лингвистика. 2019. № 4 (76). – С. 31–38. DOI: 10.26170/pl19–04–03; Чудинов, А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование по-

литической метафоры (1991–2000) / А.П. Чудинов. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2001. – 238 с.; Шерман, Е.М. Образ «Чужого»: портрет мигрантов в СМИ и архетипы коллективного бессознательного / Е.М. Шерман // Дневник алтайской школы политических исследований. 2014. № 30. – С. 41–45.
19. Опрос Фонда «Общественное мнение» (ФОМ) проведен в октябре 2011 г. по заказу Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

FORMATS FOR CONSTRUCTING THE IMAGE OF A MIGRANT IN MODERN RUSSIAN MEDIA DISCOURSE

Volkov Yu.G., Kurbatov V.I.
Southern Federal University; South-Russian Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences

The article is devoted to identifying and analyzing the formats and results of constructing the image of a migrant in modern Russian media discourse, in accordance with which it is shown that the media image of a migrant is constructed by formulating medical frames, slogans, memes, ethnically negative value judgments, value attitudes, media descriptions of events and situations that use xenophobic language. The construction of a negative media image of a migrant is expressed in the following discourse strategies, such as categorization, typification, personalization, dehumanization, stigmatization, discrimination and criminalization, which are reflected in mass public opinion polls that demonstrate a negative and even hostile attitude towards «others» and «foreigners» and results in an increase in the level of xenophobia and migrant phobia, which can be catalysts for interethnic conflicts.

Keywords: migrant, labor and illegal migrant, media discourse, media text, media image, sociological survey, public opinion, xenophobia, migrantophobia

Reference

1. VCIOM. URL: https://wciom.ru/index.php?id=236& uid=814 (date of access: 06/25/2021)
2. Varganova, O.F. The Image of a Labor Migrant in the Federal and Regional Mass Media (Based on Content Analysis) // Sociological Science and Social Practice. 2015. No. 3 (11). – S. 81–93.; Skrebtsova, T.G. The Image of a Migrant in the Russian Media // Political Linguistics. Yekaterinburg, 2007. Issue. 3 (23). – S. 115–118.; Titov, V.N. On the Formation of the Image of an Ethnic Immigrant (Analysis of Press Publications) // Sociological Studies. 2003. No. 11. URL: http://www.isras.ru/files/File/Socis/2003–11/titov.pdf. (date of access: 06/28/2016).; Yakimova O.A. Representation of migrants in the Russian mass media and its dynamics (2010–2020)) / O.A. Yakimova / / Siberian Society. 2020. Volume 4. No. 4 (14). pp. 22–40.
3. Nam, I.V., Karageorgy, E.M., Ivanova, A.I., Nikitina, E.V. Construction of the image of a labor migrant // Siberian Historical Research. 2017. No. 1. – S. 166–192.
4. Dzyaloshinskii, I.M., Pil'gun, M.A. Culture of Communications in the Conditions of Digital and Socio-Cultural Globalization: Global and Regional Aspects. In 3 vols. T. III. Monograph. M.: APK and PPRO Publishing House, 2018. – 400 p.
5. Berger, P., Lukman, T. Social construction of reality. Treatise on the sociology of knowledge. – M.: Medium, 1995. – 323 p.; Komarova, E. The image of a migrant in media discourse: traditional media and new media // Philosophy and Culture. 2019. No. 4 (58) – S. 52–60.; Krasikova, T. The problem of constructing social reality in the theory of mass communication // Scientific journal «Modern discourse analysis» [Electronic resource]. – http://discourseanalysis.org; Lapina, T.V. Social constructivism and paradoxes of social science research // Philosophy: history and modernity. 2004–2005: Sat. scientific tr. / Institute of Philosophy and Law of the Joint Institute of History, Philology and Philosophy SB RAS; Novosib. state un-t; Omsk State un-t. Novosibirsk; Omsk, 2005. – S. 72–86.; Moscovici, S. The phenomenon of social representations // Social representations. – Cambridge University Press, Cambridge, 1984. – P. 3–69.
6. El-Sibai, N.M. Sociological portrait of a modern migrant // Fundamental Research. – 2015. – No. 2–25. – S. 5689–5692; URL: https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=38489 (date of access: 02/06/2023).
7. Grinchenko E.A. Analysis of the value-semantic representation of the image of an illegal migrant in the regional media: based on the results of content analysis // Sociology. 2022. No. 6. – S. 169–179.; Yakimova, O.A. Representation of migrants in Russian mass media and its dynamics (2010–2020) // Social problems of modern Russia. 2020. Volume 4. No. 4 (14). – S. 22–49.; Boehm, G. Representation, Presentation, Presence: Tracing the Homo Pictor. In: Alexander, J.C., Bartmanski, D. and Giesen, B. (eds.) Iconic Power: Materiality and Meaning in Social Life. 2012. New York: Palgrave Macmillan. – R. 15–24.; Holmes, S. M., Castañeda, H. Representing the "European refugee crisis" in Germany and beyond: Deservingness and difference, life and death // American Ethnologist. 2016. No. 43. – P. 12–24. https://doi. org/10.1111/amet.12259.; Orgad, S. Media representation and the global imagination. Cambridge: Polity. 2012. – 296 p.
8. Fowler, R. Language in the news: discourse and ideology in the press. New York: Routledge, 1991. – 254 p. Available at: http://onscene.ru/Language-in-the-news-discourse-and-ideology-in-the-press-Roger-Fowler/2/babbgcj.; Hart, C. Event-construal in press reports of violence in two recent political protests: A cognitive linguistic approach to CDA // Journal of Language and Politics. – Amsterdam, 2013. – Vol. 12, No. 3. – P. 400–423. – DOI: https: //doi.org/10.1075/jlp.12.3.05har.; Nagornaja, A.V. Chilton P. Language, space and mind: Conceptual geometry of linguistic meanings: (Summary). METHOD: Moscow Yearbook of Social Studies, 2016. No. 6. – P. 251–269.; Van der Valk, I. Parliamentary discourse on immigration and nationality in France. R. Wodak, T.A. van Dijk (eds.). In: Racism at the top: parliamentary discourses on ethnic issues in six European states. Klagenfurt: DRAVA-Verlag, 2000. – P. 221–260.
9. Clémence, A. Social positioning and social representations // Representations of the social: Bridging theoretical traditions / Ed. by K. Deaux, G. Philogene. Oxford: Blackwell Publishers, 2001. – P. 83–85.; Farr, R. La représentation collective de l'individu // Bulletin de psychologie. 2001. T. 54. No. 6. – P. 735–743.; Moliner, P. Une approche chronologique des représentations sociales // La dynamique des représentations sociales / Ed. by P. Moliner. Grenoble: Presses Universitaires de Grenoble, 2001. – P. 245–268.; Moscovici, S. Why a theory of social representations? // Representations of the social: bridging theoretical traditions / Ed. by K. Deaux, G. Philogene. Oxford: Blackwell Publichers, 2001. – P. 18–61.
10. Mastikova, N.S., Fadeev, P.V. Who is opposed to immigrants in Russia? Analysis of some socio-demographic characteristics // Bulletin of the Institute of Sociology. 2020. V. 11. No. 4. – C. 99–125. https://doi.org/10.19181/vis.2020.11.4.681; Mukomel, V.I. Russian Migration Policy: Post-Soviet Contexts / Institute of Sociology RAS. – Dipol-T. 2005. – 351 p.; Pyrkina, A.S. Migration processes in Russia in the post-Soviet period // Young scientist. 2019. No. 51 (289). – S. 313–316.
11. Mass and representative polls conducted since 1989 by Yuri Levada Analytical Center. See: Gudkov L. Dynamics of xenophobia in post-Soviet Russia // Bulletin of the Kennan Institute in Russia. 2002. Issue. 1. – S. 49–50.; Gudkov, L.D. Displaced aggression: the attitude of Russians towards migrants // Vestn. societies. opinions. 2005. November-December. No. 80.
12. Ablazhey, N.N. The image of a labor migrant in the press and the mass consciousness of Russians // Bulletin of the Novosibirsk State University. Series: History. Philology. 2012. Vol.11. – S. 17–23.; Mukomol V.I. Russian discourses on migration // Vestn. societies. opinions. 2005. No. 1 (75).; Skrebtsova, T.G. The image of a migrant in modern Russian media // Political Linguistics. Yekaterinburg, 2007. Issue. 3 (23). – S. 15–119. URL: http://www.philology. en/linguistics2/skrebtsova-07.htm
13. Bedrik, A.V., Bineeva, N.K., Panteleev, V.G. Reflection of categories of migrants in the regional media and the possibility of its influence on their integration into the host society: based on content analysis of Internet publications in the Rostov region // Humanitarian of the South of Russia. 2022. No. 6. – S. 112–127.
14. Grinchenko E.A. Analysis of the value-semantic representation of the image of an illegal migrant in the regional media: based on the results of content analysis // Sociology. 2022. No. 6. – S. 169–179.
15. ESS8–2016 / ESS ERIC. 2021. URL: https://www.europeansocialsurvey.org/data/download. html?r =8 (Accessed: July

2021).; Demidova, O.A. Attitude towards immigrants Russia: regional aspect // Spatial Economics. 2021. V. 17. No. 3. S. 133–155. https://dx.doi. org/10.14530/se.2021.3.133–155.
16. Bloom, H.S., Price, H.D. Voter Response to Short-Run Economic Conditions: The Asymmetric Effect of Prosperity and Recession // American Political Science Review, 1975 Volume 69. – R. 1240–1254.; Born, R. Surge and Decline, Negative Voting, and the Midterm Loss Phenomenon: A Simultaneous Choice Analysis // American Journal of Political Science. 1990. Volume 34. No. 3. – P. 615–660.
17. Varganova O.F. The image of a labor migrant in the federal and regional media (based on the results of content analysis) / O.F. Varganova // Sociological science and social practice. 2015. No. 3 (11). – S. 81–93.; Vasiliev, V.E., Vlasova, K.V. The image of migrants in Russian online media during the COVID-19 pandemic. Bulletin of Social and Humanitarian Sciences. 2020. V. 1, No. 3. – S. 44–51.; Skrebtsova, T.G. (Trans)formation of social stereotypes in modern Russian public discourse (on the example of labor migrants and refugees// Political Linguistics. – 2015. – No. 1 (51). – P. 224–230.
18. Danilko, E.S. Conflicts related to migrants on YouTube.com / E.S. Danilko // Ethnographic Review. 2020. No. 3. – S. 10–23. DOI: 10.31857/S086954150010045–9; Kireeva, O.V. Metaphorical modeling of migration in the discourse of Russian and British media / O.V. Kireeva // Political Linguistics. 2019. No. 4 (76). – S. 31–38. DOI: 10.26170/pl19–04–03; Chudinov, A.P. Russia in the Metaphorical Mirror: A Cognitive Study of Political Metaphor (1991–2000) / A.P. Chudinov. Yekaterinburg: Ural. state ped. un-t, 2001. – 238 p.; Sherman, E.M. The image of the “Alien”: a portrait of migrants in the media and the archetypes of the collective unconscious / E.M. Sherman // Diary of the Altai School of Political Studies. 2014. No. 30. – S. 41–45.
19. The survey of the Public Opinion Foundation (FOM) was conducted in October 2011 by order of the National Research University Higher School of Economics (NRU HSE).

Правовое регулирование молодежной политики: современное состояние и направления совершенствования

Данкова Валерия Владимировна,
аспирант кафедры политического анализа факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова,
E-mail: vd.duma@ya.ru

В настоящей статье анализируется Федеральный закон «О молодежной политике в Российской Федерации» и концептуальные изменения, разработанные и предложенные профильным комитетом Государственной Думы – Комитетом по молодежной политике. Подробно описываются предполагаемые изменения главного федерального закона в сфере молодежной политики. Также в статье рассматриваются исследования научного сообщества в сфере молодёжной политики, приводятся этапы становления постсоветской молодежной политики, обосновывается важность создания базовых нормативно-правовых условий эффективной реализации молодежной политики в России. Перспективы будущего развития Российской Федерации, в том числе духовно-нравственного, экономического и политического во многом зависит от развития социально-демографической группы, именуемой «молодежь». Молодежь является одним из субъектов реформационного процесса, от позиций, взглядов, ориентиров и активности которого зависит как эффективность социальных преобразований, так и качество жизни других социально-демографических групп. Вместе с тем, современная молодежь в России оказалась одной из самых социально незащищенных групп общества.

Ключевые слова: молодежная политика, молодёжь, государство.

Сегодня в части регулирования вопросов молодежи недостаточно только нормативно-регулятивного подхода, поэтому необходимо не только расширять действующее законодательство в части поддержки молодых людей, но и одновременно с этим запускать систему эффективного информационного обеспечения: информирования и информационного обмена. Такая система позволит выявлять результативность принимаемых управленческих решений по вопросам, касающимся молодежи. Организация прямой и обратной связи в управлении процессами при практической реализации молодежной политики, и изучение оценок молодежью своих возможностей в современном обществе, а также системный анализ сложившейся в обществе социально-экономической ситуации позволит определить, насколько эффективно используется потенциальные возможности молодого поколения как стратегического ресурса развития и даст ключи к повышению эффективности действующей молодежной политики.

Однако, темпы осуществления политических, экономических, социальных и духовных перемен и степень их содержательной глубины во многом определяются качеством и эффективностью государственной молодежной политики, в основе которой должен лежать полноценный правовой фундамент. При этом, для анализа и построения такого фундамента необходимо ориентироваться на проведенные исследования авторитетных ученых в сфере молодежной политики.

Исследования в сфере молодежной политики, составляющие научный интерес по данному вопросу можно разделить на три основные группы:

Первая группа – определение понятий «молодежь», «молодежная политика» функций, характеристик, поведения, потребностей молодежи и социального статуса молодежи. К этим вопросам в своих трудах обращались многие как отечественные исследователи. Так, понятие молодежи раскрывается в работах Лисовского В.Т. (1969), Белого О.И. (2012), Усыниной Н.И. (2013), молодежной политики – в работах И.М. Ильинского (2017), исследованием положения молодежи в обществе занимались как отечественные исследователи, к примеру И.П. Савченко, А.А. Шашенков, А.А. Кострова, В.А. Луков (2008), так и зарубежные – М. Бэнкс, М. Бэтон, Д. Катлер, Л. Крисхолм, П. Уиллис, П. Лаурицен, Г. Уиллимсон.

Психоаналитическое направление молодежной политики основывается на идеях З. Фрейда, Р. Бенедикта, Л. Фойера, Л. Шелеффа, Э. Эриксона. В рамках данного направления был сформирован системный взгляд на развитие личности в переходном возрасте. В аналогичном контексте работали отечественные социологи Л. Архангельский, С. Иконникова, В. Ольшанский Д. Фельдштейн.

В качестве основной характеристики молодежи исследователи Л.С. Выготский, Э. Клапаред, С. Холл, В. Штерн выделяли функцию социального взросления, утверждая, что именно такая функция определяет поведение молодых людей и особенности их сознания. П.А. Сорокин в работе «Кризис современной семьи» (1916) определил в качестве основной функции молодежи в обществе – социализацию.

Функции становления социального статуса отмечали исследователи И.С. Кон, Л. Розенмайр, Ф.Р. Филиппов. Немецкий социолог К. Мангейм обосновал теории молодёжной субкультуры, а исследователи Г. Гризе, Г. Джонс, Т. Джефферсон стали рассматривать субкультуру как особую форму организации молодежи. Классическим образцом культурологического направления являются работа М. Мид, К. Маннгейма, В.Ф. Левичева, А.И. Шендрик.

Вторая группа основана на изучении становления и развития современной молодежной политики – отечественных исследованиях изменений молодежной среды и нормативно-правового регулирования молодежной политики советского и постсоветского периода. Основы социальной адаптации молодежи к новым социально-экономическим условиям отражены в работах Е.Ш. Гонтмахер (2007), Терещенко А.Г. (2006), И.А. Григорьевой (2007), К. Мюллер, А. Пикель (2002) сравнительный анализ нормативно-правовой базы обеспечения молодежной политики советского и постсоветского периода, рассматривает О.А. Шушарина, М.В. Рабжаева (2004), Е.Н. Данилова (2015), Кузнецова Н.С. (1984), современные возможности для участия молодежи в общественно-политической жизни общества раскрываются в работах О.Э. Васькиной (2009), Л.И. Якобсон (2006).

Третья группа исследований связана с анализом актуальных проблем молодого поколения, изучением ценностных и семейных стратегий молодежи, исполнением репродуктивно-воспроизводственной и трансляционной функции молодежи, эволюции современной российской государственной молодежной политики. Данные вопросы глубоко рассматриваются в работах Н.С. Григорьевой (2020), Е.В. Андрюшиной, Е.А. Пановой (2019), В.Л. Лукова (2023), А.Б. Ручкина (2016), социальную интеграцию молодежи изучали Ю.А. Зубок, В.И. Чупров, социально-профессиональную мобильность Д.К. Константиновский, В.Н. Шубкин.

При этом семейная и репродуктивная функция молодежи наравне с трудовой является одной из наиболее социально-значимых для современного российского общества [5], а значит вопросы поддержки молодежи и молодой семьи должны входить в основу правового фундамента развития молодежной политики страны.

В 1999 году в государство поступило предложение о реализации мер для решения вопросов самореализации, духовно-нравственного развития, образования и трудоустройства молодежи: предлагалось усовершенствовать нормативно-правовую базу в данной сфере и создать отдельный телевизионный канал для детей и молодежи [2, 20]. На данное предложение государство откликнулось и уже в 2000-х годах стал применяться программно-целевой подход в осуществлении государственной молодежной политики. Основным инструментом регулирования молодежной политики стало создание федеральных целевых программ, к примеру «Молодежь России (2001–2005)», основной целью которой стала помощь молодому поколению в саморазвитии и самореализации на благо обществу. [10]

Понятие молодежной политики в России продолжительное время связывали с именем В.Ю. Суркова. Он считался идеологом молодежных проектов «Идущие вместе» и «Наши», работавших в 2000-х годах, целью которых была борьба с возможными «цветными революциями» в России. Однако в декабре 2011 года, когда произошли массовые молодежные митинги на Болотной площади, выяснилось, что эта цель не была достигнута и «молодёжная политика» была переформатирована. [14] Новый вектор молодежной политики был направлен в сторону «социальных лифтов» для молодежи, однако такая система в глазах молодых людей показала слабую вертикальную мобильность и большинство молодых людей не добились поставленных целей (А.В. Макаркин, 2020). [14]

С 2020 года в России ведется обширная работа в части создания и закрепления правовых механизмов работы с молодежью. Так, по итогам всенародного голосования в первую часть 72-й статьи (пункт «е»)) Конституции Российской Федерации внесены соответствующие поправки по закреплению предмета совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов в части молодежной политики, а также принят Федеральный закон «О молодёжной политике в Российской Федерации». Следует отметить, что указанный Федеральный закон был разработан с целью развития положений Конституции Российской Федерации и ее обновленной редакции. На этапе принятия данного законопроекта научным и экспертным сообществом были высказаны некоторые претензии, направленные открытым письмом [15] на этапе рассмотрения законопроекта. Так, одним из высказанных доводов стало опасение, что обсуждавшийся Федеральный закон лишит государство статуса основного субъекта формирования и реализации молодежной политики, выводя ее из системы общей политики государства за счет подмены понятия «государственная молодежная политика» понятием «молодежная политика». [13] При этом, другая часть научного сообщества высказала довод, что «молодежная политика» в соответствии с теорией государственного управления не лишает государство субъективной роли в процессе отношений в данной сфере, а скорее расширяет круг субъектов управления, узаконивая участия различных институций гражданского общества на других этапах политического цикла [11, С. 57, 9, С. 8].

Федеральный закон «О молодежной политике в Российской Федерации» [16] установил единую для всех субъектов Российской Федерации верхнюю границу возраста молодежи, повышение такой планки до 35 лет, что позволило создать нормативные основания для расширения государственной поддержки целого ряда категорий граждан России. К таковым, например, можно отнести молодые семьи, где возраст супругов не достиг 35-летнего возраста, молодых ученых, студентов и аспирантов, тех, кто мог бы получить жилищные льготы и льготы по ипотечному кредитованию и др.

По оценкам экспертов, после повышения верхней возрастной границы количество молодежи как социальной группы увеличилось на 12,7 млн человек, достигнув цифры в 41 млн человек [17]. При этом, Закон все еще является «рамочным», «векторным», в нем не закреплены конкретные гарантии поддержки молодых людей, кроме того, очевидных результатов принятия данного закона до сих пор отследить не представляется возможным, в связи с чем в 2022 году Комитет Государственной Думы по молодежной политике поставил перед собой задачу обновить действующий Федеральный закон, сделав его адресным и построенным вокруг интересов, проблем и запросов молодого россиянина.

Новая концепция Федерального закона «О молодежной политике, в Российской Федерации», предлагаемая Комитетом, закрепит гарантии поддержки молодежи по 14 разным направлениям, которые коснутся в том числе жилищной сферы, трудоустройства, института молодой семьи, в законопроекте появятся главы, посвященные инфраструктуре молодежной политики, статьи, расширяющие полномочия органов власти и молодежного самоуправления. Ведется большая работа по уточнению ряда параметров для усиления отрасли молодежной политики, предоставлению Правительству Российской Федерации и региональным органам власти

дополнительных ресурсов и инструментов для работы с молодежью, а самой социальной группе – уверенность в завтрашнем дне. [18]

Новая редакция будет выстроена на наиболее важных для молодых людей направлениях: обучение, трудоустройство и патриотическое воспитание. При этом, целесообразным видится нормативное закрепление и усиление поддержки института молодой семьи и укрепление традиционных семейных ценностей, деторождения.

Расширится количество основных понятий, регламентируемых в нормативном правовом поле, расширятся принципы молодежной политики, появится разграничение полномочий федеральных органов власти в сфере осуществления молодежной политики и органов государственной власти субъектов Российской Федерации, кроме того, части функций в сфере реализации молодежной политики будут осуществляться посредством межведомственной координации. [19]

Предлагается прописать в Федеральном законе механизмы организации и проведения мониторинга реализации молодежной политики с ежегодным представлением доклада о положении молодежи в Российской Федерации, при этом утверждение порядка осуществления такого мониторинга закрепляется за Правительством Российской Федерации. Предлагается расширить основные направления реализации молодежной политики, где одним из направлений станет поддержка молодых семей, популяризация традиционных семейных ценностей, воспитание ответственного отношения к семье, материнству, отцовству и детству, а также воспитание преемственности традиций, вовлечение молодежи в реализацию программ по сохранению российской культуры, исторического наследия народов страны, обеспечение занятости молодежи, содействие профессиональному развитию молодых работников и организация кадрового обеспечения в сфере молодежной политики.

В отличии от действующей редакции Федерального закона участие молодых граждан в реализации молодежной политики предлагается выделить в отдельную главу законопроекта, где будут нормативно закреплены формы участия молодежи в реализации молодежной политики, механизмы участия молодых граждан в формировании планов мероприятий молодежной политики, самоуправление в молодежной сфере, поддержка самоорганизации и самореализации молодых граждан в некоммерческом секторе, механизмы поддержки молодежных инициатив и поддержки негосударственных организаций, индивидуальных предпринимателей, осуществляющих деятельность в сфере молодежной политики, участие некоммерческого сектора в реализации молодежной политики и др.

Третья проектируемая глава [19] – принципиально инновационное решение в сравнении с действующей редакцией Федерального закона О молодежной политики в Российской Федерации. Предполагается, что она будет направлена на регулирование инфраструктуры молодежной политики. В основу данной главы может войти типизация учреждений по работе с молодежью, декларативные нормы в части утверждения единого федерального стандарта молодежных учреждений, функционал, компетенции, права, обязанности и ответственность таких учреждений, их информационная открытость и доступность, кадровое обеспечение реализации молодежной политики и организация независимой оценки качества условий оказания услуг учреждениями молодежной политики.

Четвертая и пятая главы [19] могут включить в себя направления и возможности поддержки молодежи: поддержку в жилищной сфере, сфере науки, образования, просвещения, труда и занятости, социально-трудовой адаптации, здравоохранения, физической культуры и спорта, поддержку в организации молодежного предпринимательства, туризма, досуга, отдыха, культуры, творчества, поддержку молодых военнослужащих и членов их семей, молодых граждан и членов семей лиц, принимающих участие в специальных военных и контртеррористических операциях, поддержку лиц с выдающимися способностями, молодых семей, представителей коренных малочисленных народов России, молодых граждан, постоянно проживающих на сельских территориях, молодежи, оказавшийся в трудной жизненной ситуации, поддержку молодых граждан – беженцев и соотечественников за рубежом, механизмы реализации духовно-нравственного и патриотического воспитания, профилактики и предупреждения негативных явлений в молодежной среде.

Шестую проектируемую главу [19] планируется направить на обеспечение молодежной политики: закрепление источников финансирования молодежной политики, расширение содержания статьи об информационном обеспечение реализации молодежной политики действующего Федерального закона в части закрепления методов и средств осуществления информационного обеспечения молодежной политики. Седьмая глава может быть направлена на регулирование международного, межрегионального и межмуниципального сотрудничества в сфере молодежной политики.

Расширение правозащитной работы с молодежью, определение права молодежи на равный доступ к мерам государственной поддержки, обеспечение прицепов социального партнерства при реализации молодежной политики, а также включение молодежи в проекты социально-экономического развития как регионов, так и страны в целом будет способствовать развитию молодежи, а социально-правовой статус и правовые, экономические и организационные условия поддержки, стимулирования юридических и физических лиц, осуществляющих деятельность в сфере молодежной политики позволит усилить молодежную инфраструктуру и более детально поддерживать особые категории молодежи.

Любой закон, после его принятия, должен «наполняться» финансовым обеспечением для реализации положений, обоснованных в нем. Главным актором в сфере реализации молодежной политики в России является Федеральное агентство по делам молодежи (Росмолодежь).

Рассматривая финансирование Росмолодежи в 2021–2023 году расходы на молодежную политику в России сначала сократились на 12%. Ранее бюджетная поддержка молодежной политики росла, так в 2019 году она составила 32,9 млрд руб, в 2020 году – 45 млрд руб. В 2022 году на эти цели планировалось направить 37,3 млрд руб. В этом случае снижение финансирования молодежной политики показывает, что фокус внимания власти сместился с молодежи в сторону более старшего поколения, при этом для той части молодежи, которая интересуется политикой четкого идеологического и политического предложения ни у парламентских партий, ни у органов исполнительной власти пока не сформировано.

Сложившаяся обстановка в России с февраля по сентябрь 2022 года, в том числе проблемы, с которыми столкнулось государство при проведении мобилизационных мероприятий в 2022 году перенаправило взгляды государства в сторону молодого населения. Государство было вынуждено направить силы на укрепление патриотических взглядов молодежи. Возможно, в связи с этим планируемые расходы на молодежную политику в 2023 году вырастут до 69 млрд рублей, при этом

на ближайшие три года (2023–2025) запланировано выделить 188 млрд рублей. Из них 5 млрд рублей планируется на править на развитие региональных молодежных центров по программе «Регион для молодых», еще 18 млрд рублей – на развитие российского движения детей и молодежи, учрежденного в 2022 году [20].

При этом, в проектируемой редакции нового Федерального закона «О молодежной политике в Российской Федерации», как и в действующем Федеральном законе «О молодежной политике в Российской Федерации» от 2020 года поддержка политических интересов и мотивация молодежи на активное участие в политической жизни России сведена к минимуму, основное внимание отведено развитию молодежной инфраструктуры, поддержке в сфере образования, трудоустройства и патриотического воспитания. Данные направления бесспорно являются одними из приоритетных в сфере государственного регулирования, однако за рамками все еще остаются «политические ориентации» и «формирование политических взглядов», которыми предметно не занимается ни государство, ни партийные институты. [6]

Вместе с тем, деполитизация молодежи и низкий интерес к политике большей части молодых людей сегодня может стать условием для развития протестных молодежных движений активного меньшинства, основанных на нарастающей социальной несправедливости и равнодушии со стороны органов власти в части таких проблемных процессов, как доступность образования, жилья и рабочих мест.

Подводя итог рассмотрению действующего Федерального закона «О молодежной политике в Российской Федерации» и проектируемых изменений к нему необходимо констатировать, что организация молодежной политики в современной России продолжает развиваться. Новая концепция законопроекта видится более применимой к современным реалиям и больше отвечает запросом молодежи. Внесение изменений позволит расширить возможности самореализации молодежи, обеспечит более действенную информационную и мониторинговую систему, позволит молодым людям чувствовать себя уверенно и вероятно окажет положительное влияние на системное развитие молодежной среды.

Литература

1. Белый О.И. Определение сущности понятия «молодежь» // Теория и практика общественного развития. 2012. № 12 С. 156–158
2. Гречихин В.Г. Современная молодёжная политика в России // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. С. 18–21
3. Григорьева Н.С. Жизненные планы студенческой молодежи: семья versus карьера // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований/ Гуманитарные и общественные науки, издательство Государственное бюджетное учреждение Российский гуманитарный научный фонд (Москва), № 5. С. 156–165
4. Данилова Е.Н. Периоды изменений в социальной политике и представлениях о социальной справедливости в России // Социологическая наука и социальная практика. 2015. Вып. 2 (10). С. 18–50.
5. Данкова В.В. Семейные и репродуктивные установки молодежи Москвы: анализ результатов социологического исследования // Социология /Акад. проект. М. 2023. № 2. С. 25–35.
6. Данкова В.В. Молодежная политика современных парламентских партий // Вопросы политологии. 2022. Том 12, № 12 (88). С. 4164–4174
7. Ильинский И.М. Государственная молодежная политика в СССР. М., 2017
8. Луков В.А. Теории молодежи: междисциплинарный анализ / Вал. А. Луков; Московский гуманитарный университет, Институт фундаментальных и прикладных исследований., Междунар. акад. наук., М.: Канон+, 2012. 527 С.
9. Меркулов П.А. Новый федеральный закон как завершение конституционализмами молодежной политики в Российской Федерации. // Вестник Поволжского института управления. 2021. Том 21. № 2. С. 4–19
10. Ростовская Т.К. Социальное конструирование правового статуса молодежи и молодой семьи / Т.К. Ростовская // Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского. Серия Социальные науки. 2018. № 3(35)
11. Сулакшин С.С. Современная государственная политика и управление. М. 2019. С. 57–104
12. Якобсон Л.И. Перспективы социальной политики. Социальная политика: коридоры возможностей // Общественные науки и современность. 2006. № 2. С. 52–66
13. Открытое письмо ученых «О законопроектах в сфере государственной молодежной политики, принятых Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации в первом чтении 11 ноября 2020 года». [Электронный ресурс] URL.: http://www.smibpress.ru/prezidentu_rossii-skoi_federacii-_v.v-putinu_otkryt.pdf (дата обращения 25.05.2023)
14. Кузнецова Е. Власти сократят финансирование молодежной политики //РБК / Выпуск 21.10.2020, Электронный ресурс / URL. https://www.rbc.ru/politics/21/10/2020/5f8eaa409a79470bbc85007d (дата обращения: 24.07.2023).
15. Открытое письмо ученых «О законопроектах в сфере государственной молодежной политики, принятых Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации в первом чтении 11 ноября 2020 года»
16. Федеральный закон от 30.12.2020 № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации»
17. Замахина Т. Плюс пять лет: Госдума повысила возраст молодежи до 35 лет // Российская газета. Столичный вып. № 291 (8345) / Рубрика: Власть. 23.12.2020
18. Профильный комитет представит концепцию обновленного закона «О молодежной политике в РФ». Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, 28.06.2022 [Электронный ресурс] URL: http://duma.gov.ru/news/54741/ (дата обращения: 24.07.2023).
19. Текст предполагаемого законопроекта в редакции от 17.01.2023. Из личного архива автора.
20. Филиппова Е. На молодежную политику в 2023 году направят 69 млрд рублей / Парламентская газета. Издание Федерального Собрания Российской Федерации 05.10.2022 / [Электронный ресурс] URL: https://www.pnp.ru/social/na-molodezhnuyu-politiku-v-2023-godu-napravyat-69-mlrd-rubley.html?ysclid=lir2y3rf3747964 (дата обращения: 24.07.2023).

LEGAL REGULATION OF YOUTH POLICY: CURRENT STATE AND DIRECTIONS FOR IMPROVEMENT

Dankova V.V.
Lomonosov Moscow State University

This article analyzes the Federal Law “On Youth Policy in the Russian Federation” and the conceptual changes developed and pro-

posed by the relevant committee of the State Duma – the Committee on Youth Policy. The proposed changes to the main federal law in the field of youth policy are described in detail. The article also examines the research of the scientific community in the field of youth policy, describes the stages of formation of post-Soviet youth policy, substantiates the importance of creating basic regulatory conditions for the effective implementation of youth policy in Russia. The prospects for the future development of the Russian Federation, including spiritual, moral, economic and political, largely depend on the development of a socio-demographic group called "youth". Youth is one of the subjects of the reformation process, on the positions, views, guidelines and activity of which depends both the effectiveness of social transformations and the quality of life of other socio-demographic groups. At the same time, modern youth in Russia turned out to be one of the most socially unprotected groups of society.

Keywords: youth policy, youth, state.

References

1. Bely O.I. Definition of the essence of the concept of "youth" // Theory and practice of social development. 2012. No. 12, pp. 156–158
2. Grechikhin V.G. Modern youth policy in Russia // Humanities, socio-economic and social sciences. 2021. pp. 18–21
3. Grigorieva N.S. Life plans of students: family versus career // Bulletin of the Russian Foundation for Fundamental Research/ Humanities and Social Sciences, publishing house State Budgetary Institution Russian Humanitarian Scientific Foundation (Moscow), No. 5. pp. 156–165
4. Danilova E.N. Periods of changes in social policy and ideas about social justice in Russia // Sociological science and social practice. 2015. Issue 2 (10). pp. 18–50.
5. Dankova V.V. Family and reproductive attitudes of Moscow youth: analysis of the results of a sociological study // Sociology /Akad. project. M. 2023. No. 2. pp. 25–35.
6. Dankova V.V. Youth policy of modern parliamentary parties // Questions of political science. 2022. Volume 12, No. 12 (88). pp. 4164–4174
7. Ilyinsky I.M. State youth policy in the USSR. M., 2017
8. Lukov V.A. Theories of youth: interdisciplinary analysis / Val. A. Lukov; Moscow Humanitarian University, Institute of Fundamental and Applied Research., International. akad. nauk., M.: Canon+, 2012. 527 P.
9. Merkulov P.A. The new federal law as the completion of constitutionalism of youth policy in the Russian Federation. // Bulletin of the Volga Institute of Management. 2021. Volume 21. No. 2. pp. 4–19
10. Rostovskaya T.K. Social construction of the legal status of youth and young family / T.K. Rostovskaya // Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. Social Sciences series. 2018. № 3(35)
11. Sulakshin S.S. Modern state policy and management. M. 2019. pp. 57–104
12. Yakobson L.I. Prospects of social policy. Social policy: corridors of opportunities // Social Sciences and modernity. 2006. No. 2. pp. 52–66
13. Open letter of scientists "On draft laws in the field of state youth policy adopted by the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation in the first reading on November 11, 2020". [Electronic resource] URL.: http://www.smibpress.ru/prezidentu_rossii-skoi_federacii_v.v-putinu_otkryt.pdf (accessed 25.05.2023)
14. Kuznetsova E. The authorities will reduce the financing of youth policy // RBC / Issue 21.10.2020, Electronic resource / URL. https://www.rbc.ru/politics/21/10/2020/5f8eaa409a79470bbc85007d (accessed: 07/24/2023).
15. Open letter of scientists "On draft laws in the field of state youth policy adopted by the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation in the first reading on November 11, 2020"
16. Federal Law No. 489-FZ of December 30, 2020 "On Youth Policy in the Russian Federation"
17. Zamakhina T. Plus five years: The State Duma raised the age of youth to 35 years // Rossiyskaya Gazeta. Metropolitan issue No. 291 (8345) / Category: Power. 23.12.2020
18. The Profile Committee will present the concept of the updated law "On Youth Policy in the Russian Federation". Official website of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, 06/28/2022 [Electronic resource] URL: http://duma.gov.ru/news/54741 / (date of appeal: 07/24/2023).
19. The text of the proposed bill as amended on 01/17/2023. From the author's personal archive.
20. Filippova E. 69 billion rubles will be allocated for youth policy in 2023 / Parliamentary Newspaper. Publication of the Federal Assembly of the Russian Federation 05.10.2022 / [Electronic resource] URL: https://www.pnp.ru/social/na-molodezhnuyu-politiku-v-2023-godu-napravyat-69-mlrd-rubley.html?ysclid=lir2y3rf3747964 (accessed: 07/24/2023).

«Связывающий» и «соединяющий» типы социального капитала в управлении результативностью организации: постановка проблемы

Игумнов Олег Александрович,
кандидат педагогических наук, доцент, доцент, кафедра экономической теории и менеджмента, Институт социально-гуманитарного образования, ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет»
E-mail: oleg_igumnov@mail.ru

Мусарский Марк Михайлович,
доктор экономических наук, доцент, научный руководитель, Институт социально-гуманитарного образования, ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет»
E-mail: mm.musarskij@mpgu.su

Статья содержит результаты анализа взаимосвязи «связывающего» и «соединяющего» типов социального капитала с результативностью организации. На основе авторской концепции социального капитала сделан вывод о наличии положительной связи указанных форм социального капитала с результативностью организации в силу их комплементарности по отношению друг к другу.
Авторы отмечают, что указанные формы социального капитала не находятся в состоянии оппозиции, а представляют собой две стороны более общего понятия – «социальный капитал организации», отражая направленность социальных связей, его образующих. В статье поставлен ряд управленческих проблем, решение которых определяется с позиции ресурсного потенциала указанных типов социального капитала.
Авторы, опираясь на положения социоресурсного подхода в социально ориентированном управлении, делают вывод о том, что «соединяющий» и «связывающий» типы социального капитала обладают равной практической ценностью для организаций при условии учёта стадий жизненного цикла, контекста функционирования и специфики деятельности организации.

Ключевые слова: социальный капитал, социальный ресурс, социоресурсный подход; ресурс управления, «связывающий» тип социального капитала, «соединяющий» тип социального капитала, результативность управления, эффективность управления.

В современном динамичном мире организации стремятся к достижению целей за счёт доступа к дополнительным ресурсам и развития новых возможностей посредством установления и расширения социальных связей как внутри организации, так и с субъектами вне её. Логично поэтому повышение внимания в исследованиях по вопросам управления к ключевым факторам повышения эффективности и устойчивости деятельности организации. Концепции социальной структуры и социальных сетей активно заимствуются из сферы социологических исследований в сфере предпринимательства и управления организациями.

В значительной части исследований сетевой подход применяется как потенциально подчёркивающий важность приобретения и использования ресурсов, доступных организации как формы социальной связи, и, в частности, их влияние на результаты её деятельности. Так, в качестве одной из продуктивных в настоящее время признана концепция социального капитала как источника создания неповторимых ресурсов управления, обладающих нематериальной природой, и генерирующих ценность организации, её динамический потенциал. Исследование специфики влияния социального капитала на эффективность деятельности организации стало важной областью исследований проблем управления в условиях ограниченности ресурсов традиционных форм, прежде всего, ресурсов материальной природы.

Кроме того, отметим значительное усиление тренда к переходу в управлении большими коллективами людей (рабочими группами) на основе использования современного понимания указанного процесса как субъект-субъектного и человекоцентричного. По сути, человекоцентричность представляет собой особую философию управления людьми, основанную на доверии к сотрудникам. Человекоцентричность может быть интерпретирована и как свойство организации, при котором её деятельность ориентирована на соблюдение интересов человека как личности, как субъекта и как ведущего компонента рабочей команды. Чем мощнее и стремительнее развивается мир цифровых технологий, тем более актуальным становится этот управленческий тренд. На основе этого принципиального положения создан Альянс человекоцентричных организаций, участники которого исходят из необходимости создания «партнёрских отношений между компанией и сотрудником, в которых сотрудник получает возможность полностью реализовать свой потенциал, действуя в бизнес-целях» [19].

Примером реализации принципов человекоцентричности в организациях является, например, Манифест человекоцентричной организации, принятый по итогам работы секции «Человекоцентричность в современном мире» в рамках VII Санкт-Петербургского Международного Форума Труда (17 марта 2023 года) [20], в котором феномен человекоцентричности организаций представлен, как нам представляется, на уровне первичной концептуальности.

Очевидно, что появление подобных альянсов и манифестов отражает закономерный процесс трансформации человеческих ресурсов в ресурсы социальные, обладающие, как уже отмечалось, нематериальной при-

родой в силу самого факта их формирования на основе изменения сущности социальных отношений, обусловленных профессиональной деятельностью.

Отметим при этом, что человекоцентричность, при всей значимости методологического «поворота» в науке об управлении, ею обусловленного, никоим образом не исключает сохраняющейся значимости социального характера деятельности субъектов в любой организации. Данное обстоятельство обусловлено коллективным характером деятельности в любой организации и спецификой регулирования данной деятельности на основе использования основных форм социального взаимодействия, а также субъект-субъектным характером подобного взаимодействия.

Более того, поскольку в основе формирования нового подхода в управлении заявлено доверие в рамках социальной сети (по сути выступающее одним из социальных ресурсов управления), в качестве основной формы социальных ресурсов управления организацией представляется целесообразным рассматривать её социальный капитал. В нашем подходе, определяемом как социоресурсный, мы исходим из того, что социальный капитал выступает ресурсом социально ориентированного управления, сущность которого определяется формой и характером социальных отношений между членами организации, опосредованных функционально обусловленной деятельностью и социально-значимыми интересами [подробнее см.: 4].

Образованный структурным, когнитивным и реляционным компонентами, социальный капитал, по сути, выступает в качестве основной формы социального ресурса, не требующей существенных материальных затрат, но предполагающей необходимость развития субъект-субъектного взаимодействия, формирующего социально-партнёрские отношения и элементы социальной солидарности в организации.

Важность солидарности подчеркнём особо, поскольку социальная солидарность транслируется во внешнюю влияющую среду и социальное пространство функционирования организации, формируя основы общества социальной солидарности, выступающей своего рода социальной скрепой социума, что принципиально важно в современных условиях противостояния попыткам расшатывания гражданской и национальной идентичности, а также «размывания» духовных ценностей российского общества.

Социальный капитал в концептуальном плане достаточно разработан, опубликовано значительное число исследований, опирающихся, тем не менее, на различные представления о его сущности и содержании. Подробно свойства социального капитала изложены в ряде наших публикаций [2; 3], выделим несколько аспектов, касающихся типологии социального капитала и вызывающий, как правило, наиболее интересные в практическом отношении дискуссии.

Прежде всего, не сложился консенсус в понимании механизмов влияния социального капитала на эффективность управления, результативность и устойчивость функционирования организации. Более того, как теоретические аргументы [6], так и результаты эмпирических исследований о прямом влиянии социального капитала на результаты деятельности организаций [18] в значительной части частично остаются неубедительными.

По нашему мнению, данный факт обусловлен тем, что эффективность в исследованиях подменяется эффектами, которые возможно выделить и описать, однако без определения причинно-следственной связи эффектов с проявлениями социального капитала сами эффекты могут приобрести окказиональный характер. Указанный аспект в исследовании социального капитала требует разработки принципов и методов его операционализации.

Другим аспектом выступает типология социального капитала по содержанию социальных связей, его образующих. Как правило, в рамках данного аспекта рассматриваются так называемые «связывающий» и «соединяющий» типы социального капитала, которые в большинстве исследований интерпретируются либо как тождественные, либо весьма упрощаются в силу игнорирования дифференциации лингвистического смысла глаголов «связывать» и «соединять» в русском языке. С позиций концепции социального капитала и социоресурсного подхода в социально ориентированном управлении указанные типы социального капитала с точки зрения потенциала их влияния на функционирование организации целесообразно дифференцировать.

Так, в теоретическом подходе Р. Патнэма «связывающий» (*bonding*) социальный капитал обеспечивает внутригрупповую солидарность и идентичность, являясь более эксклюзивным, а «соединяющий» (*bridging*) социальный капитал обеспечивает доступ к внешним активам и информации, более широкие и гетерогенные социальные связи [16].

Социальный капитал организации, по сути, отражает ключевые характеристики социальных отношений, которые влияют на характер и результаты их использования. Подобными характеристиками являются: 1) *частота* контактов, или интеракций, между участниками социальной сети способствующая накоплению социального капитала в силу повторяемости и устойчивости взаимодействия; 2) *однородность* – наличие между участниками сети разделяемых ценностей и целей. Механизм, лежащий в основе формирования социального капитала, в данном случае основан не на реальных и ожидаемых интеракциях, а именно на наличии общей ценностно-целевой компоненты, а также уверенности в том, что другие члены группы будут выполнять свои обязательства; 3) *иерархия* – способ социальной организации, основанный на концентрации социальных контактов вокруг некоторых управляющих центров. Концентрация социального капитала в иерархической структуре упрощает её восприятие и способствует формированию чётких правил и ролей, структурирующих распределение ожиданий и обязательств.

Взаимодействие трёх названных характеристик социальных отношений порождает: а) *соединяющий* (*bridging*) социальный капитал, основанный на частоте контактов и однородности и, по сути, отражающий функционирование в неформальных группах в рамках организации; б) *связывающий* (*bonding*) социальный капитал, возникающий, когда в равной мере выраженными являются все три измерения социальных отношений. Научной справедливости ради отметим, что, по сути, речь в данном случае следовало бы вести не о типах, а о формах проявления социального капитала с учётом специфики социальных отношений. Данное замечание с методологической точки зрения представляется принципиальным, отражая важность дифференциации содержания (понимаемого как совокупность существенных и отличительных признаков и качеств) социального капитала и формы его существования и проявления в социальной среде.

Разница между «связывающим» и «соединяющим» типами социального капитала, связанная с характером отношений в социальных группах, подробно проанализирована в нашей публикациях по данной проблеме [1]. «Связывающий» тип социального капитала формируется внутри социальных групп, в то время как «соеди-

няющий» тип формируется во внешней среде, обеспечивая связь между социальными группами. Различия между «соединением» и «связыванием» обусловлены рядом характеристик социальных взаимосвязей. В уже упомянутой работе Р. Патнэма отмечается, что «связывающий» социальный капитал полезен для «выживания», а «соединяющий» имеет решающее значение для «продвижения вперед» [16]. В подходе М. Гранноветера и Н. Лина, «связывающий» капитал – это «слабые» связи, «соединяющий» капитал – «сильные» связи.

Различие между указанными типами социального капитала уходит корнями в сетевой анализ, основанный на методологическом индивидуализме и теории рационального выбора. Эти различия необходимо исследовать для объединения множества противоречивых аспектов социальных сетей и социальных норм в единую научную теорию социального капитала. Другой подход предполагает анализ различий между структурным и когнитивным компонентами социального капитала. Концепты «соединяющего» и «связывающего» типов социального капитала связаны с сетевыми теориями структурных «дыр» и проблемой «замкнутости» (целостности) социальных сетей. В данном контексте разница между «соединяющим» и «связывающим» типами заключается в том, что структурные «дыры» являются проявлением «соединяющего» типа, а целостные сети – «связывающего» типа.

В теории социального капитала принято считать, что оба типа описывают социальные отношения, интерпретируемые как форма социальной связи. Если отношения формируются с индивидами сходных по параметрам социальных групп, то данные отношения описываются с помощью концепта «связывающего» типа социального капитала. Отношения с представителями различных по параметрам социальных групп регулируются в рамках «соединяющего» типа социального капитала.

Принципиально важно с теоретической точки зрения, что каждый из указанных типов социальных отношений может рассматриваться как источник формирования социального капитала. Так, отношения, в основе которых лежит групповая принадлежность, могут рассматриваться как образованные в значительной степени «сильными» связями, которые в теории социального капитала традиционно интерпретируются как «связывающий» (*bonding*) социальный капитал. Отношения обмена, в свою очередь, в большей мере основаны на «слабых» связях. В случае «сильных» связей обязательства носят, в значительной мере, безусловный характер, а сами отношения основываются на элементах групповой солидарности и нормах лояльности. Во втором случае обязательства, по сути, представляются контрактными, основанными исключительно на принципах взаимности и гарантиях возвратности (реципрокности).

Анализ результатов исследований по проблеме показывает, что обе формы социального капитала не рассматриваются как теоретическая дихотомия; наоборот, указанные формы определяются как взаимосвязанные и комплементарные формы проявления социального капитала, обладающие специфическими свойствами, продуцирующими различные эффекты.

Данный вывод позволяет представить социальный капитал не в качестве «латентного феномена», который отражается в различных фиксируемых показателях как рефлексивный конструкт. Напротив, социальный капитал как теоретическое понятие и социальная реальность конструируется с использованием совокупности показателей, то есть как формирующаяся конструкция. Иными словами, «связывающий» и «соединяющий» социальный капитал представляются как две разных и не взаимозаменяемых формы социального капитала, каждая из которых является проявлением различных сторон одного явления, в данном случае о различных способах взаимосвязи между ними.

Так, социальный капитал, в подходе Дж. Коулмана и Р. Бёрта, представляется как свойство или функция сети [10; 11]; в работах П. Бурдьё социальный капитал – ресурс, который присущ социальной структуре [8], обладающий ценностью для участников сети, позволяющей достигать целей, достижение которых без использования социального капитала было бы невозможно для конкретного участника.

Поскольку источник социального капитала представлен структурой и содержанием социальных отношений субъекта [6], в рамках анализа каждой из указанных форм социального капитала следует дифференцировать структурную перспективу (акцент на конфигурацию социальной сети) и реляционную перспективу (акцент на содержание и характер связей).

«Связывающий» социальный капитал определяется как форма, обеспечивающая преимущества контроля над информацией и первичного доступа к знаниям, получаемым благодаря внешним связям субъекта с другими субъектами. Связующее измерение социального капитала можно рассматривать как со «структурной точки зрения», фокусируясь на структурах сети, так и с «реляционной точки зрения», уделяя особое внимание характеру и содержанию внешних связей.

Сторонники преимуществ «соединяющего» социального капитала опираются на концепцию Р. Бёрта [9; 10] о структурных «дырах», посредничестве, «разреженных» (или открытых) сетях (структурная перспектива) и о концепции слабых связей М. Грановеттера [13], то есть отношениях знакомства, нечастых контактах и связях с другими субъектами (перспектива взаимоотношений).

В совокупности указанных форм социального капитала структурная и реляционная перспективы пересекаются: слабые связи между группами рассматриваются как «дыры» в социальной структуре и создают конкурентное преимущество для субъектов, в отношения между которыми данные «дыры» формируются. Следовательно, разреженные (или открытые) сети и слабые связи представляют собой два способа борьбы с одним и тем же явлением: информационными преимуществами и преимуществами контроля, определяемыми сетевыми взаимодействиями.

Организация с многочисленными структурными «дырами» получает больший объём информации о деловых возможностях, информационных и других ресурсах, существующих за пределами среды её функционирования. Кроме того, в ней формируется явление «информационного брокериджа», позволяющее распространять информацию по неофициальным каналам благодаря сетевым связям. Следовательно, в общем смысле, структура сети, обладающая своеобразными «дырами», прямо влияет на результативность организации. Данный вывод подтверждается и результатами исследований зарубежных исследователей [7].

«Связывающий» социальный капитал выступает результатом укреплением доверия и норм взаимности между участниками сети, чему способствуют связи между ними. Концепция «связывающего» социального капитала основана на исследованиях М. Грановеттера [12; 13], который подчеркивал важность анализа личных отношений в сети, их укоренённость (*embeddedness*) в формировании доверия, создании и обеспечении соблюдения норм. Как отмечено в работах П. Марсдена, «укоренённость подразумевает ситуацию, когда обмены

внутри группы … подчинены воспроизводящейся социальной структуре, [которая].., ограничивая возможный набор действий и изменяя сами намерения акторов относительно этих действий…» [14, p. 1210], тем самым влияя на экономическую эффективность такими способами, которые не ухватываются ортодоксальными неоинституциональными экономическими моделями.

По этому поводу Б. Уцци писал, что «степень укоренённости в системе обмена определяет возможности и ограничения, которые являются специфическими для сетевых форм организаций и порождают результаты, которые не могут быть предсказаны стандартными теориями» [5, с. 46–47]. Иными словами, укоренённость в сети в описанном смысле выступает своеобразным ресурсом эффективности организации, который отличается от традиционных ресурсов и позволяет с позиции социологии управления обозначить «социальное в экономическом», определяя, а фактически расширяя, границы применимости социоресурсного подхода при определении факторов эффективности корпоративного управления.

С точки зрения структуры, по утверждению Дж. Коулмана [11], плотные и тесные сети особенно важны для укрепления доверия и сотрудничества между членами сети и тем самым облегчают достижение коллективных целей. С позиций реляционной перспективы, концепция прочности связей основана на «сочетании количества времени, эмоциональной интенсивности и интимности (взаимного доверия), а также взаимных услуг, которые характеризуют связь» [12]. Следовательно, подобно «плотным» сетям, прочные связи также выполняют роль механизма управления, основанного на доверии.

«Соединяющая» форма социального капитала способствует повышению эффективности работы организации несколькими способами. В частности, плотная социальная структура делает оппортунистическое поведение сотрудников более дорогостоящим из-за репутационных рисков, а неопределённость действий снижается из-за более высокой предсказуемости поведения сотрудников [18]. Субъекты, занимающие центральное положение в сети, из-за большего числа связей с другими, имеют больше возможностей в получении ресурсов, и в меньшей степени зависят от какого-либо одного субъекта. В сетях подобного типа повторяющиеся взаимодействия повышают репутацию и узнаваемость организации и способствуют достижению консенсуса по правилам взаимодействия. Важно также, что прочные связи между участниками сети облегчает доступ к неявным знаниям благодаря поддерживающей и доверительной среде [18].

Однако некоторые ученые признают, что высокий уровень развития подобного типа связей эффективен за счёт значительных инвестиций в создание и поддержание отношений, что может привести к чрезмерной вовлечённости и инертности, уменьшению потенциального потока новых идей [17] и стимулов к предпринимательской деятельности [6].

Исследование проблемы влияния различных форм социального капитала на эффективность организации позволяет поставить проблему: не влечёт ли усиление влияния одной из форм ослабление влияния другой его формы? Как показали данные нашего исследования, ценность конкретной формы социального капитала определяется контекстом деятельности организации и сопутствующими факторами.

Следует, вероятно, согласиться с позицией Р. Бёрта (2000), отмечавшего, что обе формы социального капитала не обязательно противоречат друг другу, а, скорее, играют разные роли, которые ценны для разных организаций и разных целей [9]. Этим обстоятельством, кстати, можно объяснить и то, что утверждение о безусловной ценности «соединяющего» социального капитала едва ли можно принять в качестве корректного без учёта контекста, специфики деятельности организации и стадии её жизненного цикла.

Сформулируем ещё одну проблему: влияет ли стадия жизненного цикла организация на проявление взаимосвязи «социальный капитал – эффективность»? По данному вопросу сложились противоречивые позиции.

С одной стороны, отдельные авторы утверждают, что «связывающий» социальный капитал особенно важен на этапе «запуска» деятельности организации для преодоления ответственности за возможные провалы, в то время как формирование «соединяющей» формы социального капитала становится более важным по мере развития бизнес-процессов.

С другой стороны, опыт работы авторов статьи в бизнес-структурах позволяет сделать вывод о том, что выгоды, обусловленные «соединяющей» формой социального капитала, требуют значительного времени, а выгоды, определяемые «связывающей» формой социального капитала, не приносят долгосрочных эффектов.

Анализ теоретических аспектов поставленных проблем позволил нам дополнить методологические положения концепции социального капитала организации в части его влияния на управление повышением её эффективности и результативности. В частности, его операционализация с позиций сетевого анализа в качестве зависимой переменной в сравнении со шкалами самооценки выявляет эффект, обусловленный положительной, но слабой связью социального капитала с результатами деятельности при использовании финансово-экономических показателей эффективности, а не показателей шкалы самооценки.

Второй методологический аспект основан на факте, определяющем положительную, в целом, связь социального капитала организации с результатами её деятельности; при этом данная связь не зависит от уровня анализа социального капитала (социальный капитал субъекта или организации). Иными словами, наличие социального капитала у организации и обладание им каждым работником являются сами по себе факторами результативности реализации организационной компетенции. Вместе с тем влияние приращения уровня развития социального капитала на результаты деятельности организации снижается, когда он измеряется преимущественно на индивидуальном уровне (при несоблюдении важного теоретического положения о том, то социальный капитал организации не есть «сумма» индивидуальных капиталов всех её членов). Поэтому в управленческом смысле целесообразно обращать внимание на динамику уровня развития социального капитала организации, формируя благоприятную социальную среду, поощряющую соответствующее поведение персонала.

С теоретической точки зрения проведённый анализ доказывает формирующую природу «связывающей» и «соединяющей» форм социального капитала, основанные на представлении их как взаимосвязанных, но в то же время самостоятельных и взаимодополняющих механизма. Исследование социального капитала организации с учётом указанного обстоятельства, несомненно, станет более содержательным при включении в исследовательскую программу обеих его форм для формирования многомерной концептуальной модели социального капитала и интерпретации механизмов его влияния на результативность деятельности компании и эффективность процессов социально ориентированного управления.

Построение подобной модели станет своеобразным ответом критикам, ставящим под сомнение наличие положительной взаимосвязи между уровнем развития социального капитала организации и её результативностью. В частности, дополнительное подтверждение получило теоретическое положение о значимости сетевого взаимодействия для эффективности организации. Мы исходим также из понимания «связывающей» и «соединяющей» форм социального капитала как положительно связанных с эффективностью организации механизмов, дополняющих друг друга.

Аспект совокупного влияния указанных форм социального капитала на эффективность управления и результативность организации требует дополнительного изучения в условиях структурной автономии (отношения с субъектами, свободными от структурных «дыр», и с субъектами, использующими структурные «дыры»), а также фактора гетерогенности сети (сбалансированного сочетания сильных и слабых связей) как факторов успешности организации [10; 17].

В заключение отметим, что эффекты социального капитала, основанные на социальных отношениях сетевой природы, требуют времени для развития, или, другими словами, сегодняшние социальные контакты представляют потенциальную ценность для завтрашнего дня. Более того, социальная сеть, как отмечает А. Портес, продуцирует различные формы социального капитала только в том случае, если она активно используется и хорошо управляется [15]. Данная рекомендация представляется актуальной в условиях неопределённости и ограниченности традиционных ресурсов управления; успешность её реализации обусловлена развитием системы корпоративного обучения как динамичного ресурса управления.

Литература

1. Игумнов О.А. «Связывающий» и «соединяющий» типы социального капитала: природа сходства и отличий // Современное образование: векторы развития. Социально-гуманитарное знание и общество: материалы VII конференции с международным участием, посвящённой 150-летию МПГУ, г. Москва, МПГУ, 21–22 апреля 2022 г. / под общ. ред. М.М. Мусарского, Е.А. Омельченко, А.А. Шевцовой. [Электронное издание сетевого распространения]. – Москва: МПГУ, 2022. – 668 с. – С. 164–172.
2. Игумнов О.А. Социальный капитал как социальный ресурс управления российских организаций в условиях изменяющейся управленческой среды // Социология. – 2022. – № 3. – С. 179–188. DOI: https://doi.org/10.24412/1812–9226–2022–3–179–188.
3. Игумнов О.А. Управление социальным капиталом российских организаций: социологические аспекты // Социология. – 2021. – № 4. – С. 181–190. DOI: https://doi.org/10.24412/1812–9226–2021–4–181–190.
4. Игумнов О.А., Иванов С.Ю. Социоресурсный подход в социальном управлении: постановка проблемы // Социология. – 2022. – № 1. – С. 215–224. DOI: https://doi.org/10.24412/1812–9226–2022–1–215–224.
5. Уцци Б. Источники и последствия укоренённости для экономической эффективности организаций: влияние сетей // Экономическая социология. – 2007. – Т. 8. – № 3. – С. 44–60.
6. Adler P.S., Kwon S.-W. Social capital: prospects for a new concept // Academy of Management Review. – 2002. – 27(1). – p. 17–40.
7. Anderson A., Park J., Jack S. Entrepreneurial social capital: conceptualizing social capital in new high-tech firms // International Small Business Journal. – 2007. – № 25(3). – p. 245–272.
8. Bourdieu P. Le Sens pratique. – P.: Lee Editions de Minuit, 1980. – 475 p.
9. Burt R.S. Structural holes versus network closure as social capital. In: Lin N., Cook K.S., Burt R.S., de Gruyter A. (Eds.), Social capital: theory and research. – 2000.
10. Burt R.S. Structural holes and good ideas // American journal of sociology. – 2004. – № 110(2). – p. 349–399.
11. Coleman J.S. Social capital in the creation of human capital // The American Journal of Sociology. – 1988. – № 94. – S95-S120.
12. Granovetter M. The strength of weak ties // American journal of sociology,– 1973. – 78(6). – pp. 1360–1380.
13. Granovetter M. Economic action and social structure: the problem of embeddedness // The American Journal of Sociology. – 1985. – № 91(3). – p. 481–510.
14. Marsden P.V. Introducing Influence Processes into a System of Collective Decisions // American Journal of Sociology. – 1981. – № 86. – P. 1203–235.
15. Portes A. Social capital: its origins and applications in modern sociology // Annual Review of Sociology. – 1998. – № 24(1).
16. Putnam R.D. Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community. – New York: Simon and Schuster, 2000. – 544 p.
17. Uzzi B. The sources and consequences of embeddedness for the economic performance of organizations: The network effect // American Sociological Review. – 1996. – № 61(4).
18. Wu W.-P. 2008. Dimensions of social capital and firm competitiveness improvement: the mediating role of information sharing // Journal of Management Studies. – 2008. – № 45(1). – p. 122–146.
19. Заместитель гендиректора Росатома: нейросети уже решают часть задач в корпорации / Татьяна Терентьева – о роли искусственного интеллекта и людей в атомной отрасли. Режим доступа: https://tass.ru/interviews/18118043?utm_source=news.mail.ru&utm_medium=referral&utm_campaign=informer (дата обращения: 30.06.2023).
20. Манифест человекоцентричной организации, принятый по итогам работы секции «Человекоцентричность в современном мире» в рамках VII Санкт-Петербургского Международного Форума Труда (17 марта 2023 года) Режим доступа: https://blog.bitobe.ru/uploads/blog/pdf/BITOBE-manifest-chelovekocentrichnoj-organizacii.pdf (дата обращения: 12.07.2023).

«BRIDGING» AND «BONDING» SOCIAL CAPITAL TYPES IN ORGANIZATION PERFORMANCE MANAGEMENT: PROBLEM STATEMENT

Igumnov O.A., Musarsky M.M.
Moscow State Pedagogical University

The article contains the results of social capital "bridging" and "bonding" types relationship with the organization effectiveness analysis. Based on the author's social capital concept it is concluded that there is a positive relationship between these social capital forms and the organization effectiveness due to their complementarity with each other.

The authors note that these social capital forms are not in an opposition state but represent two sides of a much more general concept – "organization social capital" reflecting the orientation of the social ties that form it. The article presents a number of management problems the solution of which is determined from the perspective of these social capital types resource potential.

The authors relying on the socio-resource approach in socially oriented management provisions conclude that the "bridging" and "bonding" social capital types have equal practical value for organ-

izations, provided that the life cycle stages, the functioning context and the organization's activities specifics are taken into account.

Keywords: social capital, social resource, socio-resource approach, management resource, «bridging» type of social capital, «bonding» type of social capital, management effectiveness, management performance.

References

1. Igumnov O.A. "Binding" and "connecting" types of social capital: the nature of similarities and differences // Modern education: vectors of development. Social and humanitarian knowledge and society: materials of the VII conference with international participation, dedicated to the 150th anniversary of the Moscow State Pedagogical University, Moscow, Moscow State Pedagogical University, April 21–22, 2022 / ed. ed. M.M. Mussarsky, E.A. Omelchenko, A.A. Shevtsova. [Electronic edition of network distribution]. – Moscow: MSGU, 2022. – 668 p. – S. 164–172.
2. Igumnov O.A. Social capital as a social resource for the management of Russian organizations in a changing management environment // Sociology. – 2022. – No. 3. – S. 179–188. DOI: https://doi.org/10.24412/1812–9226–2022–3–179–188.
3. Igumnov O.A. Management of the social capital of Russian organizations: sociological aspects // Sociology. – 2021. – No. 4. – S. 181–190. DOI: https://doi.org/10.24412/1812–9226–2021–4–181–190.
4. Igumnov O.A., Ivanov S. Yu. Socio-resource approach in social management: problem statement // Sociology. – 2022. – No. 1. – S. 215–224. DOI: https://doi.org/10.24412/1812–9226–2022–1–215–224.
5. Uzzi B. Sources and consequences of rootedness for the economic efficiency of organizations: the impact of networks // Economic sociology. – 2007. – T. 8. – No. 3. – S. 44–60.
6. Adler P.S., Kwon S.-W. Social capital: prospects for a new concept // Academy of Management Review. – 2002. – 27(1). – p. 17–40.
7. Anderson A., Park J., Jack S. Entrepreneurial social capital: conceptualizing social capital in new high-tech firms // International Small Business Journal. – 2007. – No. 25 (3). – p. 245–272.
8. Bourdieu P. Le sens pratique. – P.: Lee Editions de Minuit, 1980. – 475 p.
9. Burt R.S. Structural holes versus network closure as social capital. In: Lin N., Cook K.S., Burt R.S., de Gruyter A. (Eds.), Social capital: theory and research. – 2000.
10. Burt R.S. Structural holes and good ideas // American journal of sociology. – 2004. – No. 110 (2). – p. 349–399.
11. Coleman J.S. Social capital in the creation of human capital // The American Journal of Sociology. – 1988. – No. 94. – S95-S120.
12. Granovetter M. The strength of weak ties // American journal of sociology,– 1973. – 78(6). – pp. 1360–1380.
13. Granovetter M. Economic action and social structure: the problem of embeddedness // The American Journal of Sociology. – 1985. – No. 91(3). – p. 481–510.
14. Marsden P.V. Introducing Influence Processes into a System of Collective Decisions // American Journal of Sociology. – 1981. – No. 86. – P. 1203–235.
15. Portes A. Social capital: its origins and applications in modern sociology // Annual Review of Sociology. – 1998. – No. 24 (1).
16. Putnam R.D. Bowling Alone: The Collapse and Revival of the American Community. – New York: Simon and Schuster, 2000. – 544 p.
17. Uzzi B. The sources and consequences of embeddedness for the economic performance of organizations: The network effect // American Sociological Review. – 1996. – No. 61(4).
18. Wu W.-P. 2008. Dimensions of social capital and firm competitiveness improvement: the mediating role of information sharing // Journal of Management Studies. – 2008. – No. 45 (1). – p. 122–146.
19. Deputy General Director of Rosatom: neural networks are already solving some of the problems in the corporation / Tatyana Terentyeva – on the role of artificial intelligence and people in the nuclear industry. Access mode: https://tass.ru/interviews/18118043?utm_source=news.mail.ru&utm_medium=referral&utm_campaign=informer (date of access: 06/30/2023).
20. Manifesto of a human-centered organization, adopted as a result of the work of the section "Human-centeredness in the modern world" within the framework of the VII St. Petersburg International Labor Forum (March 17, 2023) Access mode: https://blog.bitobe.ru/uploads/blog/pdf /BITOBE-manifest-chelovekocentrichnoj-organizacii.pdf (accessed 12.07.2023).

Спорт как социальный феномен: обзор современных зарубежных социологических теорий

Кохан Жанна Сергеевна,
к.ф.н., доцент кафедры гуманитарных и социальных дисциплин АНО ВО «Белгородский университет кооперации, экономики и права»
E-mail: zhanna_kokhan@mail.ru

Сережко Татьяна Алексеевна,
к.ф.н., доцент кафедры гуманитарных и социальных дисциплин АНО ВО «Белгородский университет кооперации, экономики и права»
E-mail: serezhko@mail.ru

Липунов Артем Сергеевич,
аспирант кафедры гуманитарных и социальных дисциплин АНО ВО «Белгородский университет кооперации, экономики и права»
E-mail: lipunov.artjom@yandex.ru

Социология спорта, иначе известная как спортивная социология, представляет собой раздел социологии, изучающий спорт как социальное явление. Спортивные социологи критически изучают функции, влияние и роль спорта в различных обществах. В данной статье рассмотрено становление социологии спорта, описаны основные социологические теории, используемые при изучении спорта. Статья завершается анализом перспектив спортивной социологии.

Ключевые слова: спорт, социология спорта, спортивная социология.

Спорт является одним из наиболее популярных социальных феноменов в мире, и его влияние на общество остается предметом интереса для многих социологических исследований. Спортивная социология начала формироваться как формальная дисциплина во второй половине XX века. К 1960-м годам средства массовой информации стали уделять много времени и внимания спорту. По всему миру начинается зарождение и развитие профессиональных национальных лиг бейсбола, баскетбола, футбола и хоккея. Самые главные спортивные соревнования в мире – Олимпийские игры, по сути, становятся ареной для проведения противостояния двух сверхдержав СССР и США в холодной войне. Все это оказывает непосредственное влияние на социологические процессы в обществе, что привлекает внимание таких ведущих социологов как Грегори Стоун, Дэвид Райзман, Чарльз Пейдж и Эрвинг Гоффман, которые публикуют ряд работ, посвященных связи спорта и социологии. В 1978 году создается Североамериканское общество социологии спорта с целью изучения этой области, впоследствии им начинается выпуск специализированного издания «Социология спорта» осуществляемое и по настоящее время [4].

Гарри Эдвардс считается основоположником спортивной социологии – имея в своем арсенале не только теоретические наработки, но и непосредственный спортивный опыт рассматривал спорт как – обобщение властных отношений в обществе. Делал акцент на необъективности существующей спортивной структуре вследствие ее прорасистской идеологии и выступал за альтернативность в спортивных лигах НФЛ, НБА и НБЛ [3].

Как указывает современный социолог спорта Джей Коакли, на сегодняшний день можно выделить четыре основные социологические парадигмы, которые могут быть применены к области спорта: функционалистская теория, теория конфликта, интеракционистская теория и феминистская теория [3].

Теория функционализма утверждает, что спорт выполняет важные социальные функции, такие как укрепление социальной интеграции, формирование и поддержание социальных связей и развитие личности. По мнению функционалистов, спорт является способом выражения общественных ценностей и норм, а также способом достижения личных и общественных целей. Сторонники этой теории подчеркивают рост и развитие организованного спорта. В тоже время данный подход полностью игнорирует неравноценное распределение пользы от спортивной деятельности для различных слоев населения, а также тот факт, что его доступность для многих является ограниченной, а порой и вовсе невозможной [3].

Теория конфликта предполагает, что спорт является объектом борьбы за ресурсы и власть, и что спортивные команды и организации часто конкурируют друг с другом за ресурсы и признание. Конфликтный подход также подчеркивает социальные неравенства и дискриминацию в спорте, такие как расовые и половые вопросы. Исследователи используют этот подход как аргументацию в риторике обсуждения деятельности элит и исполь-

зуемых ими привилегий в обществе реализуемых через спорт, но редко применяют в приземленных спортивных дискуссиях. Так же минусом этой теории является ее четкий уклон в экономический сегмент воплощения социума и отрицание спортивного опыта как социального и личного [3].

Маркс утверждал, что спорт является отражением капиталистического общества, где люди соревнуются за деньги и славу. Он также считал, что спорт используется для поддержания социального порядка, при этом способствуя сохранению и укреплению власти элиты.

Жан-Мари Бром – французский социолог, популяризировавший марксистскую критику организованного спорта в своей книге «Спорт: тюрьма отмеренного времени». Спорт он понимал, как общественный институт, а не как спортивную деятельность и нагрузки, такие как физические упражнения. И рассматривал его как манипулятивный инструмент и метод капиталистической власти используемый для идеологической обработки масс. Его вклад является важным для исследований в данном направлении социологии так как выявляет тот факт, что спорт отвлекает от проблем реального мира, обеливая многие настоящие проблемы [2].

Теория символического интеракционизма утверждает, что спорт является процессом социального взаимодействия, где люди создают и интерпретируют символы и знаки, чтобы передавать свои мысли и чувства другим людям. Символический интеракционизм также подчеркивает важность личных опытов и переживаний в спорте, при этом полностью исключая иерархическую организацию спорта обозначая ее как излишнюю авторитарность предлагает сделать его максимально демократичным. Вследствие чего эта теория оказывается оторванной от реалий жизни и практического применения, так как, рассматривает общество с микромасштаба [3].

Феминистские теоретические исследования социологи узко используют в ракурсе способов формирования представлений о мужественности и женственности в различных видах спорта и их освещенности в СМИ [2].

Теория социального конструкционизма утверждает, что спорт является социально конструируемым феноменом, который формируется и изменяется в соответствии с социальными нормами, ценностями и идеологиями. Следовательно, спорт может использоваться для укрепления или изменения социальных отношений и стереотипов.

Таким образом, современные зарубежные социологические теории показывают, что спорт является сложным социальным феноменом, который может выполнять различные социальные функции и использоваться для достижения личных и общественных целей. Каждая из этих теорий предлагает свой уникальный взгляд на спорт, но все они подчеркивают важность социального взаимодействия и влияние социальных норм, ценностей и идеологий на спортивную деятельность.

Профессиональный спорт обладает силой глобальной популярности, политического резонанса и экономического веса. Но спортивные организации могут потерять социальную и этическую перспективу, потому что в условиях жесткой конкуренции и все более прибыльной глобальной спортивной и вспомогательной индустрии они часто подвержены «туннельному видению». Под этим мы подразумеваем чрезмерную концентрацию на конкурентном преимуществе по отношению к другим видам спорта или спортивным организациям и меньшую заботу о поддержании и развитии широких и позитивных отношений между спортом и обществом, которое их поддерживает. Спорт также склонен к чрезмерному мифотворчеству, стремящемуся представить его за пределами повседневного мира политики и материальной борьбы. Тем не менее, как это ни парадоксально, спорт часто становится разменной монетой в руках политического аппарата. Критическая социология призвана корректировать эти тенденции.

Социология должна отчасти посвятить себя «спасению» спорта от самого себя. Это не означает, что у социологов всегда есть правильные ответы, но они могут развеять самые вопиющие претензии и мистификации спорта. В этой задаче им необходимо взаимодействовать не только со спортсменами и организациями, но и с правительствами, спортивными объединениями, болельщиками и гражданами в целом. Социологи могут прибегнуть к теоретическому объяснению и эмпирическим исследованиям, охватывающим пространство (от глобального до транснационального, от национального к локальному), время (от индустриального к современному и постмодернистскому) и социальное положение (от отдельной семьи до основных институтов, от первичных групп до массовой аудитории).

В примерах этой напряженной интеллектуальной работы нет недостатка [1]. На сегодняшний день можно выделить ряд проблемных вопросов спортивной социологии: управление спортивными организациями, приоритеты распределения государственного и частного финансирования спорта, воздействие спорта на окружающую среду и вклад в неравенство в городах, влияние профессионализации и коммерциализации на спорт и его сообщества, включение спорта в социальную классификацию и иерархию, особенно класс, этническую принадлежность, пол, использование спорта как идеологической метафоры, роль СМИ в «формировании» спорта и «спортивной» культуры, использование спорта в азартных играх и других «нездоровых» сферах (например, фаст-фуд и алкоголь), эксплуатация спортом уязвимых лиц, в том числе начинающих и действующих спортсменов, а также болельщиков, гиперконкуренция в спорте и социально вредные отношения и поведение, а также соответствующее уменьшение его приятных и игровых аспектов и пр. [1].

Таким образом, спорт нуждается в социологии, чтобы настойчиво исследовать и поднимать эти вопросы, потому что, когда возникают неизбежные и повторяющиеся кризисы и проблемы, спорт и те, кто его финансирует, регулирует и контролирует, часто имеют слабое представление о том, как предотвратить или справиться с такими неприятными проблемами. Слишком часто имеет место поверхностное и рутинное обращение к связям с общественностью, урегулированию скандалов, банальному подтверждению или проецированию ответственности на общество в целом. Социология может помочь спортивным организациям и политикам избежать поверхностной озабоченности следствием и пренебрежения причиной, которые неизбежно тормозят его развитие как прогрессивного социального института.

Социология исторически пренебрегала спортом и покровительствовала ему одновременно. Как указывает ведущий современный социолог спорта Джей Коакли, наиболее очевидным объяснением этой ситуации является остаточная враждебность к рабочему классу или популярной культуре среди многих интеллектуалов. Этому парадоксальному недоверию к повседневной жизни может противостоять социология спорта, наглядно демонстрирующая сложную, многомерную природу массовой культуры, от политической экономии до перформативной эстетики. Социология спорта также является готовым средством для демонстрации актуальности социологии в наши дни. Нетрудно осветить социологические

разветвления спорта, особенно через опосредованную публичную сферу [3].

Спорт – это динамичный социокультурный феномен, который нельзя заморозить и вернуть к его воображаемым дилетантским истокам 19-го века или к мифологизированной народной игре, которая ему предшествовала. Спорт – это движение, он сам постоянно находится в движении – и социологи должны двигаться вместе с ним, никогда не теряя своих дисциплинарных ориентиров в устойчивых проблемах, которые впервые вдохновляли социологическое воображение в то время, когда организованный спорт и индустриализм находились в зачаточном состоянии.

Литература

1. Сережко, Т.А., Иваненко, Я.В. Физическая культура и спорт в системе ценностных ориентаций молодежи // Управление городом: теория и практика. № 1 (28), март 2018. – С. 95–100.
2. Brohm, J. (1978). Sport, a Prison of Measured Time: Essays. Ink Links Limited.
3. Coakley, J.J. (2001). Sport in Society: Issues & Controversies (7th ed., Health professions series). McGraw Hill.
4. Cooper, J.N., Macaulay, C., & Rodriguez, S.H. (2019). Race and resistance: A typology of African American sports activism. International Review for the Sociology of Sport, 54(2), 151–181. – URL: https://doi.org/10.1177/1012690217718170

SPORT AS A SOCIAL PHENOMENON: A REVIEW OF MODERN FOREIGN SOCIOLOGICAL THEORIES

Kokhan Z.S., Serezhko T.A., Lipunov A.S.
Belgorod University of Cooperation, Economics and Law

The sociology of sports, otherwise known as sports sociology, is a branch of sociology that studies sports as a social phenomenon. Sports sociologists critically study the functions, influence and role of sports in various societies. This article examines the formation of the sociology of sports. The article concludes with an analysis of the prospects of sports sociology.

Keywords: sport, sociology of sport, sports sociology.

References

1. Serezhko, T.A., Ivanenko, Ya.V. Physical culture and sport in the system of value orientations of youth // City management: theory and practice. No. 1 (28), March 2018. – pp. 95–100.
2. Brohm, J. (1978). Sport, a Prison of Measured Time: Essays. Ink Links Limited.
3. Coakley, J.J. (2001). Sport in Society: Issues & Controversies (7th ed., Health professions series). McGraw Hill.
4. Cooper, J. N., Macaulay, C., & Rodriguez, S. H. (2019). Race and resistance: A typology of African American sports activism. International Review for the Sociology of Sport, 54(2), 151–181. – URL: https://doi.org/10.1177/1012690217718170

Функции бренда и брендинга в развитии семейного бизнеса

Осипов Егор Михайлович,
д.с.н. кафедры социального управления Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова
E-mail: egosipov@yandex.ru

Сазонова Анастасия Петровна,
аспирант кафедры социального управления Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова
E-mail: anastasiia.boss@yandex.ru

Целью статьи является определение функций бренда и брендинга в развитии семейного бизнеса. Для достижения цели предложено определение понятия, показана значимость семейного бизнеса для развития экономики и стабильности социальных отношений в обществе, а также проанализированы некоторые научные подходы к определению понятий бренда и брендинга, конкретизировано отличие бренда и брендинга, раскрыты функции бренда с точки зрения выгоды потребителей и организации. Особое внимание уделено внутренним функциям бренда в организации, обеспечивающим соответствие деятельности и продукции компании заявленным в бренде ценностям и обещаниям. Рассмотрены функции брендинга, раскрыто влияние всемирной паутины на современную парадигму брендинга, представлены основные преимущества использования онлайн-продвижения бренда семейного бизнеса и показаны основные тренды в айдентике и фирменном стиле брендов, которые необходимо учитывать при создании брендов семейного бизнеса.

Ключевые слова: семейный бизнес, бренд, брендинг, функции бренда, функции брендинга.

В январе 2023 года на пленарном заседании IV Всероссийского форума семейного предпринимательства «Успешная семья – успешная Россия» Михаил Мишустин сообщил, что по данным Торгово-промышленной палаты примерно три четверти всех малых и средних компаний России – это семейные предприятия, достигшие серьезного уровня благодаря упорному труду всех членов семьи. Премьер-министр Российской Федерации, обращаясь к семейным предпринимателям, отметил: «Вы сами создаёте фамильные бренды и стремитесь к тому, чтобы начатый вами бизнес динамично развивался, а ваши внуки и правнуки его с гордостью продолжали»[1]. Также им было подчеркнуто, что семейный бизнес является основой экономик многих стран и семейные компании составляют «…две трети от общей численности предприятий во всем мире, обеспечивают от 70% до 90% годового глобального валового внутреннего продукта и от 50% до 80% занятости»[2].

Общепризнанного определения понятия семейного бизнеса (предпринимательства) не сложилось ни в зарубежной, ни в отечественной науке.

Законодательное определение понятия семейного бизнеса в России также не установлено, хотя условия отнесения субъекта малого и среднего предпринимательства к семейному предприятию по итогам предыдущего календарного года прописаны в Проекте Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» в части закрепления понятия «семейное предприятие»[3]:

– члены одной семьи владеют суммарно более чем пятьюдесятью процентами долей в уставном капитале… или более чем пятьюдесятью процентов голосующих акций акционерного общества и один из членов семьи является единоличным исполнительным органом такого юридического лица либо председателем совета директоров (наблюдательного совета) хозяйственного общества или хотя бы на одного из членов семьи возложено ведение дел хозяйственного товарищества;
– не менее пятидесяти процентов членов производственного кооператива, потребительского кооператива, крестьянского (фермерского) хозяйства относятся к членам одной семьи;
– не менее пятидесяти процентов работников индивидуального предпринимателя, которые работают у него по основному месту работы, относятся к членам его семьи.

При этом для целей определения семейного предприятия к членам семьи относятся супруги, их родители, дети, братья, сестры, внуки, а также дедушки и бабушки каждого из супругов, братья и сестры родителей каж-

[1] Мишустин: семейные предприятия составляют три четверти всего сегмента МСП в России // URL: https://tass.ru/ekonomika/13427937 (дата обращения: 16.01.2023).

[2] Там же.

[3] Проект Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» в части закрепления понятия «семейное предприятие» // СПС КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/law/hotdocs/58514.html (дата обращения: 18.04.2023).

дого из супругов, усыновители, усыновленные[1]. То есть здесь учитывается не только кровное, но и социальное родство.

Поскольку критерии семейного бизнеса в федеральном российском законодательстве не утверждены, и в разных странах они отличаются друг от друга предлагается следующее определение: семейный бизнес – это форма предпринимательской деятельности, осуществляемой членами семьи, которые находятся в кровном или социальном родстве, владеют законодательно установленной долей уставного капитала, входят в состав топ-менеджмента и наемных работников семейного предприятия, а также имеют право передавать его по наследству последующим поколениям.

История развития семейного бизнеса в мире и России свидетельствует, что эта форма предпринимательской деятельности выполняет важные экономические и социальные функции в обществе.

На основе анализа научных исследований ряда российских ученых Д.А. Пономарев выделяет следующие социально-экономические функции семейного предпринимательства: «формирование особой социально-экономической субъектности; повышение эффективности экономической деятельности, в том числе вследствие роста личной заинтересованности в ее результатах; возможность самореализации членов семьи; экономическая социализация, в том числе для несовершеннолетних членов семьи, повышение социального статуса и рост самодостаточности членов общества; возможность частичной и периодической занятости; снижение социальной напряженности; борьба с бедностью; вовлечение в производственные отношения лиц, частично утративших трудоспособность; оперативное реагирование на образующийся спрос; расширение выбора для потребителей; гибкость, оперативное реагирование на изменяющиеся потребности рынка; саморегулирование при решении большинства вопросов, связанных с организацией и ведением дел» [Пономарев 2021, 57–58]. Обобщая перечисленные функции, можно утверждать, что семейный бизнес выступает значимым фактором развития национальной экономики и стабильности общественных отношений.

Однако, для того, чтобы семейный бизнес выполнял свои функции в обществе, необходимо его собственное развитие.

В условиях огромного многообразия товаров и услуг и острой конкуренции предприятий в современном мире эффективными инструментами развития семейного бизнеса являются бренд и брендинг.

Следует признать, что в зарубежном и отечественном научном сообществе консенсуса относительно этих понятий не существует. Большинство исследователей бренда и брендинга предлагают собственные определения.

Вместе с тем, длительное время весьма популярным среди исследователей бренда являлось определение Американской ассоциации маркетинга (ААМ), принятое в 1960 году: «Бренд – это имя, термин, знак, символ или дизайн, а также их комбинация, предназначенные для идентификации товаров или услуг одного продавца или группы продавцов, а также для отличия товаров или услуг от товаров или услуг конкурентов» [Цит. по: Домнин, 2020, 24]. В 1988 году это определение было скорректировано на: «Название, термин, дизайн, символ или любая другая особенность, которые идентифицируют товары или услуги одного продавца и отличают их от товаров или услуг других продавцов» [Цит. по: Домнин, 2020, 26–27] и по-прежнему широко используется в науке и на практике.

Анализу разнообразных дефиниций бренда посвящены публикации в зарубежной и отечественной науке. Так, например, Ж.-Н. Капферер выделяет два подхода к формулировке этого феномена. Сторонники потребительского подхода главным действующим лицом считают потребителя и основное внимание уделяют исключительно отношениям, возникающим между им и брендом. В рамках другого (финансового) подхода акцент делается на стоимости бренда, выделяются дополнительные поступления денежных средств, созданные брендом. [Капферер 2006, 20]. Французский ученый убежден, что эти подходы должны быть совмещены. Однако, приведя в ходе своих рассуждений, на его взгляд, современное классическое определение К.Л. Келлера: «Бренд – это набор ассоциаций, возникающих в сознании у потребителей, которые добавляют воспринимаемую ценность товару или услуге» [Цит. по: Капферер, 2006, 20–21], Капферер ограничивается утверждениями, в которых совмещения подходов не происходит, и акцент делается на том, что «бренд – разделяемая, желаемая и эксклюзивная концепция, воплощенная в товарах, услугах, местах продажи и/или опыте. Чем большее число людей разделяют эту концепцию, тем сильнее бренд» [Капферер, 2006, 22–23].

Российские исследователи Н.В. Каленская и Н.Г. Антонченко на основе анализа 79 дефиниций бренда, сформулированных зарубежными и отечественными исследователями [Каленская, Антонченко, 2019, 10], выделяют также два подхода к трактовке бренда: экономический и психологический. Сторонники экономического подхода указывают выгоду, которую приносит бренд для производителей, а приверженцы психологического подхода берут в расчет выгоду для потребителя. Но есть и ученые, объединяющие оба этих подхода: Р. Батр, Ф.И. Шарков, А.И. Ткачев, Л.С. Захарчев, Е.В. Серегина [Каленская, Антонченко, 2019, 10].

На наш взгляд, наиболее удачным с точки зрения семейного бизнеса является определение, которое используют Ф.И. Шарков и О.А. Седов: «Бренд – это система символов (символ), идентифицирующих какой-либо объект (организацию, товар (услугу), личность), особенностями которого является повсеместная известность и устойчивая фиксация в сознании целевой аудитории» [Шарков, Седов, 2017, 88].

Это определение с небольшим уточнением легко адаптируется под бренд семейного бизнеса, отражая его сущностные характеристики: бренд семейного бизнеса – это совокупность названия и символов, идентифицирующих семейное предприятие, производимый или продаваемый им товар(ы) или услугу(и), особенностями которых является повсеместная известность и устойчивая фиксация в сознании целевой аудитории.

Поскольку семейный бизнес является формой предпринимательской деятельности, то главная роль бренда и брендинга в его развитии заключается в создании конкурентных преимуществ и получении прибыли. Поэтому их элементы (составляющие), функции, процессы создания, позиционирования, продвижения и изменения являются такими же, как и в других предпринимательских (коммерческих) структурах.

Стандартный набор внешних элементов бренда включает: имя (название товара, организации, личности и т.д.), логотип или символ (стилизованный рисунок), фирменный стиль (цвет, шрифт, графика), персонаж (лицо, персона, ассоциирующаяся с товаром, услугой), мотив (фрагмент музыкального произведения, сопровождающего образ торговой марки), слоган (фраза, ука-

[1] Там же.

зывающая на преимущества предложения), (упаковку). В совокупности эти элементы создают характерные черты бренда, которые делают его узнаваемым вербально, визуально, тактильно и т.д., то есть посредством различных каналов восприятия.

Среди перечисленных элементов для бренда семейного бизнеса имя (название) имеет особое значение. В зарубежных странах использование фамилии семьи в качестве имени бренда является распространенной практикой. Например, американская семейная компания «McKesson», которой владеет семья Маккессонов, занимается производством и продажей лекарств, медицинских препаратов. Индийская семейная компания «Tata Consultancy Services» под руководством семьи Тата, ведет бизнес в сфере информационных технологий. Семейство Киндеров владеет и управляет американской энергетической компанией «Kinder» и многие другие компании. В современной России использование фамилии семьи в торговой марке и бренде не является распространенным, хотя можно назвать хорошо известные российскому потребителю бренды: «Тинькофф», «Лаборатория Касперского», «Братья Караваевы» и др.

Термин «брендинг» является производным от слова «бренд». К сожалению, в отечественной литературе, несмотря на формулировки разных дефиниций для каждого понятия, они зачастую употребляются как тождественные. Например, через запятую в своей статье использует термины «бренд», «брендинг» и «ребрендинг» профессор В.В. Глущенко, в том числе и при перечислении их функций и роли [Глущенко, 2020, 338].

В совместной статье А.Г. Годин и А.А. Годин, признавая тот факт, что окончательного разграничения понятий «бренд» и «брендинг» еще не произошло, и зачастую эти два слова используются с одинаковым смыслом, различают эти термины. По их мнению, «Бренд – это именно технология, то есть совокупность методов обработки, изготовления, изменения состояния и свойств образа товара (услуги). Бренд определяет те качественные характеристики товара (услуги), которые позитивно воздействуют на потребителя и формируют у него желание приобрести конкретный товар (услугу) от конкретного производителя (торговца). В свою очередь, брендинг – это деятельность, направленная на формирование образа товара, его неповторимой индивидуальности» [А.М. Годин, А.А. Годин, 2014, 95]. Позволим себе не согласиться с известными маркетологами в том, что бренд – это технология. Бренд – это уже готовый образ товара, услуги, организации, личности. А вот брендинг можно позиционировать не только как деятельность, процесс, совокупность действий и т.д., но и технологию, поскольку именно в брендинге используется совокупность методов и осуществляется определенная последовательность (порядок) действий для достижения желаемого результата.

В.Н. Домнин и С.А. Старов в самом общем виде под брендингом понимают процесс создания и развития бренда и его идентичности. При этом на основе анализа основных подходов к понятию «брендинг» делают вывод о возможности двоякой его трактовки: узкой, включающей в себя создание внешних атрибутов бренда – его визуальных и вербальных идентификаторов, и широкой, состоящей из разработки как вербальных и визуальных идентификаторов бренда (внешняя идентичность), так и его ценностей (внутренняя идентичность) [Домнин, Старов, 2017, 7–8].

На наш взгляд, брендинг в бизнесе, в том числе и семейном является категорией управленческой, поэтому правомерно, что … «брендинг» и «бренд-менеджмент» в большинстве случаев воспринимаются как синонимы, поскольку в редуцированной форме оба они определяются как процесс создания бренд-капитала (обещания некоей ценности, удовлетворяющей покупателя) и дальнейшего сохранения ценности этого бренда» [Черенков, Веретено, 2019, 163].

Мы согласны с профессором С.А. Панкрухиным, что современный системный брендинг – «это целенаправленное создание, распространение, укрепление, сохранение и развитие бренда, широкий комплекс информационных разработок с привлечением разносторонних специалистов в области экономики, социологии, психологии, семиотики, дизайна и т.п. Говоря языком практики, целью брендинга является формирование у потребителей доверия к торговой марке, действующего длительное время» [Панкрухин, 2011, с. 7].

Очевидно, что такую деятельность в крупных семейных предприятиях осуществляют специальные подразделения, а организовать ее в рамках малого и даже среднего семейного бизнеса весьма затруднительно и даже практически невозможно.

Поэтому в случае принятия владельцами семейного бизнеса управленческого решения по созданию бренда и тем более по внедрению брендинга требуется привлечение специалистов по экономике, маркетингу, социологии, психологии, семиотике, дизайну и т.п. Необходимо отметить, что инфраструктура сопровождения предпринимателей в сфере брендинга является довольно развитой как в зарубежных странах, так и в России. Без преувеличения можно утверждать, что в различных странах созданы целые индустрии креативных и брендинговых агентств. При этом, как показали результаты исследования Ассоциации брендинговых компаний России (АБКР), членами которой являются 96 брендинговых агентств, в 2022 году стоимость брендинговых услуг являлась весьма дифференцированной. Так, например, средняя цена брендинга компаний/услуг составила в верхнеценовом сегменте 1 060 000 руб., в низкоценовом сегменте – 104 000 руб. Соответственно средняя цена по этому блоку равнялась 440 000 рублей. Процесс этого вида брендинга включал 7 этапов: разработка гипотез позиционирования бренда, разработка стратегии и бренд-платформы, разработка охранного названия бренда (нейминг), разработка дизайн-концепции бренда и фирменного стиля, финализация выбранной дизайн-концепции бренда и фирменного стиля, адаптация финализированной дизайн-концепции бренда и фирменного стиля на другие носители, создание брендбука (документа, детально описывающего не только элементы айдентики и правила их использования, но и философию, миссию, цели бренда)[1].

Созданный в процессе брендинга бренд выполняет важную роль в функционировании и развитии бизнеса, в том числе и семейного.

Например, известный американский маркетолог Ф. Котлер убежден: «Хороший бренд …придает продукту или услуге особую окраску и неповторимое звучание… Хороший бренд – единственное, что может обеспечить доходы выше средних в течение длительного времени.» [Котлер, 2010, 13–14].

Мы согласны с О.В. Прошкиной, что бренд, как устойчивый образ с привлекательным набором свойств в сознании потребителей, позволяет им отличать товар, услугу и предприятие от других подобных товаров, услуг и предприятий, то есть повышает спрос и способствует созданию дополнительной стоимости, то есть прибыли. Кроме прибыли, бренд приносит следующий эффект

[1] Исследование стоимости брендинговых услуг // Ассоциация брендинговых компаний России. – URL: http (АБКР):// russianbranding.ru/upload/iblock/f76/7w1n6813nulmwrn8uacf45r2cxesie3p.pdf (дата обращения: 01.06.2023)

[Прошкина, 2015, 128]: «1) для покупателя он облегчает узнаваемость продукции; гарантирует происхождение и определенный уровень качества; делает ответственность за товар адресной; ориентирует покупателя на определенный уровень цен; осуществляет автоматическую рекламу; дает «нематериальные» преимущества покупателю – престиж, соответствие определенному стилю и уровню жизни и т.д.; 2) для производителя бренд облегчает сегментацию потребителей, деятельность сбытовых каналов, выход нового ассортимента; повышает престиж товара по мере роста общественного признания и др.».

Я.В. Сушко Я.В., С.Н. Третьякова правомерно утверждают, что наличие бренда положительно сказывается на деятельности организации, способствует [Сушко, Третьякова, 2019, 104]: «росту прибыльности и объемов продаж, расширению ассортимента, информированности потребителей об уникальных свойствах товара, закреплению на определенном сегменте, реализации долговременной программы развития и т.д.».

В.Н. Домнин выделяет три ключевые функции бренда [Домнин, 2020, 27].

1. «Идентификация (узнавание, распознавание, совпадение по признакам) товаров или услуг.
2. Дифференциация (различие, выделение) товаров и услуг.
3. Влияние на поведение потребителей (в частности на такие рыночные показатели как известность, опробование, выбор, покупки, потребление, удовлетворение, предпочтение, лояльность)».

Г.Л. Тульчинский считает, что к функциям (роли и значению) бренда по отношению к организации относятся [Тульчинский, 2013, 15]:

– «информационно-символическая функция способствует известности и узнаваемости организации и результатов ее деятельности;
– рекламная функция способствует закреплению и расширению клиентуры;
– формирование и развитие социальных связей с различными контактными группами PR;
– формирование и развитие мотивации работников, корпоративной культуры и т.д.;
– эффективный бренд обеспечивает формирование и реализацию маркетинговой стратегии развития».

Очевидно, что функции, обеспечивающие социальные связи с клиентами и мотивацию персонала можно было назвать социальными, а последнюю функцию – стратегической.

Российский ученый выделяет также функции бренда, которые приносят выгоды потребителю: идентификация; практичность; гарантия; оптимизация; индивидуализация; преемственность; гедонистическая и этическая [Тульчинский, 2013, 142].

Особое внимание Г.Л. Тульчинский правомерно уделяет «второму лицу» бренда, обращенному внутрь организации, который выполняет ряд важнейших для современного менеджмента функций [Тульчинский, 2013, 156–157]:

– «помощь работникам и специалистам в ознакомлении с целями, возможностями и традициями фирмы;
– разъяснение общей политики руководства и принципов его работы с персоналом;
– удовлетворение потребности персонала в информации о событиях в фирме и вокруг нее;
– обеспечение и стимулирование двусторонней коммуникации между руководством фирмы и работниками;
– способствование развитию положительной мотивации у каждого работника по отношению к фирме и высокому качеству работы;
– формирование организационной культуры и фирменного стиля;
– воспитание работников как представителей фирмы, носителей ее имиджа и культуры;
– обеспечение двух потоков информации: «сверху» и «снизу».

То есть деятельность, организационные процессы, отношения, коммуникации, культура, качество продукции или услуг организации должны соответствовать заявленным в бренде ценностям и обещаниям.

Н.Б. Голованова и Э.А. Алеев оперируя понятием ценности бренда, и понимая ее как совокупность выгод, которые бренд несет субъекту, различают организационную и потребительскую его ценность. При этом организационную ценность бренда они характеризуют через функции, под которыми понимают «…ту роль, назначение и воздействие, которые выполняет бренд для компании как субъекта экономической деятельности» [Голованова, Алеев, 2016]. Этих функций четыре: финансовая, экономическая (коммерческая), имиджевая, инвестиционная. Финансовая функция характеризуется тем, что каждый бренд как нематериальный актив обладает определенной стоимостью. Коммерческая функция состоит в том, что бренд может быть объектом купли-продажи, выполнять роль инструмента, влияющего на эффективность расходов на рекламу, продвижение товара и пр., а его известность позволяет продавать товар дороже. Имиджевая функция бренда влияет как на внешнюю среду компании, так и на внутреннюю. Во внешней среде бренд облегчает взаимодействие компании не только с потребителями, но и с контрагентами, облегчая ее ресурсное обеспечение. Во внутренней среде успешный бренд способствует лояльности персонала, высокому качеству его работы, и, соответственно, улучшает результаты деятельности компании. Инвестиционная функция обеспечивает инвестиционную привлекательность компании, содействуя привлечению прямых инвестиций в проекты и деятельность, обеспечивая тем самым ее развитие [Голованова, Алеев, 2016].

Очевидно, что перечисленные выше функции бренда в равной степени применимы и к семейному бизнесу.

Что касается функций брендинга, то А.М. Годин и О.А. Масленникова правомерно считают, что «это постоянно развивающаяся деятельность, отсекающая конкурентов», которая позволяет [Годин, Масленникова, 2014, 11–12]:

– «поддерживать запланированный объем продаж на конкретном рынке и реализовывать на нем долговременную программу по созданию и закреплению в сознании потребителей образа товара (услуги) или семейства товаров (услуг);
– обеспечивать увеличение прибыльности в результате расширения ассортимента товаров (услуг) и знаний об их общих уникальных качествах, внедряемых с помощью коллективного образа;
– отражать в рекламных материалах и кампаниях культуру страны, региона, города и т.д., где изготовлен товар (оказана услуга), учитывать запросы потребителей, для которых он предназначен, а также особенности территории, где он продается;
– использовать три весьма важных для обращения и рекламной аудитории фактора – исторические корни, реалии сегодняшнего дня и прогнозы на перспективу».

То есть роль и значение брендинга в развитии семейного бизнеса заключается в поддержке и информационном обеспечении всех направлений деятельности семейного предприятия.

Ф.И. Шарков и О.А. Седов понимают брендинг «… как процесс управления воздействием по созданию уникального образа объекта потребления», который выполняет соответствующие функции: «…повышает узнаваемость; повышает конкурентоспособность; позволяет «сфокусировать» деятельность персонала; упрощает работу с партнерами; облегчает процедуру выбора события; снижает затраты на поиск события; снижает риски (функциональные, физические, финансовые, психологические, социальные, потери времени)» [Шарков, Седов, 2017, 89].

При создании и продвижении бренда семейного бизнеса необходимо учитывать факт влияния «всемирной паутины» на все процессы в современном мире. Мы согласны с В.И. Черенковым и А.А. Веретено, которые рассматривают Интернет как полноправный и даже возможно, уже ведущий домен мировой экономики, который привел к существенным сдвигам в парадигме брендинга, включая рост силы покупателя, включенного в сетевые сообщества; трансформацию канала ментального брендинга: превращение покупателя (сообщества покупателей) из объекта брендинга в кооперированный с продавцом субъект брендинга [Черенков, Веретено, 2019, 166].

В век информационных технологий используется и все шире будет использоваться онлайн-продвижение бренда семейного бизнеса, основными преимуществами которого по сравнению с продвижением оффлайн являются: быстрое нахождение покупателем информации о товаре; обращение большего внимания на ассоциативное восприятие айдентики бренда; удобство и оперативность получения интересующей потребителя информации; высокая скорость распространения информации; возможность мониторинга и контроля всех процессов; низкая стоимость маркетинговых мероприятий и использования онлайн-инструментов [Шишакова, Башкина, 2022, 109].

Создание сильного бренда требует от владельцев семейного бизнеса учета тенденций и трендов в айдентике и фирменном стиле брендов. Как свидетельствуют результаты исследований крупных креативных российских и международных агентств: Uprock, Depot, DDC. Group, LINII, DDVB, МОЛОКО, проведенные в 2022, основными трендами являются не только определенные новшества в оформлении (например, минимализм) и яркий дизайн, но и трансляция обществу «…необходимость заботы о душевном равновесии, стремление к личностному росту и поиску радости в каждом моменте жизни» [Агальцова, 2023, 125].

В целом интерес владельцев семейного бизнеса к бренду и брендингу зависит от масштабов их деятельности, целей, амбиций, потенциала и желания. Возможно, что малый семейный бизнес в небольшом городке может обойтись без бренда и не тратить свои незначительные ресурсы на брендинг. Но появление даже одного конкурента настоятельно требует обозначить индивидуальность и узнаваемость товара, услуги и самого семейного предприятия. Расширение семейного бизнеса, а тем более выход на международный рынок невозможны без использования бренда как эффективного инструмента его развития и интеграции брендинга в процесс управления семейным предприятием.

Литература

1. Агальцова, М.В. Тренды фирменного стиля и айдентики брендов за 2022 год / М.В. Агальцова. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2023. – № 11 (458). – С. 121–125. – URL: https://moluch.ru/archive/458/100834/ (дата обращения: 01.06.2023).
2. Глущенко В.В. Научная теория брендов, брендинга и ребрендинга (брендология) и задачи ее практического использования в организациях // Бюллетень науки и практики. 2020. № 5. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nauchnaya-teoriya-brendov-brendinga-i-rebrendinga-brendologiya-i-zadachi-ee-prakticheskogo-ispolzovaniya-v-organizatsiyah (дата обращения: 28.04.2023).
3. Годин А.М. Инструменты современного маркетинга: Монография / А.М. Годин, О.А. Масленникова – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2014. – 179 с. – URL: https://avidreaders.ru/download/instrumenty-sovremennogo-marketinga.html?f=pdf (дата обращения: 04.04.2023).
4. Годин А.М., Годин А.А. Товарный знак и бренд в современных экономических условиях // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2014. № 5. С. 90–100. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tovarnyy-znak-i-brend-v-sovremennyh-ekonomicheskih-usloviyah (дата обращения: 01.05.2023).
5. Голованова Н.Б., Алеев Э.А. Организационная ценность бренда и ее составляющие // Экономика и менеджмент инновационных технологий. 2016. № 2 [Электронный ресурс]. – URL: https://ekonomika.snauka.ru/2016/02/10809 (дата обращения: 02.05.2023).
6. Домнин В.Н., Старов С.А. Эволюция ключевых концепций бренд-менеджмента // Вестник СПбГУ. Менеджмент. 2017. Т. 16. Вып. 1. С. 5–32 – URL: https://dspace.spbu.ru/bitstream/11701/6708/1/02-Domnin.pdf (дата обращения: 24.04.2023).
7. Домнин, В.Н. Брендинг: учебник и практикум для вузов / В.Н. Домнин. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Юрайт, 2020. – 493 с. – (Высшее образование). – URL: https://urait.ru/bcode/511517 (дата обращения: 01.06.2023).
8. Каленская Н.В., Антонченко Н.Г. Брендинг / Н.В. Каленская, Н.Г. Антонченко. – Казань: «Абзац», 2019. – 125 с. – URL: https://kpfu.ru/staff_files/F_8901770/Uchebnoe_posobie_Brendmenedzhment.pdf (дата обращения: 18.04.2023).
9. Котлер Ф. Маркетинг от А до Я: 80 концепций, которые должен знать каждый менеджер / Ф. Котлер / Пер. с англ. – М.: Издательство Альпина Паблишерз, 2010–211 с.
10. Панкрухин А.П. Бренды и брендинг // Практический маркетинг. 2011. № 4. С. 4–15. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/brendy-i-brending (дата обращения: 04.06.2023).
11. Пономарев Д.А. Понятие и признаки семейного предпринимательства. Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021; 11(5). С. 54–64. – URL: https://doi.org/10.21869/2223–1501–2021–11–5–54–64 (дата обращения: 30.04.2023).
12. Прошкина О.В. Технология брендинга // Социально-экономические и технические системы: исследование, проектирование, оптимизация. – 2015. – № 1 (64). С. 126–138. – URL: http://kpfu.ru/portal/docs/F64450667/Proshkina.pdf
13. Сушко Я.В., Третьякова С.Н. Разработка и использование атрибутов бренда компании // Инновационная наука. 2019. № 3. С. 104–106. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/razrabotka-i-ispolzovanie-atributov-brenda-kompanii (дата обращения: 02.05.2023).
14. Тульчинский, Г.Л. Total Branding: мифодизайн постинформационного общества. Бренды и их роль

в современном бизнесе и культуре. Научное издание. – СПб.: Филологический факультет СпбГУ: Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2013. – 280 с. – URL: https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/folder/i3h45h1iuv/direct/103547595
15. Черенков В.И., Веретено А.А. Бренд и брендинг: вопросы теории и репрезентации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Менеджмент. 2019. Т. 18. № 2. С. 145–174. – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_39238321_63814828.pdf
16. Шарков Ф.И., Седов О.А. Продвижение бренда посредством новых информационно-коммуникационных технологий (на примере российских авиакомпаний) // Коммуникология. 2017. № 6. С. 86–101. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/prodvizhenie-brenda-posredstvom-novyh-informatsionno-kommunikatsionnyh-tehnologiy-na-primere-rossiyskih-aviakompaniy (дата обращения: 21.04.2023).
17. Шишакова Ю.В., Башкина Н.А. Современные факторы эффективности применения цифровых технологий в продвижении брендов // E-Management. 2022. № 4. С. 106–112. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-faktory-effektivnosti-primeneniya-tsifrovyh-tehnologiy-v-prodvizhenii-brendov (дата обращения: 26.04.2023).

BRAND AND BRANDING FUNCTIONS IN THE DEVELOPMENT OF FAMILY BUSINESS

Osipov E.M., Sazonova A.P.
Lomonosov Moscow State University

The purpose of the article is to determine the functions of the brand and branding in the development of a family business. To achieve the goal, a definition of the concept is proposed, the importance of family business for the development of the economy and the stability of social relations in society is shown, and some scientific approaches to defining the concepts of brand and branding are analyzed, the difference between brand and branding is concretized, the functions of the brand from the point of view of the benefits of consumers and organizations are revealed. Special attention is paid to the internal functions of the brand in the organization, ensuring compliance of the company's activities and products with the values and promises stated in the brand. The functions of branding are considered, the influence of the World Wide Web on the modern branding paradigm is revealed, the main advantages of using online promotion of the family business brand are presented and the main trends in the identity and corporate identity of brands that need to be taken into account when creating family business brands are shown.

Keyword: family business, brand, branding, brand functions, branding functions.

References

1. Agaltsova, M.V. Corporate identity and brand identity trends for 2022 / M.V. Agaltsov. – Text: direct // Young scientist. – 2023. – No. 11 (458). – S. 121–125. – URL: https://moluch.ru/archive/458/100834/ (date of access: 06/01/2023).
2. Glushchenko V.V. Scientific theory of brands, branding and rebranding (brandology) and the tasks of its practical use in organizations // Bulletin of science and practice. 2020. No. 5. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nauchnaya-teoriya-brendov-brendinga-i-rebrendinga-brendologiya-i-zadachi-ee-prakticheskogo-ispolzovaniya-v-organizatsiyah (date of access: 28.04.2023).
3. Godin A.M. Modern Marketing Tools: Monograph / A.M. Godin, O.A. Maslennikova – M.: Publishing and Trade Corporation "Dashkov and K", 2014. – 179 p. – URL: https://avidreaders.ru/download/instrumenty-sovremennogo-marketinga.html?f=pdf (date of access: 04/04/2023).
4. Godin A.M., Godin A.A. Trademark and brand in modern economic conditions // Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2014. No. 5. P. 90–100. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tovarnyy-znak-i-brend-v-sovremennyh-ekonomicheskih-usloviyah (date of access: 05/01/2023).
5. Golovanova N.B., Aleev E.A. Organizational value of the brand and its components // Economics and management of innovative technologies. 2016. No. 2 [Electronic resource]. – URL: https://ekonomika.snauka.ru/2016/02/10809 (date of access: 05/02/2023).
6. Domnin V.N., Starov S.A. Evolution of key concepts of brand management // Bulletin of St. Petersburg State University. Management. 2017. Vol. 16. Issue. 1. P. 5–32 – URL: https://dspace.spbu.ru/bitstream/11701/6708/1/02-Domnin.pdf (date of access: 04/24/2023).
7. Domnin, V.N. Branding: textbook and workshop for universities / V.N. Domnin. – 2nd ed., Rev. and additional – Moscow: Yurayt, 2020. – 493 p. – (Higher education). – URL: https://urait.ru/bcode/511517 (date of access: 06/01/2023).
8. Kalenskaya N.V., Antonchenko N.G. Branding / N.V. Kalenskaya, N.G. Antonchenko. – Kazan: "Paragraph", 2019. – 125 p. – URL: https://kpfu.ru/staff_files/F_8901770/Uchebnoe_posobie_Brendmanagement.pdf (date of access: 04/18/2023).
9. Kotler F. Marketing from A to Z: 80 concepts that every manager should know / F. Kotler / Per. from English. – M.: Alpina Publishers, 2010–211 p.
10. Pankrukhin A.P. Brands and Branding // Practical Marketing. 2011. No. 4. pp. 4–15. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/brendy-i-brending (date of access: 06/04/2023).
11. Ponomarev D.A. The concept and features of family business. Proceedings of the Southwestern State University. Series: History and Law. 2021; 11(5). pp. 54–64. – URL: https://doi.org/10.21869/2223–1501–2021–11–5–54–64 (date of access: 04/30/2023).
12. Proshkina O.V. Branding technology // Socio-economic and technical systems: research, design, optimization. – 2015. – No. 1 (64). pp. 126–138. – URL: http://kpfu.ru/portal/docs/F64450667/Proshkina.pdf
13. Sushko Ya.V., Tretyakova S.N. Development and use of company brand attributes // Innovative science. 2019. № 3. pp. 104–106. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/razrabotka-i-ispolzovanie-atributov-brenda-kompanii (date of access: 05/02/2023).
14. Tulchinsky, G.L. Total Branding: mythodesign of the post-information society. Brands and their role in modern business and culture. Scientific publication. – St. Petersburg: Faculty of Philology of St. Petersburg State University: Faculty of Liberal Arts and Sciences of St. Petersburg State University, 2013. – 280 p. – URL: https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/folder/i3h45h1iuv/direct/103547595
15. Cherenkov V.I., Vereteno A.A. Brand and branding: issues of theory and representation // Bulletin of St. Petersburg University. Management. 2019. V. 18. No. 2. S. 145–174. – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_39238321_63814828.pdf
16. Sharkov F.I., Sedov O.A. Brand promotion through new information and communication technologies (on the example of Russian airlines) // Communicology. 2017. No. 6. P. 86–101. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/prodvizhenie-brenda-posredstvom-novyh-informatsionno-kommunikatsionnyh-tehnologiy-na-primere-rossiyskih-aviakompaniy (date of access: 04/21/2023).
17. Shishakova Yu.V., Bashkina N.A. Modern factors of the effectiveness of the use of digital technologies in brand promotion // E-Management. 2022. No. 4. P. 106–112. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-faktory-effektivnosti-primeneniya-tsifrovyh-tehnologiy-v-prodvizhenii-brendov (date of access: 04/26/2023).

Правовая социализация как фактор формирования устойчивой ориентации личности на правомерное поведение

Гусейнов Омар Меджидович,
д.ф.н., профессор кафедры философии и социально-политических наук Дагестанского государственного университета
E-mail: hamann16@yandex.ru

Статья посвящена проблеме исследования места и роли правовой социализации в формировании устойчивой ориентации личности на правомерное поведение как на социально-полезную деятельность в сфере действия права, направленную на нормальное функционирование и развитие общества, реализацию гражданами своих основных прав и обязанностей, охрану правопорядка.

Ключевые слова: правовая социализация, правомерное поведение, уважительное отношение к праву, правовой нигилизм.

Правовая социализация, традиционно рассматриваемая в науке как один из многочисленных аспектов социализации личности, представляет собой двусторонний процесс, включающий в себя, с одой стороны, освоение индивидом в течение всей его жизни правового опыта, правовых норм, правил и оценок, позволяющих ему функционировать в данном обществе, а с другой-воздействие на личность со стороны общества, стремящегося при помощи созданных им разнообразных социальных институтов при активном участии самого человека привить ему те нормы и образцы правового поведения, которые нужны человеческому сообществу на данном этапе его развития.

Основой правовой социализации личности выступают те правовые нормы и правила, которые задаются обществом и его социальными институтами. При этом правовая социализация включает в себя как сознательные, так и стихийные процессы, тем или иным образом влияющие на индивида. Если в стабильном обществе преобладает регулируемая сторона правовой социализации, то в обществе, переживающем кризисное состояние, возрастает роль стихийного аспекта социализации, обретающего зачастую негативный характер, показателем чего может служить распространение среди населения различных форм противоправного поведения, противоречащего общепринятым правовым нормам.

Правовая социализация, как и социализация вообще, включает в себя две фазы: правовая адаптация и интериоризация. Правовая адаптация – это процесс приспособления человека к функционирующей правовой системе и базовым правовым нормам. Интериоризация же означает включение правовых знаний и установок во внутренний мир человека, их превращение в привычки его каждодневных действий и поступков, что необходимым образом ведет к формированию устойчивой ориентации личности на правомерное поведение.

Общество кровно заинтересовано в том, чтобы в каждодневной практике взаимоотношений людей предупредить, пресечь противоправные, вредные поступки и деяния личности, с одной стороны, и стимулировать, поощрять правомерное её поведение, способное существенным образом влиять на социально-экономическое, политическое, правовое и духовно-нравственное развитие социума – с другой.

Что же такое правомерное поведение личности и какую роль в его формировании играет правовая социализация?

Среди авторов, занимающихся исследованием феномена «правомерное поведение», нет единства в понимании сущности данного понятия, его структуры и роли в укреплении общественной дисциплины и порядка.

В.М. Сырых, к примеру, считает, что одним из важнейших критериев правомерности поведения личности является строгое его соответствие принятым в данном обществе правовым нормам, установкам, оценкам, то есть требованиям позитивного права [1].

Близкой точки зрения в понимании существа правомерного поведения придерживается Н.М. Марченко, когда пишет, что «правомерным нужно считать такие действия субъекта, которые в абсолютной мере согласуются со всеми условиями норм права [2].

По мнению В.Н. Кудрявцева и В.П. Казимирчука, правомерным надо считать «такое поведение людей, которое способно существенным образом сказаться на состоянии и развитии экономических, социальных, политических, идеологических общественных отношений, на статусе личности и реализации её интересов [3].

На взгляд В.В. Кожевникова, «правомерное поведение в принципе представляет по своему содержанию общественное явление, как правило, полезное для общества и каждой личности» [4].

Н.Н. Вопленко склонен подразумевать под правомерным то поведение личности, которое выступает «непременным условием и показателем правовой культуры» [5].

С.С. Алексеев полагает, что «любой поступок, какой угодно акт поведения кого угодно из граждан, их объединений считается правомерным, пока не установлено в надлежащих процедурах несоответствие данного поведения закону, то есть пока не установлено применительно к данному лицу событие правонарушения» [6].

В понимании О.В. Игнатьевой, правомерное поведение связано «с понятием о некотором качественном состоянии действующего правового субъекта, о внутренней оправданности определённого поведения или действия», когда «человек реализует не только запросы общества, не только отражает социальные обстоятельства, но и свой запрос к обществу, свои ценностные установки и ориентации» [7].

Анализ приведённых точек зрения показывает, что правомерное поведение личности представляет собой многогранное, сложное по своей внутренней структуре и выполняемым в обществе функциям явление, которое нельзя сводить к одному из его составляющих, что означало бы грубое его упрощение, когда часть принимается за целое. По нашему мнению, определение правомерности поведения личности требует учёта множества составляющих его факторов, таких, как соответствие поведения личности существующим в обществе не только правовым, но и культурно-нравственным нормам, требованиям, общественная и личностная полезность такого действия, его подконтрольность сознанию и воле человека и.т.д. Поэтому нельзя не согласиться с мнением В.В. Оксамытного, который определяет правомерное поведение как «обусловленную культурно-нравственными воззрениями и жизненным опытом человека деятельность в сфере социального действия права, основанную на сознательном выполнении его целей и задач» [8].

Соглашаясь с В.В. Оксамытным, его определением правомерного поведения, следует, однако, заметить, что правильное понимание сути правомерного поведения, его ценности как для общества, так и отдельно взятого человека, его совершающего, требует учёта двух заслуживающих к себе особого внимания обстоятельств. Во-первых, – и это очень важно – оценка правомерности поведения предполагает, в первую очередь, выяснение того, каким конкретно критерием (содержательным или формальным) руководствуется индивид, совершающий то или иное действие. Дело в том, что соблюдение человеком основных требований правомерного поведения может быть основано как на его сознательном, искреннем к ним отношении, так и на боязни, опасении применения к нему санкций в случае несоответствия его поведения общепринятым нормам. Последнее, то есть формальное соблюдение личностью принятых в обществе правовых и моральных требований к правомерному поведению не может быть основанием для оценки такого поведения как истинно правомерного по той простой причине, что оно не вытекает из правовой сознательности и убеждённости человека. Вот почему при оценке поведения человека важно выяснить то, в какой мере действия и поступки личности подконтрольны её сознанию и воле, основаны на убеждённости и внутреннем понимании индивидом своих действий как правомерных. Отсюда и общественная и личностная полезность и ценность таких действий человека, которые невозможно себе представить без социально-правовой активности личности, её добровольности в совершении таких действий, основанных на уважительном отношении к праву, стремлении укрепить в обществе законность и противодействовать правонарушениям.

Подчёркивая важность сознательного, социально активного поведения личности в правовой сфере при оценке степени правомерности её действий и поступков, видные российские юристы В.Н. Кудрявцев и В.П. Казимирчук отмечают, что «социально-правовая активность обычно выделяется в самостоятельную разновидность правомерного поведения, потому что она «превосходит» обычные требования закона, конкретных правовых предписаний – превосходит в том отношении, что это поведение более инициативно, активно и результативно. Смелое, порой с опасностью для жизни задержание тяжкого преступника; защита потерпевшего на основании правил о необходимой обороне; активное участие в обсуждении законопроектов; внесение полезных предложений по совершенствованию законодательства или практики работы государственных органов – все это примеры социально активного поведения в правовой сфере» [9].

Во-вторых, не менее важным, на наш взгляд, критерием при оценке человеческих действий с точки зрения их правомерности и противоправности, служит также и выяснение и учёт их мотивов, целей, обусловленных потребностями и интересами личности. Мотивы как никакой другой критерий могут свидетельствовать о степени осознания человеком возможных последствий своих поступков, убеждённости личности в социальной ценности своих действий, а также об уровне правовой культуры и ответственности индивида, совершающего то или иное деяние [10].

Стимулирование правомерного поведения граждан выступает сегодня не только важнейшим условием успешного осуществления проводимых в стране экономических и социальных реформ, но и необходимым фактором реализации отдельно взятой личностью своих ценностных установок и ориентаций, направленных на противодействие противоправным действиям окружающих. Поэтому, способствуя правомерному поведению граждан через разного рода поощрения, награды, льготы и так далее, общество должно одновременно и активно бороться и преодолевать его антиподы, так называемые антистимулы, препятствующие правовой активности людей, а порой и прямо порождающие явные элементы правового нигилизма. Это-и неоправданно частое обновление законодательства, за которым порой не поспевают на должном уровне ознакомиться рядовые граждане; и разного рода правовые ошибки, ухудшающие качество принимаемых нормативно-правовых актов; и случаи использования законов отдельными правоприменителями в своих личных, корыстных интересах; и встречающийся иногда недостаточно высокий уровень правовой культуры отдельных представителей правоохранительных органов и так далее, что не может не вести к девальвации права и законности в глазах граждан, их неверию в возможности правового регулирования социальных отношений.

Громадную роль в становлении правомерного поведения личности играет, как отмечалось выше, правовая социализация как целенаправленная правовая деятельность, призванная обеспечить тесное, основанное на уважительном отношении индивидов к праву сосуществование людей в обществе, их полноценное правовое взаимодействие и взаимопонимание. Без правового согласования интересов людей в их повседневных взаимоотношениях общество не может нормально функционировать и успешно развиваться. Правда, элементарные формы налаживания нормальных взаимоотношений между людьми, вытекающие из принципа равновесия, могут сложиться между ними и спонтанно, стихийно, что обусловлено естественной установкой людей как социальных существ на сотрудничество, солидарность как необходимых условий их выживания. Однако полноценное, успешное развитие и дальнейшее совершенствование общества предполагает разумное, основанное на требованиях закона, урегулирование такого рода взаимоотношений, участие в социальной интеграции различных институтов общества, таких, как право, мораль, семья, школа, церковь и так далее, призванных преодолевать природный индивидуализм и развивать в человеке все те качества, которые делают его подлинным социальным существом, способным жить и развиваться в согласии с общепринятыми в обществе правовыми и моральными нормами и требованиями.

В этом деле роль и значение такого фактора как правовая социализация трудно переоценить, так как она призвана сориентировать общество на всех уровнях и во всех сферах его жизни на правомерное поведение граждан, которые должны не только доверять закону, судебным учреждениям, всей правовой сфере, но и решительно вести борьбу с любыми проявлениями правового нигилизма. Однако, правильно представляя себе роль и значение правовой социализации в становлении правового сознания и правового поведения личности, в литературе встречаются два диаметрально противоположных подхода в понимании основного содержания, сути правовой социализации, соотношения в ней объективного и субъективного, индивидуального и общественного в формировании устойчивой ориентации личности на правомерное поведение.

Одни авторы склонны считать, будто главное для правовой социализации граждан – это социализация посредством научения, когда общество внушает личности определённый комплекс правовых знаний, умений и навыков, определённые нормы поведения, образ жизни, забывая, что правовая социализация, не учитывающая самостоятельности индивида, его активной работы над собой в плане своего правового самосовершенствования, самоутверждения, не может служить полноценным фактором, ориентирующим личность на правомерное поведение.

Истине не соответствует и противоположная точка зрения, согласно которой правовая социализация индивида-это сугубо личное дело человека, которое зависит в основном от его личной инициативы, личных убеждений.

Правовая социализация, как отмечалось выше, двусторонний, двуединый процесс, включающий в себя как влияние общества, его социальных институтов на правовое развитие личности, так и работу самого человека над собой по развитию себя как правовой личности, ибо человек выступает не только продуктом среды, но и активным субъектом собственного формирования.

Неотъемлемой составной частью процесса правовой социализации выступает правовое воспитание, призванное помочь индивиду превратить правовую норму в реальность, в привычку своего каждодневного поведения [11]. Значимость правового воспитания обусловлена прежде всего тем, что обществу нужно передать подрастающему поколению правовой опыт старших поколений, обеспечить условия для развития у него позитивного, правомерного поведения и нейтрализации противоправных поступков и действий. Чем выше будет уровень организации правового воспитания, тем эффективнее будет и процесс формирования правовой социализации личности, пути, формы и способы усвоения ею передовых правовых принципов и норм, необходимых для выработки адекватного им реального правомерного поведения.

Правовая социализация-процесс непрерывный, продолжающийся на протяжении всей жизни человека. В ней участвуют различные социальные институты, среди которых семья, как на это указывают многие авторы, играет главенствующую роль в выработке у личности устойчивой ориентации на правомерное поведение, способное устоять перед любыми внешними негативными воздействиями. Дело в том, что знакомство человека с правовым опытом, достижениями культуры, языка, традиций, ценностей, стандартов деятельности начинается в обществе с момента рождения ребёнка. Поэтому принято считать, что правовая социализация в семье – это первая и важнейшая стадия правовой социализации, где ребёнок впервые знакомится с правилами поведения в обществе и общения с другими людьми. Однако влияние семейной социализации на формирование устойчивой ориентации личности на правомерное поведение может быть постоянным и сильным, но может быть и ослабленным, когда семья, как отмечает П.С. Самыгин, «будучи одним из базовых институтов общества непосредственно включена в процесс трансформационных изменений, испытывает на себе воздействие кризисных явлений» [12]. В этих условиях неблагополучная семья (конфликты в семье, отсутствие одного из родителей, алкоголизм, преступное поведение родителей и т.д.) может стать даже фактором, приносящим вред в социализационном влиянии на поведение личности, хотя в действительности встречаются и примеры противоположного характера, когда дети, выросшие в таких семьях, в силу их каких-то врождённых качеств становятся людьми образованными, обладающими высокой культурой и активно борющимися с противоправным поведением окружающих.

Несколько иной характер носит влияние правовой социализации и ресоциализации на поведение взрослого человека, где ему уже в зрелом возрасте приходится иногда переучиваться или заново овладевать навыками, чтобы нормально вписаться в требования современного индустриального, информационного общества. В целом, процесс влияния правовой социализации на формирование устойчивой ориентации личности на правомерное поведение представляет собой результат совокупного воздействия на индивида самых различных социальных и правовых структур, отличающихся между собой своей спецификой, разной степенью действенности в различные периоды жизни человека. Что касается такого агента правовой социализации, как средства массовой информации, и в первую очередь телевидения, то их влияние на сознание и подсознание всех групп населения значительно превосходит влияния других агентов социализации.

Как показывает практика, в необходимости повышения роли правовой социализации в ориентации человека на правомерное поведение больше всего нуждается молодое поколение, которое, впитывая в себя лучшие правовые традиции и опыт предшествующих поколений,

должно непрерывно обогащать и приумножать их и передавать далее тем, кто придёт им на смену. Смена поколений – необходимое условие социального прогресса, развития материальной и духовной культуры общества. Каждое новое поколение людей призвано внести свой вклад во все сферы общественной жизни, и потому общество ответственно должно относиться к молодёжи как будущему носителю своей общей и правовой культуры и всех социальных функций. Желая привить ей те или иные образцы права и морали, тот или иной образ мыслей и поведения, общество создает различные социально-правовые институты, поддерживает передовые правовые нормы и традиции, обеспечивая тем самым преемственность поколений и эффективность своей работы в деле правовой социализации личности.

Но, к величайшему сожалению, сегодня, как отмечают П.С. Самыгин, М.Ю. Попов, С.И. Самыгин, «в российском обществе, находящемся на переходном этапе развития, усугубляющемся кризисными явлениями социально – экономического характера, представители молодого поколения часто делают выбор в пользу противоправного поведения, включая и уголовно-наказуемые деяния… поскольку основные агенты правовой социализации, к числу которых традиционно относят семью, образовательные учреждения и средства массовой информации, оказывают противоречивое, а в ряде случаев и негативное влияние на социализационный процесс» [13]. Однако целенаправленная политика государства по преодолению в обществе кризисных явлений и созданию необходимых условий для улучшения деятельности основных институтов правовой социализации молодёжи не могут не сказаться положительно и на изменении линии поведения молодого поколения в реальной жизни. Оптимизм в данном случае связан с тем, что взгляды и установки молодёжи пластичны, они быстрее и легче подвергаются изменениям, чем взгляды людей старшего поколения. Молодые люди отличаются исключительной восприимчивостью и открытостью для всего нового. При этом очень важно, чтобы тенденцией развития молодого поколения стало сближение предъявляемых к нему требований со стороны микросреды, ближайшего его окружения с целенаправленно организуемой обществом системой правовой социализации, привития ему высоких моральных и правовых качеств, без которых немыслимы ни человеческие, ни экономические, ни политические, ни научные, ни семейные, ни другие какие-либо отношения. Причём, полнота воздействия общества на личность во многом зависит как от определённости, чёткости, научной обоснованности задач правовой социализации молодёжи, так и от научного уровня деятельности субъектов правовой социализации, глубокой разработки теории правовой социализации, ориентирующей молодого человека на правомерное поведение.

В заключение отметим, что цели правовой социализации не следует ограничивать лишь задачей создания тех или иных навыков правомерного поведения человека. Такая позиция, характерная для бихевиористских концепций, в которых правовую социализацию сводят лишь к теории «научения», выработке автоматизмов, противоречит правильному пониманию правовой социализации по той простой причине, что она не учитывает сознательности и активности личности в деле освоения ею тех или иных правовых норм и ценностей. Правовая социализация-это не просто заучивание требований к правомерному поведению, а глубокое усвоение этих требований, укоренённость правовых норм и ценностей в индивидуальном сознании и поведении личности. При этом очень важно не только то, насколько личность самокритично воспринимает эти ценности, но и то, в какой мере она следует этим нормам и шаблонам поведения в своей каждодневной практике, в своих конкретных действиях и поступках, демонстрируя свое уважение к существующей правовой системе.

Литература

1. Сырых В.М. Теория государства и права: учебник. – М., 2017. – С. 372.
2. Марченко Н.М. Теория государства и права: учебник. – М., 2016. – С. 621.
3. Кудрявцев В.Н., Казимирчук В.П. Современная социология права: учебник для юридических факультетов и институтов. – М., 1995. – С. 167.
4. Кожевников В.В. Форма правоотношений и правомерное поведение // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2016. № 3 (48). С. 9.
5. Вопленко Н.Н. Правосознание и правовая культура: учебное пособие. – Волгоград, 2000. – С. 43.
6. Алексеев С.С. Философия права. – М.: Издательство НОРМА, 1999. – С. 139.
7. Игнатьева О.В. Критерии правомерного поведения // Вестник Московского университета МВД России. 2009. № 5. С. 103.
8. Оксамытный В.В. Теория государства и права: учебник. – М., 2004. – С. 452–457.
9. Кудрявцев В.Н., Казимирчук В.П. Там же. С. 170.
10. Гусейнов О.М., Гусейнов Г.О.К вопросу о путях и средствах формирования правовой культуры личности // Социально-гуманитарные знания. М., 2020. № 5. С. 123–134.
11. Гусейнов О.М., Гусейнов Г.О. Правовое воспитание как фактор формирования позитивного правосознания личности // Социально-гуманитарные знания. М., 2021. № 3. С. 114–125.
12. Самыгин П.С. Семья как институт правовой социализации в условиях социальной неопределенности развития российского общества // Общество: политика, экономика, право. 2007. № 1. С. 85.
13. Самыгин П.С., Попов М.Ю., Самыгин С.И. Правовая социализация молодежи в условиях кризисного состояния современного российского общества // Вестник РУДН. Серия: Социология. Май 2016, Т. 16. № 2. С. 297.

LEGAL SOCIALIZATION AS A FACTOR IN THE FORMATION OF A STABLE ORIENTATION OF A PERSON TO LAWFUL BEHAVIOR

Huseynov O.M.
Dagestan State University

The article is devoted to the problem of studying the place and role of legal socialization in the formation of a stable orientation of a person to lawful behavior as a socially useful activity in the sphere of law, aimed at the normal functioning and development of society, the realization by citizens of their basic rights and duties, the protection of law and order.

Keywords: legal socialization, lawful behavior, respect for the law, legal nihilism.

References

1. Syrykh V.M. Theory of State and law: textbook. – M., 2017. – P. 372.
2. Marchenko N.M. Theory of State and law: textbook. – M., 2016. – P. 621.
3. Kudryavtsev V.N., Kazimirchuk V.P. Modern sociology of law: textbook for law faculties and institutes. – M., 1995. – P. 167.
4. Kozhevnikov V.V. Form of legal relations and lawful behavior // Bulletin of Omsk University. The series “Law”. 2016. No. 3 (48). P. 9.

5. Voplenko N.N. Legal awareness and legal culture: textbook. – Volgograd, 2000. – P. 43.
6. Alekseev S.S. Philosophy of Law. – Moscow: NORMA Publishing House, 1999. – P. 139.
7. Ignatieva O.V. Criteria of lawful behavior // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2009. No.5. P. 103.
8. Oxamytnyv. V. Theory of State and law: textbook. – M., 2004. – pp. 452–457.
9. Kudryavtsev V.N., Kazimirchuk V.P. Ibid., p. 170.
10. Huseynov O.M., Huseynov G.O. On the question of ways and means of forming the legal culture of the individual // Social and humanitarian knowledge. Moscow, 2020. No.5. P. 123–134.
11. Huseynov O.M., Huseynov G.O. ·Legal education as a factor in the formation of a positive legal consciousness of the individual // Social and humanitarian knowledge. Moscow, 2021 No.3. pp. 114–125.
12. Samygin P.S. Family as an institution of legal socialization in the conditions of social uncertainty of the development of Russian society // Society: politics, economics, law. 2007. No.1. P. 85.
13. Samygin P.S., Popov M. Yu., Samygin S.I. Legal socialization of youth in the conditions of the crisis state of modern Russian society // Bulletin of the RUDN. Series: Sociology. May 2016, vol. 16. No. 2. p.

Особенности реализации современных военных информационно-коммуникативных операций

Кандалов Вадим Иванович,
к.э.н., доцент, доцент Департамента массовых коммуникаций и медиабизнеса Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: VIKandalov@fa.ru

Карташова Дарья Алексеевна,
студент Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: dakartashova@gmail.ru

В статье рассматривается средний уровень организации информационной войны – оперативный. К этому уровню отнесены военные информационно-коммуникативные операции, направленные на информационное обеспечение боевых действий, в целях воздействия на сознание войск и населения противника, а также собственной аудитории для формирования выгодной версии медиареальности. На примерах Специальной военной операции, рассмотрены различные ВИКО, реализуемые украинскими и западными специалистами в сфере ведения информационных войн. В ВИКО по расчеловечиванию противника, продвижению культуры отмены России, десимволизации общественного сознания и сакрализации войны предпринимаются усилия по достижению информационного превосходства над российской армией и получению сочувствия со стороны российской аудитории действиям украинских националистов.

Ключевые слова: информационная война, военная информационно-коммуникативная операция, медиареальность, интегрированные коммуникации, расчеловечивание, культура отмены, десимволизация, сакрализация.

Информационная война является не только довольно сложным социально-политическим явлением с теоретической точки зрения, но и непростым в организационном отношении. Структурно в указанном феномене, следуя аналогии с имеющейся в военном искусстве иерархией боевых действий, можно выделить три уровня информационной войны: стратегический, оперативный и тактический [4].

Стратегический уровень представляет собой острый информационный конфликт международного масштаба, противоборство между субъектами которое может как сопровождать горячую фазу войны, так и реализовываться до вооруженного столкновения, так и после или даже вместо него. По существу, именно этот уровень и представляет собой информационную войну в полном смысле.

Второй уровень, ***оперативный*** – является средним между глобальным и локальным столкновением в информационно-коммуникативном пространстве. Здесь осуществляются спланированные, согласованные по месту и времени информационные операции по достижению конкретных задач в ходе реализации общей цели информационной войны – информационного подавления армии и убеждения населения противника, а также поддержка своих вооруженных сил и граждан страны.

Наконец, третий уровень ***тактического*** свойства представлен отдельными информационными акциями, инициированными медиа информационными поводами, а также мероприятиями, осуществляемыми в интересах информационных операций.

Наибольший интерес для настоящего исследования представляет оперативный уровень. Согласно исследованиям В.В. Кафтана, Д.Н. Щербины ***военная информационно-коммуникативная операция (ВИКО)*** представляет собой спланированную, взаимосогласованную по месту, цели, времени, силам и средствам информационную деятельность, гуманитарного характера, по всестороннему обеспечению военных действий, рассчитанная на враждебные, дружественные или нейтральные аудитории с тем, чтобы склонить их к поддержке продвигаемых в ходе военного столкновения идей, концепций, доктрин, ценностей для оказания влияния на их настроения и поведение по отношению к войне в благоприятном направлении для достижения политических, экономических и социально-духовных целей [2].

Информационное влияние на общество сегодня осуществляется в первую очередь путем управления дискурсивными практиками масс-медиа, формирующими общественное мнение. Суть современных сетевых ВИКО заключается в обеспечении акторам и привносимым ими идеям с помощью доступа к медиасредствам, разработке эффективных сообщений, на основе анализа целевых аудиторий и активного распространения данных сообщений, с помощью средств массовой коммуникации, в целях формирования у аудитории выгодной медиареальности.

Основной технологий сетевых ВИКО являются ***интегрированные коммуникации***, под которыми понимается консолидированное использование взаимоувязанных традиционных мобилизационных насильственных (hard)

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета при Правительстве РФ.

по своему характеру стратегий (пропаганды, агитации) и маркетинговых ненасильственных (soft) стратегий (рекламы, брендинга, имиджмейкинга, связей с общественностью) в едином «пакете» для получения конкурентного преимущества и осуществления комплексного влияния политических акторов на массовое сознание с помощью согласованных, но различных сообщений для аудиторий, относящейся к разным коммуникативным средам в целях формирования их лояльности и доверия.

Рассмотрим наиболее значимые ВИКО, которые были реализованы и продолжают осуществляться в ходе вооруженного конфликта на Украине.

ВИКО по расчеловечиванию противника направлена на формирование образа врага, устрашения своих граждан противником, которому приписываются черты дикарей, варваров, убийц. Расчеловечивание противника дает возможность применять по отношению к нему любое насилие без всякой жалости, будь то использование запрещенных средств ведения войны, того же химического оружия, как это было зафиксировано в Бахмуте, когда украинские боевики с помощью беспилотника распыляли контейнеры с хлорцианом над российскими солдатами [5] или издевательства над военнопленными русскими солдатами, попавшими в плен [9].

Расчеловечивание можно проследить и в паспортах неграждан Эстонии и Латвии, введенные для русскоязычного населения, которые получили официальное название «alien's passport» (англ. «паспорт чужака»). Это название явно отсылает к культовому фантастическому фильму Р. Скотта «Чужой» (англ. Alien) 1979 г., в котором космонавты на одной из отдаленных планет случайно находят инопланетный организм, который выбрасывается из внезапно раскрывшегося яйца в лицо человека, парализует его, используя его тело в качестве инкубатора для вынашивания детеныша чудовища, который рождаясь на свет разрывает живот своего носителя. То есть потомки людей, числом в десятки тысяч, которые приехали в 1940-е годы и ставшие частью единой страны СССР, республики Прибалтики, неразвитые в промышленном отношении по преимуществу с крестьянским укладом и активно способствовавших их индустриализации, повышению уровня жизни, сегодня не только не имеют равных с другими прав, но еще на официальном уровне в издевательской форме зовутся «чужими» с намеком на их якобы «паразитический» статус. В Евросоюзе, частью которого являются Балтийские страны с 2004 г. закрывают глаза на такую политику апартеида, не позволяющую «чужим» участвовать в выборах, заниматься определенными видами профессиональной деятельности (военная служба, правоохранительные органы, государственная служба) и даже свободно перемещаться по другим странам Единой Европы без визы. В последнее время все чаще раздаются призывы латышских политиков, не интегрировать неграждан, предоставив им все права, а выслать их в Россию.

В ходе Специальной военной операции, опираясь на эпопею фантэзи Дж.Р. Толкина «Властелин колец», украинские националисты стали называть российских солдат орками – сказочными персонажами-людоедами, обитающими в глубинах подземелий, пытающихся разрушить мир светлых сил и превратить его в Мордор, бесплодное царство ночи, обитель сил зла.

Еще отечественный мыслитель Русского Зарубежья Н.А. Бердяев подметил, что для западного общества характерен антигуманизм, который принимает формы бестиализма (богозвериности): «Согласно этой морали, все стало дозволенным, с человеком можно как угодно обращаться для достижения нечеловеческих и противочеловеческих целей. Бестиализм есть отрицание ценности человеческого лица, всякого человеческого лица, есть отрицание всякой сострадательности к человеческой участи [1, с. 325–326]. Бердяев предрекает, что подобная подмена гуманизма антигуманизмом приведет к моральной катастрофе Запада.

Ж. Боррель, один из руководителей Евросоюза, курирующий дипломатическую деятельность на форуме молодых европейских дипломатов в Брюгге 13 октября 2022 г. назвал европейцев «привилегированными людьми», заявив, что: «Европа – это сад, мы создали этот сад… Все работает, это лучшая комбинация политической свободы, экономической перспективы и социальной сплоченности… Остальной мир – это не совсем сад. Большая часть остального мира – это джунгли. А джунгли могут вторгнуться в сад» [7].

ВИКО по продвижению культуры отмены России. В последней редакции Стратегии национальной безопасности РФ указывается, что: «На фоне кризиса западной либеральной модели рядом государств предпринимаются попытки целенаправленного размывания традиционных ценностей, искажения мировой истории, пересмотра взглядов на роль и место России в ней, реабилитации фашизма, разжигания межнациональных и межконфессиональных конфликтов. Проводятся информационные кампании, направленные на формирование враждебного образа России. Ограничивается использование русского языка, запрещается деятельность российских средств массовой информации и использование российских информационных ресурсов» [10].

В странах Евросоюза сегодня активно внедряется «культура отмены» – сворачивание культурного обмена, запрет на постановку произведений русской культуры, в том числе и классической, отказ в выступлении отечественных артистов за рубежом, санкции на проведение выставок и музейной деятельности, становится все более «токсичным» само употребление русского языка.

ВИКО по десимволизации общественного сознания – это практика разрушения межпоколенческой коммуникации, осуществляемая с помощью негативизации образов прошлого, перестройки символических смыслов, внедрения в коллективную память новых смыслов для устоявшихся значений материальных и духовных объектов.

Одним из первых о важности символического означивание для сохранения истории, преемственности культуры и трансляции духовных ценностей заявил французский ученый из исторической школы «Анналов» П. Нора. По мнению Нора большое влияние на сознание масс имеют так называемые коммеморации или места памяти, к которым можно отнести: мемориалы, пантеоны героев, памятные места, т.е. те или иные материальные артефакты и застывшие материальные свидетельства ушедших эпох и деятельности выдающихся людей своего времени [3, с. 26].

Следует отметить, что деконструкция коммеморациий является стандартной практикой духовных и политических революционных событий, когда их инициаторы стремятся разрушить старый мир до основания, прежде чем построить новый. Так было во времена библейского пророка Моисея, уничтожившего статую золотого тельца, подобным образом действовал Великий Киевский князь Владимир, приказавший утопить в Днепре языческий идол Перуна, сходную политику борьбы с «проклятым» эксплуататорским прошлым проводили большевики, свергая с пьедестала статуи царей и взрывая храмы.

В настоящее время десимволизация превратилась в информационно-коммуникативную практику переделки истории в целях информационной войны, о чем свидетельствует компания по сносу советских памятников,

переименованию городов, глумление над местами захоронения видных деятелей эпохи и вообще уничтожению любых следов общей исторической судьбы украинского и русского народов.

ВИКО десимволизации общественного сознания прошло на территории Украины несколько этапов.

Первый этап (1991–2004) связан с ползучим пересмотром роли бандеровского подполья и таких неоднозначных исторических персонажей как гетманы И. Выговский, И. Мазепа, руководители националистических организаций С. Бандера и Р. Шухевич. Этим лицам стали ставить памятники, а их именами называть улицы.

Второй этап (2004–2014) характеризуется внедрением в массовое сознание культа жертв Голодомора, когда после оранжевой революции президентская команда В. Ющенко провела по всей стране акцию установления во всех населенных пунктах памятников, «свидетельствующих» о вине советской власти в гибели миллионов людей от всеобщего голода на Украине в 1930-е годы. Были написаны учебники по истории, проводились научные конференции, выставки фотографий и свидетельств очевидцев, которые «доказывали» преступный умысел московских властей по уничтожению украинцев и заселению территории русскими.

Третий этап (2014–2022) связан с Евромайданом, проходившим под националистическими или даже нацистскими лозунгами: «Москалів – на ножі», «Москаляку на гіляку», ««Україна понад усе!». «Революция достоинства» ознаменовалась акцией по сносу памятника В.И. Ленину в Киеве несмотря на то, что именно он являлся подлинным создателем украинской государственности, это событие затем было тиражировано на всю страну и получило название «Ленинопад». Затем были опрокинуты монументы, посвящённые другим советским партийным и общественным деятелям. Так, в Харькове и Одессе были сорваны бюсты и памятные доски маршала Победы Г.К. Жукова. Под предлогом декоммунизации по всей стране массово стали переименовываться улицы и целые города, открывались новые памятники, в основном деятелям националистического движения, погибшим на майдане жертвам «Небесной сотни» и «героям» Антитеррористической операции на Донбассе, отметившихся вооруженным насилием, обстрелами мирных жителей и мародерством.

На четвёртом этапе (2022 – по н.в.) после начала Специальной военной операции, десимволизация набрала новые обороты. Теперь под прицелом оказались коммеморации, связанные с наследием культуры и имперским прошлым Малороссии. Так, стали сносится не только памятники Екатерине II в Одессе, городе ей основанном, но даже памятники А.В. Суворову и А.С. Пушкину. Также были низвергнуты монументы советским героям В. Чкалову и З. Космодемьянской. Своеобразным апофеозом стал снос символа освобождения Киева от фашистов, памятника на могиле командующего I Украинским фронтом совестному генералу Ватутину, скончавшегося после покушения бандеровцев в 1943 г. То есть от опрокидывания памятников и разрушения памятных знаков, десимволизаторы перешли к уничтожению могил, окончательно сорвав с себя маски, ведь ранее сторонники Майдана заявляли, что их предшественники и бойцы героизированных ОУН и УПА были не пособниками нацистов, а боролись с ними также, как и солдаты Красной армии.

Сегодня открыто происходит полная зачистка памяти о победителях, и таким образом оправдываются побеждённые, т.е. нацисты и коллаборационисты. Об этом свидетельствуют кресты по цвету и форме напоминающих нацистские, которые стали наносить на свою военную технику, полученную от стран НАТО, украинские солдаты. 14 февраля 2023 г. президент Украины подписал указ о присвоении 10 горно-штурмовой бригаде ВСУ наименования «Эдельвейс», явно с намеком о существовавшей в Вермахте в годы II Мировой войны элитной дивизии альпийских горных стрелков «Эдельвейс», укомплектованных альпинистами из Южной Германии и Австрии, отличившихся в карательных акциях в Югославии, Чехословакии, Греции, депортациях в концлагеря евреев и водружении нацистского флага над Эльбрусом (видимо этот факт стал основным в мотивации В. Зеленского).

ВИКО по сакрализации войны направлена на придание вооруженному конфликту экзистенциального характера, продвижение собственной позиции как столкновения сил добра с полчищами зла.

Т. Блэр, премьер-министр Великобритании, санкционировавший вместе с Дж. Бушем военное вторжение в Ирак в 2003 г., в обход Совета Безопасности ООН и даже при несогласии большинства стран блока НАТО, назвал эту войну – «битвой за глобальные ценности», «сражением за прогресс». Это «война особого свойства, в которой невозможно победить обычными средствами… Мы сможем победить, только показав всему миру, что наши ценности имеют качественное преимущество по сравнению с альтернативными ценностями, продемонстрировав наше беспристрастное и открытое стремление сделать их общедоступными».

Причем Блэр, оправдывая эту захватническую войну, унесшую жизни по разным данным, от 160 тыс. до 1,12 млн иракцев, из которых 79% являются гражданскими лицами, заявляет, что навязываемые силовым путем ценности не являются ни западными, ни американскими, ни англосаксонскими, а якобы «принадлежат всему человечеству, носят универсальный характер и должны стать правым делом гражданина мира… Наши ценности служат нам ориентиром, олицетворяющим прогресс человечества на протяжении веков. На каждом этапе нам приходилось отстаивать их. И в преддверии новой эры наступило время снова вступить за них в схватку» [6].

С началом Специальной военной операции, тезис о необходимости защиты «общечеловеческих ценностей», которые якобы отстаивает Украина, стал общеупотребимым в политических коммуникациях западных лидеров, оправдывающих в глазах своих избирателей военно-техническую экономико-санкционную помощь и поддержку этой стране. Так, министр иностранных дел Германии А. Бербок, на Форуме-2000 в Праге 31 августа 2022 г. заявила, что она сдержит свое обещание поддержать Украину в противостоянии с Россией, как бы к этому не относились ее немецкие избиратели [8]. Между тем, Бербок является представителем экологической партии Зелёных и отлично понимает, что участие Германии в санкционном давлении против России приводит не только к экономическому кризису, но и к подрыву стабильности энергообеспечения и как следствия переходу не к зелёной экономике, а к возвращению, в целях сохранения тепла для потребителей, наиболее вредным для экологической среды энергоносителями: углю и мазуту.

Рассмотрев различные виды ВИКО, особенности их реализации и последствия, следует отметить, что все они находят применение в настоящее время, однако можно считать наиболее значимыми из них сетевые военные информационно-коммуникативные операции, позволяющие воздействовать на аудиторию противника не напрямую, а с использованием косвенного влияния социальных сетей, всевозможных гаджетов и цифровых

технологий, благодаря которым появляется возможность не просто изменить мнение оппонента, а построить альтернативную версию действительности, в которой инициатор коммуникации всегда окажется в выигрыше.

Литература

1. Бердяев Н.А. Судьба человека в современном мире. К пониманию нашей эпохи. – Париж, 1934. – С. 325–326.
2. Кафтан В. В., Щербина Д.Н. Военные информационно-коммуникативные операции как явление современного общества. – Ч.: ЧВВИУРЭ, 2016. – 228 с.
3. Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память. – СПб., 1999. – С. 26.
4. Свечин А. Стратегия. – М.: Военный вестник, 1927. – 342 с.
5. Стешин Д. «Оружие последнего шанса»: Киев начинает химическую войну // Комсомольская правда. 2023. 6 фев. [Электронный ресурс] – URL: https://www.kp.ru/daily/27461/4716997/ (дата обращения: 19.03.2023).
6. Блэр Т. Битва за глобальные ценности. Перевод концептуальной статьи из Foreign Affairs // Время новостей. 2007. 14 фев. [Электронный ресурс] – URL: http://www.vremya.ru/2007/26/13/ 171609.html (дата обращения: 10.03.2023).
7. Боррель сравнил окружающий Европу мир с джунглями // РИА Новости. 2022. 13 окт. [Электронный ресурс] – URL: https://ria.ru/20221013/evropa-1823673165.html (дата обращения: 01.02.2023).
8. Глава МИД Германии заявила, что поддержка Украины важнее мнения немцев // РИА-Новости. 2022. 31 авг. [Электронный ресурс] – URL: https://ria.ru/20220831/berbok-1813527763.html (дата обращения: 01.02.2023).
9. В ООН признали пытки и расстрелы российских пленных боевиками ВСУ // РИА-Новости. 2022. 18 окт. [Электронный ресурс] – URL: https://crimea.ria.ru/20221018/v-oon-priznali-pytki-i-rasstrely-rossiyskikh-plennykh-boevikami-vsu-1124959949.html?ysclid=le4dq8d78o555888340 (дата обращения: 19.03.2023).
10. Стратегия национальной безопасности РФ, утверждена Указом Президента РФ от 02 июля 2021 г. № 400 // Сайт Президента РФ. [Электронный ресурс] – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046 (дата обращение: 19.03.2023).

FEATURES OF THE IMPLEMENTATION OF MODERN MILITARY INFORMATION AND COMMUNICATION OPERATIONS[1]

Kandalov V.I., Kartashova D.A.
Financial University under the Government of the Russian Federation

The article considers the average level of information warfare organization – operational. This level includes military information and communication operations aimed at information support of military operations in order to influence the minds of the troops and the population of the enemy, as well as their own audience to form a profitable version of the media reality. On the examples of the Special Military Operation, various WICOs implemented by Ukrainian and Western experts in the field of information warfare are considered. In WICO, in order to dehumanize the enemy, promote a culture of canceling Russia, desymbolize public consciousness and sacralize war, efforts are being made to achieve information superiority over the Russian army and gain sympathy from the Russian audience for the actions of Ukrainian nationalists.

Keywords: information warfare, military information and communication operation, media reality, integrated communications, dehumanization, culture of cancellation, desymbolization, sacralization.

References

1. Berdyaev N.A. The fate of man in the modern world. Towards understanding our era. – Paris, 1934. – P. 325–326.
2. Kaftan V. V., Shcherbina D.N. Military information and communication operations as a phenomenon of modern society. – Ch.: CHVVIURE, 2016. – 228 p.
3. Nora P. Problematika places of memory // France-memory. – St. Petersburg, 1999. – p. 26.
4. Svechin A. Strategy. – M.: Military Bulletin, 1927. – 342 p.
5. Steshin D. “The weapon of the last chance”: Kiev starts a chemical war // Komsomolskaya Pravda. 2023. 6 Feb. [Electronic resource] – URL: https://www.kp.ru/daily/27461/4716997 / (date of appeal: 03.19.2023).
6. Blair T. The Battle for Global Values. Translation of a conceptual article from Foreign Affairs // News Time. 2007. 14 Feb. [Electronic resource] – URL: http://www.vremya.ru/2007/26/13 / 171609.html (date of appeal: 03.19.2023).
7. Borrel compared the world around Europe with the jungle // RIA Novosti. 2022. 13 Oct. [Electronic resource] – URL: https://ria.ru/20221013/evropa-1823673165.html (date of appeal: 01.02.2023).
8. The German Foreign Minister said that the support of Ukraine is more important than the opinion of the Germans // RIA-Novosti. 2022. 31 Aug. [Electronic resource] – URL: https://ria.ru/20220831/berbok-1813527763.html (date of appeal: 01.02.2023).
9. The UN recognized the torture and execution of Russian prisoners by the militants of the Armed Forces of Ukraine // RIA-Novosti. 2022. 18 Oct. [Electronic resource] – URL: https://crimea.ria.ru/20221018/v-oon-priznali-pytki-i-rasstrely-rossiyskikh-plennykh-boevikami-vsu-1124959949.html?ysclid=le4dq-8d78o555888340 (date of appeal: 03.19.2023).
10. The National Security Strategy of the Russian Federation, approved by Presidential Decree No. 400 of July 2, 2021 // Website of the President of the Russian Federation. [Electronic resource] – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046 (date of appeal: 03.19.2023).

[1] The article was prepared based on the results of research carried out at the expense of budgetary funds under the state assignment of the Financial University under the Government of the Russian Federation.

Социальный институт как результат хабитулизации и его функции: философский анализ

Равочкин Никита Николаевич,
доктор философских наук, доцент, профессор кафедры педагогических технологий Кузбасской государственной сельскохозяйственной академии; профессор кафедры истории, философии и социальных наук Кузбасского государственного технического университета имени Т.Ф. Горбачева
E-mail: nickravochkin@mail.ru

Леопа Александр Владимирович,
доктор философских наук, доцент, заведующий лабораторией военной истории и военной педагогики Сибирского федерального университета
E-mail: alleopa@mail.ru

Мельникова Татьяна Витальевна,
доктор философских наук, доцент, доцент кафедры гражданского права Сибирского федерального университета
E-mail: mtv-10@mail.ru

Рахинский Дмитрий Владимирович,
доктор философских наук, доцент профессор кафедры общественного здоровья и здравоохранения Красноярского государственного медицинского университета имени профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого; профессор кафедры гражданского права и процесса Красноярского государственного аграрного университета
E-mail: siridar@mail.ru

В статье через призму хабитуализации рассматриваются социальные институты и анализируются их функции. Приводятся позиции классиков и современников, раскрывающие сущность социальных институтов. Показывается, что руководство интерсубъективностью в качестве базисного концепта позволяет сосредоточиться на регулятивной природе социальных институтов. Демонстрируется, что коммуникативная сторона исследуемых в работе социальных структур позволяет выйти за рамки лишь лингвистических единиц при создании институтов и трансформировать приписываемые им значения и смыслы. Выявлены сущностные характеристики, которые могут быть положены в основу различных институциональных моделей. Далее авторы приводят перечень выполняемых институтами функций. В заключение сформулированы выводы, пополняющие современное социально-философское знание в аспекте изучения институциональной проблематики, которое может быть использовано в теоретико-методологическом и прикладном аспектах.

Ключевые слова: институт, общество, хабитуализация, институциональная среда, трансформации, функционал институтов, личность.

В современном мире происходят преобразования на всех уровнях общественной жизни. Успех и эффективность таковых определяются многими критериями, параметрами и факторами, уникальным образом сочетающихся в эмпирических контекстах. Однако все без исключения трансформации сопрягаются с изменениями институциональной среды. Осмысление социальных институтов, без преувеличения является мейнстримным исследовательским направлением в философии. Это объясняется тем. Что «понять» институт во многом позволит схватить фундаментальный смысл общества и даже в условиях нелинейной динамики выявить некоторую логику развития социальных систем в теоретико-методологическом и прикладном аспектах. Институты фиксируют рамки совершения дозволенных действий, в них отражены множественные национально маркированные параметры, присущие данным моделям реализованным на практике. Рассматриваемые структуры также устанавливают пределы поощряемых и рекомендуемых действий и в то же время в рамках нескольких пространств трактуют в качестве недозволенных вариантов поведения такие паттерны, которые в ряде других обществ, наоборот, будут восприняты желаемого. Таким образом, в настоящей работе авторы стремятся изучить социальные институты через интерсубъективные взаимодействия, а также обобщить функционал данных установлений.

Большинство исследователей подчеркивает, что институты являются результатом хабитулизации, что актуализирует необходимость рассмотрения родовых критериев, вытекающих из «опривычивания» социокультурной действительности. Так, Т. Веблен понимает под социальными институтами «привычный образ мысли, руководствуясь которым живут люди», «привычные способы осуществления процесса общественной жизни в ее связи с материальным окружением, в котором живет общество» [1, с. 202–203], подчеркивая, что формирование абсолютно любого социального института выступает результатом, следствием привычки, ритуализированности, регулярной повторяемости взаимодействий акторов. Прослеживается аналогия с дюркгеймовской, когда институты выступают «фабриками воспроизводства» социальных интеракций. В целом, для институтов характерны устойчивость, систематичность, длительность, но одновременно отличаются и изменяемостью во времени и пространстве, и стабильностью [2, с. 68]. Самоочевидно, что динамичнее всего трансформациям подлежат институты, находящиеся на внешнем слое, тогда как глубинные структуры более устойчивы.

Классики отечественной теоретической социологии делают акцент на том, что институты предполагают «сознательно регулируемую и организованную форму деятельности массы людей, воспроизведение повторяющихся и наиболее устойчивых образцов поведения, привычек, традиций, передаваемых из поколения в поколение. Каждый институт, входящий в определенную социальную структуру, организуется для выполнения тех или иных общественно значимых целей и функций» [3, с. 118]. В данном случае речь идет о сознательной регуляции поведения масс людей, в то же время, вли-

яние таких социальных институтов, как обычаи, традиции и религия часто не осознается личностью. Речь идет о неосознанном регулировании и выборе алгоритмов не на основании анализа конкретной ситуации, но интуитивно. Кроме этого, институты наподобие семьи не предполагают регуляции взаимоотношений между большим количеством людей, особенно в тех национальных обществах, где связи между поколениями ослаблены. Резонно заметить, что социальные институты обладают мощным регулятивным потенциалом, предписывая субъектам определенные нормы и правила поведения, вне зависимости от осознания их индивидами, распространяясь при этом на все без исключения общественные образования.

Как подчеркивает Ю.Б. Шубников, «родовой особенностью институтов является то, что отношения, образующие их содержание, носят не разовый, случайный характер, а выступают как регулярные, постоянно воспроизводимые» [8, с. 45]. В такой интерпретации сущностными чертами данных отношений являются воспроизводимость, долгосрочность, повторяемость, что отражает результат гласных или негласных договоренностей между членами общества. Более того, именно в указанных свойствах усматриваем стабильность существования социальных практики, лежащих в основании институтов.

Позиция по поводу того, что социальный институт – это словесный символ, представлена в работах Дж. Серля, который при формировании рассматриваемых структур отдавал ведущую позицию именно языку, (не)произвольным образом конституирующему установления той или иной сферы [10, p. 115]. Выделяя языковую систему в качестве приоритетной, ученый сосредоточивается на мистицизме самого языка, а также процесса «носительства», что позволяет ему говорить о новой институциональной реальности, обеспечивающей самоидентификацию личности.

Между тем, как говорилось выше, институты – это результат как вербальных, так и невербальных, имплицитных, договоренностей, что не позволяет свести их исключительно к словесным символам. Выходит, институт является более широким понятием, затрагивающим скорее множество семиотических знаковых систем, не ограничиваясь только языковой. В свою очередь, мы можем дополнить набор характеристик института коммуникативностью. Представители неоинституционализма выделяют определенные типы правил, регулирующих взаимодействия между акторами: (1) не имеющие вербальной формы, но при этом обладающие визуальной формой, которую можно наблюдать; (2) имеющие вербальную форму, но представленные на уровне повседневных практик, существующие в латентной форме; (3) имеющие вербальную форму, которые созданы людьми специально [6, с. 70–71]. Коммуникативные взаимодействия между членами того или иного общества порождают институты. Кроме того, по мере своего функционирования данные структуры неизбежно приобретают дополнительные значения и смыслы, т.е. становятся определенными семиотическими знаками, что де-факто углубляет его коммуникативную сущность.

Обращаясь к регуляторной природе социальных институтов, в научной литературе, прежде всего, в объективистской парадигме, можно столкнуться с весьма негативными оценками. Встречается мнение, что институты интерпретируются как одна из форм подавления личности и ее устремлений социальными практиками, главным образом государством [6, с. 68]. В свою очередь П.В. Разов подчёркивает, что «в рамках инструментальных институтов человек включен в систему взаимодействий, сопоставимую с тотальным контролем его деятельности и практически полностью ограничен в вопросах влияния на институциональные функции» [4, с. 18]. Представители субъективистской парадигмы, наоборот, полагают, что социальные институты выступают средством самореализации личности. Важно отметить, что институты не только регулируют поведение личности, но и придают им смысл. Социальные институты противостоят неупорядоченным и хаотичным практикам и игре «не по правилам», являясь воплощением структур поведенческого равновесия.

Принимая во внимание, что социальный институт представляет собой одновременно и результат коллективной договоренности, или своеобразный компромисс, к которому пришло общество в процессе своего исторического развития, а также то, что он реализует регулирующую функцию, можно сделать вывод о его дуалистичности. С одной стороны, он, безусловно в некотором роде подавляет личность, оказывая влияние на формирование системы ценностей, представлений о (не)допустимых формах поведения, с другой – при принятии институциональных правил осуществляется интеграция личности в систему социальных взаимодействий: «Усваивая коллективные установки общества, люди постепенно становятся полноценными его членами» [6, с. 71]. Интеграция в систему коммуникативных взаимодействий способствует взаимному личностному развитию коммуникантов в общении, что, в свою очередь, способствует личностному развитию в коммуникации и, соответственно, самореализации. Как полагает целый ряд исследователей, «не существует никакой необходимости или неизбежных причин того, чтобы социальные институты носили подавляющий или жестко консервативный характер, или были бы, как многие гибкими и прогрессивными, поощряющими, а не сдерживающими индивидуальность» [5, с. 259]. Получается, что несмотря на наличие регулирующего потенциала относительно поведения личности и социальных групп, институтам также свойственны изменчивость, гибкость, вариативность, что способствует повышению уровня нормированности поведения и повышает его предсказуемость.

Наряду с выявленными родовыми характеристиками социальных институтов, следует остановиться на изучении их функций, поскольку функциональный потенциал формируется непосредственно с сущностными качествами практик:

1. Функция обеспечения устойчивости общества вытекает из наличия регуляторного характера института и воспроизводимости социальных взаимодействий. Каждый институт представляет собой комплекс норм и правил поведения, упорядочивая активность акторов, повышая стабильность самой социальной системы. Кроме этого, как было выявлено ранее, в основании любого института возникновение и осознание потребности, которая мотивирует акторов вступать в трансакции. В свою очередь, удовлетворение потребности также становится фактором роста устойчивости общества. В ситуации, когда институт перестает быть эффективным инструментом удовлетворения потребностей, возникает необходимость в его реформировании или устранении. В такой логике социальный институт предстает «набором верований и практик, которые становятся нормативно обязательными и ориентированы на поддержание социального порядка» [2, с. 68].

Отдельно хотелось бы акцентировать внимание на том факте, что прямая корреляционная связь между эффективностью социального института и стабильностью общества отсутствует. Тем не менее, принимая во внимание функции социального института, упорядо-

чивание поведения акторов, введение и принятие ими правил игры способствует стабилизации среды в целом и предупреждению возможных разрывов.

2. Функция производства, распределения, обмена благ для удовлетворения потребностей основывается на качестве целенаправленности социального института;
3. Функция регулирования, координации общественной практики основывается на коммуникативной природе и регуляторном характере социального института. Упорядочивая взаимодействия между акторами, институты структурируют социум, одновременно привнося в общественную жизнь альтернативы и определённость, восполняя пробелы в информации, создавая валидные предпосылки для прогнозирования;
4. Функция оптимизации общественных отношений основывается на коммуникативной природе социального института, выступающего результатом своеобразного общественного договора. Фиксация в институциональных нормах определенных алгоритмов поведения, повышение предсказуемости и определенности поведения способствует гармонизации взаимодействий (нормальных, речь не идет о девиантных формах), позволяет экономить усилия личности на выработку новых поведенческих паттернов. Заявленная функция, помимо прочего, основывается на стремлении личности к минимизации трансакционных издержек, что приводит к закреплению наиболее оптимальных поведенческих алгоритмов в рамках социального института;
5. Функция систематизации и структурирования социальных взаимодействий основывается на основании иерархичности структуры социального института, его регуляторном характере. Институциональное структурирование находит свое «отражение сначала в обыденном, а затем и в научном общественном сознании, способствует спецификации отношений в целях совершенствования практики их использования» [8, с. 48]. Совокупность целого ряда действий институционального строительства открывает возможности для выделения множества образований различного уровня, каждое из которых наделено своей спецификой и в зависимости от них уже определяется их функционирование на практике.
6. Воспроизводство членов общества на основании надиндивидуальности и наличия ценностных модусов. Институты представляют собой структуры, организующие социальную жизнь – и это подтверждает широко распространенные исследовательские позиции по поводу того, что они являются «главными жизнеобеспечивающими средствами организации общежития, которое люди создают в процессе взаимодействия друг с другом и посредством которых сохраняется и преемственность поколений» [9, p. 381].
7. Функция установления и поддержания социальной справедливости в целях реализации общественных интересов: «Правило, ограничивающее скорость, действует в интересах всех участников дорожного движения, поскольку снижает риски управления автомобилем, однако во многих ситуациях у индивидов могут возникать стимулы к тому, чтобы его нарушить, поскольку оно входит в противоречие с их личным, ad hoc, интересом» [7, с. 119]. Иными словами, регулирование поведения акторов состоит еще и в том, чтобы они не причиняли друг другу вред или в случае причинения такового он был бы компенсирован.
8. Функция организации передачи знаний, которая основывается на коммуникативной и регулятивной природе социальных институтов, принятии норм и следовании им.

На основании проведенного анализа можно сделать вывод, что институты представляют собой полифункциональные конструкты, главной задачей которых выступает обеспечение стабильности социума, повышение уровня гармонизации взаимодействия акторов, воспроизводство членов общества. Большинство рассмотренных функций вытекает из социальной и коммуникативной природы институтов. Имеющиеся в современной науке затруднения с однозначной дефиницией социального института и их формализацией обусловлены вариативной и сложностной сущностью.

Институт представляет собой результат хабитуализации поведенческих алгоритмов, а регуляторная природа данных социальных конструктов обусловливает формирование перечня их родовых признаков: (1) коммуникативность представляет собой своеобразный результат общественного договора; (2) авторитет позволяет устанавливать и поддерживать некоторый баланс сил между социальными акторами; (3) дуалистичность как средство подавления и самореализации личности; (4) постоянность.

Социальная природа институтов обусловливает формирование таких его родовых признаков, как (1) невозможность существования вне общества; (2) наличие иерахизированной структуры, включающей носителей и организационно-управленческие образования; (3) целенаправленный характер деятельности, основывающийся на возникновения потребности; (4) надиндивидуальность, объективность, обезличенность; (5) национальная маркированность, отражающая особенности менталитета; (6) ценностный фундамент; (7) гибкость, изменчивость во времени и пространстве.

Разумеется, приведенными в настоящей работе признаками сущностные характеристики социального института не ограничиваются, вместе с тем, указанные они представляются универсальными, что позволяет положить их в качестве критериев в основу разработки различных моделей. Выявленные родовые признаки обусловливают превращение института в полифункциональный инструмент, формируя ряд значимых направлений деятельности в целях обеспечения стабильности всего общества при его одновременном эволюционировании.

Литература

1. Веблен Т. Теория праздного класса. М.: Прогресс, 1984. 368 с.
2. Корнетов Г.Б. Теоретическое и историческое осмысление институтов образования и педагогических институций (статья 2) // Историко-педагогический журнал. 2017. № 3. С. 43–83.
3. Осипов Г. В., Кравченко А.И. Институциональная социология // Современная западная социология: Словарь. М.: 1990. С. 118–119.
4. Разов П.В. Социальный институт в системе научного знания: включение в повседневность// Армия и общество. 2013. № 1 (33). С. 15–20.
5. Ритцер Дж. Современные социологические теории. СПб.: «Питер», 2002. 370 с.
6. Фомченкова Г.А. Институционализация безопасности молодежи в условиях трансформации российского общества: дисс. д-ра соц. наук. Санкт-Петербург, 2014. 410 с.
7. Халиуллина Л.И. Подходы к институтам в современной социальной теории// Балтийский гуманитарный журнал. 2013. № 4. С. 118–120.

8. Шубников, Ю.Б. Субъекты и объекты отношений как факторы развития социальных институтов // Мир экономики и права. 2013. № 9. С. 23–29.
9. Giddens A. Sociology. Oxford, 1989. 815 p.
10. Searle J.R. Mind, language and society: Philosophy in the real world. New York: Basic Books, 1999. 175 p.

SOCIAL INSTITUTION AS A RESULT OF HABITUALIZATION AND ITS FUNCTIONS: PHILOSOPHICAL ANALYSIS

Ravochkin N.N., Leopa A.V., Melnikova T.V., Rakhinskiy D.V.
Kuzbass state agricultural academy Kuzbass state technical university named after T.F. Gorbachev; Siberian federal university; V.F. Voino-Yasenetsky Krasnoyarsk State Medical University

The article examines social institutions through the prism of habitualization and analyzes their functions. The positions of classics and contemporaries are given, revealing the essence of social institutions. It is shown that the management of intersubjectivity as a basic concept allows one to focus on the regulative nature of social institutions. It is demonstrated that the communicative side of the social structures studied in the work allows one to go beyond just linguistic units when creating institutions and transform the meanings and meanings attributed to them. The essential characteristics that can be used as the basis for various institutional models are revealed. Further, the authors provide a list of functions performed by the institutes. In conclusion, conclusions are formulated that supplement modern socio-philosophical knowledge in the aspect of studying institutional issues, which can be used in theoretical, methodological and applied aspects.

Keywords: institution, society, habitualization, institutional environment, transformations, functionality of institutions, personality.

References

1. Veblen T. Theory of the leisure class. M.: Progress, 1984. 368 p.
2. Kornetov G.B. Theoretical and historical understanding of educational institutions and pedagogical institutions (article 2) // Istoriko-pedagogical zhurnal. 2017. No. 3. pp. 43–83.
3. Osipov G. V., Kravchenko A.I. Institutional sociology // Modern Western sociology: Dictionary. M.: 1990. pp. 118–119.
4. Razov P.V. Social institution in the system of scientific knowledge: inclusion in everyday life // Army and society. 2013. No. 1 (33). pp. 15–20.
5. Ritzer J. Modern sociological theories. St. Petersburg: «Piter», 2002. 370 p.
6. Fomchenkova G.A. Institutionalization of youth security in the context of the transformation of Russian society: diss. Dr. Soc. Sciences. St. Petersburg, 2014. 410 p.
7. Khaliullina L.I. Approaches to institutions in modern social theory // Baltic Humanitarian Journal. 2013. No. 4. pp. 118–120.
8. Shubnikov, Yu.B. Subjects and objects of relations as factors in the development of social institutions // World of Economics and Law. 2013. No. 9. pp. 23–29.
9. Giddens A. Sociology. Oxford, 1989. 815 p.
10. Searle J.R. Mind, language and society: Philosophy in the real world. New York: Basic Books, 1999. 175 p.

Цифровая трансформация здравоохранения: государственная политика в аспекте цифровой повестки

Романец Елена Алексеевна,
кафедра политологии и прикладной политической работы,
ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет»
E-mail: Romanec9@mail.ru

Уроки пандемии, а также новые угрозы для нашей страны в виде санкций и конфронтации с отдельными недружественными странами требуют консолидации ресурсов и реновации всех сфер, включая здравоохранение. Этим обусловлен интерес к выбранной теме. Объектом изучения в исследовании является сфера здравоохранения России, предметом – государственная политика по ее трансформации в аспекте цифровой повестки. Методологической базой выступили общенаучные методы (сравнительный анализ, синтез), а также метод вторичного анализа. Научная новизна заключается в обосновании дальнейшего формирования государственной политики развития здравоохранения с учетом цифровой повестки. Теоретическая значимость – в исследовании теоретических подходов к вопросу о модели государственного управления, в том числе новых моделей «цифрового государственного управления» применительно к сфере здравоохранения. Практическая значимость видится в рассмотрении государственной политики цифровой трансформации здравоохранения не только как политики по внедрению цифровых инноваций, но и как преобразования отрасли на основе новых современных подходов и цифровых инструментов. В статье рассматриваются вопросы роли государства в цифровой трансформации здравоохранения и оценки документов стратегического планирования РФ на предмет отражения в них цифровой повестки государственной политики в сфере здравоохранения. В результате проведённого исследования выявлена ведущая роль государства в цифровой трансформации сферы здравоохранения, сформулированы предложения по разработке стратегических приоритетов и принципов инновационного развития здравоохранения.

Ключевые слова: цифровая трансформация, цифровые сервисы, государственная политика в сфере здравоохранения, цифровое здравоохранение, цифровая политика.

Введение

Глобальный кризис, спровоцированный заболеванием – COVID-19, проявил существующие общественные проблемы и породил новые. Эпидемия спровоцировала новую социальную действительность и погрузила всех без исключения в «цифровой мир». Необходимость принятия срочных мер, направленных на предотвращение распространения заболевания через ограничение и минимизацию социальных контактов, вызвало масштабный спрос на цифровые технологии, позволяющие удовлетворять потребности граждан в социальных услугах, там, где это возможно, в дистанционном формате. Пандемические изменения коснулись в первую очередь здравоохранения. Все ресурсы были брошены на помощь заболевшим и недопущение распространения нового заболевания, в результате чего темпы цифровизации отрасли были увеличены до максимальных. Эффектом пандемии стало не только резко увеличившийся темп цифровизации здравоохранения, но и в глобальном масштабе, переход от традиционных моделей и практик государственной политики к цифровым и цифровой повестке.

Сегодня эпидемиологический кризис преодолен, однако, Россия столкнулась с новым вызовом – санкционным давлением, направленным, в том числе на подрыв и причинение урона технологическому развитию нашей страны. В сложившихся условиях сохраняется высокая значимость проблематики дальнейшего цифрового развития и цифровой трансформации, но уже с учетом перестройки ключевых отраслей, включая здравоохранение, на импортозамещение и обеспечение технологического суверенитета, то есть независимости от внешних производителей в условиях технологической блокады.

Метод

В качестве метода исследования были выбраны метод вторичного анализа и анализа нормативно-правовых документов и информационных материалов федеральных органов власти Российской Федерации. В рамках первого метода осуществлялся анализ существующих научных работ, исследований международных консалтинговых организаций и журналов, связанных с темой статьи для выявления основных тенденций и подходов к проблематике, в том числе для выявления мирового опыта и тенденций. В рамках второго метода проведена выборка нормативных правовых актов, регулирующих цифровую среду здравоохранения, цифровые инструменты государственного управления, а также количественные данные характеризующие результаты воздействия «цифровой политики» на отрасль.

Литературный обзор

Для полноты представленного исследования необходимо сформировать понятийный аппарат, через который будет раскрыта основная тема настоящей статьи.

Государственная политика – это целенаправленная деятельность, институциональных структур во главе с государством и его институтами, которая связана пре-

жде всего с организацией и управлением всей жизнью общества в стране, решению общественных проблем, обеспечением развития, устойчивости и готовности преодолевать вызовы и угрозы, посредством определения целей и задач, курса и направлений развития, а также средств, используемых при этом, их реализации. Стратегия государственной политики в целом и для отдельно взятой отрасли, например здравоохранения, формируется исходя из приоритетов национального социально-экономического устойчивого развития с учетом сложившихся традиционных политических практик, а также возможным применением эффективных инновационных перспективных направлений, которые позиционируют государство, как современное, в том числе в глобальном цифровом пространстве.

Цифровая трансформация (англ. digital transformation) – это понятие, относящиеся к области информационных технологий, имеет различные трактовки, так или иначе связанные с вопросами применения цифровых технологий. Однако, в широком понимании, применимом к любой сфере общественной жизни, цифровая трансформация – это процесс качественных изменений ранее существовавшего уклада, практики, бизнес-процесса, модели поведения, приводящие к значительным эффектам от их реализации, которые стали возможны благодаря внедрению цифровых технологий. Такие изменения способствуют системному решению существующих отраслевых проблем, смены парадигмы поведения и привычного уклада, культуры и стиля деятельности, жизни и работы.

Цифровая трансформация не только меняет ранее привычные модели хозяйственной и общественной деятельности, но и сам политический дискурс, который все больше становится цифровым. В поле зрения политических наук попадает круг актуальных вопросов по цифровой трансформации, цифровых инструментов государственного участия и взаимодействия с обществом, а также новые проблемы, обусловленные повсеместной цифровизацией, такие как «цифровое неравенство», «цифровой разрыв», «цифровое давление и контроль», «цифровые права, обязанности и ответственность», «цифровое манипулятивное политическое воздействие», «безопасность и грамотное поведение в цифровой среде» и другие, что в совокупности составляет «цифровую повестку» современной государственной политики.

Публичная политика – понятие, связанное с государственной политикой, используемое в большей степени в зарубежной литературе, как ориентация государства на реализацию личных и общественных интересов граждан. Публичная политика включает в себя политическую и управленческую составляющие, политический анализ выработки и принятия правительственных решений оценку их результата, государственное управление. Применительно к последнему элементу, государственному управлению, в научных исследованиях пристальное внимание уделено теоретическим моделям реформ от традиционной (бюрократической) модели к новому государственному менеджменту (New Public Management, NPM), далее к идеям сетевого управления.

П. Данливи, Х. Маргеттс, С. Бастоу, Дж. Тинклер рассматривают NPM в качестве теории реформирования и изменения государственного управления путем переноса в государственный сектор центральных концепций, методологий и практик из (относительно) современной деловой практики и теории, доказавших свою полезность в частном сегменте. По мнению авторов, замена политического контроля бизнес-процессами способствовало некоторому снижению способности граждан самостоятельно решать проблемы, что стало одной из причин кризиса парадигмы NPM. Ключевые идеи концепции были отменены новым подходом «управление цифровой эры». Целью реализации такой политики является не просто решение социальных проблем, а также доступность и открытость правительств как для себя, так и для других, создание менее сложного институционального и политического ландшафта, спроектированного на основе автоматизации рутинных операций для гибкости и оперативности в предоставлении услуг и мониторинге рисков [1].

Развитие идей «публичной политики», «нового государственного менеджмента» и «политических сетей» повлекло к появлению концепции «Электронного правительства» («E-government»). Это понятие сформировалось как идея понимания правительства, инструментами взаимодействия которого с институциональными структурами, гражданами, организациями и гражданским обществом выступают электронные формы без физического взаимодействия. Согласно К. Лейн и Ч. Ли, модель развития электронного правительства состоит как минимум из четырех важных этапов, включая а) каталогизацию, б) транзакцию, в) вертикальную интеграцию и г) горизонтальную интеграцию. На каждом этапе делается акцент на гражданине, как на пользователе государственных услуг [2].

В 2010 году Тим О'Рейли (O'Reilly, 2010) ввел в оборот термин «Государство-как-Платформа», которое стало популярным в среде отечественных политологов Центра стратегических разработок Министерства экономического развития России. Технологический аспект понимания данного подхода состоит в трактовке «Платформы», как площадки для обмена между создателями товаров и услуг и потребителями. Государство представляется открытой платформой с целью вовлечения различных партнеров во взаимодействие с органами власти, как распорядитель предоставляемых поставщиками услуг, в том числе негосударственных, которые граждане могут выбирать в зависимости от жизненной ситуации [3].

В России в 2018 году экспертами Центра стратегических разработок Министерства экономического развития России идея «Государство-как-Платформа» рассматривается как методологически новый подход к государственному управлению, где цифровая трансформация является переходом и глубокой реорганизацией, реинжинирингом бизнес-процессов с широким применением цифровых инструментов в качестве механизмов исполнения процессов, которая приводит к существенному (в разы) улучшению характеристик процессов (сокращению времени их выполнения, исчезновению целых групп подпроцессов, увеличению выхода, сокращению ресурсов, затрачиваемых на выполнение процессов, и т.д.) и/или появлению принципиально новых их качеств и свойств (принятие решений в автоматическом режиме без участия человека и т.д.) [4].

Так же в отечественной литературе высок интерес к вопросам «публичной политики» и «публичному управлению». По Купряшину, Г.Л. «публичная политика» и «публичное управление» – это научные направления, связанные с относительно автономными областями исследования государственных программ и политик, при этом «…публичное управление можно определить как систему кооперации государственных, муниципальных, некоммерческих и смешанных структур, призванную обеспечить удовлетворение общественных интересов и решение коллективных проблем» [5, с. 103]. В последующих работах автор пристальное внимание уделил цифровизации публичного управления, отметив, что

масштабная цифровизация управления привела к появлению новой концепции «цифрового государственного управления», которая имеет три волны развития: платформенная (этап, ассоциированный с активным развитием информационных платформ начала 2000-х годов и идей «электронного правительства»), сетевая (этап, ассоциированный с развитием социальных сетей, идей «цифрового правительства» с большей степенью вовлеченности граждан в процессы взаимодействия с органами государственной власти через цифровые инструменты с начала 2010-х годов) и интернета людей (этап, трансформации «цифрового правительства» в концепцию правительства, активно использующего новые системы управления на базе киберфизических (фиджитальных) систем) [6].

Сапрыка В.А., Пастюк А.В., Кулакова Н.И. также отмечают высокий интерес к теме цифровизации публичного управления в странах Евразийского экономического союза. Основной акцент в исследовании авторов сделан на анализ национальных целевых программ, в которых закрепляются регулятивные механизмы и практики политики цифровизации [7]. Цифровизация общества, по мнению авторов, является слабо регулируемым процессом, вместе с тем, в большинстве стран постсоветского пространства именно на государственном уровне оформляется применение цифровых технологий в практике публичного управления. Наличием национальных целевых программ подтверждается активная роль государства в цифровизации публичного управления.

Теоретико-методологические подходы к государственной политике в аспекте цифровой повестки проецируются и на здравоохранение, где традиционно высокая доля государственного участия и регулирования основных процессов оказания медицинской помощи населению. В зарубежной литературе наблюдается высокий интерес к разделению понятий «health» – предотвращение заболевания и сохранение здоровья человека – и «healthcare» – медицина в более традиционном понимании, как диагностика и лечение, и смещение акцента на «healthcare». При таком подходе сам пациент становится полноценным участником сохранения своего здоровья, а практическое применение технологий в здравоохранении выходят за рамки медицинских и фармацевтических организаций. Возможность самостоятельно отслеживать физиологические параметры с использованием носимых устройств смещает вектор здравоохранения на партисипативность и ответственность за свое здоровье, приверженности к лечению [8].

Общемировая тенденция перехода от принципа лечения заболевания к принципу профилактики, прогнозированию и выработке адекватных профилактических и поддерживающих мероприятий, которое стало возможном благодаря развитию информационных технологий, отмечена отечественными авторами в области медицины Карповым О.Э. и Храмовым А.Е.. Авторы утверждают: «Как следствие, основным трендом трансформации современного здравоохранения становится переход к абсолютно новой модели здравоохранения – так называемой 4П-медицине, которая получила свое название от четырех основополагающих принципов: Персонализация, Предиктивность, Превентивность и Партисипативность.» [9, стр.12].

Результаты

Ключевым условием успешной цифровой трансформации и цифрового развития отрасли здравоохранения является целевое государственное участие в формировании единого цифрового пространства, стимулировании цифровых преобразований и регулировании трансформационных процессов на основе цифровых технологий. Об этом свидетельствует опыт зарубежных стран, где национальные правительства активно участвуют в процессах цифровизации отрасли. Страны с высоким уровнем участия государства в разработке и реализации национальных стратегий цифровой трансформации занимают так же и верхние позиции в мировых рейтингах, характеризующих уровень развития здравоохранения. Так, например, лидерами в международных рейтингах цифрового развития являются Швеция, Дания, Финляндия, США, Республика Корея, Сингапур, Великобритания (Рейтинг Глобального инновационного индекса 2022 года (The Global Innovation Index) 2022 [10], Индекс развития электронного правительства 2022 года (The UN Global E-Government Development Index) [11]). Большинство из перечисленных стран (Республика Корея, Нидерланды, Великобритания, Финляндия, Дания) так же входят в двадцатку стран – лидеров по уровню качества здравоохранения согласно оценке экспертов аналитических зарубежных агентств (Индекс здравоохранения журнала CEOWORLD за 2021 год[1] (Countries With The Best Health Care Systems, 2021) [12], Индекс здравоохранения по странам, 2023 г. (Health Care Index by Country 2023) Сербского информационного ресурса Numbeo.com) [13].

Следует отметить, что такие инструменты сравнительного анализа, как мировые рейтинги и индексы следует использовать в качестве косвенного источника для исследования, так как в современных условиях санкционной антироссийской политики объективность ряда аналитических агентств западных стран применительно к России нужно ставить под сомнение, из-за возможного пристрастия к политической повестке руководящих элит этих стран. Однако, в целях определения мировых тенденций в области цифровой трансформации указанные рейтинги являются применимыми.

В России вопросу цифровизации, как стратегическому направлению развития, Президент России уделил внимание в Послании Федеральному собранию 2016 года [14]. В Указе Президента РФ от 01.12.2016 г. № 642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» отмечена необходимость не только создание технологий, отвечающих национальным интересам, но и технологий, необходимых для существенного повышения качества жизни населения [15]. А в 2020 году согласно Указу Президента РФ от 21.07.2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» [16], цифровая трансформация определена как одна из основных национальных целей развития до 2030 года. Отраслевые цели, задачи, направления государственной политики, показатели оценки ее эффективности определены в стратегиях развития здравоохранения, а также программных документах. В форме отдельного правового акта правительства, принято в конце 2021 года стратегическое направление в области цифровой трансформации здравоохранения. К таким документам относятся:

- Постановление Правительства Российской Федерации от 15.04.2014 г. № 294 «Об утверждении государственной программы «Развитие здравоохранения» (2014–2017 годы), [17];
- Указ Президента РФ от 06.06.2019 г. № 254 «О Стратегии развития здравоохранения в Российской Федерации на период до 2025 года» [18];
- Постановление Правительства Российской Федерации от 26 декабря 2017 г. № 1640 «Об утверждении

[1] За 2022и 2023 годы журнал CEOWORLD не публиковал оценку систем здравоохранения стран мира.

государственной программы Российской Федерации «Развитие здравоохранения» [19];
– Распоряжение Правительства РФ от 29.12.2021 г. № 3980-р «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации здравоохранения» (далее – Стратегическое направление) [20].

В действующей Стратегии развития здравоохранения в Российской Федерации на период до 2025 года (Указ Президента РФ от 06.06.2019 г. № 254) среди задач здравоохранения указывается необходимость разработки новых медицинских технологий и их внедрение в систему здравоохранения, широкого внедрения механизма направленного инновационного развития, а также развития единого цифрового контура в здравоохранении. Однако, среди показателей реализации Стратегии и в описании ее этапов и ожидаемых результатов не представлены показатели оценки уровня цифровизации, характеризующие эффективность проводимой политики по данному направлению, что не позволяет оценить результаты проведённых мероприятий, на основании которых должно быть проведено проектирование следующих.

Мероприятий цифровизации здравоохранения зафиксированы не только в документах стратегического планирования. Так, Приказом Минздравсоцразвития России от 28.04.2011 г. № 364 утверждена Концепции создания единой государственной информационной системы в сфере здравоохранения» (Концепция ЕГИСЗ) [21]. С 2014 г. началась проработка нормативного регулирования. Федеральным законом от 29.07.2017 г. № 242-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам применения информационных технологий в сфере охраны здоровья» [22] внесены изменения в Федеральный закон от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [23]. Основной закон в области здравоохранения дополнен новой статьей 91 «Информационное обеспечение в сфере здравоохранения», закрепившей создание ЕГИСЗ как основы информатизации отрасли. С принятием Концепции ЕГИСЗ и указанных поправок в федеральное законодательство на государственном уровне определен вектор развития отрасли – создание единого цифрового пространства.

В настоящее время по вопросам цифрового здравоохранения утверждена и реализуется ведомственная программа цифровой трансформации Минздрава России (Приказ Минздрава России от 27 января 2021 г. № 28 «Об утверждении ведомственной программы цифровой трансформации Министерства здравоохранения Российской Федерации на 2021 год и на плановый период 2022 и 2023 годов» [24], а также в рамках Национального проекта «Здравоохранение»: федеральный проект «Создание единого цифрового контура в здравоохранении на основе единой государственной информационной системы в сфере здравоохранения (ЕГИСЗ)» [25].

Документом, определяющим стратегическое направление в области цифровой трансформации здравоохранения (Распоряжение Правительства РФ от 29.12.2021 г. № 3980-р) цель цифровой трансформации определена гораздо шире, чем в иных документах стратегического планирования отрасли, и заключается в достижении высокой степени «цифровой зрелости», оптимизации рабочего времени медицинских работников посредством автоматизации процессов управления и внедрения передовых технологий в целях повышения доступности оказания медицинской помощи, обеспечении эффективной и оптимальной маршрутизации пациента, межведомственного взаимодействия, обеспечении высокого качества, необходимой полноты и достоверности информации о состоянии здоровья пациента и увеличения доли раннего выявления заболеваний. Задачами цифровой трансформации являются:
– обеспечение преемственности оказания медицинских услуг, от профилактики заболеваний до результатов диагностики, лечения и реабилитации после перенесенной болезни;
– обеспечение динамического управления ресурсами здравоохранения на региональном и федеральном уровнях;
– предоставление возможности организациями, осуществляющими отдельные полномочия страховщика по обязательному медицинскому страхованию, проводить дистанционный контроль объемов, сроков, качества и условий предоставления медицинской помощи по обязательному медицинскому страхованию, в том числе с использованием структурированных электронных медицинских документов;
– разработка и реализация государственной политики в сфере обязательного медицинского страхования, в том числе на основе анализа больших данных о состоянии здоровья населения России;
– переход к электронному документообороту в здравоохранении Российской Федерации;
– организация информационного сопровождения и поддержки застрахованных лиц при получении медицинской помощи в системе обязательного медицинского страхования;
– формирование электронных баз знаний по лечению заболеваний на основе обработки первичных электронных медицинских документов с использованием технологии больших данных;
– обеспечение механизмов прозрачного лицензирования и контроля;
– обеспечение защиты информации, в том числе персональных данных и врачебной тайны;
– сокращение временных издержек медицинских работников, не связанных с оказанием медицинской помощи.

Анализ указанных документов дает возможность сделать вывод, что в России по вопросам цифровой трансформации отрасли утверждены и реализуются стратегии национального уровня, в которых определен вектор государственной политики в сторону цифровой трансформации. Однако, отсутствует их единство и преемственность, а цифровая трансформация включает в большей степени мероприятия по созданию единого цифрового пространства, дальнейшей цифровизации с минимальными задачами качественного изменения самих процессов в отрасли. Этот недостаток необходимо учесть и преодолеть в стратегии развития здравоохранения на последующие годы, так как цифровая трансформация предполагает не только внедрение новых цифровых технологий, но и преобразование (реинжиниринг) основных процессов в отрасли, направленное на решение проблем доступности и качества медицинской помощи, повышения уровня здоровья населения, развития потенциала здравоохранения.

Обсуждения

Итак, обобщим результаты приведенного обзора теоретических подходов и анализа национальных документов стратегического планирования и целевых программ, закрепляющих цифровую повестку государственной политики в сфере здравоохранения.

Во-первых, цифровая трансформация ее темпы и ожидаемые результаты зависят от выработки общей стратегии развития государства, реализации государственной политики, целей и задач социально-экономического развития, наличия планов действий, программ, мониторинга их реализации для обеспечения обратной связи в системе управления. Сфера здравоохранения не выступает исключением, а даже наоборот, роль государства в процессах цифровой трансформации отечественного здравоохранения является определяющей.

Во-вторых, следует позитивно оценивать происходящие на практике процессы диффузии инноваций в политическую среду. Если в рамках концепции «нового государственного менеджмента» на государственное управление примерялись методологии, принципы и подходы бизнес-среды, то парадигмы цифровой политики базируются на переносе технологических практик создания информационных систем и проектного управления в современной IT-сфере, в основе которых процессных подход (реализация бизнес-процессов, состоящих их определённых шагов и с ожидаемым результатом), на сферу государственного управления. Элементы известных в IT сообществе практик и методологий управления проектами, например, ITIL (набор лучших практик, которые используются для разработки и осуществления управления ИТ-услугами) интенсивно проникают в публичное управление. Данные методологии легко адаптивны поэтому они вышли за пределы их использования в технологических областях и давно применяются в маркетинге, строительстве и иных направлениях деятельности.

Так, например, в библиотеке ITIL закреплено руководство – процесс управления инцидентами (Incident Management). Для методологии гибкой разработки в противовес «громоздким» классическим методам выполнения задач, ключевым является поток огромного объема информации (Big Data) при больших скоростях их обработки, реагирования и высокой частоты представления результата. Если обратить внимание на стратегический документ, определяющий направления цифровой трансформации здравоохранения РФ – Стратегическое направление, то в рамках указанного документа запланировано внедрение двух технологий, созвучных с руководством ITIL и методологией гибкой разработки: большие данные и управление показателями достижения национальных целей в режиме инцидент-менеджмента.

Так же Стратегическим направлением предусмотрена реализация двух проектов: «Создание единого цифрового контура в здравоохранении на основе единой государственной информационной системы в сфере здравоохранения» и «Медицинские платформенные решения федерального уровня». Задачи проектов перекликаются с подходом «Государство-как-Платформа» и новой модели здравоохранения 4П-медицины, о чем также свидетельствуют новые термины, закрепленные в Стратегическом направлении, такие как «цифровой профиль пациента», «таргетированные программы», а также зафиксированные задачи, которые необходимо решить проектами: объединение на одной технологической платформе всех участников и акторов сферы здравоохранения, включая коммерческие медицинские организации, обеспечение информационного взаимодействия между ними и формирование доступного массива данных медицинской информации, обеспечение преемственности оказания медицинских услуг, от профилактики заболеваний до результатов диагностики, лечения и реабилитации после перенесенной болезни, создание условий для разработки таргетированных программ и внедрения технологий персонифицированной медицины в процесс управления общественным здоровьем.

В-третьих, успешная реализация Стратегического направления возможна при условии трансформации самого государственного аппарата, основных принципов, заложенных в подходах к организации здравоохранения в общей стратегии развития отрасли. Принцип 4П-медицины (Персонализация, Предиктивность, Превентивность и Партисипативность) предлагаем добавить и закрепить в новой стратегии развития здравоохранения принцип проактивности, как подхода к осуществлению управленческих функций в здравоохранении без лишних бюрократических действий, формальных процедур, там, где это возможно, в автоматическом режиме и дистанционном формате, упреждающем информировании пациента, побуждающем на активное вовлечение в вопросы сохранения своего здоровья.

Пандемия 2019–2020 годов показала, что одной из характеристик качества государственного управления в здравоохранении на первый план выходит также и скорость реакции на возникающие угрозы, то есть способности быстрее чем когда-либо реагировать на новые вызовы и удовлетворять потребности граждан, бизнеса и гражданского общества. Таким образом, в основу принципов государственной политики в сфере здравоохранения новой стратегии должен быть положен принцип проактивности, включая его понимание как гибкость, адаптивность и скорость реакции на возникающие вызовы и угрозы. Практическая реализация указанных принципов должна выражаться в управлении на основе цифровой повестки, которые должны быть заложены в основу государственной политики в сфере здравоохранения в разрабатываемых стратегиях развития отрасли.

Заключение

Для здравоохранения целью государственной политики является решение проблемы равного доступа к качественной медицинской помощи и всеобщий охват услугами здравоохранения. В 2024 году истекает срок действия Указа Президента РФ, утвердившего Стратегию развития здравоохранения в Российской Федерации на период до 2025 года. Опыт прошедшей пандемии, санкционная технологическая блокада требуют ускоренной реновации сферы здравоохранения. Для этого в качестве первоочередной задачи необходимо провести большую работу по приведению в соответствие и единообразию всех документов стратегического планирования в отрасли по ключевым целям и задачам. В систему целей новой стратегии в обязательном порядке необходимо включить национальную цель – цифровую трансформацию отрасли и определить ключевые показатели «цифровой зрелости», характеризующие не сам процесс цифровизации и оцифровки, а трансформации отрасли на основе цифровой повестки. Такая работа возможна при консолидации усилий со стороны представителей власти, профессионального врачебного и пациенстского сообщества, и технологического блока, науки, фармацевтической и технологической медицинской индустрии, сектора коммерческой медицины.

Литература

1. Patrick Dunleavy and others, New Public Management Is Dead – Long Live Digital-Era Governance, Journal of Public Administration Research and Theory, Volume 16, Issue 3, July 2006, Pages 467–494, https://doi.org/10.1093/jopart/mui057 [Электронный ресурс].URL: https://academic.oup.com/jpart/ar-

ticle/16/3/467/934257?login=false дата обращения 04.06.2023).
2. Лейн, К., и Ли, Дж. (2001). Разработка полнофункционального электронного правительства: четырехэтапная модель. Ежеквартальный правительственный информационный бюллетень, 18 (2), 122–136. [Электронный ресурс]. URL: https://doi.org/10.1016/S0740–624X(01)00066–1 (дата обращения 04.06.2023).
3. O'Reilly T. Government as a Platform. In: D. Lathrop eds., Open Government: Collaboration, Transparency, and Participation in Practice, Sebastopol, Calif.: O'Reilly Media, 2010, 13–40.
4. Буров, В.В., Петров, М.В., Шклярук М.С., Шаров, А.В., «Государство-как-платформа»: эффекты реализации и управление развертыванием // Государственная служба. 2018. – № 4 (114). [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvo-kak-platforma-effekty-realizatsii-i-upravlenie-razvertyvaniem (дата обращения: 06.06.2023).
5. Купряшин, Г.Л., Публичное управление // Полит. наука. 2016. № 2. [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/publichnoe-upravlenie (дата обращения: 05.06.2023).
6. Купряшин, Г.Л., Шрамм, А.Е. / О перспективах третьей волны парадигмы цифрового государственного управления // Государственное управление. Электронный вестник. 2021. № 84. [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-perspektivah-tretiey-volny-paradigmy-tsifrovogo-gosudarstvennogo-upravleniya (дата обращения: 05.06.2023).
7. Сапрыка В. А., Пастюк А.В., Кулакова Н.И. Цифровизация публичного управления в странах ЕАЭС // Цифровая социология. 2021. № 3. [Электронный ресурс].URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-publichnogo-upravleniya-v-stranah-eaes (дата обращения: 05.06.2023).
8. По материалам конференции в США «HLTH – The future of Healthcare» 6–9 мая 2018 года, Лас-Вегас, США). https://hlth2018.com (дата обращения: 05.06.2023).
9. Карпов О.Э., Храмов А.Е., Информационные технологии, вычислительные системы и искусственный интеллект в медицине. – Монография. – М.: ДПК Пресс, 2022. – 480 с., ил. – ISBN 978–5–91976–232–4, – стр. 12
10. Резюме Глобальный инновационный индекс – 2022 / Всемирная организация интеллектуальной собственности. – С. 4. [Электронный ресурс].URL: https://www.globalinnovationindex.org/userfiles/file/reportpdf/GII_2022_R-ExSum_WEB.pdf. (дата обращения 06.06.2023).
11. Исследование ООН: Электронное правительство 2022. Будущее цифрового правительства / Департамент по экономическим и социальным вопросам Организации Объединенных Наций // Нью-Йорк,– 2022. – 311 с. – С. 8. [Электронный ресурс]. URL: https://desapublications.un.org/sites/default/files/publications/2023–02/UN%20E-Government%20Survey%202022%20-%20Russian%20Web%20Version.pdf (дата обращения 06.06.2023).
12. Выявлены: страны с лучшими системами здравоохранения / Журнал CEOWORLD. – 2021. [Электронный ресурс]. URL: https://ceoworld.biz/2021/04/27/revealed-countries-with-the-best-health-care-systems-2021 (дата обращения 06.06.2023).
13. Индекс здравоохранения по странам, 2023 г./ Информационный ресурс Numbeo.com // Сербия. – [Электронный ресурс]. URL: https://www.numbeo.com/health-care/rankings_by_country.jsp (дата обращения 06.06.2023).
14. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 01.12.2016 г. [Интернет]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_207978/ (дата обращения 06.06.2023 г.).
15. Указ Президента РФ от 01.12.2016 г. № 642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/41449 (Дата обращения 04.06.2023 г.);
16. Указ Президента РФ от 21.07.2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» [Электронный ресурс]. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/45726 (Дата обращения 04.06.2023 г.);
17. Государственная программа «Развитие здравоохранения» (2014–2017 годы), утверждена постановлением Правительства РФ от 15.04.2014 г. № 294. [Электронный ресурс]. URL http://government.ru/docs/all/91295/ (Дата обращения 04.06.2023 г.);
18. Указ Президента РФ от 06.06.2019 г. № 254 «О Стратегии развития здравоохранения в Российской Федерации на период до 2025 года». [Электронный ресурс]. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/44326 (Дата обращения 04.06.2023 г.);
19. Государственная программа Российской Федерации «Развитие здравоохранения», утверждена постановлением Правительства РФ от 26.12.2017 г. № 1640 (до 2023 года). [Электронный ресурс]. URL: https://base.garant.ru/71848440/ (Дата обращения 04.06.2023 г.);
20. Распоряжение Правительства РФ от 29.12.2021 г. № 3980-р «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации здравоохранения» [Электронный ресурс]. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202112310112 (Дата обращения 04.06.2023 г.);
21. Приказ Минздравсоцразвития России от 28.04.2011 г. № 364 «Об утверждении концепции создания единой государственной информационной системы в сфере здравоохранения». [Электронный ресурс]. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/4092541/ (Дата обращения 04.06.2023 г.);
22. Федеральный закон от 29.07.2017 г. № 242-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам применения информационных технологий в сфере охраны здоровья». [Электронный ресурс]. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71632844/ (Дата обращения 04.06.2023 г.);
23. Федеральный закон от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». [Электронный ресурс]. URL: https://base.garant.ru/12191967/ (Дата обращения 04.06.2023 г.);
24. Приказ Минздрава России от 27.01.2021 г. № 28 «Об утверждении ведомственной программы цифровой трансформации Министерства здравоохранения Российской Федерации на 2021 год и на плановый период 2022 и 2023 годов». [Электронный ресурс]. URL: https://rulaws.ru/acts/Prikaz-Minzdrava-Rossii-ot-27.01.2021-N-28/ (Дата обращения 04.06.2023 г.);
25. Федеральный проект «Создание единого цифрового контура в здравоохранении на основе единой государственной информационной системы в сфере здравоохранения (ЕГИСЗ)». [Электронный ресурс]. URL: https://minzdrav.gov.ru/poleznye-resursy/natsproektzdravoohranenie/tsifra (Дата обращения 04.06.2023 г.).

DIGITAL TRANSFORMATION OF HEALTHCARE: PUBLIC POLICY IN TERMS OF THE DIGITAL AGENDA

Romanets E.A.
Russian State Social University

The lessons of the pandemic, as well as new threats to our country in the form of sanctions and confrontation with individual unfriendly countries, require the consolidation of resources and the renovation of all areas, including healthcare. This is due to the interest in the chosen topic. The object of study in the study is the healthcare sector in Russia, the subject is the state policy for its transformation in the aspect of the digital agenda. The methodological base was general scientific methods (comparative analysis, synthesis), as well as the method of secondary analysis. The scientific novelty lies in the substantiation of the further formation of the state policy for the development of healthcare, taking into account the digital agenda. Theoretical significance – in the study of theoretical approaches to the issue of the model of public administration, including new models of "digital public administration" in relation to the healthcare sector. The practical significance is seen in the consideration of the state policy of digital transformation of healthcare not only as a policy for the introduction of digital innovations, but also as a transformation of the industry based on new modern approaches and digital tools. The article discusses the role of the state in the digital transformation of healthcare and the evaluation of strategic planning documents of the Russian Federation to reflect the digital agenda of the state policy in the field of healthcare. As a result of the study, the leading role of the state in the digital transformation of the healthcare sector has been identified, proposals have been formulated for the development of strategic priorities and principles for the innovative development of healthcare.

Keywords: digital transformation, digital services, public health policy, digital health, digital policy.

References

1. Patrick Dunleavy and others, New Public Management Is Dead – Long Live Digital-Era Governance, Journal of Public Administration Research and Theory, Volume 16, Issue 3, July 2006, Pages 467–494, https://doi.org/ 10.1093/jopart/mui057 [Electronic resource]. URL: https://academic.oup.com/jpart/article/16/3/467/934257?login=false accessed 06/04/2023).
2. Lane, K. & Lee, J. (2001). Developing Fully Functioning e-Government: A Four-Stage Model. Government Newsletter Quarterly, 18(2), 122–136. [Electronic resource]. URL: https://doi.org/10.1016/S0740–624X(01)00066–1 (accessed 06/04/2023).
3. O'Reilly T. Government as a Platform. In: D. Lathrop eds., Open Government: Collaboration, Transparency, and Participation in Practice, Sebastopol, Calif.: O'Reilly Media, 2010, 13–40.
4. Burov, V.V., Petrov, M.V., Shklyaruk M.S., Sharov, A.V., "State as a platform": implementation effects and deployment management // Public Service. 2018. – No. 4 (114). [Electronic resource]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvo-kak-platforma-effekty-realizatsii-i-upravlenie-razvertyvaniem (date of access: 06/06/2023).
5. Kupryashin, G.L., Public Administration // Polit. the science. 2016. № 2. [Electronic resource]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/publichnoe-upravlenie (date of access: 06/05/2023).
6. Kupryashin, G.L., Shramm, A.E. / On the prospects of the third wave of the paradigm of digital public administration // Public administration. Electronic Bulletin. 2021. No. 84. [Electronic resource].URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-perspektivah-tretiey-volny-paradigmy-tsifrovogo-gosudarstvennogo-upravleniya (date of access: 06/05/2023).
7. Sapryka V. A., Pastyuk A.V., Kulakova N.I. Digitalization of public administration in the EAEU countries // Digital Sociology. 2021. № 3. [Electronic resource]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-publichnogo-upravleniya-v-stranah-eaes (date of access: 06/05/2023).
8. Based on the materials of the conference in the USA "HLTH – The future of Healthcare" May 6–9, 2018, Las Vegas, USA). https://hlth2018.com (date of access: 06/05/2023).
9. Karpov O.E., Khramov A.E., Information technologies, computing systems and artificial intelligence in medicine. – Monograph. – M .: DPK Press, 2022. – 480 p., Ill. – ISBN 978–5–91976–232–4, – p. 12
10. Summary Global Innovation Index 2022 / World Intellectual Property Organization. – C.4. [Electronic resource]. URL: https://www.globalinnovationindex.org/userfiles/file/reportpdf/GII_2022_R-ExSum_WEB.pdf. (accessed 06/06/2023).
11. UN Study: E-Government 2022. The Future of Digital Government / Department of Economic and Social Affairs of the United Nations // New York,– 2022. – 311 pp. – P. 8. [Electronic resource]. URL: https://desapublications.un.org/sites/default/files/publications/2023–02/UN%20E-Government%20Survey%202022%20-%20Russian%20Web%20Version.pdf (accessed 06.06.2023).
12. Identified: countries with the best health systems / CEOWORLD Magazine. – 2021. [Electronic resource]. URL: https://ceoworld.biz/2021/04/27/revealed-countries-with-the-best-health-care-systems-2021 (Accessed 06/06/2023).
13. Health index by country, 2023 / Information resource Numbeo.com // Serbia. – [Electronic resource]. URL: https://www.numbeo.com/health-care/rankings_by_country.jsp (accessed 06/06/2023).
14. Message of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly of December 1, 2016 [Internet]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_207978/ (accessed 06/06/2023).
15. Decree of the President of the Russian Federation of December 1, 2016 No. 642 "On the Strategy for Scientific and Technological Development of the Russian Federation" [Electronic resource]. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/41449 (Accessed 04.06.2023);
16. Decree of the President of the Russian Federation of July 21, 2020 No. 474 "On the national development goals of the Russian Federation for the period up to 2030" [Electronic resource]. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/45726 (Accessed 04.06.2023);
17. The state program "Health Development" (2014–2017), approved by the Decree of the Government of the Russian Federation of April 15, 2014 No. 294. [Electronic resource]. URL http://government.ru/docs/all/91295/ (Accessed 04.06.2023);
18. Decree of the President of the Russian Federation of June 6, 2019 No. 254 "On the Strategy for the Development of Healthcare in the Russian Federation for the period up to 2025". [Electronic resource]. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/44326 (Accessed 06/04/2023);
19. The State Program of the Russian Federation "Health Development", approved by Decree of the Government of the Russian Federation of December 26, 2017 No. 1640 (until 2023). [Electronic resource]. URL: https://base.garant.ru/71848440/ (Accessed 04.06.2023);
20. Decree of the Government of the Russian Federation of December 29, 2021 No. 3980-r "On approval of the strategic direction in the field of digital transformation of healthcare" [Electronic resource]. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202112310112 (Accessed 06/04/2023);
21. Order of the Ministry of Health and Social Development of Russia dated April 28, 2011 No. 364 "On approval of the concept of creating a unified state information system in the field of healthcare". [Electronic resource]. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/4092541/ (Accessed 06/04/2023);
22. Federal Law of July 29, 2017 No. 242-FZ "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation on the Application of Information Technologies in the Field of Healthcare". [Electronic resource]. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71632844/ (Accessed 06/04/2023);
23. Federal Law of November 21, 2011 No. 323-FZ "On the Fundamentals of Protecting the Health of Citizens in the Russian Federation". [Electronic resource]. URL: https://base.garant.ru/12191967/ (Accessed 06/04/2023);
24. Order of the Ministry of Health of Russia dated January 27, 2021 No. 28 "On approval of the departmental digital transformation program of the Ministry of Health of the Russian Federation for 2021 and for the planning period of 2022 and 2023". [Electronic resource]. URL: https://rulaws.ru/acts/Prikaz-Minzdrava-Rossii-ot-27.01.2021-N-28/ (Accessed 04.06.2023);
25. Federal project "Creation of a unified digital contour in healthcare based on a unified state information system in the field of healthcare (EGISZ)". [Electronic resource]. URL: https://minzdrav.gov.ru/poleznye-resursy/natsproektzdravoohranenie/tsifra (Accessed 06/04/2023).

Русофобия как теоретический феномен: попытка концептуализации внешних проявлений

Тамбиянц Юлиан Григорьевич,
д.ф.н., профессор кафедры социологии и культурологии Кубанского государственного аграрного университета имени И.Т. Трубилина
E-mail: 09081969jylian@rambler.ru

Терещенко Олеся Валерьевна,
к.ф.н., старший преподаватель кафедры истории и политологии Кубанского государственного аграрного университета имени И.Т. Трубилина
E-mail: olesya.tereschenko@yandex.ru

Кулик Станислав Владимирович,
аспирант кафедры социологии и культурологии Кубанского государственного аграрного университета имени И.Т. Трубилина
E-mail: stas.k.44@mail.ru

Гнатенко Наталья Игоревна,
аспирант кафедры социологии и культурологии Кубанского государственного аграрного университета имени И.Т. Трубилина
E-mail: nataly.natalius@mail.ru

Статья рассматривает внешние проявления феномена русофобии. Доказывается онтология русофобии, отраженная как в работах западных интеллектуалов, так и в объективных исторических и политических фактах. Попытка концептуализации русофобии основывается на выявлении разнообразных фундаментальных источников, которые и определяют различные ее разновидности. *Цивилизационная* русофобия обусловлена дихотомической природой западной цивилизации, воспринимающей «Других» в оппозиционных категориях «цивилизации» и «варварства». *Национальные* варианты русофобий обычно исходят из проблематики национальных интересов, сталкивающихся с существованием России, и могут принимать явный/латентный смысл. Более устойчива *этнонациональная* русофобия поляков, имеющая почвенническую подпитку прежде всего через посредство исторической памяти.

Ключевые слова: западная цивилизация, российская цивилизация, русофобия как идеологический феномен, цивилизационная русофобия, национальная русофобия, этнонациональная русофобия.

Несмотря на тридцатилетнюю давность краха так называемой «империи зла», симпатий к нашей стране заметно не прибавилось. Если говорить об интеллектуальном истеблишменте Запада, то можно отметить некоторую ностальгию об СССР, с той точки зрения, что он представлял собой реальную альтернативу, благодаря которой западный капитализм вынужден был принимать во внимание социальную составляющую. С упразднением, а точнее самоликвидацией подобной альтернативы социальная проблематика западных стран закономерно приобрела тенденции обострения, что отражено отнюдь не только в трудах левых исследователей (П. Крауч, К. Лэш, Б. Кагарлицкий и др.). Современность, характеризующуюся стремительным осложнением ситуации вокруг России, объективно дает повод к росту русофобских настроений в западном сознании, что в целом и происходит. О реальности подобного явления свидетельствует и факт попыток его теоретического осмысления, которые в последние годы все больше приобретают наукообразный смысл, преодолевая довольно-таки размытые рамки публицистики. Собственно, полем настоящего небольшого исследования и послужит научно-публицистический дискурс, касающийся русофобии, анализ которой мы намерены осуществлять в соотнесении с некоторыми социальными и историческими практиками. Причем, сразу следует отметить, что русофобия есть феномен прежде всего идеологический, и даже попытки рационального осмысления его, как правило, не лишены определенной философско-политической детерминации. Это выступает одной из предпосылок выстраиваемой логики анализа феномена русофобии, определения его ведущих источников. Между тем русофобия весьма неоднородное явление, разобраться в котором будет весьма полезно как в теоретическом, так и практическом смысле. При этом здесь мы ограничимся вариантами внешнего проявления русофобий, между тем как данный феномен имманентно присущ и определенным сегментам российского сознания, осмыслению чего мы займемся в будущих работах.

Цель нашего небольшого исследования сводится к попыткам концептуализации русофобии, выявлении и описании имеющихся ее форм, что называется, «плавающих на поверхности». В плане задач мы намерены сначала установить онтологический статус указанного явления, для чего обратимся к определенному историческому и теоретическому опыту, а затем займемся анализом разнообразной литературы о русофобии с тем, чтобы прежде всего определиться с ее классификацией. Последнюю мы намерены увязывать с конкретными источниками и факторами, определение которых закладывает базовую предпосылку для дальнейшего исследования русофобии, более углубленному пониманию ее сущности.

Содержательное определение русофобии, предложенное С. Кара-Мурзой, не отличается особым категориальным изыском. Здесь видится «широкий спектр отрицательных чувств и установок по отношению к русским, от страха до ненависти. Она присутствует как важный элемент в основных идеологических течениях Запада и оказывает влияние на отношение к России и в мас-

совом сознании, и в установках элиты и правящей верхушки. …игнорировать этот фактор нельзя, он является важным качеством той «окружающей среды», в которой существует Россия» [6, с. 22]. Вместе с тем данное определение, на наш взгляд, несколько поверхностно, слишком отдавая публицистикой.

О. Неменский ставит вопрос о различении просто неприязненных чувств у одного народа к другому (с этой точки зрения вполне банальны англофобия, франкофобия, японофобия и т.д.) и цельной идеологии, выстраиваемой именно на основе ненависти к конкретному этнонациональному феномену, соответственно приобретающей системный и устойчивый смысл [13]. Причем зачастую первое переходит во второе во многом не только в силу исторической динамики, но и целенаправленных конструктивистских усилий. Примерно таким образом формировалась идеология антисемитизма, похожий путь прошло русофобское мировоззрение.

С. Сергеев предлагает разделять собственно русофобию и нечто вроде здоровой критики в отношении русских. К последнему относится разного рода негативные высказывания о России и русских, пришедшиеся на момент раздражения; предпочтение нерусских материальных или культурных продуктов перед русскими (например, зарубежных машин или кинематографа); критическая оценка некоторых исторических отечественных периодов; наконец неприятие стратегических проектов – консервативного, социалистического или иного политического уклона. А вот к однозначно русофобским С. Сергеев относит следующие явления: 1) признание за русскими некой онтологической и/или генетической ущербности; 2) экзистенциальная ненависть или страх по отношению к ним; 3) систематическое и сознательное желание им вреда, а не блага; 4) отрицание самих понятий «русский», «русскость» как базовых для политического и культурного дискурса [15, с. 66–67]. Полем исследования в цитируемой статье С. Сергеева выступает отечественный писательско-публицистический дискурс. Однако обозначенные им критерии вполне употребимы для анализа иных теоретических и идеологических феноменов, как отечественных, так и зарубежных.

В то же время в России, да и, как можно полагать, за ее пределами имеется заметный сегмент интеллектуалов, считающих русофобию мифом. Главным образом, это присуще сторонникам либеральной логики. Например, теоретик модернизации Д. Травин, который в аналитическом обзоре теорий особого пути российского развития, не применяя термин «русофобия», фактически ставит его под сомнение в качестве постоянного феномена. Русофобия придумана внутри самой России, несмотря на то, что в ее внешнее происхождение уверовали даже такие незаурядные умы как Н. Данилевский и Ф. Достоевский [17, с. 13]. Данная позиция разделяется популярным в блогерской сфере писателем Д. Глуховским. По его мнению, Запад лишен какой бы то ни было русофобии, последняя сугубо внутреннее изобретение на базе национального комплекса неполноценности, перекрываемого манией величия [4].

В рамках либерального дискурса имеется и несколько иной ракурс рассмотрения русофобии, с позиции которого последняя не отрицается, но рассматривается как реакцией на агрессивные российские вызовы, вроде хрущевской «Кузькиной матери» и т.п. Такой взгляд присущ, например, историку Н. Соколову, социологу И. Эйдману. Второй в начале 2010-х писал об агрессивной внешней политике путинского режима, ведущейся тайной войне против Украины с целью найти отклик в массовом сознании обывателей, ностальгирующих по «великой державе». Последствия предсказать несложно. «Все это уже было один раз в истории и называлось фашизмом, ставшим как раз попыткой совместить советский тоталитарный опыт, империализм и олигархическую капиталистическую экономику» [23, с. 30].

Подобные рассуждения, с нашей точки зрения, являются наглядным образцом либерального мифологизирования. Реальность русофобии не сложно доказать как фактами объективной действительности, так и интеллектуальными тенденциями в избытке распространенными среди «властителей дум» западных, а также лимитрофных стран.

По мысли геополитика И. Кефели, «имперский жезл» на протяжении европейской истории подхватывала то одна, то другая страна, в то же время сохраняя одну и ту же суть – защита европейской культуры от «азиатских орд» [7, с. 120]. Если в XV–XVIII вв. главный вызов с Востока олицетворяла Османская империя, то последние два-три века с «азиатчиной» стала ассоциироваться именно Россия. Например, Вторая мировая война. Нацистская пропаганда активно оперировала цивилизационными идеологемами, приписывая русским безусловно азиатскую сущность, что во многом являлось одним из опор гитлеровского проекта [14]. Так оккупированные французские земли виделись немцами в качестве протектората, а вот жители России в перспективе подлежали уничтожению. Об этом объективно свидетельствует доля смертности в нацистских концлагерях военнопленных советского (57%) и англо-американского (3,5%) происхождения [16, с. 232].

По во многом обоснованному мнению историка и публициста В. Шамбарова в июне 1941 г. на СССР напала не столько нацистская Германия, сколько фашистская Европа, представленная двумя румынскими и финскими армиями, венгерской армией и корпусом, итальянской армией и корпусом, поддержанными военным флотом, словацкий корпус. К ним были добавлены формирования добровольцев: фламандский, французский, датский, норвежский, голландский, хорватский легионы. Антисоветские (антироссийские) цели объединяли даже принципиальных на тот момент противников – венгров и румын. А техническую составляющую обеспечивали, помимо немецких предприятий (в подъеме которых едва ли не решающую роль сыграл американский капитал), такие промышленные гиганты как чешские «Шкода», «Збройник» и др. [21, с. 406–407]. Но даже в странах формально принадлежавших антигитлеровской коалиции дела обстояли не так однозначно в плане народной поддержки. Например, число французов, воевавших на стороне Германии, превосходит тех, кто сражался против нее (полк «Нормандия-Неман» и пр.) в соотношении 30:1 [5]. Признанный эксперт Второй мировой войны Алексей Исаев в предисловии к сборнику «Крестовый поход на Россию» констатирует: «Нас ненавидели. Причем ненавидели настолько, что из уютных домиков, разбросанных по всей Европе, решались идти в снега и болота рисковать жизнью и здоровьем. Во имя этой ненависти целые страны шли на сотрудничество с одним из самых жестоких режимов в истории человечества» [9, с. 5].

Для иллюстрации интеллектуальных интенций русофобского характера обратимся только к одному из ключевых фрагментов трудов А. Безансона, современного французского историка и политолога. Руководствуясь дихотомией «цивилизация – варварство», А. Безансон для подтверждения принадлежности России именно «варварству» весьма вольно обращается с российской историей, отбирая и интерпретируя факты с заданных априори позиций. Являясь несомненным апологетом Западной цивилизаторства, французский автор критику-

ет Петра I за авторитаризм и волюнтаризм, восхваляя Екатерину II, считая, что именно ею были предприняты конструктивные шаги, продвинувшие страну к реальной европеизации. Эти шаги сводятся к успешному выделению из петровского служилого теперь уже подлинно вестернизированного дворянства, которое не подвергалось телесным наказаниям, став настоящим хозяином поместий и крепостных [1]. Благодаря вестернизированному дворянству, Россия и добилась успехов пусть прежде всего на культурном поприще. Были созданы литература и музыка, подлинно «европейские по своим сюжетам, источникам вдохновения, высшим ценностям». В то время как в безансоновском сюжете российская деревня предстает темной и архаичной, где сохраняются поклонения каким-то «древним и трудноопределимым» идолам [1].

Подобная картина уязвима по множеству параметров. Если брать только социокультурный аспект, на котором делает акцент А. Безансон, то отметим следующее. Во-первых, вестернизация дворянства далеко не всегда соответствовала тем же западным цивилизационным стандартам, но зачастую принимала искаженные, а порой и откровенно гротескные формы, что в достаточной мере отражено в романах представителя именно вестернизированного дворянства И.С. Тургенева. Во-вторых, содержательно русская культура XIX в. носила не столько западный, сколько самобытный смысл, о чем свидетельствует как поэзия А. Пушкина, так и «Золотой век» русской литературы. В-третьих, производители элитарной русской культуры отнюдь не всегда имели дворянское происхождение – здесь можно встретить выходцев из разночинства (В. Белинский), купечества (А. Чехов), а то и вовсе мещанства (М. Горький). В-четвертых, историки-эксперты деятельность Екатерины II оценивают весьма неоднозначно, усматривая немало поводов для критики (С. Нефедов, Л. Милов).

В отличие от западного свободного сознания российскому, по мнению А. Безансона, присуща сущность рабского преклонения перед государственной властью, доходящее до его обожествления. В одной из последних книг А. Безансон откровенно заявляет: «Россиянин – это ложь. Ложь – в общине, фальшивой общине. Ложь – в помещике, священнике и царе… ложь, которая венчает все лжи. Крещендо лжи, хитрости и иллюзий… Тенденцией подобного государства является то, что оно становится все меньше государством и все больше религией… Вы даже не можете организовать у себя мир общественного правопорядка, нижний мир! А претендуете на высший свет религии. Будучи врагами Закона, вы хотите подняться выше Закона, вы посягаете на свет благодати! Неспособные к человеческому труду, вы себя величаете Богами» [18].

Вышеизложенное позволяет считать предлагаемую в отношении России картину научно-публицистическим мифологизированием. Цели последнего очевидны – сформировать негативно искаженную установку, доходящую до демонизации русских. Это наглядный образец русофобского западного мышления в публицистической форме.

Таким образом, нет смысла считать феномен русофобии иллюзиями отдельных российских интеллектуалов, типа Ф. Достоевского, А. Пушкина или Ф. Тютчева, стремящихся как-то затушевать массовый комплекс неполноценности перед прогрессивным Западом, объяснить собственные неудачи в цивилизационном развитии. Бытие русофобии вряд ли стоит подвергать сомнению. Другое дело, что русофобия может иметь различные источники и содержательное наполнение, что будет рассматриваться нами далее.

Немецко-российский мыслитель Леонид Люкс предпринял немало усилий, нацеленных на установление более непредвзятого взгляда на российскую действительность, очищения его от идеологических в том числе и от русофобских плевел. Например, клише о рабской психологии русских, постоянно употребляемое европейскими интеллектуалами как современниками (А. Безансон), так и мыслителями прошлого, причем самой различной политико-философской ориентации (К. Маркс и Ф. Энгельс с одной стороны, А. Кюстин, А. Токвиль с другой) он опровергает феноменом русской революционной интеллигенции. «Вряд ли какая-нибудь другая общественная группа в новой европейской истории, – пишет Л. Люкс, – была в такой мере склонна к радикальному нонконформизму и бунту. В самом деле этой кучке людей удалось потрясти основы могущественной монархии и в значительной степени способствовать ее краху» [11, с. 57].

Стремясь объяснить негативное отношение к России, Л. Люкс обращается к динамике складывающейся в европейских странах обстановки XIX в. Если в период войн Наполеона I русские виделись как союзники, а затем и вовсе – спасителями, то после устранения французской угрозы отношение к России быстро превратилось в диаметрально противоположное. Последней стали приписываться «планы» по установлению мирового господства, в которых европейская общественность видела где-то даже большую опасность, чем в устремлениях Франции. «Российская империя стала объектом ненависти как для тех сил, которые стремились к революционным либо территориальным переменам в Европе, так и для тех, которые любой ценой хотели не допустить этих перемен» [10, с. 173].

По мысли Л. Люкса, русофобские настроения в Европе подпитывались следующими источниками. Во-первых, банальный страх перед мощью России, победившей наполеоновскую армию. Во-вторых, в контексте общеевропейских революционных событий 1848–1849 гг. Российская империя трактовалась в качестве «самого мощного оплота контрреволюции» и «последнего бастиона старого режима», что находило подтверждение в решающем российском участии в подавлении венгерской революции. В-третьих, идеология панславизма, набиравшая популярность в XIX как в России, так и у иных славянских народов, согласно которой после скорого упадка Запада, именно славяне наследуют европейские культурные достижения [10, с. 176].

При всем уважении к научной объективности Л. Люкса, который в отличие от многих других бывших советских интеллектуалов не стал рупором антироссийских идей, мы полагаем, что его объяснение источников русофобии не исчерпывающе. Следует копнуть глубже геополитических причин. Вполне понятно, что, переехав в Европу, Л. Люкс возможно старался смягчить свой подход, обращая внимание на факт незнания европейских интеллектуалов особенностей внутреннего устройства России. Недостаток информации соответственно порождал упрощенные и предвзятые клише вроде типично русской психологии рабства. Но, дело в том, что небезуспешные попытки восполнить подобный пробел предпринимались, тем не менее никак не меняя устоявшихся оценок Запада. Например, трехтомная работа «Исследования внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России» А. фон Гакстгаузена, основанная на результатах путешествия по России в 1843–1844 гг. Как пишет сам Л. Люкс «эта в высшей степени информативная книга» осталась без сколько-нибудь значительного резонанса, а А. Токвиль даже назвал

ее скучной. Совсем иная судьба была присуща сочинению А. де Кюстина, которому присущи резко критические оценки в отношении русской действительности, выдержавшему множество переизданий [10, с. 177]. Принципиально различная степень популярности этих двух книг в европейской общественности объясняется априори заданными установками западного сознания. Дело в том, что опасения европейцев России были вызваны еще и тем, что именно Россия наделялась образом конституирующего Другого, который ей достался в наследство от слабеющей Османской империи. Данный образ наделялся отрицательными «варварскими» чертами, соответственно угрожая европейской цивилизованности.

Более широкий исторический ракурс анализа западной русофобии предлагает швейцарец Ги Меттан, в отличие от Л. Люкса, делающего акцент на XIX век. В своей весьма объемной книге Г. Меттан усматривает предпосылки принципиально негативного к русским отношения уже в конце I тыс.н.э., в ходе усиливающихся противоречий западного и восточного ветвей христианства. Католический мир, выступавший основой западноевропейской идентичности, видел в носителях Православия «чужих», наделяя их «деспотичными», «недоразвитыми», «жестокими», «полуварварскими» качествами [12, с. 159]. В то же время, подойдя вплотную к выявлению цивилизационных корней русофобии, Г. Меттан переключил все же основное внимание на ее национальные варианты, отмечая французский, английский, немецкий и американский типы. Появление национальных разновидностей русофобии швейцарский исследователь связывает с эпохой Нового времени, определяя для каждой из них собственный круг причин.

Основой *французского* варианта послужили мифы: российского экспансионизма и азиатского деспотизма. Источником первого явился, как считается, фальшивый документ «Завещание Петра I», где раскрывается якобы русский замысел, касающийся завоевания Европы. На данный документ позднее при формировании доктрины сдерживания ссылались У. Черчилль, Г. Трумэн [12, с. 182–183]. Источником второго мифа явились «Записки о Московии» С. Герберштейна, первой половины XVI в., считающиеся одним из первых развернутых сведений о Московском государстве. Социально-политический порядок русских земель характеризовался: 1) абсолютизмом; 2) деспотизмом; рабством великокняжеских подданных; 3) псевдобожественностью. Подобный подход оставлял русских за бортом популярных два века спустя идей просвещения, где ключевыми идеологемами выступали свобода и равенство. Отсюда вполне объясним общий критицизм к России мыслителей-просветителей, которые выступали тогда с позиции «властителей дум». Органично в подобный мейнстрим французской, а по большому счету и европейской общественности вписалась книга А. Кюстина «Россия в 1839 году», где образ России подавался в виде поверхностно цивилизованной восточной деспотии с населением фактически представляющем армию рабов. Подобный государственный монстр таил для свободного Запада огромную опасность [10, с. 177].

Что касается *английской* разновидности русофобии, то по мысли Г. Меттана, она имеет не идеологическую, но геополитическую причинную обусловленность. Окончательная победа над Наполеоном I ликвидировала необходимость видеть в России союзника, тогда как логика британского колониализма приписывала России статус соперника. Имперским амбициям Британии было нежелательно укрепление позиций России после Венского конгресса 1815 г. [12, с. 229].

Более поздние причины послужили стимулом *германской* русофобии. Во второй половине XIX столетия складывающееся национальное сознание немцев актуализировало геополитическую составляющую, касающуюся естественного расширения жизненного пространства [12, с. 262, 271–272]. Вполне возможно, что для отдельных представителей немецкого этноса, немало проживающих в Прибалтике, дополнительной причиной послужила политика русификации, которую российская империя активно проводила в конце XIX- нач. XX вв. Иммигрировавший в Германию прибалтийский немец П. Рорбах писал в 1917 г., что устранение русской опасности является обязательным приоритетом внешней политики германской империи [3, с. 455]. Немецкая русофобия подкреплялась также идеологически (школьные учебники II Рейха), используя универсальные европейские схемы, транслирующие образ России как азиатского, варварского государства, способного лишь на фрагментарные прозападные шаги [12, с. 275]. Подобный подход прослеживается в работах классиков научного коммунизма, где Россия подавалась как враг передового человечества. По мысли Ф. Энгельса, перед Европой стоит дилемма – быть свободными или оказаться под пятой русских [6, с. 34].

Как считает Г. Меттан, *американский* вариант русофобии представляет динамический синтез английской, французской, немецкой русофобий, но в то же время идет в собственном неприятии России гораздо дальше, не останавливаясь до полного уничтожения, что иллюстрирует известный план Даллеса [24, с. 30–36]. Исходя из собственной западной идентичности, американцы посредством пуританизма модифицируют особым образом установку превосходства Западной цивилизации (А. Уткин, Н. Нарочницкая). Это официально прозвучало уже в 1823 г. с появлением доктрины Монро, где декларировалось американское внешнее доминирование. Практически сразу же США стали придерживаться антироссийского вектора политики, но в ходе «холодной войны» противоречия между США и СССР приняли глобальную форму соперничества двух систем. После окончания Второй мировой войны англосаксонские страны объявили начало политике сдерживания распространению воплощенного в СССР мирового коммунизма. В 1959 г. в законе Сената США «О порабощенных нациях», поднимается проблема русской экспансии. Причем уточнялось, что поработителем выступает не столько интернационализм коммунистического режима, сколько именно русский народ [24, с. 26]. Якобы традиционно Россия выражает «аппетит пожирателя народов в веках от Петра Великого к Ивану Грозному, к Екатерине Второй, к Николаю Второму, Ленину, Сталину и Хрущеву…» [24, с. 27–28].

Г. Меттан видит западную борьбу с коммунизмом не причиной, но следствием холодной войны. По его мысли: «старая вражда с новой силой разгорелась при Путине, когда коммунизм уже десяток лет как канул в Лету» [12, с. 314]. Миф об угрозе российской экспансии продолжает оказывать воздействие на американский истеблишмент и в постсоветскую эпоху, когда глобальное лидерство США ставится под сомнение совсем иными факторами, нежели ослабевшей Россией.

Анализ Г. Меттана национальных вариантов русофобии дает основание подвести под них общий знаменатель, который касается цивилизационных различий западного и российского миров. Их взаимный антагонизм на философско-концептуальном уровне обосновал Вальтер Шубарт в 30-е годы прошлого века [22]. Подобную онтологическую непреодолимость констатировал Вадим Цымбурский, предлагая видеть «островную»

природу отечественной цивилизации [20]. Рассмотрение данных сущностных отличий предпринял С. Кара-Мурза, доказывая тезис о России как альтернативной Западу христианской цивилизации. Россия «по главным вопросам бытия постоянно предлагала человечеству иные решения, нежели Запад, и стала не просто его конкурентом, но и экзистенциальным, бытийным оппонентом» [6, с. 20].

Довольно любопытные рассуждения содержатся в объемной статье Олега Неменского «Русофобия как идеология», автор которой отталкивается от внутренних антагонизмов христианства, которые в XI в. фактически институционализировались, разделившись на западную ветвь (католичество) и восточную (православие). Несколько позже подобные противоречия европейское сознание вписало в дихотомическую схему цивилизация-варварство. «Собственное варварское прошлое большинства европейских народов обусловило раннее появление стадиально-исторического мышления: другие по культуре народы стали восприниматься как попросту недоразвитые, задержавшиеся на том этапе истории, который западными народами уже пройден. Соответственно, им нужна была христианская миссия и просвещение, ускоренное ученичество. …Если же он упорствовал в своём невежестве, то переходил в разряд врагов католического мира» [13].

Европейское «открытие» России произошло в конце XV–XVI вв., что как раз совпадает с тем временем, когда, согласно В. Цымбурскому, состоялось окончательное утверждение западной и российской цивилизационных систем [19]. По мысли О. Неменского, весь XVI в. западные усилия были направлены, чтобы склонить «московитов» к принятию Флорентийской унии, что фактически означало признание главенства католичества над православием. «Катастрофический неуспех этих начинаний обусловил и утверждение образа России как экзистенциально чуждой и враждебной Западу страны. Страны, в отношении которой возможна только одна стратегия отношений – подчинить, чтобы обезопасить христианский мир» [13]. Неслучайно, первые комплексные сведения о Московском государстве (С. Герберштейн, Олеарий) выдержаны в жестко критическом тоне.

На острие западной духовной экспансии выступила католическая Польша, которая в XVI в. навязала неравноправную унию Литве с немалым процентом православного населения. В XVI–XVII в. историки и публицисты Речи Посполитой (П. Пальчовский, Я. Подгорецкий, С. Немоевский) отделяли принципиально Россию от Европы, решительно отстаивая идею русской азиатскости. Ориентализация инициировала активность в отношении «Востока», который надо окультуривать, неся ему просвещение и порядок. В подобных идеологических тонах окрашивал действия по покорению Московского царства Сигизмунд III, подавая их как божью кару схизматикам-московитам, сопротивление которых интерпретировалось как оскорбление самого Бога и немыслимая дерзость.

О. Неменский делает заметный акцент на польской русофобии, подчеркивая ее почвенническую сущность. Зачастую она присутствует как системообразующий элемент сочинений видных польских мыслителей («Парижские лекции» А. Мицкевича). Показательно специфическое использование расовой методологии польскими властителями дум И. Лелевелем и Ф. Духинским для объяснения и оправдания крайне неприязненного отношения к русским. Здесь надо отметить, что в романо-германской интеллектуальной традиции имеется заметный тезис о расовой неполноценности славян в сравнении с германцами. На этом утверждении выстраивалась логика основанного на сербофобии хорватского национализма, в рамках которого ставились задачи доказательства не славянского, а германского происхождения хорватов, что обуславливало их превосходство над славянами-сербами [2]. Польские мыслители, исходя из азиатского статуса русских, напротив, стремились опровергнуть их принадлежность славянству, присущего полякам. Русские объявлялись «грязнокровками», то есть потомками от скрещивания финно-угров, монголов, тюркских народов и славян, а такой этногенетический синтез оценивался «как гораздо худшее состояние, чем принадлежность к самым низшим расам» [13].

С нашей точки зрения, в польской русофобии имеются два специфических момента. С одной стороны, отчетливо просматриваются те «искусственные «подвижки к Европе» через подчеркивание неких квазиевропейских качеств», о которых писал В. Цымбурский, характеризуя центральноевропейские земли. С продвижением на восток цивилизационные идентификации становятся более расплывчатыми, спорными и часто претенциозными. «Практически все здешние народы, а особенно их элиты, склонны относить себя к «настоящей» Европе, своего же восточного соседа каждый держит за азиата» [19]. Показательно, что Западная цивилизация собственно Польшу в свой состав включать отнюдь не торопиться, что иллюстрируют как пропагандистские пассажи Геббельса, так и научные исследования (Л. Вульф). Другими словами, подчеркнутое дистанцирование от русских присущее теоретическим разработкам поляков наверняка объясняется также неким комплексом лимитрофной страны, изо всех сил стремящейся продемонстрировать свою западную принадлежность.

С другой стороны, усиливающим моментом наверняка выступает этническая историческая память – ведь Россия и Польша погружались в политические конфликты, ставкой которой выступала национальная независимость. И если попытка поляков в Смутное время окончилась для них неудачей, то аналогичные усилия России два века спустя увенчались полным успехом. Не исключено, что здесь кроется причина безграничной ненависти, характеризующей рассуждения некоторых польских интеллектуалов, отвергающих о России любые иные мнения, кроме подчеркнуто негативных. Например, современная публицистка К. Гжибовская возмущается: «В ведущих университетах Европы, даже в самых элитарных, по непонятным для нас, поляков, причинам Россия и её историческое прошлое воспринимается как нечто нормальное и повод для уважения этого территориального колосса» [13]. Данный пассаж совершенно очевидно показывает господство эмоций в упомянутых абсолютизированных автором рассуждениях.

Итак, мы считаем возможным выделить следующие идеологические формы русофобии, основанные на соответствующих источниках.

Наиболее общая *цивилизационная русофобия*, базирующейся на самоутверждающейся сущности западной цивилизации, которая склонна воспринимать «Других» в понятиях «варваров» или, в лучшем случае, недоцивилизованных народов. Россия при всех ее вестернизационных потугах будет всегда восприниматься западным сознанием в качестве «Чужой», чему способствуют вполне зримые отличия. Россия географически ближе к Азии, обладает иной сакральной вертикалью (православием), имеет иной этнический состав (славяне, тюрки), представители которого всегда могли рассчитывать в лучшем случае лишь на периферийные позиции в западном сознании. Наконец, налицо весьма серьезные «почвеннические» отличия, обусловленные рядом исторических обстоятельств.

Цивилизационная русофобия несколько модифицировалась в эпоху формирующейся мировой системы, ознаменованной конкуренцией двух претендующих на глобальность проектов – либерально-капиталистического и коммунистического. В годы холодной войны тон задавали США, политику которых в некоторой степени можно считать ответом на вызов со стороны большевистской России. Вероятно, масштабность стоящих перед глобальными конкурентами задач побуждала формировать максимально демонизированный образ противника («империя зла»). В постсоветский период в отношении России инерция данной тенденции продолжается, при этом модифицируясь как бы в обратном направлении, делая акцент на геоцивилизационных противоречиях.

Более частные причины определяют *национальные формы русофобии* – английский, американский, французский, немецкий варианты. Все они имеют онтологические основания, исходящие обычно из проблематики реализации национальных интересов этих стран, сталкивающейся с существованием России. Причем на тактическом уровне Россия может даже выступить союзником определенной страны (как это было в отношении Франции), что на определенный момент отодвигает русофобские тенденции на второй план. В то же время национальные формы русофобии предполагают общее идеологическое обоснование, редуцируемое к отличиям российской действительности от идейных принципов проекта Просвещения, продолжающего оставаться весомой составляющей западного мировоззрения. Наконец, *этнонациональная русофобия* присущая коллективному польскому сознанию является отражением не столько цивилизационных, сколько межнациональных противоречий. Цивилизационный аспект выступает здесь больше вторичным фактором.

Литература

1. Безансон, А. Возможно ли включать Россию в мировое устройство? – URL: http://www.nationalism.org/library/science/europe/besancon/besancon-russia.htm (дата обращения: 14.11.2021).
2. Беляков, С.С. Усташи: между фашизмом и этническим национализмом. – Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2009. – 320 с.
3. Ваджра, А. Распад. Хроника и анализ украинской катастрофы. – М.: Книжный мир, 2019. – 960 с.
4. Глуховский, Д. Не нравится? Вали из страны. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=nO4Cr9flfTM (дата обращения: 20.05.2022).
5. Голышев, В. Русофобия в немецких СМИ. Штрихи к портрету «Единой Европы». – URL: http://www.politnauka.org/library/prikl/golyshev2.php (дата обращения: 09.12.2022).
6. Кара-Мурза, С.Г. Россия не Запад или Что нас ждет. – М.: Алгоритм, 2011. – 256 с.
7. Кефели, И.Ф. Философия геополитики. – СПб.: Изд. дом «Петрополис», 2007. – 208 с.
8. Крауч, К. Странная не-смерть неолиберализма. – М.: Дело, 2012. – 276 с.
9. Крестовый поход на Россию. Сборник статей. – М.: Эксмо, 2005. – 480 с.
10. Люкс, Л. О возникновении русофобии на Западе // Политические исследования. 1993. № 1. С. 173–178.
11. Люкс, Л.М. Россия между Западом и Востоком. Сборник статей. – М.: Московский философский фонд, 1993. – 160 с.
12. Меттан, Г. Запад – Россия: тысячелетняя война. История русофобии от Карла Великого до Украинского кризиса. – М.: Паулсен, 2016. – 464 с.
13. Неменский, О.Б. Русофобия как идеология. – URL: https://www.perspektivy.info/print.php? ID=363035 (дата обращения: 12.01.2023).
14. Розенберг, А. Миф XX века. – Tallinn: Shildex, 1998. – 516 с.
15. Сергеев, С. Как возможна русская русофобия. Записки ангажированного историка // Вопросы национализма. 2013. № 13 (№ 1). С. 66–85.
16. Серебрянников, В.В. Социология войны. – М.: Научный мир, 1997. – 398 с.
17. Травин, Д.Я. Теории особого пути России: классики и современники. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. – 64 с.
18. Французский интеллектуал А. Безансон «Святая Русь» и Украина. – URL: https://ru.krymr.com/a/28712406.html (дата обращения: 12.02.2023).
19. Цымбурский, В.Л. Народы между цивилизациями // Pro et Contra. Т. 3, № 3, 1997. – URL: www.intelros.ru (дата обращения: 12.11.2022).
20. Цымбурский, В.Л. Остров Россия // Политические исследования. 1993. № 5. С. 6–27.
21. Шамбаров, В.Е. Фашистская Европа. – М.: Алгоритм, 2014. – 544 с.
22. Шубарт, В. Европа и душа Востока. – М.: Русская идея, 2000. – 446 с.
23. Эйдман, И. Новая национальная идея Путина. – М.: Алгоритм, 2014. – 240 с.
24. Якунин, В.И., Багдасарян, В.Э., Сулакшин С.С. Новые технологии борьбы с российской государственностью. – М.: Научный эксперт, 2009. – 424 с.

RUSSOPHOBIA AS A THEORETICAL PHENOMENON: AN ATTEMPT TO CONCEPTUALIZE EXTERNAL MANIFESTATIONS

Tambiyants Y.G., Tereshchenko O.V., Kulik S.V., Gnatenko N.I.
Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin

The article examines the external manifestations of the phenomenon of Russophobia. The ontology of Russophobia is proved, reflected both in the works of Western intellectuals and in objective historical and political facts. An attempt to conceptualize Russophobia is based on the identification of various fundamental sources that determine its various varieties. Civilizational Russophobia is due to the dichotomous nature of Western civilization, which perceives the "Others" in the oppositional categories of "civilization" and "barbarism". National versions of Russophobia usually come from the problematics of national interests facing the existence of Russia, and can take on an explicit / latent meaning. More stable is the ethno-national Russophobia of the Poles, which is fueled by soil, primarily through historical memory.

Keywords: Western civilization, Russian civilization, Russophobia as an ideological phenomenon, civilizational Russophobia, national Russophobia, ethno-national Russophobia.

References

1. Besancon, A. Is it possible to include Russia in the world order? – URL: http://www.nationalism.org/library/science/europe/besancon/besancon-russia.htm (accessed: 14.11.2021).
2. Belyakov, S.S. Ustashe: Between Fascism and Ethnic Nationalism. – Yekaterinburg: Humanitarian University, 2009. – 320 p.
3. Vajra, A. Decay. Chronicle and analysis of the Ukrainian catastrophe. – M.: Knizhny Mir, 2019. – 960 p.
4. Glukhovsky, D. Don't like it? Get out of the country. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=nO4Cr9flfTM (accessed: 20.05.2022).
5. Golyshev, V. Russophobia in the German media. Strokes to the portrait of "United Europe". – URL: http://www.politnauka.org/library/prikl/golyshev2.php (date of access: 12.09.2022).
6. Kara-Murza, S.G. Russia is not the West or What awaits us. – M.: Algorithm, 2011. – 256 p.

7. Kefeli, I.F. Philosophy of geopolitics. – St. Petersburg: Ed. house “Petropolis”, 2007. – 208 p.
8. Crouch, K. The strange non-death of neoliberalism. – M.: Delo, 2012. – 276 p.
9. Crusade against Russia. Digest of articles. – M.: Eksmo, 2005. – 480 p.
10. Lux, L. On the emergence of Russophobia in the West // Political Studies. 1993. No. 1. S. 173–178.
11. Lux, L.M. Russia between West and East. Digest of articles. – M.: Moscow Philosophical Fund, 1993. – 160 p.
12. Mettan, G. West – Russia: a millennium war. History of Russophobia from Charlemagne to the Ukrainian Crisis. – M.: Paulsen, 2016. – 464 p.
13. Nemensky, O.B. Russophobia as an ideology. – URL: https://www.perspektivy.info/print.php? ID=363035 (date of access: 01.12.2023).
14. Rosenberg, A. Myth of the XX century. – Tallinn: Shildex, 1998. – 516 p.
15. Sergeev, S. How Russian Russophobia Is Possible. Notes of a biased historian // Questions of nationalism. 2013. No. 13 (No. 1). pp. 66–85.
16. Serebryannikov, V.V. Sociology of war. – M.: Scientific world, 1997. – 398 p.
17. Travin, D. Ya. Theories of Russia’s special path: classics and contemporaries. – St. Petersburg: Publishing House of the European University in St. Petersburg, 2015. – 64 p.
18. French intellectual A. Besancon “Holy Rus’” and Ukraine. – URL: https://ru.krymr.com/a/28712406.html (date of access: 02.12.2023).
19. Tsymbursky, V.L. Peoples between civilizations // Pro et Contra. Vol. 3, No. 3, 1997. – URL: www.intelros.ru (date of access: 11.12.2022).
20. Tsymbursky, V.L. Ostrov Rossiya // Political Studies. 1993. No. 5. S. 6–27.
21. Shambarov, V.E. Fascist Europe. – M.: Algorithm, 2014. – 544 p.
22. Schubart, V. Europe and the Soul of the East. – M.: Russian idea, 2000. – 446 p.
23. Eidman, I. Putin’s new national idea. – M.: Algorithm, 2014. – 240 p.
24. Yakunin, V.I., Bagdasaryan, V.E., Sulakshin S.S. New technologies for combating Russian statehood. – M.: Scientific expert, 2009. – 424 p.

Эволюция взглядов отечественных и зарубежных мыслителей на содержание категории «качество жизни»

Урецкий Анатолий Юрьевич,
аспирант, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации»
E-mail: ur-anat@rambler.ru

Билашенко Надежда Алексеевна,
аспирант, Университет Правительства Москвы
E-mail: ugmzmag@yandex.ru

Эффективное повышение качества жизни населения, увеличение благосостояния и уровня жизни – это одно из важнейших направлений деятельности государства, которое отражено в заявленных национальных стратегических приоритетах, в том числе в Стратегии национальной безопасности страны (2021). Данный документ содержит ряд положений, подтверждающих тот факт, что качество жизни населения входит в число приоритетных направлений национальной безопасности. Вместе с тем, учёные, занимающиеся исследованием уровня качества жизни граждан подчёркивают проблематику отсутствия единого определения сущности исследуемого термина и подходов к его изучению и определению. Анализ научных работ позволяет сделать вывод о том, что учёные из разных областей науки довольно сильно ограничивают области индивидуальной и общественной жизни, способствующие пониманию уровня качества жизни в связи с естественными ограничениями своей профессиональной деятельности, что в свою очередь подразумевает ограниченное понимания самой сути термина «качество жизни». Повышение уровня качества жизни граждан является ключевой целью множества программ и стратегий экономического и социального развития как на региональном, так и на государственном уровнях. И понимание сущности не только процессов и направлений повышения качества жизни населения, но и сущности самого термина «качество жизни», эволюции философских взглядов и концепций позволяет избежать многих несоответствий, противоречий в толковании и оценке происходящих изменений в обществе, в жизни отдельного человека.

Ключевые слова: качество жизни; философские идеи и концепции; отечественные мыслители; зарубежные ученые; эволюция толкований сущности научного понятия.

Эффективное повышение качества жизни населения, увеличение благосостояния и уровня жизни – это один из важнейших направлений деятельности государства на национальном уровне, который отражен в национальных стратегических приоритетах, в том числе в Стратегии национальной безопасности страны (2021). Данный документ содержит положения, подтверждающие тот факт, что качество жизни населения входит в число приоритетных направлений национальной безопасности [1].

Указанные в стратегии ключевые приоритеты и национальные интересы нашли отражение как в плановых, так и в прогнозных документах всех уровней власти. Е.Г. Казанцева отмечает, что на уровне федеральных образований вопросы, которые связаны с повышением качества жизни граждан, находят своё отражение в государственных проектах и программах [13]. Количественные и качественные ориентиры для определения уровня жизни содержатся в национальных целях развития Российской Федерации до 2030 г. Необходимо отметить проекты национального уровня:

- Здравоохранение
- Культура
- Экология
- Демография
- Образование
- Городская среда и жильё
- Наука и др.

Изучение вопросов качества и уровня жизни людей стали популярными в шестидесятые годы XX вв., когда в западных странах начался активный переход к постиндустриальной парадигме общественного развития. Безусловно, это подтолкнуло интерес к гуманитарным направлениям экономического роста. В 1974 году был впервые издан журнал «Social Research Indicators», который полностью посвящался изучению вопросов качества и уровня жизни. Издается множество научных трудов, активно проводятся международные симпозиумы и др. При этом, необходимо понимать, что проблемы качества жизни населения интересовали исследователей всегда. Звучало по – разному, в соответствии с эпохой, взглядами мыслителя. Западные философы (А. Камю, Ж-П. Сартр, Х. Ортего-и-Гассет, М. Хайдеггер и др.) обращали внимание, главным образом, на свободу, независимость личности, ее неограниченные социальные возможности, поэтому качество жизни исследовалось как определенная социокультурная ценность западного социума. Они трактуют качество как комплексную, интегральную характеристику экономических, социальных, психологических и культурных факторов, определяющих. положение человека в обществе. Сторонники экономического подхода (Р. Арон, Т. Аттали, Д. Белл, Дж. Гелбрейт, М. Гийом, Д. Медоуз, У. Ростоу, А. Турен, Дж. Форрестер и др.) рассматривают качество жизни как необходимый атрибут нового постиндустриального общества. Хотя они и приписывают качеству жизни нематериальный характер, все же связывают этот показатель с достижением определенного уровня материального благосостояния, экономического развития и пытаются его определить с помощью системы объективных показателей, включая

в нее такие факторы, как стандарт жизни, уровень доходов, демографические показатели, загрязнение сферы и другие.

Г. Маркузе, Б. Скиннер и др. интерпретируют качество как социальный, а не индивидуальный феномен. По их мнению, необходимое условие улучшения качества жизни – не экономический подъем и переход к более высокому уровню производственных и общественных отношений, а крупномасштабное изменение человека через изменение установок личности. Сторонники субъективного подхода (А. Кембелл, П. Конверс, С. Макколл, К. Терюн и др.), обращаются как к показателям качества жизни, так и к состоянию сознания субъекта, к его ощущениям, представлениям, к пониманию им степени удовлетворенности своей жизнью. Понятие «качество жизни» зачастую ими прямо отожествляется с понятием «счастье», и проблема качества жизни трактуется как проблема достижения счастья. Исходя из этого качество жизни связывается со степенью удовлетворенности индивида жизнью в целом, а также ее сферами.

В трудах Субетто А.И. система управления качеством и уровнем жизни напрямую зависит от уровня выживаемости социума, а само понятие исследователь рассматривает как систему культурных, духовных, социальных, материальных, демографических и экологических качеств жизни [21].

Часть учёных, которые занимаются исследованием уровня жизни граждан подчёркивает проблематику отсутствия единого определения сущности этого термина и подходов к его изучению и определению. Анализ научных работ позволяет сделать вывод о том, что учёные из разных областей науки довольно сильно ограничивают области индивидуальной и общественной жизни, способствующие пониманию уровня жизни в связи с естественными ограничениями своей профессиональной деятельности, что в свою очередь подразумевает ограниченное понимания самой сути уровня жизни:

- философия – изучает уровень жизни в парадигме коллективных форм сути и онтогенеза;
- социология – рассматривает общественную парадигму уровня жизни;
- экономика – освещает основные объективные экономические причины для повышения уровня жизни;
- медицина – изучает уровень жизни человека, в том числе, пациентов, у которых есть определённые отклонения и заболевания;
- психология – изучает ощущаемые уровень жизни и его направления у индивидов;
- политика – изучает механизмы и институциональный фундамент для управления уровнем жизни.

С течением времени изучение вопроса качества жизни переросло в междисциплинарную парадигму, которая содержит в себе все аспекты существования человечества. Но, как и каждому направлению исследования, основой служат идеи, размышления, концепции философов. Античные философы рассуждали о качестве жизни как о духовной свободе человека. Платон и Аристотель считали, что качество жизни индивида следует изучать на основании развития добродетелей и просвещённости индивида [3;18]. Лукреций и Эпикур считали, что качество жизни необходимо рассматривать при помощи атараксии, определённого состояния невозмутимости, адекватного наслаждению жизнью, удовлетворённостью как жизнью, так и собой. Такого состояния может достичь только мудрец [22].

Такие средневековые философы, как Фома Аквинский, Августин и пр. продолжили идеи своих предшественников в вопросах качества жизни, но рассматривали этот вопрос на основании любви к Богу, через понимание идей Божественной воли и безоговорочного подчинения ей [10]. Основным мерилом уровня жизни в их представлении является выполнение индивидом устанавливаемых Богом обязательств.

Развитие идей о жизни человека на основании её качества нашли себя в работах таких философов эпохи Просвещения:

- И. Кант, считающий, что качество жизни является высшим благом, которое является единством благополучия и добродетели [15];
- Гельвеций К.А., которые считал, что качество жизни – это уровень счастья индивида [8];
- Миль Дж. и Бентам И. в парадигме утилитаризма считали, что моральное суждение переходит в суждение о качестве жизни индивида [5];
- Бентам И. считал, что поддержание безопасности, изобилия, существования, равенства увеличивает качество жизни [5].

В 19 веке акцент сместился на проблемы качеств индивида, которые напрямую зависят от общества, где находится этот индивид. Философы, придерживающиеся идей марксизма (Энгельс Ф., Маркс К., Ленин В.) считали, что для борьбы с отрицательными качествами нужно парадигмально изменить отношения в обществе, положив в его фундамент справедливость, равенство и гуманизм. Позднее, уже в парадигме прагматизма (Пирс Ч., Льюи Д., Джеймс У.), при изучении качества жизни индивида, акцент перешёл на неудовлетворение / удовлетворение субъективных потребностей. Благо может существовать только на основании требований человека. Достойный уровень жизни напрямую зависит от уровня образования и развития государственного строя, где забота о населении подразумевает стимуляцию инициативности среди населения.

В философии Нового времени проблема качества жизни раскрывается через положения теории общественного договора (Т. Гоббс, Дж. Локк, Ш. Монтескье, Ж.-Ж. Руссо), рассматриваемого базисом некоего оптимального качества жизни людей. При этом основной аспект гражданского договора – переход человека из естественного состояния в состояние гражданина, государственное состояние. Человек при этом получает больше возможностей для удовлетворения своих потребностей и его жизнь приобретает новое качество.

Экзистенциальные философы (Ясперс К., Хайдеггер М., Марсель Г.) считали, что достойный уровень жизни необходимо изучать через призму развития идеи свобод индивида. В их идеях индивид является самоцелью, а коллектив является основным средством для обеспечения свободы личности. Полная свободна может быть только в духовном аспекте.

Философы персонализаторы (Мунье Э., Лакруа Ж., Керр Х.) считали, что достойный уровень жизни индивид может получить только в обществе, в фундаменте которого лежит идея любви, которая выражается в сопричастности и отзывчивости, когда индивид принимает судьбу, радость и страдания ближнего.

В отечественной философской мысли методологический фундамент изучения идеи уровня жизни заложили исследователи, акцентирующие в своих трудах внимание на духовном направлении качества жизни:

- Хомяков А.С. раскрывал качество жизни на идеях соборности человека [16];
- Ильин А.И. считал, что качество жизни определяется отечественной культурой, русским человеком, его жизненными парадигмами, идеалами и философией [13];
- Леонтьев К.Н. и Хомяков А.С. писали, что для изучения уровня жизни необходимо использовать разум, религиозное и духовное начала [16];

- Бердяев Н.А. подчеркивал, что качество жизни основывается на русской идеи, главной задачей которой является структура души [6].
- Соловьёв В.С. основывался в своих работах на принципах религиозного, духовного и морального самосознания индивида [16].

В советской философии уровень и качество жизни не выступали как объекты отдельного изучения [20]. В 70-х гг. XX века Римашевская Н.М. активно работала над экономическими, политическими и социальными особенностями качества жизни в стране. Чуть позже этот вопрос начали изучать с точки зрения множественности качественных характеристик потребляемых услуг, благ и товаров [19].

С80-х гг. XX века вопросы качества жизни стали самостоятельной единицей для изучения. Исследователи стали изучать это понятие с позиции важной характеристики жизни индивида на уровне отдельно взятого человека, определённой группы в социуме и всего общества в целом [17].

В результате, анализ отечественных научных работ показал, что наибольшую популярность получило понятие «образ жизни». В своей идее оно оперировало к сравнению с качеством жизни более сущностными и фундаментальными направлениями и характеристиками жизни в социуме.

Ряд учёных считает, что уровень жизни индивида является уровнем удовлетворённости потребностей этого индивида. Маликов Н.С., Баженов С.А., Матвеева Т.Ф., пишут, что потребности индивида должны изучаться как внутренняя парадигма и фундаментальная причина его жизнедеятельности. Глушакова О.В. ориентируется не только на прямую, но и на обратную зависимость качества жизни и потребностей индивида, считая, что сфера потребностей определённого человека напрямую зависит от условий его жизни [10].

Среди научных работ можно выделить такую классификацию потребностей индивида:
- Макклелландм Д. – присоединение, достижение и власть;
- Махнырылов В.П. – социальные и физические;
- Рофе А.И. – социальные, духовные и физические;
- Подмаров В.Г. – престиж, призвание, обеспечение;
- Шенкин Б.М. – достижение жизненных целей, базовые потребности бытия;
- Алдерфер К. – рост, взаимосвязи и существование;
- Баранова Л.Я. – духовные и материальные;
- Тарасенко В.И. – развитие и существование;
- Завельский М.Г. – владение благами, которые обеспечивают наслаждение и комфорт, реализация способностей индивида.

Айвазян С.А. считает, что качество и уровень жизни является многомерной синтетической парадигмой, которая содержит в себе все важные для индивида условия развития и существования [2].

Встречающаяся в научной литературе классификация идей различных научных школ по вопросу определения качества и уровня жизни позволяет выделить среди них следующие [9;12]:
- потребительско-объективный – данный уровень жизни подразумевает множество возможностей для реализации потребностей индивида в определённом социальном пространстве;
- аксиологический – качество и уровень жизни изучается как множество парадигмальных ценностей, которые по своей сути являются характеристикой условий существований и потребностей индивида, степени удовлетворённости своей жизнью, окружающей средой и социальным взаимодействием;
- синтетический (субъективистско-количественный) – качество и уровень жизни напрямую зависит от комфортности природной и общественной среды, уровня благосостояния и жизнедеятельности индивида, духовного, физического и социального здоровья;
- субъективистский – качество и уровень жизни рассматриваются как уровень комфортности индивида как внутри личности, так и микро- и макро социума;
- реляционистский – качество и уровень жизни, с позиции личностного соотношения положения в обществе в парадигме системы ценностей и культуры этого общества в сравнении с целями человека, его возможностями и планами);
- потребительско-количественный – качество и уровень жизни рассматривается как многофакторная характеристика степени удовлетворения культурных и материальных потребностей индивида, возможностей развития как всего общества, так и отдельного человека, устоявшихся условия жизнедеятельности;
- объективно-количественный (комплексный) – качество и уровень жизни рассматриваются как множественность характеристик и особенностей жизнедеятельности человека, которые подразумевает лучшие условия для определённого отрезка времени при конкретных условиях;
- субъектвно-социально-динамический – качество и уровень жизни рассматриваются как степень удовлетворённости человека положительными экономическими и социальными изменениями.

Васильева О.В. считает, что проблема научного измерения и изучения качества и уровня жизни наиболее актуальна в наше время, так как хорошо видна важность преодоления устоявшихся в современной научной мысли интерпретация термина «качество и уровень жизни» [7]. Учёный считает, что качество и уровень жизни является комплексной объективно-субъективной характеристикой самого существования общества, выражающаяся в степени покрытия имеющихся потребностей людей и измеряемая в разрезе объективных параметров достаточности ресурсной базы для запросов со стороны общества и субъективной оценкой со стороны общества степени удовлетворённости потребностей населения. За счёт изучения множества концепций качества и уровня жизни можно сделать вывод, что есть два базовых подхода к изучения этой проблемы – объективный и субъективный.

В результате, учёные при изучении качества и уровня жизни и составления списка требуемых параметров для его измерения ставят акценты на отдельные направления проблемы, игнорируя остальные. Как правило, акценты напрямую зависят от основного научного профиля исследователя. Ученые-экономисты при рассмотрении качества жизни заостряют особое внимание на материальных потребностях, психологи – на потребностях личностного развития, социологи – на общественных потребностях, философы – на духовных потребностях. При этом «экономическая» трактовка преобладает над остальными ввиду того, что материальные потребности более универсальны и легко измеримы, а также потому, что термин «качество жизни» впервые появился именно в экономике – его ввел в 60-х гг. экономист Дж. Гэлбрейт.

На уровне регионов, в XXI веке начали активно принимать важные программные документы и законы, которые ориентированы на повышение уровня жизни граждан [14]. Первыми, кто начал разработку таких документов, программ и законов была Белгородская обл. в 2003 г., за ней Калужская и Брянская области в 2004 году, Кемеровская область в 2005 году и Ханты-

Мансийский автономный округ. Документы содержали в себе оценку уровня жизни граждан за определённый период, определялись основные направления развития и методики оценки результатов деятельности. В Кемеровской и Белгородской областях наибольшую популярность получила методология интегральной субъективной и объективной оценки уровня жизни граждан по ряду основных направлений. За последнее время, документация и законодательные акты, которые ориентируются на повышение уровня жизни граждан, на уровне регионов активно принимаются программы по направлениям:

- программы комплексного развития (2014 г. в Свердловской обл.);
- программы, направленные на улучшения уровня жизни определённых категория граждан (2019 г. Астраханская и Ульяновская области).

Таким образом, повышение уровня качества жизни граждан является итоговой целью множества программ и стратегий экономического и социального развития как на региональном, так и на государственном уровнях. И понимание сущности не только процессов и направлений повышения качества жизни населения, но и сущности самого термина «качество жизни», эволюции философских взглядов и концепций позволяет избежать многих несоответствий, противоречий в толковании и оценке происходящих изменений в обществе, в жизни отдельного человека.

Литература

1. Указ Президента РФ от 13.05.2017 N208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года». – [Электронный ресурс]. – КосультантПлюс. – (Дата обращения 13.07.2023).
2. Айвазян С.А. Анализ качества и образа жизни населения (эконометрический подход)- ЦЭМИ РАН. – М: Наука, 2012.-432 с.
3. Аристотель. Никомахова этика // Аристотель. Сочинения: в 4 т. / Пер. с древнегреч.; общ. ред. А.И. Доватура. – М., 1983. – Т. 4–830 с
4. Баженов С.А., Маликов Н.С. Качество жизни населения: теория и практика (по результатам исследования качества жизни населения г. Белгорода) // Уровень жизни населения регионов России// 2002. – № 10. – С. 1–46.
5. Бентам И. Введение в основание нравственности и законодательства / И. Бентам. – М., 1998. – 415 с. 3.
6. Бердяев Н.А. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности / Н.А. Бердяев. – М., 1990. – 240 с.
7. Васильева О.В. Измерение качества жизни населения: субъективный и объективный подходы//Векторы благополучия: экономика и социум. – 2021. – № 4(43). – С. 65–76.
8. Гельвеций К.А. Сочинения: в 2 т. – М., 1974. – Т. 2. – 687 с. 6.
9. Гишкаева Л.Л. Качество жизни и современная экономика // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2023. – № 1. – С. 26–31; URL: https://vaael.ru/ru/article/view?id=2663 (Дата обращения: 18.07.2023).
10. Глушакова О.В. Эволюция методологии и теории качества жизни в концепциях зарубежных и отечественных школ. -[Электронный ресурс]. – https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-metodologii-i-teorii-kachestva-zhizni-v-kontseptsiyah-zarubezhnyh-i-otechestvennyh-nauchnyh-shkol. – (Дата обращения 13.07.2023).
11. Джеймс У. Воля к вере / У. Джеймс; пер. с англ. С.И. Церетели и др. / сост. Л.В. Блинников, А.П. Поляков. – М., 1997. – 431 с.
12. Захарова Е.Н. Качество жизни и его компоненты / Е.Н. Захарова, А.В. Леонтьева, О.О. Рыковская // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. – 2022. – № 5 (63). – С. 22–28.
13. Ильин И.А. Спасение в качестве / И.А. Ильин // Антология русского качества / сост. Б.В. Бойцов, Ю.В. Крянев и др. – М., 2000. – С. 10–14.
14. Казанцева Е.Г. Проблемы качества жизни населения: региональный аспект//Региональная экономика и управление. – Электронный научный журнал. – Дата публикации 12.07.2022. – [Электронный ресурс]. – https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-kachestva-zhizni-naseleniya-regionalnyy-aspekt/viewer. – (Дата обращения 13.07.2023).
15. Кант И. Антропология с прагматической точки зрения / И. Кант. – М., 2002. – 471 с.
16. Лосский, Н.О. История русской философии. – [Электронный ресурс]. – https://azbyka.ru/otechnik/filosofija/istorija-russkoj-filosofii-n-o-losskij. – (Дата обращения 13.07.2023).
17. Маркович, Дж. Глобальные проблемы и качество жизни / Дж. Маркович // Социологические исследования. – 1998. – № 4.
18. Платон. Сочинения: в 3 т. – М., 1971. – Т. 3. – Ч. I. – 687 с.
19. Римашевская, Н.М. Бедность и маргинализация населения / Н.М. Римашевская // Социологические исследования. – 2004. – № 4.
20. Социализм и народное благосостояние. – М., 1976. – 446 с.
21. Субетто А.И. Управление качеством жизни и выживаемость человечества // Стандарты и качество. – 1994. – № 1.
22. Спекторский, Е. Понятие общества в античном мире. Этюд по семантике обществоведения. – [Электронный ресурс]. – https://www.koob.ru/spektorsky/concept_society_ancient – (Дата обращения 13.07.2023).

THE EVOLUTION OF THE VIEWS OF DOMESTIC AND FOREIGN THINKERS ON THE CONTENT OF THE CATEGORY “QUALITY OF LIFE”

Uretsky A. Yu., Bilashenko N.A.

Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation; Moscow Government University

An effective improvement in the quality of life of the population, an increase in welfare and living standards is one of the most important areas of activity of the state, which is reflected in the declared national strategic priorities, including the National Security Strategy of the country (2021). This document contains a number of provisions confirming the fact that the quality of life of the population is among the priority areas of national security. At the same time, scientists involved in the study of the level of quality of life of citizens emphasize the problem of the lack of a single definition of the essence of the term under study and approaches to its study and definition. The analysis of scientific works allows us to conclude that scientists from different fields of science quite strongly limit the areas of individual and social life that contribute to understanding the level of quality of life due to the natural limitations of their professional activities, which in turn implies a limited understanding of the very essence of the term “quality life.” Improving the quality of life of citizens is a key goal of many programs and strategies for economic and social development, both at the regional and national levels. And understanding the essence of not only the processes and directions of improving the quality of life of the population, but also the essence of the very

term “quality of life”, the evolution of philosophical views and concepts allows us to avoid many inconsistencies, contradictions in the interpretation and assessment of the ongoing changes in society, in the life of an individual.

Keywords: quality of life; philosophical ideas and concepts; domestic thinkers; foreign scientists; evolution of interpretations of the essence of a scientific concept.

References

1. Decree of the President of the Russian Federation of May 13, 2017 N208 “On the Strategy for the Economic Security of the Russian Federation for the period up to 2030”. – [Electronic resource]. – Consultant Plus. – (Accessed 07/13/2023).
2. Ayvazyan S.A. Analysis of the quality and lifestyle of the population (econometric approach) – CEMI RAS. – M: Nauka, 2012. – 432 p.
3. Aristotle. Nicomachean ethics // Aristotle. Works: in 4 volumes / Per. from ancient Greek; total ed. A.I. Dovatura. – M., 1983. – T. 4–830 s
4. Bazhenov S.A., Malikov N.S. Quality of life of the population: theory and practice (according to the results of a study of the quality of life of the population of Belgorod) // Level of life of the population of the regions of Russia// 2002. – No. 10. – P. 1–46.
5. Bentham I. Introduction to the foundation of morality and legislation / I. Bentam. – M., 1998. – 415 p. 3.
6. Berdyaev N.A. The fate of Russia. Experiments on the psychology of war and nationality / N.A. Berdyaev. – M., 1990. – 240 p.
7. Vasilyeva O.V. Measuring the quality of life of the population: subjective and objective approaches//Vectors of well-being: economics and society. – 2021. – No. 4 (43). – P. 65–76.
8. Helvetsy K.A. Works: in 2 volumes – M., 1974. – V.2. – 687 p. 6.
9. Gishkaeva L.L. Quality of life and modern economy // Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law. – 2023. – No. 1. – P. 26–31; URL: https://vaael.ru/ru/article/view?id=2663 (Date of access: 07/18/2023).
10. Glushakova O.V. Evolution of methodology and theory of quality of life in the concepts of foreign and domestic schools. -[Electronic resource]. – https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-metodologii-i-teorii-kachestva-zhizni-v-kontseptsiyah-zarubezhnyh-i-otechestvennyh-nauchnyh-shkol. – (Accessed 07/13/2023).
11. James W. The Will to Faith / W. James; per. from English. S.I. Tsereteli and others / comp. L.V. Blinnikov, A.P. Polyakov. – M., 1997. – 431 p.
12. Zakharova E.N. Quality of life and its components / E.N. Zakharova, A.V. Leontieva, O.O. Rykovskaya // Innovative economy: prospects for development and improvement. – 2022. – No. 5 (63). – P. 22–28.
13. Ilyin I.A. Salvation in quality / I.A. Ilyin // Anthology of Russian quality / comp. B.V. Boytsov, Yu.V. Kryanev and others – M., 2000. – S. 10–14.
14. Kazantseva E.G. Problems of the quality of life of the population: a regional aspect//Regional economy and management. – Electronic scientific journal. – Publication date 07/12/2022. – [Electronic resource]. – https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-kachestva-zhizni-naseleniya-regionalnyy-aspekt/viewer. – (Accessed 07/13/2023).
15. Kant I. Anthropology from a pragmatic point of view / I. Kant. – M., 2002. – 471 p.
16. Lossky, N.O. History of Russian Philosophy. – [Electronic resource]. – https://azbyka.ru/otechnik/filosofija/istorija-russkoj-filosofii-n-o-losskij. – (Accessed 07/13/2023).
17. Markovich, J. Global problems and quality of life / J. Markovich // Sociological research. – 1998. – No. 4.
18. Plato. Works: in 3 volumes. – M., 1971. – T. 3. – Part I. – 687 p.
19. Rimashevskaya, N.M. Poverty and marginalization of the population / N.M. Rimashevskaya // Sociological research. – 2004. – No. 4.
20. Socialism and people’s welfare. – M., 1976. – 446 p.
21. Subetto A.I. Life quality management and human survival // Standards and quality. – 1994. – No. 1.
22. Spektorsky, E. The concept of society in the ancient world. Etude on the semantics of social science. – [Electronic resource]. – https://www.koob.ru/spektorsky/concept_society_ancient – (Accessed 07/13/2023).

Евразийско-общерусский мир: проблемы критики и цивилизационной дезориентации

Циткилов Петр Яковлевич,
д.и.н., профессор кафедры социальных технологий Южного федерального университета
E-mail: petrcitkilov@yandex.ru

В статье дан научный анализ концептуальным версиям цивилизационного развития России. Определено, что многовековая традиция совместного проживания народов Северо-Востока Евразии, общая историческая судьба, комплементарность национальных культур и религий свидетельствуют об их евразийско-общерусской цивилизационной принадлежности. Показана деструктивность цивилизационной дезориентации значительной части народов России и ряда других стран СНГ. Подражательство Западу со стороны их влиятельных властных элит оборачивается ослаблением реального суверенитета и утверждением имитационного характера независимости.

Ключевые слова: концептуальные версии идентичности, евразийско-общерусская цивилизация, критическая аргументация, цивилизационная дезориентация.

Дискуссии по вопросу о путях и смыслах развития России ведутся не первый век. За последние двести лет они были в основном сосредоточены вокруг парадигм западничества и славянофильства в различных их модификациях. В постсоветскую эпоху эта традиция во многом сохранилась, оформившись в определённые концептуальные версии цивилизационного развития. Основные из них следующие: Россия является промежуточным обществом, трансформирующимся в сторону западного мира; наша страна – особая российская цивилизация; мы относимся к восточнославянской православной цивилизации; Российская Федерация – евразийская (евразийско-общерусская) цивилизация и др.

После распада СССР в сознание граждан многих постсоветских республик внедрялось суждение о том, что мы были лишь некой общей территорией, объединённой исключительно идеологически и в связи со стечением случайных обстоятельств. Данный тезис был выдвинут рядом западных авторов, включая известного американского социолога и политолога Сэмюэля Хантингтона (1927–2008) [1, с. 134]. Такая позиция активно продвигалась влиятельными постсоветскими элитами в информационном, образовательном и когнитивном пространствах как истина в последней инстанции. Близким к этому суждению был довод некоторых российских авторов о том, что наша страна находится в промежуточном состоянии между другими цивилизациями, *существуя вне определённого цивилизационного поля*. Так, философ А.С. Ахиезер (1929–2007) в культурном отношении видел в России расколотое общество, двигающееся от традиционности к либеральной цивилизации. По его мнению, мы должны превратиться в страну с массовой либеральной почвой [2, с. 12]. Учёный полагал, что постсоветская Россия утратила свой прежний, традиционный цивилизационный облик и должна в перспективе стать разновидностью либеральной цивилизации западного типа.

О промежуточном культурном облике Российской Федерации, её цивилизационной неоднородности писала историк Л.И. Семенникова. Она полагала, что мы дрейфующее общество, «конгломерат народов» разных цивилизационных типов [3, с. 86–87]. Такие оценки в когнитивном отношении выражали состояние цивилизационного надлома, произошедшего после трагического распада Советского Союза.

Прозападная, либеральная направленность, доминировавшая в помыслах, настроениях представителей тогдашней правящей и интеллектуальной элит, стала активно транслироваться и закрепляться в сознании значительной части наших граждан. Для этого использовались СМИ, киноиндустрия, соросовские учебники и др. средства.

Многие авторы на рубеже XX–XXI вв. относили *Российскую Федерацию к западному цивилизационному миру*, считая процесс «российского дрейфа» в эту цивилизацию в основном завершённым. Некоторые из них писали о такой трансформации с сожалением. Известный публицист, политолог В.Т. Третьяков в нулевые годы отмечал, что Россия находится вместе с Западом, США в одной «цивилизационной лодке». «Нам, – продолжал

он, – придётся жить вместе с ними, действительно входя в одну евроатлантическую цивилизацию» [4]. В этом высказывании важное смысловое значение имело слово «придётся».

Курс на культурно-цивилизационный транзит России в западную цивилизацию, поддержанный и проводимый правящим управленческим слоем нашей страны, не стал доминирующим на уровне широких масс. В первое десятилетие после распада союзной государственности российской властно-олигархической элите и обслуживающей её «интеллигенции» удалось цивилизационно дезориентировать значительную часть сограждан страны.

Но спустя время реальная «демократизация» жизни стала отрезвляюще влиять на массовое сознание. Уже во второе постсоветское десятилетие ко многим гражданам пришло понимание ущербности курса на цивилизационное подражательство Западу. По данным Института комплексных социологических исследований (ныне Институт социологии РАН), почти 60% респондентов полагали, что «Россия должна идти своим путём» [5, с. 34], то есть не нуждается ни в каком дрейфе в иную, включая западную, цивилизации.

Судя по данным опроса Левада-центра, проведённого в 2006 г., 48% респондентов заявляли, что *страна наша движется по неверному пути*. 34% назвали выбранный путь правильным, еще 18% – затруднялись с ответом. Результаты опроса, проведённого той же социологической службой в январе 2019 г., свидетельствовали о примерно таком же проценте россиян (45%), полагавших, что развитие России идёт по неверному пути [6]. Это, наряду с прочим, свидетельствовало о том, что стратегия российской политической элиты по вхождению страны в западную цивилизацию, настойчиво осуществлявшаяся в постсоветское время, не разделялась почти половиной населения при 13%, которые затруднялись дать определённый ответ на данный вопрос.

Ещё более критически оценивала постсоветский вектор развития России молодёжь, включая студенчество. Судя по материалам электронного анкетирования на базе платформы SurveyMonkey студенческой молодежи 35 крупных вузов нашей страны, проведенного в июле – сентябре 2020 г. с выборкой 1130 студентов, почти 60 процентов респондентов (59,9%) полагали, что Российская Федерация движется по неверному пути [7, с. 128].

По данным опроса фонда «Общественное мнение» (ФОМ), проводившегося 10–12 декабря 2021 г. (в нём участвовало 1,5 тыс. респондентов из 104 населенных пунктах 53 российских субъектов), около 62% из числа опрошенных лиц сожалели о том, что в 1991 г. Советский Союз перестал существовать [8]. Этот опрос продемонстрировал, что *лишь каждый пятый российский гражданин (21%)* не выражал чувство сожаления из-за прекращения существования Советского Союза [8].

Вышеназванную тенденцию подтвердили и данные опроса ВЦИОМ 2022 г., который был приурочен к столетию создания СССР. Больше половины россиян из числа респондентов сожалели о распаде СССР (58%), а не сожалели 20% или каждый пятый. Еще 13% полагали, что им это безразлично [9]. Следовательно, в общественном сознании современных россиян сохраняется высокий уровень симпатий к союзной государственности, являвшейся культурно-цивилизационным и территориальным воплощением евразийско-общерусского единства и комплементарности народов Северо-Востока Евразии.

Отвергая западную цивилизационную идентичность России, ряд российских исследователей характеризуют нашу страну в культурном отношении как *восточнославянскую (русскую) православную цивилизацию*. Философ и публицист С.В. Перевезенцев относит российское общества к русской православной цивилизации. При этом он полагает, что идеалы гуманизма не соответствуют её базовым, архетипическим ценностям [10, с. 660]. Более того, по его мнению, гуманизм разрушительно влияет на наш цивилизационный мир. О единой восточнославянской цивилизации неоднократно писали и некоторые иерархи, современные богословы Русской Православной Церкви [11]. Однако такая позиция справедлива лишь отчасти.

Прежде всего, не бесспорным является тезис о противопоставлении православной цивилизационной традиции гуманизму. Как религиозное, так и гуманистическое начала вполне могут уживаться, взаимно дополняя друг друга в интересах социальной устойчивости и благополучия основных слоёв общества, включая людей, разделяющих атеистические взгляды. Что касается восточнославянского характера нашей цивилизации, то она им не исчерпывается. Восточнославянская составляющая или, говоря по-другому, Святая Русь, действительно, является одной из несущих конструкций цивилизационного мира на просторах Северо-Востока Евразии, его стержнем. Но несправедливо только этим компонентом ограничивать нашу культурно-цивилизационную общность. Не следует умолять роль другой важнейшей её составной части – Евразийско-общерусского Турана.

Понятие «российская цивилизация» также узко для единого цивилизационного ареала, охватывающего народы и территории постсоветского пространства. Такое сужение ведёт к отрыву российской части евразийской цивилизации от белорусской, украинской, казахстанской, кыргызстанской, азербайджанской и других её составляющих.

Многовековая традиция совместного проживания народов Северо-Востока Евразии, общая историческая судьба, комплементарность национальных культур и религий позволяют утверждать об их *евразийской или евразийско-общерусской цивилизационной принадлежности*. Слово «общерусский» в названии нашей цивилизации носит не только этнический смысл, включая в себя исторически родственные народы – русских, украинцев, белорусов, но и культурно-духовную содержательную направленность. Этим подчёркивается огромное влияние великой культуры общерусского народа на все этносы Северо-Востока Евразии, а также воздействие духовности Святой Руси на менталитет всего евразийского суперэтноса.

Важный вклад в разработку евразийской мировоззренческой концепции внесли видные учёные русского зарубежья 1920–1930-х гг. – классики этого учения (Н.Н. Алексеев, П.Н. Савицкий, Н.С. Трубецкой и др.). Нужно понимать, что они создавали свои труды около 100 лет назад. Поэтому не всё в их суждениях и оценках следует сегодня воспринимать безусловно. Необходимо творческое прочтение оригинальных мыслей и выводов классиков евразийства. Анализ их воззрений приведён автором данной статьи в одной из публикаций [12, с. 256–267]. Но определённо можно утверждать, что многие базовые установки концепции исторических евразийцев, их прогнозные суждения прошли испытание времени и актуальны сегодня.

В историческом отношении евразийско-общерусская цивилизация, как и другие культурно-цивилизационные общности, представляет собой *устойчивое явление*. Цивилизации намного прочнее государственных образований. Поэтому трудно согласиться с версией некоторых исследователей, включая специалиста по проблеме цивилизационного развития А.Н. Малинкина, о формировании в нашей стране «новой российской идентичности» [13, с. 81]. Цивилизационная идентичность это,

образно говоря, не верхняя одежда, которая меняется в связи со сменой сезона. Она быстро не разрушается ни под влиянием смены общественных систем, ни под воздействием государственно-территориальных изменений. Поэтому в научном отношении некорректно полагать, что прежняя наша цивилизационная идентичность с конца XX в. перестала существовать, а теперь складывается некая новая. Культурный облик народа, его цивилизационная идентичность формируются веками. Они настолько устойчивы, что потребуется эпоха, чтобы их разрушить, а народы, лишённые цивилизационного облика, ассимилировать в иные культурные общности. Именно это в геополитических интересах Запада активно делалось в последние десятилетия в Украине. Подобные попытки, направленные на вестернизацию мировоззрения людей, осуществлялись в Российской Федерации и в ряде других стран СНГ.

Как верно писала исследовательница А.В. Костина, несмотря на «большие общественные изменения и потрясения», аксиологическое ядро любой культуры и цивилизации остаётся в основе своём стабильным, слабо изменяющимся [14, с. 141]. Даже трагическая ситуация военного противостояния России с объединённым Западом на территории Украины, вступившая в активную фазу с февраля 2022 г. и приведшая к большим потерям среди русских и украинцев, не в силах разрушить наше культурно-цивилизационное единство. Со временем душевные раны потерь и взаимные обиды будут преодолены. Ведь у русских и украинцев один исторический корень, общая многовековая судьба и единая для их большинства православная духовность.

Возвращаясь к позиции Малинкина, следует заметить, что малоубедительной является его попытка представить евразийскую цивилизационную концепцию как исключительно имперскую, консервативную [13, с. 84]. В реальности она вовсе не исходит из целевой установки на реставрацию имперской формы правления. Да и сама евразийская держава была результатом не колониально-имперского, а естественного процесса, осуществлявшегося преимущественно добровольно, путём объединения близких по духу этносов вокруг триединого общерусского народа (русских, украинцев и белорусов). Почему вокруг него? Да потому, что исторически ему свойственна особая этническая терпимость, способность относиться к другим народам как к самому себе. Конечно же, это не относится к некоторым представителям нашего народа, отказавшимся от исторических корней, от своего общерусского Отечества и мировоззренчески ассимилировавшимся в иной цивилизационный мир.

Традиционализм по-евразийски означает сбережение, упрочение и развитие общих духовных, культурных, социально-экономических основ и территориального ареала постсоветских народов. И это не чьи-либо умозрительные пожелания или «консервативные устремления», а наиболее естественный, рациональный способ сохранения цивилизационной идентичности и *обеспечения реального суверенитета государств,* расположенных на Северо-Востоке Евразии.

Критически оценивает евразийскую концепцию цивилизационной идентичности России и философ Г.Д. Чесноков. Он усматривает в ней лишь «очевидную антизападную риторику» [15, с. 110]. Однако такая риторика просматривается в работах не всех классиков евразийства и вовсе не является их главным идейным посылом. Применялась она исключительно как средство разоблачения инсинуаций западных авторов против исторической России, стремившихся занизить и исказить роль нашей страны в мировой и европейской истории. Главными же идеями евразийцев являлись: суждение об общности исторических судеб, единстве духовных и культурных основ народов Северо-Востока Евразии; мысль о необходимости сочетания сильной и эффективной центральной власти, нацеленной на служение социальной правде, с широким народным представительством; довод об особой роли религиозно-духовного фактора в обеспечении устойчивости евразийской государственности и др.

Что касается критики профессором Чесноковым суждений классика евразийцев Н.С. Трубецкого об участии России в Первой мировой войне [15, с. 112–113], то в ней просматривается упрощённое восприятие воззрений видного русского мыслителя. В действительности Трубецкой не осуждал участие России в этой войне, а выступал против такого целеполагания этого участия, как территориальные приращения, контроль над проливами и др. Вступление России в мировую войну он считал вынужденным, так как мы не вправе были предать беззащитный сербский народ, подвергшийся нападению со стороны могущественной Австрии. А вот намерения влиятельной части правящей российской элиты были во многом отличны от позиции Трубецкого. Она хищнически стремилась к контролю над проливами, к новым рынкам.

Следует отреагировать на суждение Чеснокова и о том, что евразийство якобы является «ненаучной социальной теорий», идейно противостоящей научному социализму. Эту позицию он аргументирует доводом о недопустимости «наделять одну отдельно взятую страну и её народ способностью выполнять на планете некую всемирно-историческую миссию» [15, с. 116]. Следует напомнить уважаемому учёному, что классические евразийцы не акцентировали внимание на выполнении нашей страной и народом некой несоразмерной всемирной миссии. Они говорили о другом, об особой роли общерусского (великорусского, малорусского и белорусского) народа, одухотворённого православной верой, совместно с другими народами Северо-Востока Евразии выстраивать самодостаточный цивилизационный мир. И это были не только слова, а реальность, существовавшая столетия. Евразийско-общерусская цивилизационная общность на культурном, межличностном, а частично и социально-экономическом уровнях продолжает существовать и сегодня, несмотря на трагический её надлом в конце прошлого века.

Определённое научное обоснование имеет и суждение исторических евразийцев о нашей вселенской миссии приходить на защиту меньших по численности народов и относительно слабых государств в их противостоянии с более сильными и несправедливыми странами. Примером здесь могут служить следующие факты: помощь древнерусских князей половцам в противостоянии с монголами; поддержка Малороссии в противостоянии с поляками в XVII веке; поддержка славянских народов на Балканах в их освободительной борьбе против турецкого владычества; защита Сербии от Австрийской империи в годы Первой мировой войны; защита Монголии от японского агрессора в 1939 г.; помощь Северной Корее, Вьетнаму в послевоенный период советской истории и др. Важно отметить, что такая наша способность во многом определялась духовной силой и мощью евразийской государственности. Как писал российский философ рубежа XX–XXI вв. А.С. Панарин, у России есть одно загадочное свойство: сплачивать слабых против сильных. «Русское призвание в мире – отмечал он, – унизить сильного за его наглость» [16].

Нельзя согласиться с выводом Г.Д. Чеснокова и о том, что «главными идейными противниками евра-

зийцев были безусловно не западники, а сторонники научного социализма» [15, с. 103]. На самом деле классические евразийцы не искали для себя главных и второстепенных идейных противников. Они сформулировали целостное видение прошлого, настоящего, а также возможного будущего своей страны и аргументированно отстаивали его. Запад, действительно, критиковали, но в основном заслуженно, за надменность, высокомерие и необъективность оценок в отношении исторической России со стороны значительной части его политических и интеллектуальных элит. Критиковали они и советской власть за политику атеизма, за увлечённость интернационалистским концептом в ущерб учёта национальной специфичности. Но при этом они видели огромные успехи советских людей в их созидательной деятельности, поддерживали устремлённость советской власти к созданию общества социальной справедливости. А созидательность и социальная справедливость являются важнейшими ценностными компонентами научного социализма, которые как раз поддерживали евразийцы. «Русский народ, – писал один из классиков евразийства Н.Н. Алексеев, – примет правду коммунизма и откинет его кривду. Он по-прежнему будет бороться с эксплуатацией и рабством во имя человеческой свободы…» [17, с. 315–316]. Особую актуальность эти слова приобретают в наши дни.

В условиях широкого разброса мнений о цивилизационной идентичности Российской Федерации трудно рассчитывать на то, что в современных условиях можно легко сформулировать *главное целеполагание* дальнейшего развития нашей страны и быстро выработать соответствующий ему *мировоззренческий конструкт* (государственной идеологии). Очевидно лишь то, что данный конструкт должен побуждать людей на созидание, социальную справедливость и укрепление духовно-нравственных основ бытия, включая сохранение естества института семьи. Поэтому вопрос о цивилизационной идентичности далеко не праздный.

Не случайно там, где правящая элита по разным причинам стремится встроить свою страну в «цивилизованное сообщество» Запада, ей приходится зачастую цивилизационно дезориентировать широкие слои народа. Ведь так легче управлять, выстраивая, например, образ врага в лице различных исторических персонажей, конфессий, этнических групп и целых государств. Сегодня это воочию можно наблюдать в Украине.

Осознание евразийско-общерусской идентичности и принятие её функционального и ценностного своеобразия *сдерживается цивилизационной дезориентацией* части народов Северо-Востока Евразии, утратой ими значимых жизненных смыслов. Как верно писал ещё в начале нулевых годов XXI в. российский философ А.С. Панарин, волю и решимость народа, этноса подрывает «утрата им смысла жизни – или смысла пребывания в потоке истории» [18, с. 199]. Без его обретения нашим народам не достичь необходимой силы духа *для преодоления цивилизационного надлома и возрождения великой государственности* как устойчивой основы для созидания и гармоничного развития всех этносов и каждого члена общества.

Для преодоления *цивилизационной дезориентации* немалой части населения Российской Федерации и ряда постсоветских республик, *необходимо отрешиться от стереотипов идеализации западного мира*. Не следует забывать, что стремление поживиться за счёт России-Евразии исторически было свойственно многим западным державам. Ещё в 1920-м году выдающийся мыслитель, учёный-естествоиспытатель, первый президент Украинской академии наук В.И. Вернадский предупреждал, что роль других держав в русской политике – «всегда роль крупных и мелких хищников» [19, с. 209]. Сегодня украинский народ используется Западом в виде средства, ударной силы и «расходного материала» в жёстком противостоянии с Россией.

Европеизированная, либеральная часть российской элиты в разные эпохи занимала позицию подражания по отношению к Западу, стремясь перенимать его идеи и модели общественного развития, зачастую не задумываясь о том, а насколько приемлемы они для страны и большинства народа. Ещё в первой половине XIX в. отечественный мыслитель, талантливый учёный Ярослав Линовский призывал российскую интеллигенцию отказаться от мании самобичевания и всяческого восхищения Западом. Он был убеждён, что в важнейших сферах жизнедеятельности и, прежде всего, в народном хозяйстве прочного успеха нельзя достичь путём «подражания иностранным системам и методам». «Нет, – продолжал он, – оно должно, напротив, развиваться из своих внутренних сил. В жизни и в занятиях каждого народа… есть непременно и хорошая, разумная сторона. Уметь подметить её, потом развивать, укреплять её, вот благороднейшая цель для занятий каждого просвещённого гражданина, вот, что может служить вернейшей опорою для величия и могущества каждого государства» [20]. Эти слова звучат актуально и сегодня.

Когда элитарные слои общества ведут свой народ в «западные объятия», то это на деле оборачивается презрительным отношением к ним и стране в целом со стороны зарубежных «партнёров», ищущих в основном лишь выгоду. Поэтому не удивительно, что западные «доброжелательные элиты» нередко относятся к властям постсоветских государств высокомерно, как к «ученикам», которые проштрафились и не хотят безукоризненно выполнять указания «учителей». Но знают ли «западные учителя» историю и мировосприятие нашего народа, понимают ли они нас? Как верно писал философ И.А. Ильин, не нужно строить иллюзии, что Запад сумеет понять своеобразие нашей страны, «постигнуть её душу, её дух, её веру, её природные трудности, внутренние (душевно-духовные!) недочёты…» [21, с. 220]. По мнению философа, для нашего Отечества «действительно необходимо совсем особое, иное».

Политика подражательства Западу проявляется не только в угодничестве и заискивании перед ним со стороны части интеллектуальной и политической элит. Она может выражаться и в *виде отнесения некоторых цивилизационно-образующих этносов нашей культурной общности, включая русских и украинцев, в лоно западной (европейской) цивилизации.* Однако платой за вхождение в инородную цивилизацию непременно станет утрата культурной идентичности и унизительная ассимиляция (в различных формах, от более мягких до жестких). Причем, как правило, такой процесс сопровождается социальной дестабилизацией, всплесками братоубийственной войны и другими конфликтами. Именно это сегодня мы наблюдаем в Украине.

Преодоление цивилизационной дезориентации значительной части граждан современного российского общества и постсоветских государств соответствует не только их долгосрочным интересам. Оно необходимо и для восстановления баланса сил на планете, подорванного трагическим распадом великой советской державы. Этот баланс был надёжной гарантией предотвращения новой мировой войны.

Евразийская культурно-цивилизационная традиция впитала в себя опыт многовековой истории, включая героическое прошлое дореволюционной России и созидательные свершения советской эпохи. Конечно, в про-

шлом были и беды, тяжёлые испытания, серьёзные ошибки, но такова диалектика жизни, которая соткана из противоречий. Главное же в том, что мы, в конечном итоги, всегда преодолевали испытания судьбы и тяжёлые лихолетья, не отрекаясь от *своей исторической миссии служения добру и справедливости*.

В современном мире обеспечение подлинного суверенитета России и других стран СНГ невозможно без осознания и возрождения нашими народами, их элитами общей цивилизационной идентичности. Она уникальна по своей сути. Её евразийское содержание вовсе не означает механическое соединение, с одной стороны, западных, европейских, а, с другой стороны, восточных, азиатских традиций. Это особый ментальный мир, представляющий собой цивилизационный синтез восточнославянской или общерусской и туранско-тюркской культурных традиций. Такой синтез стал результатом многовекового взаимовлияния наших народов, их общей исторической судьбы.

Торможение евразийского интеграционного процесса, сохранение состояния надлома нашей культурно-цивилизационной общности ведут к усугублению проблем для большинства населения постсоветского пространства. Опыт последних трех десятилетий показывает *невозможность обеспечения подлинного суверенитета* государств Северо-Востока Евразии *без установления тесных интеграционных связей* на территории данного цивилизационного ареала. Разрыв таких связей оборачивается выстраиванием лишь формально-имитационной независимости, ведущей на деле к жёсткой зависимости от крупных держав – либеральных хищников. Относительно евразийско-общерусского интеграционного процесса особую геополитическую опасность представляют США, Великобритания и некоторые другие страны, объединённые в известном военно-политическом союзе.

Привлекательным образом будущего для большинства постсоветских стран могло бы стать социально справедливое, созидающее государство, создающее необходимые условия *для гармоничного развитие всех своих граждан и каждого в отдельности*. Сегодня всё более вызревает общественная потребность в системных изменениях, в социалистической трансформации общественного устройства. Тем более, что в мире многие экономисты и политики открыто признают обречённость современной модели капитализма.

Переход к социалистическому вектору развития России и ряда стран СНГ целесообразно осуществлять с учётом современных мировых реалий и позитивного опыта советской социальной организации. *Новая модель евразийско-общерусского социализма* не должна быть обременена советским атеистическим доминированием и абсолютизацией материализма, а также огосударствлением всей экономики. Обеспечение хозяйственной многоукладности позволит сформировать не только мощный государственный сектор общественной собственности на средства производства, но и широко развить сеть кооперативных предприятий в городах, сельской местности, а также сохранить и развивать мелкий частный бизнес преимущественно в сфере услуг.

В заключении хотелось бы обратиться к пророческим словам русского философа второй половины XIX в. К.Н. Леонтьева. Уже в то время он предостерегал о возможной угрозе отказа со стороны нашего народа от духовной, умственной и бытовой самобытности, об утрате им цивилизационной притягательности. Как писал учёный, в результате народ может покориться «торжеству одной всемирной цивилизации» [22, с. 436]. В современных условиях нарастания глобализации на такую роль претендует западная цивилизация, стремящаяся подчинить и ассимилировать народы и целые страны других цивилизационных миров.

Лишь поверив в себя, осознав свою самобытность, а не целесообразность мифического единения с Западом, общерусский народ (русские, украинцы и белорусы) совместно с другими народами евразийского суперэтноса вновь смогут приобрести необходимый пассионарный импульс для преодоления цивилизационного надлома и запуска подлинных интеграционных процессов на постсоветском пространстве. Такое его самосознание неизбежно породит плеяду ярких лидеров, способных выразить в конкретных деяниях волю, надежды и устремления большинства народа Северо-Востока Евразии. Локомотивом интеграционного, созидательного процесса на постсоветском пространстве должна стать Российская Федерация. Но для этого в ней необходимы системные изменения. Нужна смена управленческих кадров в различных эшелонах власти. Вместо современных «эффективных менеджеров» к руководству должны прийти профессионалы своего дела, преданные Отечеству. Сегодня страна нуждается в людях, способных в кратчайшие сроки осуществить мобилизацию всего общества, включая экономику, для того, чтобы России выстояла в нынешней гибридной войне с Западом на территории Украины. Без решения этой проблемы не может быть подлинного возрождения нашей страны и преодоления евразийско-общерусского цивилизационного надлома.

За последние три десятилетия западные ценности индивидуализма были привиты значительной части россиян, особенно молодёжи. В результате сформировалось большое число потребителей, для которых личные интересы и комфорт превыше всего. Поэтому многие из них считают, что они ничем не обязаны своей стране, своему Отечеству, а, напротив, оно должно им. На основе такого сомнительного целеполагания *формировалась управленческая система страны*.

В нынешней ситуации, вероятно, следовало бы *создавать Государственной Комитет Обороны* с примерно такими же функциями, как в период Великой Отечественный войны, а Президенту РФ, возглавить его, взяв ответственность за судьбу страны на себя. Под ГКО должна быть выстроена новая вертикаль оперативного управления государством в военных условиях. Целесообразно формировать её из новых кадров, преимущественно из тех, кто непосредственно участвовал или участвует в боевых действиях, кто мобилизовался по причине ранения, из близких родных людей, погибших наших воинов, из профессионалов-производственников, доказавших на деле свою состоятельность, а также из идейных сторонников социальной справедливости.

Таким образом, правомерно сделать некоторые выводы. Основными из них являются:

во-первых, многовековая традиция совместного проживания народов Северо-Востока Евразии, общая историческая судьба, комплементарность национальных культур и религий свидетельствуют о *евразийско-общерусской цивилизационной принадлежности России*;

во-вторых, евразийско-общерусская цивилизация, несмотря на трагический надлом в результате распада великой союзной государственности, сохраняет устойчивым своё аксиологическое ядро как основу для возрождения;

в-третьих, критические суждения ряда авторов относительно евразийско-общерусской цивилизационной идентичности России не обладают достаточной убедительностью;

в-четвёртых, осознание евразийско-общерусской идентичности и принятие её функционального и ценностного своеобразия *сдерживается цивилизационной дезориентацией* части народов Северо-Востока Евразии, включая граждан современной России и Украины;

в-пятых, для преодоления цивилизационной дезориентации нам *необходимо отрешиться от стереотипов идеализации западного мира* и стремления подражать ему;

в-шестых, преодоление надлома евразийско-общерусской цивилизации и цивилизационной дезориентации значительных слоёв нашего народа не только соответствует его долгосрочным интересам, но и *необходимо для восстановления баланса сил на планете как фактора прочного мира*;

в-седьмых, привлекательным образом будущего для большинства постсоветских стран, включая Украину и Россию, могло бы стать социально справедливое, созидающее государство – *новая модель евразийско-общерусского социализма*.

Сегодняшние военные действия в Украине являются по сути дела гражданской войной на территории нашего исторического Отечества. Они во многом стали следствием евразийско-общерусского цивилизационного надлома и процессов цивилизационной дезориентации значительных слоёв постсоветских народов. Преодоление этого надлома и дезориентации – объективная потребность для сохранения нас как уникальной цивилизации и восстановления баланса сил на планете для сохранения жизней миллионов людей.

Литература

1. Хантингтон Сэмюэль Ф. Столкновение цивилизаций и что оно может означать для России // Общественные науки и современность. 1995. № 3. 133–136 с.
2. Ахиезер А.С. Российский либерализм перед лицом кризиса // Общественные науки. 1993. № 1. 12–21 с.
3. Семенникова Л.И. Россия в мировом сообществе цивилизаций. Изд. 4-е. – Брянск: «Курсив», 2000. – 539 с.
4. Третьяков В. Как нам теперь относиться к Америке // Российская газета. 2003. 27 марта.
5. Перестройка глазами россиян: двадцать лет спустя. Материалы общероссийского исследования, январь-февраль 2005 г. // Социс. 2005. № 9. 23–36 с.
6. Трунина Анна. Более 40% россиян сочли неверным путь развития страны, 31 января 2019 год. – URL: https://www.rbc.ru/society/31/01/2019/5c5317049a7947626ffa8eea (дата обращения: 26.12.2020).
7. Пушкарева Г.В., Кузнецов И.И., Батоврина Е.В.. Особенности включения российского студенчества в общественные солидарные связи // Социс. 2021. № 10. 125–131 с.
8. Почти две трети россиян пожалели о распаде Советского Союза. «Интерфакс»: около 62% россиян выразили сожаление из-за распада СССР в 1991 году, 22 декабря 2021 г. – URL: https://lenta.ru/news/2021/12/22/raspadd/?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 14.01.2022).
9. 100 лет СССР: забыть нельзя вернуться? ВЦИОМ представляет результаты опроса россиян, приуроченного к столетию создания СССР и проведенного в рамках спецпроекта с RT, 30 декабря 2022 г. – URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/100-let-sssr-zabyt-nelzja-vernutsja?ysclid=ler5l44kuc16024430 (дата обращения: 02.03.2023).
10. Перевезенцев С.В. Россия. Великая судьба. – М.: Белый город, 2006. – 703 с.
11. Слово пастыря. Патриарх Кирилл ответил на вопросы журналистов, которые десять дней сопровождали его в поездке по Украине // Российская газета. 2009. 7 августа.
12. Циткилов П.Я. Классические евразийцы о цивилизационной идентичности России // Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология. 2021. Т. 37. Вып. 2. 256–267 с.
13. Малинкин А.Н. «Новая российская идентичность»: исследование по социологии знания // Социологический журнал. 2001. № 4. 66–86 с. – URL: http://jour.isras.ru/upload/journals/1/articles/711/submission/original/711–1283–1-SM.pdf (дата обращения: 27.08.2020).
14. Костина А.В. Цивилизационная идентичность России: вызовы и ответы // Знание. Понимание. Умение. 2016. № 2. С. 138–152. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsivilizatsionnaya-identichnost-rossii-vyzovy-i-otvety/viewer (дата обращения: 06.01.2020).
15. Чесноков Г.Д. Концепция евразийства: теоретический анализ // Социально-гуманитарные знания. 2019. № 4. С. 103–116.
16. Панарин А.С. Слабые против сильных. Последнее интервью известного российского философа // Трибуна. 2005. 3 марта.
17. Алексеев Н.Н. На путях к будущей России (советский строй и его политические возможности). В кн.: Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. – М.: Аграф, 1998. – 640 с.
18. Панарин А.С. Реванш истории. Российская стратегическая инициатива в XXI веке. – М.: Русский Миръ, 2005. – 298 с.
19. Вернадский В.И. Открытия и судьбы. – М.: Современник, 1993. – 688 с.
20. Линовский Я.А. Беседы о сельском хозяйстве, составляющие курс этой науки, публично преподаваемый в Императорском Московском университете в 1844/45 академическом году Ярославом Линовским. В 2-х томах. Т. 2. М.: Унив. тип., 1845. 242 с. С. IV. – URL: http://gpntb.dlibrary.org/ru/nodes/6390-linovskiy-ya-besedy-o-selskom-hozyaystve-sostavlyayuschaya-kurs-etoy-nauki-publichno-prepodavaemyy-v-imperatorskom-moskovskom-universitete-v-1844–1845-akademicheskom-godu-yaroslavom-linovskim-zemledelie-ch-1–2-m-1845#mode/inspect/page/3/zoom/4 (дата обращения: 08.09.2020).
21. Ильин И.А. Кризис западной государственности. В кн.: Ильин И.А. Национальная Россия. Наши задачи / Иван Ильин. – М.: Алгоритм, 2017. – 464 с.
22. Леонтьев К.Н. Культурный идеал и племенная политика. Письма г-ну Астафьеву. В кн.: Леонтьев К.Н. Грядущие судьбы России. – М.: Изд.-во «Э», 2017. – 640 с.

THE EURASIAN-ALL-RUSSIAN WORLD: PROBLEMS OF CRITICISM AND CIVILIZATIONAL DISORIENTATION

Tsitkilov P. Ya.
Southern Federal University

The article provides a scientific analysis of the conceptual versions of the civilizational development of Russia. It has been determined that the centuries-old tradition of cohabitation of the peoples of the North-East of Eurasia, common historical destiny, complementarity of national cultures and religions testify to their Eurasian-all-Russian civilizational affiliation. The destructiveness of the civilizational disorientation of a significant part of the peoples of Russia and a number of other CIS countries is shown. Imitation of the West on the part of

their influential power elites turns into a weakening of real sovereignty and the assertion of the imitation nature of independence.

Keywords: conceptual versions of identity, Eurasian-all-Russian civilization, critical argumentation, civilizational disorientation.

References

1. Huntington Samuel F. The Clash of Civilizations and What It Might Mean for Russia // Social Sciences and Modernity. 1995. No. 3. 133–136 pp.
2. Akhiezer A.S. Russian liberalism in the face of the crisis // Social sciences. 1993. No. 1. 12–21 pp.
3. Semennikova L.I. Russia in the world community of civilizations. Ed. 4th. – Bryansk: "Kursiv", 2000. – 539 p.
4. Tretyakov V. How do we treat America now // Rossiyskaya Gazeta. 2003. March 27.
5. Perestroika through the eyes of Russians: twenty years later. Materials of the all-Russian research, January-February 2005 // Sotsis. 2005. No. 9. pp. 23–36.
6. Trunina Anna. More than 40% of Russians considered the country's development path to be wrong, January 31, 2019. – URL: https://www.rbc.ru/society/31/01/2019/5c5317049a7947626ffa8eea (accessed: 12/26/2020).
7. Pushkareva G.V., Kuznetsov I.I., Batovrina E.V. Features of the inclusion of Russian students in public solidarity relations // Sotsis. 2021. No. 10. 125–131 pp.
8. Almost two-thirds of Russians regretted the collapse of the Soviet Union. Interfax: about 62% of Russians expressed regret over the collapse of the USSR in 1991, December 22, 2021 – URL: https://lenta.ru/news/2021/12/22/raspadd/?utm_source=yxnews&utm_medium= desktop (accessed: 01/14/2022).
9. 100 years of the USSR: you can not forget to return? VTsIOM presents the results of a survey of Russians dedicated to the centenary of the creation of the USSR and conducted as part of a special project with RT, December 30, 2022 – URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/100-let-sssr-zabyt -nelzja-vernutsja?ysclid=ler5l44kuc16024430 (accessed: 03/02/2023).
10. Perevezentsev S.V. Russia. Great destiny. – M.: Bely Gorod, 2006. – 703 p.
11. The word of the shepherd. Patriarch Kirill answered questions from journalists who accompanied him on a trip to Ukraine for ten days // Rossiyskaya Gazeta. 2009. 7 August.
12. Tsitkilov P. Ya. Classical Eurasians about the civilizational identity of Russia // Bulletin of St. Petersburg State University. Philosophy and conflictology. 2021. V. 37. Issue. 2. pp. 256–267.
13. Malinkin A.N. "New Russian Identity": A Study in the Sociology of Knowledge // Sociological Journal. 2001. No. 4. 66–86 pp. – URL: http://jour.isras.ru/upload/journals/1/articles/711/submission/original/711–1283–1-SM.pdf (accessed: 08/27/2020).
14. Kostina A.V. Civilizational Identity of Russia: Challenges and Responses // Knowledge. Understanding. Skill. 2016. No. 2. P. 138–152. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsivilizatsionnaya-identichnost-rossii-vyzovy-i-answer/viewer (accessed: 01/06/2020).
15. Chesnokov G.D. The concept of Eurasianism: theoretical analysis // Social and humanitarian knowledge. 2019. No. 4. P. 103–116.
16. Panarin A.S. Weak versus strong. The last interview of the famous Russian philosopher // Tribuna. 2005. March 3.
17. Alekseev N.N. On the way to the future Russia (the Soviet system and its political possibilities). In the book: Alekseev N.N. Russian people and state. – M.: Agraf, 1998. – 640 p.
18. Panarin A.S. Revenge of history. Russian strategic initiative in the XXI century. – M.: Russkiy Mir, 2005. – 298 p.
19. Vernadsky V.I. Discoveries and destiny. – M.: Sovremennik, 1993. – 688 p.
20. Linovsky Ya.A. Talks about agriculture, which constitute the course of this science, publicly taught at the Imperial Moscow University in the 1844/45 academic year by Yaroslav Linovsky. In 2 volumes. T. 2. M.: Univ. type., 1845. 242 p. C. IV. – URL: http://gpntb.dlibrary.org/ru/nodes/6390-linovskiy-ya-besedy-o-selskom-hozyaystve-sostavlyayuschaya-kurs-etoy-nauki-publichno-prepodavaemyy-v-imperatorskom-moskovskom-universitete -v-1844–1845-akademicheskom-godu-yaroslavom-linovskim-zemledelie-ch-1–2-m-1845#mode/inspect/page/3/zoom/4 (accessed: 08.09.2020).
21. Ilyin I.A. The crisis of Western statehood. In the book: Ilyin I.A. National Russia. Our tasks / Ivan Ilyin. – M.: Algorithm, 2017. – 464 p.
22. Leontiev K.N. Cultural ideal and tribal politics. Letters to Mr. Astafiev. In the book: Leontiev K.N. Future destinies of Russia. – M.: Publishing house "E", 2017. – 640 p.

Ключевые принципы объективации мыслительных процессов и формы организации учебной деятельности в условиях цифровизации

Боровинская Дарья Николаевна,
д.ф.н., доцент, доцент кафедры социально-гуманитарного образования, Сургутский государственный педагогический университет
E-mail: sweetharddk@mail.ru

Мавлонова Бибишой Ахмадовна,
магистрант, Сургутский государственный педагогический университет, МБОУ лицей имени генерал-майора Хисматулина В.И.
E-mail: Mavlonova1810@mail.ru

Актуальным остаётся вопрос о качестве реализации образовательных программ с применением электронного обучения и дистанционных образовательных технологий, который невозможно решить без грамотной реализации философско-методологических оснований объективации мышления.
Основу исследования составляют две группы знаний. Во-первых, область научного знания, способствующая выработке универсальных принципов и закономерностей объективации мыслительных процессов младших школьников, в том числе и в условиях применения дистанционных образовательных технологий. К их числу относятся принцип построения всеобщей, единой формы какого-либо многообразия частных явлений; принцип восхождения от абстрактного к конкретному; принцип взаимосвязи предметных действий и действий, опирающихся на использование символико-знаковых средств.
Во-вторых, знания, дающие более полное и объективное представление об эффективных формах организации деятельности педагогов в реализации образовательных программ с применением дистанционных образовательных технологий.
В комплексе, выделенные принципы и формы позволят в дальнейшем сформировать научно обоснованную модель организации учебной деятельности в начальной школе с применением дистанционных образовательных технологий для повышения качества образовательного процесса.

Ключевые слова: электронное обучение, дистанционное обучение, дистанционное образование, начальная школа, информационные технологии, качество образования, принципы обучения.

Введение

В условиях цифровой трансформации обостряется потребность в научной обоснованности нововведений для системы образования. Наиболее значимы фундаментальные аспекты этой потребности: речь идёт о функциях образования. Что важно и для управленческой практики, – например, формирования законодательной и нормативно-методической базы; для педагогической практики в области развития мышления обучающихся, где особая роль отводится умению учителя выстраивать программу преподавания любого школьного предмета так, чтобы «процесс преподавания-усвоения не просто загружал память, но одновременно воспитывал бы ум, способность мыслить» [7].

В свою очередь, по-прежнему актуальным остаётся вопрос о качестве реализации образовательных программ с применением электронного обучения и дистанционных образовательных технологий (ДОТ), которые, согласно закону «Об образовании в Российской Федерации», являют собой «технологии, реализуемые в основном с применением информационно-телекоммуникационных сетей при опосредованном (на расстоянии) взаимодействии обучающихся и педагогических работников»[1], а именно – возможность предоставлять образовательные услуги на расстоянии, то есть без непосредственного посещения обучающимися образовательного учреждения. И в этом смысле обозначенные технологии содержание учебной деятельности не определяют, а выступают её средством.

Использование таких технологий – данность современного общества, и вопрос будут они использоваться или не будут, не стоит. И изменения, произошедшие за последние два года, скорее ориентируют на то, что мир не будет прежним, и наша задача – адаптироваться с учётом негатива и верно определить оптимальные пути дальнейшего развития.

В условиях карантина, неблагоприятных погодных условий, в случаях нарушения здоровья у обучающихся и многих других жизненных обстоятельствах цифровые технологии позволяют непрерывно осуществлять передачу знания от учителя к ребёнку.

В качестве же «сдерживающих факторов и барьеров в обеспечении качества дистанционного образования современными специалистами выделяются мотивационные установки и дидактическая неготовность преподавателей осуществлять педагогическое взаимодействие с обучающимися в электронной образовательной среде…» [10, с. 31–39].

Проблематика данного исследования предопределена тем, что сегодня недостаточно обоснована научно-

[1] Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ: (последняя редакция) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 18.01.2023).

методологическая составляющая предлагаемых исследований в отношении организации учебной деятельности именно в условиях применения ДОТ в начальной школе. И если фундаментальные вопросы организации учебной деятельности в начальной школе подробно и аргументированно раскрываются на междисциплинарном уровне через выявление и апробацию философско-методологических и психолого-педагогических оснований [4, 7, 8, 9, 13, 14], то в контексте цифровой трансформации образования, применения ДОТ в плане научной проработанности наблюдается ряд сложностей[1] [1, 12, 15]. Более того и при глубоком изучении целей, задач обучения зарубежными исследователями также не всегда учитываются возможности ДОТ [16, 17, 18].

Современные наработки в области организации учебной деятельности с применением ДОТ не в полной мере ориентируют на упорядочивание и оптимизацию процессов, связанных с определением ключевых принципов и актуальных форм учебной деятельности, и, как следствие, не могут соответствовать ориентирам развития современного образования. Этим и обусловлен основной тезис данного исследования, вынесенный в заголовок, который позволит сформировать научно обоснованную модель организации учебной деятельности с применением ДОТ для повышения качества реализации основных и дополнительных образовательных программ.

Углубляясь в исследования, прежде всего обозначим две группы реализации поставленной задачи. Это область научного знания, способствующая выработке универсальных принципов и закономерностей объективации мыслительных процессов младших школьников, в том числе и в условиях применения ДОТ. И знания, связанные с организацией деятельности педагогов в реализации образовательных программ с применением дистанционных образовательных технологий, что определяется законодательной, нормативно-методической базой.

Принципы объективации мыслительных процессов младших школьников

В рамках первой группы отметим некоторые результаты исследований в области научного знания, напрямую связанные с осуществлением универсальных мыслительных операций младших школьников.

Во-первых, это теоретическое отношение к действительности. Как правило, оно реализуется через формирование у младших школьников содержательной абстракции, обобщения, фиксируемых понятиями чаще всего безотносительно к предметной области. В этом случае, даже если школьник не получает новое содержание знания – ибо он оперирует готовыми и доказанными ранее знаниями, он получает новое знание в отношении форм мыслительных операций. Что также позволяет развивать концептуальное мышление.

«Содержательные мыслительные действия – основные психологические новообразования младшего школьного возраста, благодаря которым мышление и другие познавательные процессы детей (восприятие, память, воображение), а также их сознание и личность приобретают своеобразный характер. Вместе с тем динамика развития младших школьников зависит от организации их учения» [4, с. 208].

Исходя из этого, одним из принципов организации учебной деятельности у младших школьников с применением ДОТ в процессе развития теоретического мышления являются построение всеобщей, единой формы какого-либо многообразия частных явлений и принцип восхождения от абстрактного к конкретному.

А примером реализации данных принципов могут послужить исследования отечественных учёных в области развития мышления младших школьников в процессе экспериментального обучения. Так, по мнению А.З. Зака, процесс становления у младших школьников теоретического способа решения задач осуществляется тогда, когда несколько задач одного класса, различающихся внешними особенностями, ребёнок сразу решает правильно, обнаруживая общий принцип движения мысли в их содержании. Для этого психолог предлагает активное использование наглядно-действенных, наглядно-образных и словесно-дискурсивных форм [5, 6].

Особую роль в обучении детей младшего школьного возраста играют наглядные средства, которые оптимально использовать в том числе и с применением дистанционных образовательных технологий. Конечно же, прежде чем отобрать для урока тот или иной вид наглядности, необходимо продумать место его использования в зависимости от дидактических возможностей. Электронные образовательные платформы, такие как Учи.ру, ЯКласс, СФЕРУМ и мн. др. предлагают абсолютно по всем темам начальной школы различные задания в наглядной игровой форме, что позволяет повышать эффективность обучения. Например, на уроках русского языка при введении новой темы «Часть слова – корень», можно наглядно продемонстрировать новый материал и найти родственные слова к слову «вода» из нескольких представленных «водичка», «подводный», «ведро», «водяной» и далее найти неизменяемую часть слова, что является корнем. Согласно иллюстрациям, на каждое слово учащиеся определяют их лексическое значение и выделяют родственные слова. В целом, грамотное применение разнообразных средств наглядности с использованием дистанционных образовательных технологий позволяет повысить качество заданных результатов в процессе обучения младших школьников.

В качестве второго аспекта научного знания, способствующего выработке универсального принципа объективации мыслительных процессов младших школьников, в том числе и в условиях применения ДОТ, возьмём положение В.В. Рубцова в отношении рефлексивных механизмов происхождения учебно-познавательного действия. По мнению психолога, в процессе формирования учебно-познавательных действий у детей, важную роль играют двусторонние связи между предметными действиями и действиями, опирающимися на использование символико-знаковых средств.

«Символизация имеющегося у ребёнка опыта, что есть критерий развития познавательной деятельности, осуществляется при построении им различных классификаций (группировок) предметов по тем или иным свойствам» [2, с. 76].

Согласно Л.С. Выготскому, «присвоение знаковых структур есть основной социокультурный механизм развития высших психических функций ребёнка. По мнению психолога, на первой стадии функции существует как социальное образование во взаимодействии ребенка со взрослым. На второй стадии происходит «вращивание» в индивида социальной по своей первоначальной природе функции. Результат этого «вращивания» идет

[1] Абраменкова В.В., Вербицкий А.А. Учёные и педагоги выступили против цифровизации школы // Колокол России. 2018. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://kolokolrussia.ru/obrazovanie/uchene-i-pedagogi-vstupili-protiv-cifrovizacii-shkol (дата обращения: 01.02.2023); Вербицкий А.А. Цифровое обучение: проблемы, риски и перспективы // Homo Cyberus. 2019. № 1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://journal.homocyberus.ru/Verbitskiy_AA_20192019 (дата обращения: 01.02.2023).

по двум совершенно различным направлениям: во-первых, функция реализуется произвольно в связи с теми или иными намерениями индивида, независимо от складывающейся ситуации; во-вторых, осуществление функции протекает «внутри» индивида, оно скрыто для внешнего наблюдателя» [3, с. 387].

Несмотря на то, что не всякие формы совместной деятельности являются источником возникновения новых действий у ребёнка, очень важным условием успешной реализации учебного действия младших школьников является реализация именно совместной, коллективной деятельности. Выходом из сложившейся ситуации является то, что современные цифровые технологии в совокупности в педагогическими отчасти позволяют сформировать виртуальные способы организации совместных действий как взрослого и детей, так и самих детей. Взять хотя бы возможности электронных образовательных платформ «ЯКласс», «Российская электронная школа», «Учи.ру».

Учитывая промежуточные результаты по первой группе оснований, в рамках обозначенной области научного знания выделим такие универсальные принципы объективации мыслительных процессов младших школьников, в том числе и в условиях применения ДОТ, как принцип *построения всеобщей, единой формы какого-либо многообразия частных явлений; принцип восхождения от абстрактного к конкретному; принцип взаимосвязи предметных действий и действий, опирающихся на использование символико-знаковых средств.*

Выделенные принципы организации учебной деятельности с применением ДОТ не являются единственными, и более глубокая проработка других условий, влияющих на полноценное психическое развитие детей младшего возраста, позволит научно обосновать и в дальнейшем тщательно провести экспериментальную проверку предлагаемых нововведений для системы образования. Это поможет обеспечить её эффективность и способность реализовать содержание рабочих программ несмотря на то, что это процесс долгосрочный и индивидуальный для каждого педагога и ребёнка.

Организация деятельности педагогов в реализации образовательных программ с применением дистанционных образовательных технологий

Процесс получения знаний, через организацию деятельности педагогов в реализации образовательных программ с применением дистанционных образовательных технологий, безусловно, требует определённой оснащённости и подготовленности со стороны всех участников процесса: ребёнка, родителей и педагога. Такая форма обучения реализуется благодаря информационно-коммуникационным технологиям и их средствами различного назначения. В связи этим, в силу возраста и различного уровня адаптированности обучающихся к современным технологиям, особого внимания требует организация и методическое сопровождение дистанционного обучения в начальной школе.

Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования содержит формулировки, поясняет, кто несёт ответственность за успешность реализации образовательных программ в любых формах. Это образовательное учреждение, которое включает в себя и коллектив педагогов-предметников, и администрацию, и педагогов-психологов, и сотрудников, ответственных за административно-хозяйственную часть.

В связи с этим невозможно отрицать значимую роль цифровых ресурсов и многообразных средств коммуникации в жизни школьника и учителя. Дистанционное обучение позволяет научиться использовать эти средства во благо знаниям. Однако такая форма требует ответственного организационного подхода к деятельности педагогов.

Немаловажный аспект в контексте темы исследования составляет вопрос, касающийся форм учебной деятельности с применением ДОТ, позволяющих осваивать способы выполнения задач на основе соблюдения ранее выделенных принципов.

Свою эффективность и простоту в применении доказали некоторые информационно-коммуникационные технические средства и платформы, которые позволяют качественно организовать учебную деятельность в начальной школе.

Техническими критериями выбора являются простой интерфейс, гибкость приложения под различные операционные системы, а также наличие русскоязычной версии.

Рассмотрим наиболее используемые ресурсы для организации учебной деятельности в начальной школе.

1. Мессенджеры. Мессенджерами можно пользоваться как на мобильном устройстве, так и на компьютере. Это самый удобный и быстрый способ обратной связи как между педагогом и родителем, так и между педагогами и классным руководителем. Так как в начальной школе далеко не все обучающиеся зарегистрированы с социальных сетях или мессенджерах, классному руководителю необходимо позаботиться о том, чтобы все родители своевременно получали информацию. Это можно сделать с помощью просмотра о прочтении сообщения или обратной связи в виде «лайка».
2. Электронный дневник. В современном электронном дневнике есть все возможности, чтобы вовремя и качественно отслеживать учебный процесс своего ребёнка. В соответствии с установленным расписанием на каждый день педагоги обязаны своевременно выкладывать домашнее задание в дневник (оно должно соответствовать пройденной на уроке теме), можно выкладывать ссылки на онлайн-задания, дополнительную информацию, а также выкладывать записи видеоуроков на случай, если кто-кто из обучающихся по той или иной причине пропустил занятие.
3. Видеосервисы. «Skype», «Zoom», «Discord» и другие сервисы в режиме реального времени позволяют педагогам начальной школы даже на расстоянии видеться со своим классом как на обычном уроке.
4. Электронные образовательные платформы. «ЯКласс», «Российская электронная школа», «Учи.ру» и многие другие – просты в использовании, а также имеют сервис автоматического отслеживания активности учащихся на сайте и успешности прохождения ими рабочей программы.
5. Сервисы для контроля знаний. Для обучающихся начальной школы педагогам удобно организовывать онлайн-тестирования на платформах «Google», «Online-testpad» и других. Эти сервисы помогают установить время и сроки для выполнения заданий, избежать попыток списывания, мгновенное получение обратной связи (правильных и неправильных ответов), статистику результативности по каждому заданию.

Безусловно, в процессе организации учебной деятельности в начальной школе с применением дистанционных образовательных технологий создаётся так на-

зываемое «искусственное коммуникативное пространство», в силу чего мотивирование учащихся к продуктивной и ответственной работе, поиск целесообразных методов стимулирования активности и инициативности обучающихся на уроках с применением дистанционных образовательных технологий в работе педагогов начальной школы является наиболее сложным этапом.

Результаты исследования

Полученные результаты исследования свидетельствуют о том, что в целях повышения качества образовательного процесса целесообразно соблюдение ключевых принципов объективации мышления младших школьников, которые реализуемы и в условиях применения ДОТ: принцип построения всеобщей, единой формы какого-либо многообразия частных явлений; принцип восхождения от абстрактного к конкретному; принцип взаимосвязи предметных действий и действий, опирающихся на использование символико-знаковых средств.

В свою очередь, грамотная организация дистанционной формы обучения в школе – это одна из возможностей оптимизировать обучение, сделать его гибким, адаптированным под способности обучающегося. И нужно быть готовым к необходимости перехода на ту или иную форму обучения как для отдельного обучающегося, так и для класса или школы в целом.

И здесь особого внимания требует организации педагогического взаимодействия с учащимися в начальной школе. «Ведь самой устойчивой мотивацией является внутренняя (когнитивная), то есть мотивация осознанного действия. В дистанционном обучении она играет главную роль. Стоит отметить, что это самая сложная мотивация для ребенка, так как ученики младших классов еще не всегда осознают себя самостоятельной личностью с собственным местом в социуме, не понимают, какие знания могут помочь им стать успешными и счастливыми» [11, с. 20–21].

Заключение

Несомненно, переход к реализации образовательных программ с применением дистанционных образовательных технологий – это новый, требующий дополнительных усилий формат преподавания. Дистанционное обучение требует от учителей применение комплекса методик и способов подачи материала для вовлечения всех обучающихся с разными уровнями восприятия.

Дистанционный формат обучения для педагога – это стимул применять новые технологии, интегрировать свой имеющийся опыт и знания в новый способ организации учебной деятельности.

Для поддержания же мотивации обучения и обеспечения индивидуально-дифференцированного подхода к обучению в условиях применения дистанционных образовательных технологий важно учитывать адаптивные способности ребёнка: «самооценка, характер мотивации, уровень тревожности, особенности познавательной сферы и др. Все эти сведения позволяют педагогу оперативно определить стиль взаимодействия с каждым учеником, выявить возможные трудности в учебном процессе, подобрать методы оказания поддержки и помощи»[1].

В целом, проведенное исследование позволило нам наметить основные векторы роста эффективности образования с применением дистанционных образовательных технологий.

Более того, современный процесс организации учебной деятельности в начальной школе технически уже немыслим без с применения дистанционных образовательных технологий. Но, вместе с тем, ключевым элеменом успешной реализации образовательного процесса является соблюдение принципов и закономерностей объективации мышления в процессе обучения.

Полученные результаты исследования являются базовым элементом для разработки эффективной модели дистанционного обучения в режиме ограничений для современных школ, основанной на разумном сочетании очного и дистанционного компонента.

Литература

1. Абраменкова В.В. Цифровизация воспитания как угроза безопасному развитию детства // Научные исследования и разработки. Социально-гуманитарные исследования и технологии. 2021. Т. 10. № 3. С. 3–12.
2. Брунер Дж. Процесс обучения / Под ред. А.Р. Лурия. – М.: Издательство Академии педагогических наук РСФСР, 1962. – 82 с.
3. Выготский Л.С. Избранные психологические исследования / [Под ред. и со вступ. статьей, А.Н. Леонтьева, А.Р. Лурия]. – М.: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1956. – 520 с.
4. Давыдов В.В. Деятельностная теория мышления. – М.: Научный мир, 2005. – 240 с.
5. Зак А.З., Микулина Г.Г. Мышление // Психическое развитие младших школьников / Под ред. В.В. Давыдова. – М.: Педагогика, 1990. – С. 166–169.
6. Зак А.З. Развитие теоретического мышления у младших школьников. – М.: Педагогика, 1984. – 152 с.
7. Ильенков Э.В. Школа должна учить мыслить / Рос. акад. образования, Моск. психолого-соц. ин-т. 2-е изд., стер. – М.: Изд-во Моск. психол.-соц. ин-та; Воронеж: МОДЭК, 2002. – 112 с.
8. Ладенко И.С. Проблемы рефлексии. Современные комплексные исследования. – Новосибирск: Наука, 1987. – 237 с.
9. Лазарев В.С. О психолого-педагогических основаниях проектирования цифровой трансформации общего образования // Педагогика. 2022. Т. 86. № 3. С. 5–16.
10. Лобанова Е.В., Шабанов Г.А. Преодолимы ли барьеры дистанционного образования? // Педагогика. 2022. Т. 86. № 1. С. 31–39.
11. Намсинк Е.В. Педагогическое взаимодействие с семьей в период адаптации ребенка к школе // Начальная школа: плюс До и После. 2013. № 4. С. 20–23.
12. Проблемы перехода на дистанционнон обучение в Российской федерации глазами учителей / Д.И. Сапрыгина, А.А. Волохович; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт образования. – М.: НИУ ВШЭ, 2020. – 32 с. – (Факты образования № 4 (29).
13. Щедровицкий Г.П. Мышление-Понимание-Рефлексия / Сост. и отв. ред.: А.А. Пископпельу [и др.]. – М.: Наследие ММК, 2005. – 800 с.
14. Эльконин Д.Б. Мышление младшего школьника. – М.: Педагогика, 1951. – 226 с.
15. Экспресс-анализ цифровых образовательных ресурсов и сервисов для организации учебного процесса школ в дистанционной форме / И.А. Карлов,

[1] Леонтьева С.Н. Какое оно, дистанционное обучение младших школьников // Первое сентября. 2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: (дата обращения: 01.02.2023).

В.О. Ковалев, Н.А. Кожевников, Е.Д. Патаркин, И.Д. Фрумин, А.Н. Швиндт, Д.О. Шонов; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт образования. – М.: НИУ ВПЭ, 2020. – 56 с. – (Современная аналитика образования. № 4 (34).
16. DeRobertis E.M. The Phenomenology of Learning and Becoming Enthusiasm, Creativity, and Self-Development / E.M. DeRobertis. Palgrave macmillan. Brookdale College Lincroft, New Jersey, 2017. 231 p.
17. Hardarson A. Aims of Education: How to Resist the Temptation of Technocratic Models // Journal of Philosophy of Education. 2017. Vol. 51, № 1. P. 59–72.
18. Jóhannesson I. Á., Lindblad S., Simola H. An Inevitable Progress? Educational Restructuring in Finland, Iceland and Sweden at the Turn of the Millennium // Scandinavian Journal of Educational Research. 2002. Vol. 46.3. P. 325–339.

KEY PRINCIPLES OF OBJECTIVATION OF THINKING PROCESSES AND FORMS OF ORGANIZING LEARNING ACTIVITIES IN CONDITIONS OF DIGITALIZATION

Borovinskaya D.N., Mavlonova B.A.
Surgut State Pedagogical University, Lyceum named after Major General Khismatulin V.I.

The question of the quality of the implementation of educational programs using e-learning and distance learning technologies is still relevant, which cannot be solved without the competent implementation of the philosophical and methodological foundations of the objectification of thinking.
The purpose of the study is to determine the key principles of objectification of thought processes and forms of organization of educational activities in elementary school, taking into account the changes associated with the digitalization of modern education.
The study is based on two groups of knowledge. Firstly, the area of scientific knowledge that contributes to the development of universal principles and patterns of objectification of the thought processes of younger students, including in the context of the use of distance learning technologies. These include the principle of constructing a universal, unified form of any variety of particular phenomena; the principle of ascent from the abstract to the concrete; the principle of interrelation of objective actions and actions based on the use of symbolic-sign means.
Secondly, knowledge that gives a more complete and objective idea of effective forms of organizing the activities of teachers in the implementation of educational programs using distance learning technologies.
Together, the identified principles and forms will allow in the future to form a scientifically based model for organizing educational activities in elementary school using distance learning technologies to improve the quality of the educational process.

Keywords: e-learning, distance learning, distance education, primary school, information technology, quality of education, principles of learning.

References

1. Abramenkova V.V. Cifrovizaciya vospitaniya kak ugroza bezopasnomu razvitiyu detstva [Digitalization of education as a threat to the safe development of childhood] // Nauchnye issledovaniya i razrabotki. Social'no-gumanitarnye issledovaniya i tekhnologii. 2021. T. 10. № 3. S. 3–12. (In Russian.)
2. Bruner Dzh. Process obucheniya [Learning process] / Pod red. A.R. Luriya. – M.: Izdatel'ctvo Akademii pedagogicheskih nauk RSFSR, 1962. – 82 s. (In Russian.)
3. Vygotskij L.S. Izbrannye psihologicheskie issledovaniya [Selected psychological studies] / [Pod red. i so vstup. stat'ej, A.N. Leont'eva, A.R. Luriya]. – M.: Izdatel'ctvo Akademii pedagogicheskih nauk RSFSR, 1956. – 520 s. (In Russian.)
4. Davydov V.V. Deyatel'nostnaya teoriya myshleniya [Activity theory of thinking]. – M.: Nauchnyj mir, 2005. – 240 s. (In Russian.)
5. Zak A.Z., Mikulina G.G. Myshlenie [Thinking] // Psihicheskoe razvitie mladshih shkol'nikov. – M., 1990. (In Russian.)
6. Zak A.Z. Razvitie teoreticheskogo myshleniya u mladshih shkol'nikov [The development of theoretical thinking in younger students]. – M.: Pedagogika, 1984. – 152 s. (In Russian.)
7. Il'enkov E.V. Shkola dolzhna uchit' myslit' [School should teach to think] / Ros. akad. obrazovaniya, Mosk. psihologo-soc. in-t. 2-e izd., ster. – M.: Izd-vo Mosk. psihol.-soc. in-ta; Voronezh: MODEK, 2002. – 112 s. (In Russian.)
8. Ladenko I.S. Problemy refleksii. Sovremennye kompleksnye issledovaniya [Problems of reflection. Modern integrated research]. – Novosibirsk: Nauka, 1987. – 237 s. (In Russian.)
9. Lazarev V.S. O psihologo-pedagogicheskih osnovaniyah proektirovaniya cifrovoj transformacii obshchego obrazovaniya [On the psychological and pedagogical foundations for designing the digital transformation of general education] // Pedagogika. 2022. T. 86. № 3. S. 5–16. (In Russian.)
10. Lobanova E.V., Shabanov G.A. Preodolimy li bar'ery distancionnogo obrazovaniya? [Are barriers to distance education overcome?] // Pedagogika. 2022. T. 86. № 1. S. 31–39. (In Russian.)
11. Namsink E.V. Pedagogicheskoe vzaimodejstvie s sem'ej v period adaptacii rebenka k shkole [Pedagogical interaction with the family during the period of adaptation of the child to school] // Nachal'naya shkola: plyus Do i Posle. 2013. № 4. S. 20–23. (In Russian.)
12. Problems of transition to distance learning in the Russian Federation through the eyes of teachers / D.I. Saprygina, A.A. Volokhovich; National Research University "Higher School of Economics", Institute of Education. – Moscow: HSE, 2020. – 32 p. – 200 copies. – (Facts of Education No. 4 (29).
13. Shchedrovickij G.P. Myshlenie-Ponimanie-Refleksiya [Thinking-Understanding-Reflection] / Sost. i otv. red.: A.A. Piskoppel'u [i dr.]. – M.: Nasledie MMK, 2005. – 800 s. (In Russian.)
14. El'konin D.B. Myshlenie mladshego shkol'nika [Thinking of a primary school student]. – M.: Pedagogika, 1951. – 226 s. (In Russian.)
15. Express analysis of digital educational resources and services for the organization of the educational process of schools in remote form / I.A. Karlov, V.O. Kovalev, N.A. Kozhevnikov, E.D. Patarkin, I.D. Frumin, A.N. Schwindt, D.O. Shonov; National Research University Higher School of Economics, Institute – M.: NRU VPE, 2020. – 56 p. – 200 copies. – (Modern analytics of education. № 4 (34).
16. DeRobertis E.M. The Phenomenology of Learning and Becoming Enthusiasm, Creativity, and Self-Development / E.M. DeRobertis. Palgrave macmillan. Brookdale College Lincroft, New Jersey, 2017. 231 p. (In English.)
17. Hardarson A. Aims of Education: How to Resist the Temptation of Technocratic Models // Journal of Philosophy of Education. 2017. Vol. 51, № 1. P. 59–72. (In English.)
18. Jóhannesson I. Á., Lindblad S., Simola H. An Inevitable Progress? Educational Restructuring in Finland, Iceland and Sweden at the Turn of the Millennium // Scandinavian Journal of Educational Research. 2002. Vol. 46.3. P. 325–339. (In English.)

Феномен искусственного интеллекта в философской традиции

Викторов Антон Владимирович,
аспирант, РАНХиГС
E-mail: aviktorov@me.com

Философская проблема искусственного интеллекта имеет богатую историю. Начиная с модели Тьюринга, где искусственный интеллект только начинал разрабатываться до современных философских моделей Бострома, Чалмерза и прочих мыслителей, где искусственный интеллект уже не видится, как простая вычислительная машина. Подход к искусственному интеллекту сильно изменился с начала исследований в этой области. Появляются новые трактовки самого сознания, из-за чего появляются новые версии искусственного интеллекта. Многие философские аргументы нацелены на доказательство невозможности создания искусственного интеллекта, ярким примером тому являются аргументы Деннета об интенциональности и Серла об особой форме понимания, свойственной только человеческому сознанию. При этом по прежнему ключевым остается философский вопрос – чем является этот искусственный интеллект, каковы его сущности, черты и в чем собственно разница с человеческим сознанием. Возможно ли создать такой искусственный интеллект, который заменил бы человека.
С каждым годом становится все важнее, в условиях взрывного развития искусственного интеллекта, развивать и философские традиции, и дискурс вокруг этого феномена.

Ключевые слова: Искусственный интеллект, Этика искусственного интеллекта, Суперинтеллект, Мировая безопасность, Феномен искусственного интеллекта, философский дискурс.

Появление искусственного интеллекта в философском дискурсе известно еще из истории Античной философии. Аристотель и Пифагор стремились объяснить то, что выходит за рамки классического понимания в чувственном опыте, создавая для этого такие особые системы рационального объяснения, как математические формы, облекающие материю, взять к примеру пифагорейское числовое описание мироздания, как предок современных цифровых систем. В дальнейшем развитии философской традиции это стремление к описанию неизвестных явлений продолжилось, например, в философии Лейбница, который утверждал мировую гармонию, Булевой алгебре, кодирующей любые высказывания на ложные «0» и истинные «1», разностной машине Ч. Бэббиджа и некоторых других. И уже в XX веке появились первые полноценные описания того, что мы сейчас называем искусственным интеллектом.

Расцвет дискуссий вокруг дискурса об искусственном интеллекте пришелся именно на XX век, связанно это было, предположительно, с развитием научного знания и появления множества концепций философии науки. Позитивизм, как одно из направлений, появляется именно в XX веке, и оно говорит, что философия нужна для того, чтобы устранить выдуманные, ненаучные проблемы, которые не относятся к чувственной реальности, а также философия должна заниматься анализом языка и выявлением в нем нелогичных конструкций, которые не дают отсылок к реальности. Сущность позитивизма состояла в том, что он отвергал все умозрительные размышления философии, а на первый план выдвигал эмпирический опыт. Философия должна обобщать опыт наук, а не заниматься абстрактными размышлениями. Первый позитивизм ставил перед собой задачу обобщения опыта, а роль философии снижалась. Философ и основоположник позитивизма Огюст Конт считал, что «существует несколько стадий развития человечества, каждой из которых было свойственно собственное понимание и объяснение мира» [2]. Первая стадия была теологической, где объяснением было религиозное видение, вторая стадия была метафизическая, где объяснение природы происходило с помощью категории причинности, а третья стадия – позитивная, научная, именно здесь появляется рациональное осмысление природы, отсюда и берет свое название позитивизм. В дальнейшем оно переросло в направление логического позитивизма, где уделялось большое внимание философии языка и постпозитивизм, где анализировались проблемы роста научного знания и его сущности.

Все это сместило акценты и создало плодородную почву для зарождения традиций и развития философского дискурса в области новых типов знаний, в том числе таких как искусственный интеллект, это дало надежды на то, что философия более не будет связана с метафизическими построениями, мало относящимися к реальности, а напротив, будет служить обществу, оказывая пользу для всего человечества в лице развития новых цифровых технологий. Развитие искусственного интеллекта привело к появлению первых цифровых машин и сильно изменило представления людей о цифровизации. Появились надежды, что в скором будущем машинный интеллект станет наравне с человеческим или даже его превзойдет. Но, как мы видим, эти ожидания

не сбылись и предполагаемого прорыва на сегодняшний день не произошло.

Безусловно, искусственный интеллект с момента его разработки сильно изменился, появились колоссальные изменения, однако говорить о том, что он стоит наравне с человеческим весьма преждевременно. Совершенствуются алгоритмы поиска, машины могут решать более сложные задачи, чем те, которые стояли перед ними изначально. Но вся проблема состоит не в том, что искусственному интеллекту не хватает мощности, чтобы превзойти человека. Как раз в мощности искусственный интеллект очень даже превосходит человека. Он способен обрабатывать такие массивы данных, которые бы не были доступны человеку ни на каком этапе развития. Все дело в том, что до сих пор в философии искусственного интеллекта нет четкого определения, чем является этот искусственный интеллект, каковы его сущности, черты и в чем собственно ключевая разница с человеческим сознанием. Эта проблема намного сложнее, чем кажется на первый взгляд, поскольку именно определение искусственного интеллекта задает его рамки (включая рамки философского дискурса) и дает понять в сравнении чем является сознание. Если бы мы получили непротиворечивое и устраивающее всех определение искусственного интеллекта, то дискуссии вокруг него бы прекратились в тот же момент.

Традиционные вопросы, которые задаются при попытке определения сущности искусственного интеллекта сводятся к тому, чтобы дать отличия искусственного интеллекта от человеческого сознания, и звучат они следующим образом. Возможно ли создать такой искусственный интеллект, который будет похож на человеческое сознание? В какой мере человеческое сознание воспроизводимо? Где находятся границы интеллекта и сознания? Эти и многие другие вопросы задаются в связи с попыткой разработки непротиворечивой теории искусственного интеллекта. Однако и по сей день мы не имеем четкого ответа ни на один из представленных вопросов.

Те определения искусственного интеллекта, которые мы имеем на данный момент, страдают одним большим недостатком – они очень общие и не конкретные. Швейцарский психолог Жан Пиаже считает, что «интеллект есть то, что обладает интегративным функционалом всех процессов психики, что в свою очередь и обеспечивает нахождение и адаптацию человека в мире». Есть множество других определений: в итоге, как замечает В. Ладов, «человеку никак не удается найти уникальное место, он оказывается подобным либо системе искусственного интеллекта (при выборе парадигмы «интеллект как исчисление понятий»), либо обычному биологическому организму (при выборе парадигмы «интеллект как восприятие»)» [3].

Важным поворотом в сфере изучения искусственного интеллекта считается событие, которое произошло летом 1956 года в университете города Ганновер, в колледже Дартмут [4]. Это событие – семинар, который был посвящен, в том числе, проблемам искусственного интеллекта и нейронным сетям, где присутствовали философы сознания. Сами результаты семинара не дали особых откровений и революционных открытий, однако семинар позволил зародиться самому философскому дискурсу об искусственном интеллекте. Именно там появилось название для еще только зарождающейся науки в области сознания – искусственному интеллекту, которое было предложено американским информатиком и разработчиком основ функционального программирования Джоном Маккарти. В дальнейшем он будет удостоен премии А. Тьюринга за огромный вклад в области исследований искусственного интеллекта.

В вопросе об определении того, что является искусственным интеллектом нет единого мнения, однако имеется три доминирующих трактовки. Первая из них употребляет этот термин в значении научной сферы, целью которой является воссоздание процессов познания и человеческого мышления для повышения эффективности обработки данных техникой. Вторая трактовка определяет искусственный интеллект, как набор различных механизмов, устройств, которые являются интеллектуальными. И третья трактовка определяет искусственный интеллект, как набор представлений о том, что такое разум, что есть познание применительно к человеческому сознанию, что дает возможность постановки проблемы воссоздания интеллекта.

В современном мировом сообществе кругозор использования искусственного интеллекта охватывает множество областей, к которым относится и распознавание речи, и теория математических доказательств, и возможность диагностики болезней, а также более обширные области, вроде теории восприятия. Искусственный интеллект также применяется для реализации проектов любого рода, сложности и направления. Актуальность данной области знаний таким образом не вызывает никаких сомнений.

Философ и кибернетик Н. Нильсон давал собственное определение области искусственного интеллекта: «в самом общем смысле – это решение «интеллектуальных» задач с помощью автоматических методов, в первую очередь, с помощью вычислительных машин. Но какую деятельность следует считать интеллектуальной, а какую нет? Это не вполне ясно» [5].

Для того, чтобы дать определение понятию искусственный интеллект предлагается использовать системный подход, который рассматривает любой феномен, как систему, состоящую из множества элементов, каждый из которых играет важную роль. Интеллект, в общем виде, есть то, что объединяется в систему функций познания субъекта. При всем при этом высокий порог интеллекта считается тот, что образует единство из таких функций, как память, чувствительные способности и другие. В этом смысле, интеллект позволяет решить не только задачи, которые имеют заданный алгоритм, но и такие, которые не имеют такого алгоритма.

Самое важное уточнение относительно понятия искусственного интеллекта заключается в том, что сам искусственный интеллект, а точнее попытки по его созданию сводятся к задаче имитации человеческой способности к мышлению.

Так, первая полноценная попытка создания искусственного интеллекта (имитации человеческого сознания) была произведена в середине XX века великим математиком Аланом Тьюрингом в статье «Вычислительные машины и разум», изданной журналом «Mind» более 70 лет назад. Самый первый вопрос, которым задается Тьюринг является вопрос о возможности мыслить для искусственной машины. Обычный ответ на этот вопрос начинался с определения понятий машины и интеллекта. Однако Тьюринг решает поступить иначе. Вместо того, чтобы спрашивать возможна ли мысль у машины, он спрашивает о том, может ли машина поступать так, как поступаем мы. По мысли Тьюринга, он сохраняет в своей формулировке строгую границу между физическими и интеллектуальными способностями индивида.

Для демонстрации своих подходов А. Тьюринг предложил тест. Классическая интерпретация теста заключалась в том, что человек общается с компьютером и с человеком. На основании полученных ответов на заданные

вопросы, человек должен в итоге определить с кем он все-таки разговаривает – компьютером или человеком, при этом не видя самого человека, и не зная находится ли он на том конце. Программа должна создаваться с таким уклоном, чтобы человек не смог понять с кем он разговаривает. Таким образом, предполагалось доказать возможность создания умной машины – искусственного интеллекта, который способен воссоздать человеческое мышление. Тест Тьюринга был раскритикован учеными и философами, но несомненно особенным образом повлиял на философский дискурс в области искусственного интеллекта. Отсюда также следует актуальность данной проблемы, поскольку она до сих пор не является решенной. Тест Тьюринга, во-первых, затронул проблему разграничения сильного и слабого искусственного интеллекта. Сильный интеллект – это и есть человеческий разум, сознание, мышление, а слабый – лишь имитации каких-либо простых действий, например, действий в соответствии с четко заложенным алгоритмом. Данное разграничение будет подробнее освещено далее.

Чуть ранее теста Тьюринга, в 1936 году, философ Альфред Айер обратился к проблеме существования других сознаний, сознаний людей, и задался вопросом: как мы узнаем, что другие люди имеют свой собственный опыт? И только один ответ, по мысли Айера, был истинным – это то, что «машина не может пройти ни один эмпирический тест, который выявляет существует ли сознание у его испытуемого или нет» [1]. Эта попытка описания очень близка тому, что высказывал Тьюринг, но тем не менее достоверно неизвестно, знал ли Тьюринг об этой мысли Айера. Но не будем обвинять никого из философов в заимствовании идей, поскольку есть одно весьма распространенное мнение, которое, как нам кажется, отражает всю ситуацию. Это мнение гласит, что «вся философия – это лишь заметки на полях Платона». Отчасти это мнение истинно, поскольку так или иначе всю новую философскую традицию всегда можно герменевтически вывести из предыдущей, а поэтому не остается смысла в критике Тьюринга по этому аспекту. И сегодня тест Тьюринга до сих пор не потерял своей актуальности, но все же проходится более успешно в связи с возрастающей мощью вычислительных систем, которые научились быстро обрабатывать информацию.

В настоящее время все еще остается актуальным вопрос об имитации человеческого интеллекта путем искусственного. Еще в конце XX века программа «Deep Blue» одержала победу в шахматном поединке над Г. Каспаровым, что говорит о высокой мощности обработки данных, но опять же не говорит о имитации сознания человека. В настоящее время мы видим, как искусственный интеллект справляется с написанием различных письменных работ, ярким примеров недавнего является дипломная работа, написанная искусственным интеллектом ChatGPT.

Наиболее успешные попытки развития теорий искусственного интеллекта принадлежат традиции аналитической философии. Философ Дэвид Чалмерз вводил разделение для искусственного интеллекта, чтобы показать границы его различных версий. Это разграничение говорит о существовании двух видов искусственного интеллекта: сильного и слабого. Слабый искусственный интеллект нацелен на воспроизводство простых функций машины, не посягая на человеческое сознание, таковы, например, роботы-обсуживающий персонал, переводчики, шахматные программы и прочее. Сильная же версия искусственного интеллекта пытается найти возможности воспроизведения человеческого интеллекта, человеческого сознания.

Также этим разграничением пользовался и американский философ Джон Серл, который является создателем знаменитого мысленного эксперимента «Китайской комнаты», в которой он опровергает попытку построения сильного искусственного интеллекта похожего на человеческий. Джон Серл строит свой эксперимент на критике теста Тьюринга. Сущность эксперимента Серла состоит в следующем. Существует человек, который находится в комнате с карточками, на которых изображены иероглифы, при этом он не знает ни одного китайского иероглифа. Но у него есть инструкции по взаимодействию с ними. Эти инструкции подобны инструкциям компьютера. Также существует человек, который находится за пределами комнаты, который знает китайский язык и передает вопросы в комнату, на которые ждет ответа. Получается, будто бы человек, который знает все инструкции, знает язык, поскольку верно отвечает на вопросы, а поэтому понимает его. Так, тест Тьюринга проходится успешно, но понимания не появляется. Следовательно, такая проверка интеллекта, сознания не является легитимной. Для Серла важно было показать, что существует разница семантики и синтаксиса. В этом эксперименте, в комнате, человек обладает лишь синтаксисом, тогда как сознание подразумевает смысл, то есть семантику. Человек воспринимает нечто, выделяет некоторые смыслы, а не выводит какую-то информацию просто из набора правил. Таким образом, мы можем говорить о том, что машины могут выполнять часть операций, на которое способно человеческое сознание, но на мой взгляд, это не даёт нам право говорить о том, что машины действительно могут мыслить.

Аргументы Серла против теста Тьюринга, а также сам тест Тьюринга вызвал многочисленные дискуссии вокруг проблемы возможности создания искусственного интеллекта. Так, развитие этой проблемы имело место в философии Дэвида Чалмерза. Ключевой аргумент Чалмерза состоит в том, что сознание должно обладать способность субъективного восприятия. Поэтому даже очень мощные интеллектуальные машины не обладают им. То же самое можно сказать и о животных, поскольку хотя они и могут обладать сознанием, но их интеллект явно ниже уровня человеческого интеллекта.

В предположениях Чалмерза также присутствует мысль о том, что без физического тела трудно представить сознание, хотя он и не отрицает, что в будущем появится какая-либо система, которая будет говорить об обратном.

Дискурс об искусственном интеллекте также развивается философом сознания Дэвидом Деннетом. Деннет отрицает позицию квалиа, согласно которой у каждого человека есть особые переживания. Функционализм, как одно из направлений философии сознания, представляет собой такую теорию, в рамках которой «то, что делает нечто ментальным состоянием определенного типа, зависит не от своего внутреннего устройства, а от того, как оно функционирует, какую роль играет в системе, частью которой является» [6]. Если Чалмерза интересовал вопрос что такое сознание, то Деннета интересует вопрос то как оно работает. Наше сознание работает по аналогии функции машины, с заложенными программами внутри него, по мысли Деннета. При этом философ не отрицает ментальные состояния вообще, но сводит их к паттернам поведения человека. В этой связи он говорит об искусственном интеллекте как о том, что понимает ничуть не хуже человека, их интенциональные направленности равны. Таким образом, мир будет наполнен смыслом как для человека, так и для искусственного интеллекта, причем ни один из них не будет выражать больше или меньше понимания.

Так, все изложенные проблемы могут решаться при важной оговорке – если интеллект человека не является совокупностью биофизической природы. Это значит, что мы отрицаем редукцию человеческого сознания к структурам мозга, к деятельности мозга. Этой редукцией занимаются философы бихевиористы и натуралисты, которые утверждают, что все действия человека – это результат несвободной деятельности нейронной активности в мозге каждого конкретного человека. Однако такая редукция есть ни что иное как попытка исключить свободные действия человека и свести всю его активность, в том числе творческую, познавательную и прочие, к работе нейронных связей, к материальным частям мозга, которые отвечают за активность человека. Но такая редукция похожа на то, как если бы мы сравнили сюжет какой-либо компьютерной игры с работой движка самой игры.

Мы же исходим из того, что человеческое сознание не есть нечто только функциональное, что может быть сведено к отдельным материальным связям. Сознание человека – это сложное явление, которое обладает многими функциями, не сводясь к какой-либо одной, не имея редукции к деятельности в мозге, к материальным связям, а напротив, имеющее особое эмерджентное свойство субъективного восприятия и, кроме того, имеющее в своем распоряжении органы чувств, психику и прочее. Из этого становится очевидным тот факт, что сознание невозможно описать в каких-либо внешних терминах, и как вывод тот уровень искусственного интеллекта, который мы имеем на данный момент, не совпадает с тем уровнем, который имеется в сознании человека. Однако какие результаты нас ждут в дальнейшем, пока доподлинно неизвестно.

По определению, человек – это биосоциальное существо, которое при этом не сводится к своим биологическим и социальных свойствам, а действует на более высоком уровне, на уровне культуры. Человек постоянно воссоздает символическую коммуникацию, которая случается не только между самими индивидами, но и между другими системами, в том числе, искусственным интеллектом. Причем биологическая часть человека иногда не просто не является тем, к чему сводится человек, но и более того, что иногда противоречит биологической природе. Это ярко заметно на примерах морального поведения человека, где биологические факторы были бы предпочтительнее, нежели то, как человек поступает в сфере нравственного выбора. Биология, безусловно, остается основой человеческого тела, физической активности, поскольку она задает базовые процессы в организме, позволяя существовать человеку на физическом уровне, но при этом сейчас она все менее влияет на человека. Именно индетерминированность человека позволяет появиться возможности человека к созданию государств, культур, соблюдению традиций, а также к развитию коммуникации и разветвленной системе компьютерных технологий, которые порождают новые сферы искусственного интеллекта. Вопрос о сознании-тела, философская традиция которого идет еще со времен дуализма Декарта и даже ранее, заставляет постоянно переосмыслять возможность о создании такого интеллекта, который будет максимально похож на человеческий. Поскольку сознание развивается не по предзаданным законам, а человек в целом не сводится к совокупности своих частей, будь то физические или иные, то вопрос о создании искусственного интеллекта остается открытым. Для этой проблемы еще не очерчены все возможные грани и ограничения, но уже сейчас мы видим большие прорывы в этой области. Уже сейчас мы видим то, насколько сильно слабый искусственный интеллект продвинулся в выполнении повседневных, и не только, задач. Но на сегодняшний день, к сожалению, нет полноценных решений создания сильного искусственного интеллекта, а поэтому нам только предстоит познать эту область.

Литература

1. Айер А. Язык, истина и логика. М: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2010. – 240 с.
2. Гимадиева Л.И. Философия позитивизма // Скиф. 2021. № 12 (64). С. 374. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/filosofiya-pozitivizma
3. Ладов В.А. Философские проблемы искусственного интеллекта / Томск: Томск. гос. ун-т., 2005. URL: http://fsf.tsu.ru/wp_test/wp-content/uploads/tutorials/AI211.pdf
4. Люггер Д. Искусственный интеллект. Стратегии и методы решения сложных проблем / Д. Люггер. – 4-е изд. – М.: Вильямс, 2003. – 864 с.
5. Нильсон Н. Искусственный интеллект. Методы поиска решений / Н. Нильсон. – М.: Мир, 1973. – 273 с.
6. Сирл Дж. Разум, мозг и программы / Дж. Сирл // Глаз разума / Д. Хофштадтер, Д. Деннетт. – Самара: Бахрах-М, 2003. – С. 314–331.

THE PHENOMENON OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE PHILOSOPHICAL TRADITION

Viktorov A.V.
RANEPA

The philosophical problem of artificial intelligence has a long history. Starting with the Turing model, where artificial intelligence development was just beginning to the modern philosophical models of Bostrom, Chalmers and other philosofers, where artificial intelligence no longer appears to be a simple computing machine. The approach to artificial intelligence has changed dramatically since the beginning of research in this field. There are new interpretations of consciousness itself, and new versions of artificial intelligence are emerging. Many philosophical arguments are aimed at proving the impossibility of artificial intelligence, as exemplified by Dennett's arguments about intensiveness and Searle's special form of understanding, unique to human consciousness. At the same time, the philosophical question remains the key – what is this artificial intelligence, what are its essence, features and what is the difference with the human consciousness. Whether it is possible to create an artificial intelligence that would replace the human.
Every year becomes more and more important, in the explosive development of artificial intelligence, to develop both philosophical traditions and discourse around this phenomenon.

Keywords: Artificial Intelligence, Artificial Intelligence Ethics, Super Intelligence, World Security, Artificial Intelligence Phenomenon, Philosophical Discourse.

References

1. Ayer A. Language, truth and logic. M: "Kanon +" ROOI "Rehabilitation", 2010. – 240 p.
2. Gimadieva L.I. Philosophy of positivism // Skif. 2021. No. 12 (64). P. 374. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/filosofiya-pozitivizma
3. Ladov V.A. Philosophical problems of artificial intelligence / Tomsk: Tomsk. state Univ., 2005. URL: http://fsf.tsu.ru/wp_test/wp-content/uploads/tutorials/AI211.pdf
4. Lugger D. Artificial intelligence. Strategies and methods for solving complex problems / D. Lugger. – 4th ed. – M.: Williams, 2003. – 864 p.
5. Nilson N. Artificial intelligence. Solution search methods / N. Nilson. – M.: Mir, 1973. – 273 p.
6. Searle J. Mind, brain and programs / J. Searle // Mind's eye / D. Hofstadter, D. Dennett. – Samara: Bahrakh-M, 2003. – S. 314–331.

Мировоззрение человека как способ адаптации к усложнению социальной реальности

Тетенков Николай Борисович,
кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и социологии, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова
E-mail: tenibo@yandex.ru

Термин «мировоззрение» широко используется в социальных науках. Мировоззрение – это фундаментальная когнитивная ориентация человека или группы относительно мира и жизни – того, как люди понимают человеческую и физическую природу. Актуальность исследования заключается в том, что по мере того, как меняется мировоззрение человека, осознание может расширяться, охватывая каждый из этих уровней, что приводит к улучшению просоциального опыта и поведения. Возросшее общественное сознание, в свою очередь, может стимулировать дальнейшие преобразования в мировоззрении. Цель статьи рассмотреть особенности мировоззрения человека, как способа адаптации к усложнению социальной реальности, где мы исследуем, как растущее понимание и явная осведомленность об общественном сознании могут развиваться благодаря преобразованиям в мировоззрении. В результате этих процессов мировоззрение претерпевает изменения, по итогам исследования сформулированы выводы по адаптации к усложнению социальной реальности. Автор приходит к заключению, что способность воспринимать различные точки зрения и быть гибким в том, как рассматриваются проблемы и решения, определяется как существенная часть преднамеренной трансформации, признавая, что это предполагает готовность участвовать, а не просто отстаивать инновационное мышление. Таким образом вместо того, чтобы просто поддаваться различным давлениям, гибкость мировоззрения подразумевает сознательное и критическое отношение к данной ситуации. Однако, роль мировоззрений и способности воспринимать перспективу в контексте глобальных социальных изменений и необходимости преднамеренной трансформации – это недостаточно изученный феномен, требующий дальнейшего изучения.

Ключевые слова: мировоззрение, философия, политология, социальное, убеждения, установки, социальная реальность.

Введение

При разработке политики устойчивого развития важнейшей задачей является оценка нынешних и будущих потребностей для обеспечения хорошего качества жизни. Для анализа сложных идей о том, как люди интерпретируют реальность, развивают ценностные ориентации и определяют потребности и хорошую жизнь, понятие мировоззрений оказалось полезным. Мы используем мировоззрения для изучения того, как люди с разным образом жизни воспринимают и оценивают проблемы устойчивой мобильности. При этом наше исследование демонстрирует основу для определения того, какие поведенческие и институциональные барьеры препятствуют преобразованиям, необходимым для улучшения социальной реальности.

Что делает некоторые сообщества более устойчивыми и преобразующими, чем другие? В этой статье исследуется гипотеза о том, что гибкость взглядов и мировоззрения является центральной для обеспечения изменений, которых требуют текущие и будущие социально-экономические вызовы.

Материалы и методы

Как известно, у каждого человека есть своя личная история о природе реальности. Генетические склонности, религия, культура и географический регион, вместе со всем опытом, который люди приобретают как внутренне, так и во взаимоотношениях с окружающей средой, формируют их мировоззрение или общий способ восприятия самих себя и окружающего мира. Как очень точно указывают, Ю.К. Волков мировоззрение – это один из аспектов сознания [1]. Психологические, социальные и нейрофизиологические теории развития указывают на то, что по мере того, как мы растем и взаимодействуем с миром, мы учимся классифицировать, различать и обобщать то, что мы видим и чувствуем.

Следует согласиться с мнением С.В. Володенкова [2] о том, что мировоззрение объединяет убеждения, допущения, установки, ценности и идеи, формируя всеобъемлющую модель реальности. Мировоззрения также включают в себя формулировки и интерпретации прошлого, настоящего и будущего. В наших мировоззрениях мы создаем сложные концептуальные рамки, чтобы упорядочить наши представления о том, кто мы есть, и о мире, в котором живем. Мировоззрения функционируют аналогично внутренним рабочим моделям, предложенным Боулби и разработанным Бретертоном и Манхолландом [3] (1999). Эти модели возникают в результате взаимодействия с фигурами первичной привязанности и «обеспечивают основу для понимания нового опыта и руководства социальным взаимодействием».

Мировоззрение – это более широкая конструкция, на которую влияют не только взаимодействия с фигурами привязанности, но и аналогичным образом она предоставляет владельцу структуру убеждений, в рамках которой он может организовывать восприятие и новый опыт в контексте своего социального и физического окружения. Человеческое восприятие фильтруется тем,

как люди смотрят на мир. Таким образом, мировоззрение людей влияет на каждый аспект того, как они понимают окружающий мир и взаимодействуют с ним. Мировоззрение оказывает глубокое влияние на индивидуальные и общие цели и желания, формируя восприятие, мотивацию и ценности как сознательно, так и бессознательно. Мировоззрение определяет поведение человека во взаимоотношениях и определяет индивидуальные и социальные реакции и действия в любое мгновение дня.

Более того, в современной научно-исследовательской литературе обнаруживаются доказательства, что некоторые аспекты мировоззрений динамичны, а некоторые стабильны с течением времени.

Результаты и обсуждение

Общее значение мировоззрений заключается в следующем: мировоззрение есть у каждого, и оно представляет собой набор убеждений, которые направляют его суждения и действия во всех сферах деятельности. У разных людей разные мировоззрения, и индивидуальные мировоззрения меняются и развиваются на постоянной основе. Часто мировоззрение именуется как “философия”, то есть личная философия. Формирование и постоянная адаптация мировоззрений – это сложный процесс, в котором люди объединяют знания, опыт и интуицию в более или менее согласованное целое. Очевидные следствия знаний, личного опыта и интуиции не всегда полностью согласуются, поэтому это согласование баланса – непростой процесс, и, как правило, он постоянно пересматривается по мере накопления новых знаний и опыта. Это автономный и в значительной степени подсознательный процесс, и для большинства людей результаты также сохраняются подсознательно, поэтому люди, как правило, не осознают всего в своем мировоззрении. Это затрудняет задачу на практике охарактеризовать чье-либо мировоззрение.

Более того, индивидуальные мировоззрения не могут быть классифицированы простым способом, потому что чьи-то обязательства в одной области не определяют (хотя и обусловливают), какими могли бы быть их обязательства в другой области. Например, кто-то может быть научным реалистом в отношении материального мира (т.е. верить, что физический мир имеет объективное существование, и мы можем получить универсально достоверные знания о нем с помощью науки), будучи при этом социальным конструктивистом в отношении природы ценностей (т.е. считать, что ценности отражают только субъективные соглашения, достигнутые внутри социальных групп).

Реакциями, основанными на явно прочных структурах убеждений (таких как, например, вера в свободную волю в сравнении с судьбой), можно манипулировать с помощью тонкой бессознательной подпитки. В то же время мировоззрения со временем могут стать довольно жесткими и устойчивыми к изменениям, даже когда появляется новая контрастирующая информация. Тем не менее, бывают моменты, когда переживание настолько глубоко, и меняет устойчивое состояние людей таким фундаментальным образом, что они вынуждены изменить свой взгляд на мир. Когда меняются мировоззрения, могут появиться новые возможности, даже при одних и тех же обстоятельствах.

Таким образом, трансформация мировоззрения – это фундаментальный сдвиг в перспективе, который приводит к долговременным изменениям в самоощущении людей, восприятии отношений с окружающим миром и образе бытия. Такие серьезные преобразования можно отличить от незначительных изменений в концептуальном понимании мира людьми.

Итак, что же делает некоторые сообщества более устойчивыми и преобразующими, чем другие? Одна из гипотез заключается в том, что гибкость взглядов является центральной для обеспечения изменений, которых требуют текущие и будущие социально-экономические вызовы. Гибкость, понимаемая не как некритичное подчинение различным давлениям, а скорее как сознательное использование различных точек зрения и подходов к изменениям.

Данбар и его коллеги отмечают различие между незначительными и крупными изменениями в социальной реальности [4]. Для последних, которые встречаются относительно редко, происходит реорганизация отношений как между признаками концептуальной структуры, так и между различными концептуальными структурами.

В то время как считается, что психологическое развитие и взросление чаще всего связаны с дополнением знаний и изменениями в том, что люди знают, трансформация предполагает эпистемологические изменения в том, как они узнают то, что они знают. Меняется не только поведение, но и мотивационный субстрат, из которого это поведение проистекает. Это изменение не только в том, что люди делают, но и в том, кем они себя считают на онтологическом уровне. Конечно, не все мировоззренческие трансформации носят просоциальный характер.

Некоторые преобразования могут привести к формированию моделей мышления и поведения, которые наносят ущерб личности, другим людям, обществу и миру природы. Окружение, подобное нацистской Германии, и наличие лагерей подготовки террористов, стратегий промывания мозгов и культов, например, все это может привести к более ограниченным, основанным на страхе, ориентированным на угрозы, нетерпимым или узким взглядам на мир и место человека в нем. Предполагаем, что такого рода ограничительные сдвиги в мировоззрении возникают в результате иного процесса, чем преобразования, которые являются жизнеутверждающими и просоциальными.

Наше исследование, показывает, что несколько факторов могут быть связаны с тем, становится ли потенциально преобразующий опыт травмирующим – приводящим к большему стеснению и страху – или преобразующим – приводящим к большему благополучию и росту альтруизма и других эмоций, таких как сострадание, благодарность или прощение.

Заключение

Стоит сказать, что в обществе есть общие тенденции, которые приводят к социальным изменениям и влекут за собой ряд последствий, меняющих социальное пространство. Так, к примеру, в политике и через политику реализуются мировоззренческие позиции людей. Причем в этом процессе довольно ярко просматривается закономерность: чем ближе к политике человек, тем активнее он на нее влияет, тем сильнее воздействие его мировоззрения на политику. Отсюда следует, что в общественной практике очень важно учитывать мировоззренческие установки, которыми руководствуются политики. В этом контексте следует подчеркнуть, что чем адекватнее общественному бытию мировоззрение политиков, тем эффективнее политика.

Довольно ярко проявляет себя в современном социальном процессе закономерность: в одном и том же политическом процессе реализуются (правда, с разной степенью эффективности) различающиеся, а нередко

и противоположные, мировоззренческие установки людей.

Достаточно строго просматривается и такая социальная закономерность: одна и та же политика может формировать различные мировоззренческие установки у людей. Происходит это в силу индивидуальных, специфических их особенностей отражать явления действительности по-своему.

Вышесказанное позволяет заключить, что способность воспринимать различные точки зрения и быть гибким в том, как рассматриваются проблемы и решения, определяется как существенная часть преднамеренной трансформации, признавая, что это предполагает готовность участвовать, а не просто отстаивать инновационное мышление.

Таким образом вместо того, чтобы просто поддаваться различным давлениям, гибкость мировоззрения подразумевает сознательное и критическое отношение к данной ситуации. Роль мировоззрений и способности воспринимать перспективу в контексте глобальных социальных изменений и необходимости преднамеренной трансформации – это недостаточно изученный феномен, требующий дальнейшего изучения.

Литература

1. Волков Ю.К. Мировоззренческий статус научной картины мира: историческая и логическая ретроспекция. // В сборнике: Революция и эволюция: модели развития в науке, культуре, обществе. труды II Всероссийской научной конференции. Нижний Новгород, 2019. С. 36–39.
2. Володенков С.В. Окружающий мир как симулятивная реальность: о коммуникационных основах современного мировоззрения. // Журнал политических исследований. 2022. Т. 6. № 3. С. 20–40.
3. Бретертон, И. & Манхолланд, К.А. Внутренние рабочие модели в отношениях привязанности: пересмотренная конструкция, в Cassidy, J. & Shaver, P.R. (ред.) Руководство по привязанности: теория, исследования и клиническое применение, Нью-Йорк: Гилфорд Пресс. 1999. стр. 89–114,
4. Силлитто, Х.; Мартин, Дж.; Гриего, Р.; Маккинни, Д.; Арнольд, Э.; Годфри, П.; Дори, Д.; Кроб, Д.; Джексон, С. Что мы подразумеваем под “системой”? – Системные убеждения и мировоззрения в сообществе INCOSE. В материалах Международного симпозиума INCOSE, Вашингтон, округ Колумбия, США, 7–12 июля 2018 г.; стр. 17.

A PERSON’S WORLDVIEW AS A WAY OF ADAPTING TO THE COMPLEXITY OF SOCIAL REALITY

Tetenkov N.B.
Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov

The term “worldview” is widely used in social sciences. A worldview is a fundamental cognitive orientation of a person or group regarding the world and life – how people understand human and physical nature. The relevance of the research lies in the fact that as a person’s worldview changes, awareness can expand, covering each of these levels, which leads to an improvement in prosocial experience and behavior. The increased public consciousness, in turn, can stimulate further transformations in the worldview. The purpose of the article is to consider the features of a person’s worldview as a way of adapting to the complexity of social reality, we explore how a growing understanding and explicit awareness of public consciousness can develop due to transformations in the worldview. As a result of these processes, the worldview undergoes changes and, based on the results of the study, conclusions on adaptation to the complexity of social reality are formulated. The author comes to the conclusion that the ability to perceive different points of view and be flexible in how problems and solutions are considered is defined as an essential part of deliberate transformation, recognizing that this implies a willingness to participate, and not just to advocate innovative thinking. Thus, instead of simply succumbing to various pressures, the flexibility of the worldview implies a conscious and critical attitude to this situation. However, the role of worldviews and the ability to perceive perspective in the context of global social changes and the need for deliberate transformation is an insufficiently studied phenomenon that requires further study.

Keywords: worldview, philosophy, political science, social, beliefs, attitudes, social reality.

References

1. Volkov Yu.K. The ideological status of the scientific picture of the world: historical and logical retrospection. // In the collection: Revolution and Evolution: models of development in science, culture, society. Proceedings of the II All-Russian Scientific Conference. Nizhny Novgorod, 2019. pp. 36–39.
2. Volodenkov S.V. The surrounding world as a simulated reality: on the communication foundations of the modern worldview. // Journal of Political Studies. 2022. Vol. 6. No. 3. pp. 20–40.
3. Bretherton, I. & Munholland, K.A. (1999) Internal working models in attachment relationships: A construct revisited, in Cassidy, J. & Shaver, P.R. (eds.) Handbook of Attachment: Theory, Research and Clinical Applications, pp. 89–114, New York: Guilford Press.
4. Sillitto, H.; Martin, J.; Griego, R.; McKinney, D.; Arnold, E.; Godfrey, P.; Dori, D.; Krob, D.; Jackson, S. What do we mean by “system”? –System beliefs and worldviews in the INCOSE community. In Proceedings of the INCOSE International Symposium, Washington, DC, USA, 7–12 July 2018; p. 17.

Мистические аспекты знаменного пения

Аторин Роман Юрьевич,
к.ф.н., доцент кафедры Философии ГУУ
E-mail: romanos-85@yandex.ru

Знаменное пение является мощным пластом отечественной культуры. За семь веков существования православия древнерусские распевщики достигли больших высот в этом сакральном искусстве. Это была традиция, которая усваивалась вживую. Певческий уровень был довольно высок, что подтверждают богатство репертуара и значительное количество дошедших до нас крюковых сборников с весьма сложными распевами.

Ключевые слова: Знаменное пение, мистицизм, религиозная культура.

Одна из важнейших составляющих старообрядческой духовной традиции является знаменное пение. Его название было связано с использованием для его записи особых знаков – «знамён». Внешне знамёна, или крюки, представляли собой соединение черточек, точек и запятых в разных комбинациях. В каждом таком знамени закладывалась информация о продолжительности звуков, их количестве. Точную высоту звука знамёна не фиксировали. Это была традиция, которая усваивалась вживую: певчие и прихожане церкви воспринимали пение по слуху.

Музыкальный канон Древней Руси пришел из византийской богослужебной практики, он был подчинен определенным правилам музыкально-текстовой структуры. Основной принцип этого канона – «моно́дия», суть которой заключалась в одноголосии, часто с дублированием в октаву или унисон. Монодична по своей структуре была античная музыка. Такими были древнейшие традиции богослужебного пения в христианской церкви, включая византийские и древнерусские распевы.

За семь веков существования православия древнерусские распевщики достигли больших высот в этом сакральном искусстве. Пению в храмах всегда придавалось огромное значение. «Философия, проявляющая себя в мелодии, есть более глубокая тайна, чем о нем думает толпа. Наши напевы творятся по иным законам, нежели у тех, кто чужд нашей премудрости. Безыскусственный напев сплетается с божественным словом ради того, чтобы само звучание и движение голоса изъясняло скрытый смысл, стоящий за словами, каков бы он ни был», – писал в IV веке Григорий Нисский, раскрывая духовный смысл православного певческого искусства во всем его совершенстве» [1, с. 177]. Следует отметить, что на Руси распевы греческих певцов постепенно творчески видоизменялись, вбирая в себя специфику церковнославянского языка, особенности русского музыкального интонирования и ритмической организации и приобретая еще бо́льшую плавность и напевность. Однако принцип монодии (одноголосия) оставался неприкосновенным, и это было принципиальным моментом с точки зрения православного канона. Никто из певчих во время исполнения не убыстрял темп, никто не замедлял. Голоса всех звучали строго на одной громкости. Важно было, чтобы слышалось, что поет как бы один человек, а не несколько. Отличие от новоевропейской музыкальной системы было принципиальным. Произведения монодического склада не подразумевали гармонизации в принципе. Новоевропейский же мелодизм основан именно на гармонизации, т.е. подразумевает тональные функции, даже если это формально одноголосие. Русские знаменные распевы считаются плодами колоссального духовно-мистического опыта их творцов. А знаменное пение носило общенациональный характер. Оно разрасталось настолько стремительно сквозь все слои русского народа, что в XVII в. его стали называть «русским пением», а знаменную нотацию – «российским крюковым знаменем». Поместный Собор 1274 года, про-

ходивший во Владимире, постановил, что церковное пение и чтение должны осуществляться исключительно мастерскими людьми с навыками. Такое решение, несомненно, имело положительные последствия. С этого момента профессионализм в сфере знаменного пения стал расти, распространились специальные певческие школы и можно сказать, что в целом певческий уровень был довольно высок, что подтверждают богатство репертуара и значительное количество дошедших до нас крюковых сборников с весьма сложными распевами. Следует отметить, что царь Иван Грозный был большим поклонником знаменного пения, часто пел в составе своего хора и даже сочинял распевы сам.

Духовный смысл знаменного пения тот же, что и у иконы: освобождение души от страстей и эмоций, отстраненность от материального мира, очевидное присутствие потустороннего, надмирного начала. Унисон был чужд многоголосых интонаций, которые нужны именно в контексте выражения человеческих страстей. Знаменное пение должно было звучать максимально эпично и бесстрастно. Жестко оформленный ритм, законченность построения, плавное движение – вот его черты. Одногласное пение в храме акцентирует единомыслие, а исполнение в унисон сосредотачивает внимание поющих и слушателей именно на словах молитвы.

Знаменные распевы должны были отрывать человека от земной суеты и приближать к «Небесным Вратам», создавая в нем особое состояние, которое православные мистики-исихасты называли «священным безмолвием». Знаменное пение – это своеобразное приглашение сконцентрировать всё свое сознание на Небесном, к молитвенному созерцанию Божественных энергий, что достигнуть исключительно посредством преодоления страстей. В этой связи знаменное пение стало олицетворением торжественности. Это своего рода величественность-в-абсолюте. Именно такая философия сформировала сам неповторимый стиль пения с широкими распевами отдельных слогов текста.

Исследователь старообрядчества Борис Кутузов так характеризует стиль знаменного пения: «Еще на заре христианства св. Климент Александрийский призвал изгнать из церковного пения хроматические мелодии, используемые в светской музыке особенно при изображении человеческих эмоций. <…> Отсюда строгость, величие и бесстрастность напева. Это поистине надмирная музыка. И если иконе присуще катарсическое (очистительное) начало, то знаменному распеву это свойство присуще в высшей степени, поскольку музыкальное искусство по своей природе более активно, чем изобразительное, и способно воздействовать на самые сокровенные стороны человеческой природы» [3, с. 43–44].

В данной сфере церковного искусства так же имеются элементы, не совсем соответствующие православной восточной традиции. Речь идет о распространении в середине XVII века в России и влиянии западного партеса на православное церковное пение. После церковного раскола русское знаменное пение, которое находилось на подъеме, попало под удар. Поначалу удар был не столь ошеломительным, как, например, в сфере иконописи, однако после многочисленных «комиссий по реформированию церковного пения» всё свелось, к тому, что русское знаменное пение стало системно вытесняться западной мажорно-минорной музыкальной системы. В результате знаменному пению на смену в порефор-менную церковь постепенно пришло партесное пение. Метафизическая проблема была в том, что партесное пение «общалось» с человеком не на «надмирном» языке, а на языке чувственности. С партесным пением в церковь пришли реализм, эмоции, сентиментальность. Это все привело русское православие к надлому, так как партесное пение ассоциировалось у многих с католическим и протестантским духом.

Знаменный распев и древнерусская икона – явления, по своей духовной сущности родственные исихазму, который породил калофонический стиль знаменного распева – попытки выразить тайны горнего мира утонченными и сложными вербальными построениями [2, с. 37]. Богослужебной мелодии были присущи законы построения, абсолютно чуждые светской музыке и даже позволяющие говорить о выражении категории невещественного в церковном пении. В представлениях древней Церкви песнопения, как и другие предметы культа – воплощенные смыслы мира невидимого [4, с. 53]. «Звуки хроматические столь же гибельны для нравов, как и разные ядовитые напитки. Нужно предоставить хроматические гармонии беззастенчивым попойкам и музыке гетер с букетами. Мелодии, разнеживающие и расслабляющие душу не могут гармонировать с нашим мужественным и великодушным образом мыслей и расположений». Концепцию Климента Александрийского в отношении церковного пения, получившую позднее каноническое закрепление на VI Вселенском Соборе (75-е правило), разделяли Киприан Карфагенский, Иоанн Златоуст, блаженный Иероним Стридонский. В соответствии с концепцией Климента Александрийского музыкальная система осмогласия Иоанна Дамаскина также исключает напевы хроматического строя [2, с. 38]. Из вышеприведенных свидетельств напрашивается вывод о несоответствии партесно-хроматического пения православной традиции. Однако в середине XVII века киевские «спеваки» принесли на Русь данный вид пения, воспринятого ими от поляков. Это искусство понравилось Алексею Михайловичу Романову и патриарху Никону. Официальной датой его утверждения является 1668 год. Именно тогда, по настоятельным прошениям царя Алексея Михайловича восточные патриархи, находившиеся в Москве, одобрили ведение «новомодного» искусства для русских православных храмов [5, с. 55–56]. Знаменное пение сохранилось лишь у старообрядцев. В старообрядческих рукописях XVIII–XX вв. можно найти значительное количество записанных распевов. В настоящее время интерес к знаменному пению растет. Попыток возродить знаменное пение становится всё больше и больше. Однако, основная роль в сохранении именно духа знаменного пения принадлежит старообрядцам, сохранили традицию.

Литература

1. Вагнер Г.К., Владышевская Т.Ф. Искусство Древней Руси. – М., 1993.
2. Кутузов Б. О возрождении знаменного пения в церковном богослужении // Журнал Московской Патриархии. № 11. 1999.
3. Кутузов Б.П. Русское знаменное пение. Изд. 2-е. – М., 2008.
4. Лозовая И.Е. Самобытные черты знаменного распева. Диссертация на соискание ученой степени кандидата искусствоведения. – М., 1984.
5. Община старообрядцев-липован Приморско-Ахтарского района: История и культура. – Краснодар, 2006.

RELIGIOUS ASPECTS OF BANNER SINGING

Atorin R.Y.
GUU

Znamenny singing is a powerful layer of Russian culture. During the seven centuries of the existence of Orthodoxy, the Old Russian

chanters have reached great heights in this sacred art. It was a tradition that was assimilated live. The singing level was quite high, which is confirmed by the richness of the repertoire and a significant number of extant hook collections with very complex chants.

Keywords: Znamenny singing, mysticism, religious culture.

References

1. Wagner G.K., Vladyshevskaya T.F. The Art of Ancient Russia. – M., 1993.
2. Kutuzov B. On the revival of znamenny singing in church worship // Journal of the Moscow Patriarchate. No. 11. 1999.
3. Kutuzov B.P. Russian Znamenny singing. Ed. 2-E. – M., 2008.
4. Lozovaya I.E. Distinctive features of znamenny chant. Dissertation for the degree of Candidate of Art History. – M., 1984.
5. The community of Old Believers-Lipovan Primorsko-Akhtarsky district: history and culture. – Krasnodar, 2006.

Тренды развития коммуникативных технологий современной информационной войны

Кафтан Виталий Викторович,
д.ф.н., профессор, заместитель руководителя Департамента массовых коммуникаций и медиабизнеса Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: VVKaftan@fa.ru

Молодцов Игорь Николаевич,
к.п.н., руководитель Департамента массовых коммуникаций и медиабизнеса Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: INMolodtsov@fa.ru

Статья посвящена исследованию основных трендов развития коммуникативных технологий современной информационной войны. На основе анализа динамики изменения в сфере коммуникаций и становления информационного общества выявляются наиболее существенные направления, представляющие опасность для российского государства, общества и личности в условиях развития современного информационного противоборства.
Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета при Правительстве РФ.

Ключевые слова: информационная война, ИКТ, медиатизация, визуализация, автоматизация, интеграция, диффузная война, мем, боевой рой.

В условиях борьбы субъектов, существующих геополитических систем однополярного и многополярного мира, информационная война как один из инструментов ее реализации приобретает все большую значимость. Так, Президент Российской Федерации В.В. Путин, выступая 20 мая 2022 г. на Совете Безопасности, отметил следующее: «Сегодня против России развязана настоящая война в информационном пространстве. Количество информационных атак увеличилось в разы, они четко скоординированы, в том числе различными иностранными госструктурами…» [11].

Для оказания должно уровня противодействия этим угрозам необходимо проанализировать основные направления развития информационно-коммуникативных технологий, применяемых западными социальными акторами в информационной войне против России.

Анализ динамики изменения в сфере коммуникаций и становления информационного общества в контексте развития информационно-коммуникативных технологий информационной войны показывает, что они могут быть охарактеризованы следующими основными трендами: *медиатизацией, визуализацией, автоматизацией, интеграцией.*

Медиатизация представляет собой процесс взаимопроникновения политики и средств массовой коммуникации, в ходе которого медиа конструируют новую социальную реальность, наделяют социальное пространство идеологическими смыслами в целях управления массовым сознанием аудитории.

М. Маклюэн и М. Кастельс выдвинули идею, согласно которой на развитие социума оказывает революционное влияние появление новых медиа технологий, приводящих к кардинальным трансформациям в политике, экономике, социальной и духовной сферах. В этой связи исследователи разделили историю развития социума на определенные периоды, которые получили названия «галактик»: *устная* (нарративы, мифы), *письменная* (тексты), *печатная* (печатное слово), *электрическая* (радио, телевидение, кино, фото) и *сетевая галактики* (интернет, социальные сети, мейнстрим). Причем каждая последующая галактика может подчинять себе предыдущие медиа и даже интегрировать их с вновь возникшими технологиями.

Так, одной из наиболее перспективных форм ведения современной информационной войны, связанной с медиатизацией, является *диффузная война* – это управление информационным пространством, направленное на изменение контекста и трансформацию базовых смыслов и мировоззренческих координат индивида, требующее для реализации своих целей каналов передачи, в качестве которых используются все виды современных медиа.

Э. Хоскинс и Б. О'Лафлин в своей книге «Война и медиа: возникновение диффузной войны» высказывают мнение, что благодаря процессам медиатизации, когда СМИ трансформирует социальные и культурные институты общества, война становится рассеянной через

сложную сеть повседневных средств массовой информации, которые выступают очагом войны, что и облегчает, и сдерживает присутствие и силу врагов ближних и дальних [14].

Согласно Хоскинсу и О›Лафлину можно проследить три этапа развития медиавойны. Первый из них – телевизионный, связан с установлением единой повестки дня – мейнстрима. Второй этап – утрата монополии на вещание журналистами и передача инициативы свидетелям событий и «диванным экспертам». Третий этап характеризуется установлением нелинейной повестки дня, «когда внезапно будут возникать потерянные или спрятанные изображения, разрывающие существующие нарративы прошлых и нынешних событий» (например, ролики с разнообразными казнями представителями ИГИЛ западных журналистов).

В настоящее время, благодаря становлению новой социальной реальности, выстраиваемой на принципах синергетики и социального хаоса, роль медиа все более возрастает, они становятся главным средством «тумана войны», на смену медиа нисходящего вертикального каскада «один ко многим» из централизованных структурированных источников, приходит восходящее одноранговое общение горизонтального характера «многие ко многим». Если ранее полем коммуникационной атаки могли быть только «классические» СМИ: газеты, журналы, радио, ТВ, их интернет-версии и было понятно, откуда мог прийти репутационный удар политику, компании, государству, то с появлением глобальных социальных сетей и мессенджеров, блогеров-миллионников «информационное нападение возможно осуществить каждому из неконтролируемой партизанской армии миллиардов пользовательских сообщений, каждое из которых грозит стать репутационной катастрофой» [8, с. 5].

К актуальным трендам развития информационно-коммуникативных технологий информационной войны следует также отнести *визуализацию* – придание зримой формы любому мыслимому объекту, процессу, явлению, как реально существующим, так и созданным в сознании, основанное на способности сознания видеть предметы в образах [6, с. 18].

Большинство медиа с конца XIX века носило визуальный характер (фотография, кино, телевидение, видео) в силу наглядности, легкого усвоения, доходчивости и простоте образной информации. Опираясь на визуальные концепции Э. Ги Дебора, М. Фуко, Ж. Бодрийяра, можно утверждать, что власть имеет наглядно-театральный характер, визуальные образы с помощью специализированных медиа фактически конструируют зрелищную реальность, которая становится для аудитории гораздо более убедительной чем серые будни повседневной действительности.

Воплощением визуализации является – *меметическая война*. Американские военные ученые М. Проссер, К. Хенсон, Д. Гиззи, предложили термин «меметическая война», понимаемой как создание самовоспроизводящихся сетевых информационных шаблонов, осуществляющих конкуренцию за «элементы культуры, убеждения» [15], «нарративы, идеи и социальный контроль» [13, с. 67–75].

Концепцию *мемов* (др. греч. μίμημα – подобие) – носителей культурной информации в образной форме, по аналогии с генами, носителями наследственной информации, разработал британский ученый Р. Докинз. По его мнению, культура и религия представляет собой *мемплексы* – комплексы взаимосвязанных мемов, некоторые из которых дошли до нас из глубины веков. Главная характеристика мема – способность к репликации, то есть к образованию собственных копий, посредством сознания инфицированного, которое выступает своеобразными ячейками памяти вируса [4]. Мем является своего рода образным вирусом, который в коммуникативном пространстве скрытым образом встраиваются в информационную систему, преобразует ее коды и, таким образом, система начинает функционировать в соответствии с новой заданной извне программой.

Механизм действия медиавируса работает следующим образом. Выбирается определенная идея, которая вирусмейкерами дробится на мелкие части, каждая из которых получает свою оболочку и распространяется в информационном поле с помощью различных носителей: некоммерческих организаций, блогеров, агрегаторов новостей, лидеров общественного мнения, новых и старых медиа.

Объект получает медиавирус в замаскированном виде троянского коня, не замечая своего инфицирования, формирует из различных мемов, как ему кажется собственный взгляд на проблему, не подозревая, что части этой искусственно созданной головоломки подбрасываются ему с целью изменения его мировоззрения, оценки тех или иных действий власти, политических событий или документов. Конечной целью является «заражение» определенными идеологическими конструктами, вирусная эпидемия целевой группы.

Еще одним трендом развития информационно-коммуникативных технологий современной информационной войны выступает «*автоматизация*» – высвобождение индивида от прямого участия в технологических процессах. Так, благодаря цифровизации социума (создании ИИ, компьютеризация социальной жизни, роботизация труда) сегодня появляется возможность автоматизировать войну, максимально снизив в ней роль человеческого фактора.

М. Деланда рассматривает историю войн во взаимосвязи с историей технологий, выделяя четыре этапа развития машин войны: *заводной машины, моторной, бетонной* и *абстрактной машин* [3, с. 35].

В качестве примера реализации *«заводной машины»* (механизма, который приводился в движение в результате закручивания пружины) можно привести машину войны Нового времени – использование тактики «групповой дуэли», в рамках которой группы войск, выстроенные на поле боя в линейные шеренги, обмениваются поочередно выстрелами из своих мушкетов, меняя друг друга. В такой армии в полном соответствии с Ж. де Ламетри, солдат превращается в подобие заводных часов.

Модель *«моторной машины»* была реализована Наполеоном в ходе революционных войн, которые вела Франция с армиями Европы, построенными на принципе «заводных машин». Новация французского императора заключалась не в реализации изобретения мотора (он отверг использование пароходов для высадки морского десанта на Британские острова), а в использовании им энергии революционного патриотизма.

Этот высокий моральный дух сделал возможным добровольный призыв на военную службу (в армии заводной машины господствовал принцип вербовки или насильственного призыва), а также позволило наделить командование батальонного уровня инициативой и способностью войск к децентрализации, поскольку французские командиры не боялись, как и противники, бесконечных случаев дезертирства.

Следуя этой мысли, необходимо отметить, что поражение Наполеона в Отечественной войне 1812 г., обусловлено, не холодом и голодом его многотысячной армии, как считают многие современные историки, а как раз еще более усовершенствованной моторной парадигмы патриотизма, выдвинутой М.И. Кутузовым. Главная суть которой заключалась в распространении идеи ве-

дения всенародной войны против французских захватчиков: «Вера, воспитание и язык – самые сильнейшие средства к возбуждению и вкоренению в нас любви к Отечеству» [9].

Реализация модели *«бетонной машины»*, по мнению исследователя, представлена в деятельности Генерального штаба немецкой армии, созданного генерал-фельдмаршалом Х. фон Мольтке. Так, вместо разработки боевых документов по заданию короля Пруссии, офицерские кадры вели аналитическую работу, в рамках которой определяли наиболее вероятные угрозы для государства, делали самостоятельные военно-политические и стратегические выводы, на основе которых самостоятельно готовил планы военных действий. И в конечном счете бетонная машина обеспечила объединение Германии «железом и кровью». При этом стоит учесть, что одним из недостатков такой мегамашины является недопущение альтернативных вариантов реализации планирования, которое может привести к провокации начала войны, даже при нежелании всех сторон ее начинать.

Основанием для развития модели *«абстрактной машины»* являются открытия Д. Неймана и А. Тьюринга в области абстрактной математики и кибернетики, которые обеспечили внедрение в военной дело электронно-вычислительных машин и некоторых элементов ИИ. Абстрактная машина войны в ближайшее время должна полностью изменить военное ремесло, максимально автоматизируя его и превращая из бойца, обязанного физически лицом к лицу участвовать в схватке с противником, напрягая все силы для того, чтобы его повергнуть, в оператора, дистанционно управляющего роботизированным механизмом, и уничтожающего врага в комфортных условиях на безопасном расстоянии.

Следующим перспективным направлением развития информационно-коммуникативной оснастки современной информационной войны является *интеграция* (от лат. *integratio* – «соединение») – синтезирование разнородных элементов в единую среду на основе некоторых принципов. Американский исследователь М. Моффет рассматривает процессы интеграции, протекающие в обществе, через призму функционирования социальных объединений, основанных на принципах «*роения*» – определенный тип соединения, при котором элементы связывается между собой в одну систему, но оставаясь при этом в известной степени самостоятельным [7].

Д. Аркуилла и Д. Ронфельдт – сотрудники корпорации RAND, анализируя динамику вооруженных столкновений в истории войн, пришли к выводу, что новым видом борьбы является *боевой рой* – создание множества автономных, децентрализованных и диффузных подразделений, способных к нанесению ущерба в наиболее уязвимых местах противника, при этом главной целью является не физическое поражение врага, а его дезорганизация [12].

Из различных видов боевого роя, по их мнению, особой эффективностью отличаются *оппортунистический (соглашательский) рой,* представляющий собой «беспорядочные атаки» комаров, когда каждый из атакующих преследует свою собственную выгоду и *целевой рой* – борьба вирусов и бактерий с антителами в организме человека, когда целью служит иммунная система. Свою модель боевого роя исследователи предлагали применять для анализа действий партизанских и повстанческих формирований, а также для подразделений специального назначения будущего и террористическо-диверсионной войны.

Дальнейшее развитие концепция боевого роя получила в ходе широкомасштабного применения ударных БПЛА в целях поражения критически важных объектов противника на поле боя. Ярким примером здесь выступает использование дронов-камикадзе в ходе проведения СВО на Украине.

Современный этап развития концепции боевого роя связан с осознанием наличия так называемых *интегрированных коммуникаций* – представляющих собой консолидированное использование взаимоувязанных традиционных мобилизационных по своему характеру стратегий (пропаганды, агитации и др.) и маркетинговых стратегий (рекламы, брендинга, имиджмейкинга, связей с общественностью и др.) для доставления сообщений аудитории в интересах ведения информационной войны.

Теоретик медиа А. Галлоуэй предложил свою классификацию коммуникаций, основываясь на греческо-латинском пантеоне богов. Так, передача сообщения субъектом и ее интерпретация объектом, названа им *Гермесом* (посланник Зевса, доносивший его волю до людей).

Другой вид коммуникации обозначен как *Ирида* – богиня радуги, доставляющая со скоростью ветра избыточно ясные и недвусмысленные сообщения приказного характера от богини Геры ее адресатам.

Еще один вид коммуникации получил наименование *Фурий* – в римской мифологии так зовутся яростные богини мести. Фурии – это не иерархическое единство, а самоорганизующееся множество, толпа-рой. Это переплетение проводов, шум-гул, издаваемый изменчивым сообществом взаимосвязей ризомного характера [5]. В ходе коммуникации-фурии на место явного текста или знака приходит распределенная сеть автономных агентов, множества индивидов, чьи голоса сливаются в сообщение. Человек в сети сталкивается не с подробно расписанной и аргументированной позицией, а с «расхожим мнением», представленным в виде хаотичного потока картинок, восклицаний, шуток, непроверяемых историй «из жизни» и т.п.

Роевые коммуникации действуют в едином «пакете» для получения конкурентного преимущества и осуществления комплексного влияния акторов на массовое сознание с помощью согласованных, но различных сообщений для аудиторий, относящейся к разным коммуникативным средам в целях формирования их лояльности и доверия.

Так, в ходе создания новой реальности городской войны в СВО на Украине, когда десятки тысяч людей с обеих сторон находятся под постоянными обстрелами артиллерийским и ракетным вооружением с риском для жизни, когда проводятся многомесячные разрушительные и кровопролитные штурмы крупных городов на Донбассе, удерживаемых украинскими националистами, частной военной компанией Вагнер и другими вооруженными формированиями России возникает четвертое пространство – информационное поле, в котором столкновения в духовной сфере имеют не менее ожесточенный характер. Население городов является наиболее уязвимым для информационного воздействия, поскольку оно находится между двух огней и может иногда даже действовать в соответствии со стокгольмским синдромом, поддерживая не освободителей, а боевиков, которые держат стариков, женщин и детей в качестве заложников, укрываясь за их спинами.

Из вышесказанного следует, что в условиях функционирования глобального информационного противоборства активно формируются определенные направления развития информационно-коммуникативных технологий информационной войны, среди которых наиболее актуальными представляются следующие тренды: медиатизация («диффузная война» – управление информаци-

онным пространством), визуализация («меметическая война» – разработка мемкомлексов и мемовирусов), автоматизация («абстрактная машина войны» – цифровизация общества, широкомасштабное применение роботизированных комплексов) и интеграция (применение роевых коммуникаций). В этой связи технологии информационного воздействия выходят на новый более качественный уровень, характеризуемый повышением их результативности и избирательности информационного влияния, скрытностью и оперативностью применения, а также использованием широкого спектра цифровых технологий.

Литература

1. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. – М.: Постум, 2015. – 240 с.
2. Дебор Э. Общество спектакля. – М.: Логос, 2000. – 184 с.
3. Деланда М. Война в эпоху разумных машин. – Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2014. – С. 35.
4. Докинз Р. Эгоистичный ген. – М.: Мир, 1993. – 316 с.
5. Галлоуэй А., Такер Ю., Уорк М. Экскоммуникация. Три эссе о медиа и медиации. – М.: Ad Marginem Пресс, 2022. – 257 с.
6. Жигарева А.А. Визуализация социального пространства современного российского общества (социально-философский анализ): Автореф. …дис. канд. филос. наук. – М., 2011. – С. 18.
7. Моффетт М. Человеческий рой. Естественная история общества. – М.: КоЛибри, 2022. – 660 с.
8. Солопов Д., Гладкова К. 10 заповедей коммуникационной войны. Как победить СМИ, Instagram и Facebook. – М.: Альпина Паблишер, 2020. – С. 5.
9. Шишков А.С. Рассуждение о любви к Отечеству. – СПб., 1812.
10. Фуко М. Надзирать и наказывать. – СПб.: Олма-пресс, 2005. – С. 20.
11. Против России развязана настоящая война». Как она будет защищаться. [Электронный ресурс] – URL: https://www.gazeta.ru/politics/2022/05/20/14882558.shtml?ysclid=lffgo66kco880422151 (дата обращения: 19.03.2023).
12. Arquilla J., Ronfeldt D. Swarming and the Future of Conflict. Santa Monica: Rand. National Defense Research Institute, 2000.
13. Giesea J. StratCom. Defence Strategic Communications. Vol. 1. 2015. P. 67–75.
14. Hoskins A., O'Loughlin B. War and Media. – Cambridge: Polity, 2010. – 242 p.
15. Prosser M. Memetics-A Growth Industry in US Military Operations // United States Marine Corps. 2018. 19 Feb.

TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF COMMUNICATION TECHNOLOGIES OF MODERN INFORMATION WARFARE

Kaftan V.V., Molodtsov I.N.
Financial University under the Government of the Russian Federation

The article is devoted to the study of the main trends in the development of communication technologies of modern information warfare. Based on the analysis of the dynamics of changes in the sphere of communications and the formation of the information society, the most significant directions that pose a danger to the Russian state, society and personality in the context of the development of modern information warfare are identified.

The article was prepared based on the results of research carried out at the expense of budgetary funds under the state assignment of the Financial University under the Government of the Russian Federation.

Keywords: information warfare, ICT, mediatization, visualization, automation, integration, diffuse warfare, meme, combat swarm.

References

1. Baudrillard J. Simulacra and simulation. – M.: Postum, 2015. – 240 p.
2. Debor E. The Society of the performance. – M.: Logos, 2000. – 184 p.
3. Delanda M. War in the era of intelligent machines. – Yekaterinburg: Cabinet scientist, 2014. – p. 35.
4. Dawkins R. Egoistic gene. – M.: Mir, 1993. – 316 p.
5. Galloway A., Tucker Y., York M. Excommunication. Three essays on media and mediation. – Moscow: Ad Marginem Press, 2022. – 257 p.
6. Zhigareva A.A. Visualization of the social space of modern Russian society (socio-philosophical analysis): Abstract. …dis. cand. philos. sciences. – M., 2011. – P. 18.
7. Moffett M. Human swarm. Natural History of society. – Moscow: KoLibri, 2022. – 660 p.
8. Solopov D., Gladkova K. 10 commandments of communication warfare. Facebook Instagram and How to defeat the media. – M.: Alpina Publisher, 2020. – P. 5.
9. Shishkov A.S. Reasoning about love for the Fatherland. – St. Petersburg., 1812.
10. Foucault M. To supervise and punish. – St. Petersburg: Olma-press, 2005. – P. 20.
11. A real war has been unleashed against Russia." How she will defend herself. [Electronic resource] – URL: https://www.gazeta.ru/poli-tics/2022/05/20/14882558.shtml?ysclid=lffgo66kco880422151
12. Arquilla J., Ronfeldt D. Swarming and the Future of Conflict. Santa Monica: Rand. National Defense Research Institute, 2000.
13. Giesea J. StratCom. Defence Strategic Communications. Vol. 1. 2015. P. 67–75.
14. Hoskins A., O'Loughlin B. War and Media. – Cambridge: Polity, 2010. – 242 p.
15. Prosser M. Memetics-A Growth Industry in US Military Operations // United States Marine Corps. 2018. 19 Feb.

Умное управление (smart governance) как новый концепт в теории и практике публичного управления

Ушаков Евгений Владимирович,
к.ф.н., доцент кафедры государственного и муниципального управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Северо-западный институт управления)
E-mail: e_uszakow@mail.ru

В статье обсуждается развитие понятия умного управления, которое стало активно использоваться в последнее время в теории и практике публичного управления. В данном понятии отражены растущие требования к публичному управлению, продолжающийся рост информационно-технических возможностей для поддержки задач управления, а также возрастание сложности самих управляемых объектов. В статье рассмотрены такие направления (области) развития умного управления как связь с проблемами формирования общества знаний и современными вызовами, с которыми сталкивается демократия (концепция Х. Вильке), секторальные политики (на примере здравоохранения), а также связь концепта умного управления с электронным правительством и международным движением за развитие умных городов (smart cities). Умное управление – многосторонний комплексный концепт, подлежащий дальнейшему развитию. В данном понятии отражается целостное видение современных управленческих подходов и методов, организованных в виде адаптивных и высокоэффективных комплексов.

Ключевые слова: публичное управление, публичная политика, цифровизация управления, информационное общество, общество знаний, умные города, хорошее управление.

Понятие умного (или разумного) управления (smart governance) активно обсуждается в последние 15 лет. Сам этот термин был предложен немецким исследователем Хельмутом Вильке в 2007 г. [1]. Растущий массив публикаций и разнообразные контексты его использования порождают потребность в более четком прояснении того, что же сегодня понимается под данным понятием.

Прежде всего, понятие смарт-управления естественным образом обретает свои первоначальные координаты в сопоставлении с широко распространенным в науке и практике публичного управления концептом хорошего управления (good governance).

Идею умного управления можно рассматривать в определенном смысле как дальнейшее развитие парадигмы good governance в сторону достижения большего соответствия базисных идей хорошего управления реалиям XXI века. Конечно, концепция good governance сама по себе имеет обширный объем и включает в себя различные идеалы публичной политики и управления. Поэтому можно было бы сказать, что умное управление по существу ничего не добавляет к уже известной и устоявшейся парадигме good governance. Однако на самом деле комплекс идей под названием smart governance представляет собой несколько иную конфигурацию общей концепции управления, в том числе с определенной расстановкой акцентов и выделением новых полей обсуждений и разработок в области управленческой мысли и практики.

В концепции Хельмута Вильке формирование умного управления (или необходимость в развитии такого типа управления) тесно связано с современными процессами становления *общества знаний*. Более точно, потребность в смарт-управлении обусловлена фундаментальной и всюду проникающей неопределенностью, порождаемой (что на первый взгляд несколько парадоксально) самим же обществом знаний.

По определению Х. Вильке, умное управление – это сокращенное название для совокупности принципов, факторов и возможностей, которые составляют форму управления, способную соответствовать условиям и требованиям образующегося общества знаний [2, p. 365].

Далее, разумное управление направлено на разработку адекватных способов управления для очень сложных, взаимосвязанных социальных систем, характеризующихся высокой степенью беспорядка и неуправляемости (примером могут служить мегаполисы) [2, p. 365].

Таким образом, с точки зрения цели, которая должна быть достигнута с развитием и внедрением умного управления (если интерпретировать его довольно широко), smart governance – это достаточно эффективный и компетентный уровень управления, позволяющий находить ответы на сложные вызовы современности и использующий необходимые средства различной природы (технические, организационные, интеллектуальные и др.). При этом более конкретное наполнение этого термина (что же следует понимать под достижением надлежащей степени «разумности» управления и какие управленческие средства имеют приоритетное значение) оставляет определенное пространство для выборов конкретных конфигураций.

Так, в концепции Х. Вильке важнейшую роль играет коллективный (а точнее, системный, или системно организованный) разум – как интеллект, воплощенный в демократическом устройстве общества, распределенный и рассредоточенный, способный порождать необходимое разнообразие, обучаться, находить нестандартные решения и т.п. Немецкий исследователь возлагает немалые надежды на коллективные ресурсы современного общества – в том числе на такие структуры, как аналитические центры, НПО, внепартийные группы по интересам и т.п. Вырабатываемый ими политико-управленческий потенциал не зависит от быстротечных электоральных циклов, порождает возможности для стратегически ориентированных подходов, концепций и решений [2, p. 374].

При этом, описывая важнейшие характеристики умного управления, связанные с ним ожидания, а также проблемы, которые данный тип управления должен преодолеть, Х. Вильке в действительности пытается решить более фундаментальную социально-политическую проблему. А именно: он стремится ответить на вопрос, чем вообще должно быть демократическое правление в современную эпоху (учитывая то, что демократия как форма публичной власти широко подвергается критике за недостаточную эффективность и другие недостатки перед лицом вызовов современного мира).

В дальнейшем развитие идеи умного управления пошло по различным направлениям.

Так, следует отметить эволюцию данного концепта на более прикладном, секторальном уровне – в частности, для решения современных проблем общественного здравоохранения. В монографии, изданной в 2012 г. Европейским региональным бюро Всемирной организации здравоохранения (ЕРБ ВОЗ) термин «умное управление» использован для обозначения комплекса новых подходов к решению наиболее сложных проблем здравоохранения [3, p.52]. В данной работе подчеркивается, что объединяемые термином «умное управление» подходы уже внедряются в Европе и во многих других частях мира, где правительства по-новому подходят к управлению в интересах общественного здравоохранения и благополучия, основываясь на более широком понимании здоровья и на изменениях во взаимодействиях государства и общества [3, p.52].

В данной работе были выделены основные составляющие умного управления (или его базовые компоненты, направления). К ним авторы отнесли (1) управление на основе сотрудничества; (2) управление с помощью привлечения граждан; (3) управление на основе комбинации регулирования и убеждения; (4) управление с помощью независимых агентств и экспертных органов; (5) управление посредством адаптивной политики, жизнестойких структур и предвидения (дальновидности) [3, p.53].

Например, руководство посредством сотрудничества основано на понимании того, что традиционные границы системы здравоохранения становятся все более размытыми. Здравоохранение в настоящее время – это не только сектор, но, скорее, эмерджентная область, связанная с другими сложными адаптивными системами и динамичными сетями и отношениями с множеством сопутствующих эффектов [3, p.54]. Здоровье во все большей степени определяется такими факторами, как скорость развития современного общества, глобализация рынков, растущая мобильность людей и их незащищенность, уровень энергозатрат, изменение климата, продовольственное обеспечение, деятельность в области рисков и безопасности, а также сфера деятельности средств массовой информации [3, p.54].

Поэтому здравоохранение должно активно взаимодействовать и вырабатывать скоординированную политику совместно с другими сферами общественной деятельности, с частным сектором, неправительственными организациями и т.п.

Действительно, необходимость использования общего подхода и конкретных форм smart governance в области здравоохранения стала особо острой в связи с недавним прорывом коронавирусной инфекции. Борьба с новой пандемией потребовала экстренной мобилизации служб здравоохранения, а также активизации дополнительных ресурсов (представителей других служб, общественных организаций, волонтеров и др.) в условиях фундаментальной неопределенности, организационного кризиса, быстро наступающих и развертывающихся негативных событий.

В рассматриваемой нами монографии ВОЗ приводится немало примеров перспективных инициатив в области здравоохранения, подпадающих под понятие умного управления. Очевидно, что предложенные компоненты разумного управления, а также хорошие практики и вдохновляющие примеры вполне могут быть применены и к другим общественным секторам – охране окружающей среды, образованию, энергетике, сельскому хозяйству и др.

Таким образом, развитие идеи умного управления в здравоохранении пошло по пути наполнения конкретным содержанием и выделения основных компонент данного подхода; при этом акцент делается на взаимодействиях специализированных структур и других секторов, на сотрудничестве с обществом, гражданами, а также на использовании стратегического и адаптивного мышления как основы организационно-управленческой деятельности.

Существенно иная линия развития концепта умного управления связана с развертыванием новых информационно-коммуникационных технологий и инфраструктур. В этом контексте smart governance часто рассматривают как новый этап эволюции е-правительства (e-government) [4, pp.264–265]. При этом, как правило, подчеркиваются качественно новые возможности работы с данными (по сравнению с «просто» электронным правительством). Внедрение технологических инноваций одновременно порождает (или должно порождать) и новые структуры и формы для взаимодействия правительства и граждан.

Однако более тесно развитие понятия умного управления оказалось связано с формированием международного движения в области умных городов (smart cities). Это движение берет свое начало с 2010 г., когда корпорация IBM учредила проект «Умные города», пожертвовав 50 млн долларов на технологии и услуги 100 городам.

На сегодняшний день множество городов в различных областях мира полностью переходят на стратегию развития по типу smart city либо частично заимствуют те или иные технологии умного города.

Существует большое количество определений термина «умный город». Остановимся только на одном. Это широкое определение умного города как совокупности жизненных условий, в которых технологии обеспечивают эффективную взаимосвязь между данными и их приложениями для того, чтобы формировать отзывчивую, устойчивую, здоровую городскую среду. Функциональные аспекты этой взаимосвязи заключаются в том, что умный город более оперативно реагирует, прогнозирует, приспосабливается и способен к обучению [5, p.6].

Развертывание проектов умных городов предполагает внедрение передовых информационно-

коммуникационных технологий с участием высокоскоростной мобильной связи, интернета вещей, больших данных, нейронных сетей и др.

В этом контексте в понимании умного управления на первый план вышла именно информационно-технологическая составляющая. Так, в одном из определений smart governance характеризуется как способность применять цифровые технологии и интеллектуальные действия при обработке информации и принятии решений [6, p.149].

Однако следует признать, что это слишком суженное, технико-центрическое истолкование умного управления.

При всем разнообразии инициатив по трансформации городских населенных пунктов в умные города (или по их созданию «с нуля» – как, например, в случае Сонгдо или Трежер-Айленда) в различных местах планеты приходит понимание того, что умный город – не просто использование технологической инфраструктуры для создания современной городской среды, но реализация многостороннего, комплексного проекта, включающего социальные, политические, организационные и другие аспекты.

Так, в известной и часто цитируемой работе Р. Гифингера и соавт. (2007) выделяется шесть обобщенных характеристик (или полей развития) умного города: Смарт экономика (конкурентоспособность), Смарт люди (социальный и человеческий капитал), Смарт управление (Smart governance), Смарт мобильность (транспорт и ICT), Смарт окружающая среда (Smart environment), Смарт качество жизни [7].

Понятие smart governance в этом контексте понимается как непосредственно управление умным городом и включает такие компоненты, как участие в процессах принятия решений, государственные и социальные услуги, транспарентность управления, политические стратегии и перспективы [7, p.12].

Действительно, переход городского населенного пункта к желаемой цели smart city требует решения ряда сложных и специфических задач. Умный город должен удовлетворять множественным требованиям (иногда слабо совместимым друг с другом). Например, к ним можно отнести развитие зеленой экономики и снижение выбросов в окружающую среду; создание комфортной среды, обеспечивающей приток «необходимых» для города индивидов (туристов, креативного класса, дешевой рабочей силы и т.п.); экономию электроэнергии; снижение уровня преступности; эффективное управление отходами и т.д.

В этой связи понятие smart governance для умных городов оказывается намного шире, чем (только) способность управлять данными на основе современных информационных технологий (при всей неоспоримой значимости технологической составляющей).

Управление – это в конечном счете процесс, ведомый обществом, его различными структурами (в том числе высокоспециализированными), в котором огромную роль играют индивиды, профессиональные и более широкие группы, различные сообщества. И этот процесс должен быть как минимум соразмерен, адекватен все возрастающим возможностям информационных технологий, аналитических ресурсов и т.п., связанных с общим развитием науки и технологий, с накоплением знаний и управленческого опыта.

Задача создания форм умного управления требует эффективной интеграции информационно-технологических платформ (в том числе специализированных смарт-платформ для городского управления) с организационными, политическими, интеллектуальными, культурными и др. ресурсами индивидов и сообществ, участвующих в управлении.

«Разумность» (smartness) управления как раз отражает уровень умений участников управляющего процесса решать сложнейшие современные проблемы, а также способность находить и использовать адекватные ресурсы самой разнообразной природы и комбинировать их в необходимые конфигурации для осуществления управленческой деятельности, принятия решений, а также сопутствующей работы (анализа, прогнозирования, мониторинга и т.п.).

Таким образом, smart governance – это многосторонний, комплексный концепт, который будет развиваться и дальше. В комплексе идей умного правительства можно выделить следующие основные моменты.

1. Возрастающие требования к современному управлению, обусловленные ростом сложности и разнообразия задач, которые возлагаются на структуры публичного управления.

2 Продолжающийся рост информационно-технических возможностей для поддержки задач управления, в том числе выражающийся в создании специализированных инфраструктур, или платформ с использованием передовых технологий искусственного интеллекта, больших данных и т.п.

3 Возрастание сложности самих управляемых объектов, систем, процессов. Для успешного выполнения задач управления в этих условиях требуются новые методы работы с неопределенностью и сверхсложностью, создание новых форм взаимодействий различной природы (социальных и технических систем, междисциплинарной и межсекторальной кооперации и др.).

В целом концепт smart governance представляет собой интегративное видение современных управленческих подходов и методов, организованных в виде гибких, адаптивных, обновляющихся, стратегически ориентированных комплексов.

Литература

1. Willke H. Smart governance: governing the global knowledge society. Frankfurt, Campus Verlag, 2007
2. Willke H. Smart Governance. Complexity and the Megacity. In: Matthiesen, U., Mahnken, G. (eds) Das Wissen der Städte. VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2009
3. Kickbusch I., Gleicher D. Governance for Health in the 21st Century World Health Organization. Regional Office for Europe, 2012
4. Anthopoulos L.G. Understanding Smart Cities: A Tool for Smart Government or an Industrial Trick? Springer, 2017
5. Handbook of Smart Cities / edited by J.C. Augusto. Springer, 2021
6. Pereira G.V., Parycek P., Falco E., Kleinhans R. Smart governance in the context of smart cities: A literature review. Information Polity, 2018, 23, 143–162.
7. Giffinger R., Fertner C., Kramar H., Kalasek R., Pichler-Milanovic N., Meijers E. Smart Cities – Ranking of European medium-sized cities. Vienna University of Technology, 2007

SMART GOVERNANCE AS A NEW CONCEPT IN THE THEORY AND PRACTICE OF PUBLIC ADMINISTRATION

Ushakov E.V.
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management)

The article discusses the development of the concept of smart governance, which has become widely used recently in the theory and practice of public administration. This concept covers the growing requirements for public administration, the continuing growth of in-

formation technology capabilities to support management tasks, as well as the increasing complexity of the governed objects themselves. The article considers such areas of the development of smart governance as the connection with the problems of the emergence of the knowledge society and the modern challenges faced by democracy (H. Willke's theory), sectoral policies (healthcare as an example), as well as the connection of the concept of smart governance with e-government and the international movement for the development of smart cities. Smart governance is a multidimensional, complex concept that is subject to further development. This concept represents a holistic vision of modern management approaches and methods organized in the form of adaptive and highly effective complexes.

Keywords: public administration, public policy, digitalization of governance, information society, knowledge society, smart cities, good governance

References

1. Willke H. Smart governance: governing the global knowledge society. Frankfurt, Campus Verlag, 2007
2. Willke H. Smart Governance. Complexity and the Megacity. In: Matthiesen, U., Mahnken, G. (eds) Das Wissen der Städte. VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2009
3. Kickbusch I., Gleicher D. Governance for Health in the 21st Century World Health Organization. Regional Office for Europe, 2012
4. Anthopoulos L.G. Understanding Smart Cities: A Tool for Smart Government or an Industrial Trick? Springer, 2017
5. Handbook of Smart Cities / edited by J.C. Augusto. Springer, 2021
6. Pereira G.V., Parycek P., Falco E., Kleinhans R. Smart governance in the context of smart cities: A literature review. Information Polity, 2018, 23, 143–162.
7. Giffinger R., Fertner C., Kramar H., Kalasek R., Pichler-Milanovic N., Meijers E. Smart Cities – Ranking of European medium-sized cities. Vienna University of Technology, 2007

Влияние внешней политики США на сотрудничество между КНР и АСЕАН

Донцов Анатолий Сергеевич,
магистрант кафедры дипломатии МГИМО МИД России
E-mail: dontsov_a_s@my.mgimo.ru

В статье рассматриваются отношения Китая и АСЕАН в условиях набирающего обороты противостояния Вашингтона и Пекина в АТР. Исследуется история налаживания связей Китая и Ассоциации, успехи и неудачи в отношениях между сторонами. Изучается воздействие политического курса США, направленного на сдерживание развития КНР и присоединение государств ЮВА к Американской сфере влияния, на сотрудничество между Китаем и АСЕАН. Рассматриваются политические действия Вашингтона в рамках конкуренции за лидерство в АТР с Пекином. Проводится анализ современного положения дел в Азиатско-Тихоокеанском регионе, позиции Ассоциации как международной организации и отдельных ее членов. Исследование позволяет получить представление о тенденциях развития отношений между двумя великими державами и АСЕАН. Раскрывается конструктивная роль организации в деле поддержания региональной стабильности и важность сохранения нейтральной позиции Ассоциации.

Ключевые слова: Китай-АСЕАН, влияние США, АТР, соперничество США и КНР, сдерживание Китая, ЮВА, внешняя политика США.

С начала 21 века интенсифицировались процессы внутренней интеграции АСЕАН, возросло влияние организации в АТР не только в сфере экономики и торговли, но и в вопросах региональной политики и безопасности. В отношениях с Китаем АСЕАН представляет и отстаивает интересы государств-членов, стремится избежать зависимости от КНР и укрепить свои позиции лидера в ЮВА.

За последние десятилетия Китай превратился в мировую фабрику, по темпам экономического роста обогнал Соединенные Штаты, но в то же время стал более зависим от стабильности мировой экономической системы. КНР совершил переход из разряда региональных государств на уровень глобальной великой державы. Тем не менее, укрепление и увеличение своего влияния в мире невозможно без прочной региональной основы. Вот почему главной целью внешнеполитической стратегии КНР является первенство в АТР, для чего необходимо налаживание взаимодействия с государствами АСЕАН. С этой целью руководство КПК в своей внешнеполитической стратегии придерживается принципа, выдвинутого председателем КНР Ху Цзиньтао, согласно которому центральное место отводится государствам-соседям Китая: «великие державы – это ключ, а периферия – приоритет» [1]. Преемник Ху Цзиньтао – Си Цзиньпин понимает важность ближнего зарубежья для Китая и развивает добрососедские связи. Вышеописанный внешнеполитический курс в отечественной литературе называют «периферийная дипломатия», которая имеет два направления. Во-первых, это восстановление китайской мощи, а во-вторых – продвижение проекта «сообщества с единой судьбой человечества» за рубежом [2].

Однако некоторые государства ЮВА в силу многих факторов, к которым можно отнести территориальные споры между Китаем и отдельными государствами Ассоциации, негативный опыт сотрудничества, например, в рамках проекта Большого Меконга или исторически сложившиеся предрассудки, не всегда готовы к сотрудничеству с КНР в том объеме, к которому стремится Китай. В политических элитах стран региона опасаются амбиций своего соседа, подкрепляемых растущей экономической и военной мощью.

Безусловно наступательная политика Пекина в ЮКМ, а также воинственная риторика в отношении Тайваня не способствует добрососедству, и играет на руку державам, которые стремятся не допустить укрепления отношений между КНР и АСЕАН. К таким государствам, желающим сдержать рост влияния Китая, относятся Соединённые Штаты, которые всё чаще вмешиваются в двусторонние отношения и во внутренние дела региональных государств, а также политизируют международные площадки с целью давления на Китай.

Показательным примером последнего стала ситуация, спровоцированная США в 2018 году на саммите АТЭС. В ходе переговоров Вашингтон обрушился с критикой на Пекин, в результате две стороны выразили недовольство позициями друг друга, в том числе в связи с взаимно введенными торговыми ограничени-

ями. Таким образом остальные участники форума оказались заложниками происходивших дебатов не в силах вернуть дискуссию к повестке дня встречи. По итогам встречи представители экономик не смогли согласовать совместное заявление [3]. Вышеописанная ситуация говорит о беспомощности международных переговорных площадок перед лицом сверхдержав, о кризисе системы глобального управления и АТЭС, в частности. Участники форума из ЮВА осознают происходящий раскол, который вновь ставит государства-члены АСЕАН перед выбором партнера для сотрудничества: США или КНР. Налаживание связей с одним означает ухудшение отношений с другим. Несмотря на то, что Ассоциация не желает участвовать в торговой войне между двумя гигантами и придерживается принципа неприсоединения, каждый отдельный член действует исходя из своих национальных интересов – происходит раскол организации.

Противостояние Вашингтона и Пекина выражалось еще и в конкуренции двух моделей региональной интеграции: ТТП и ВРЭП. Выход США из ТТП в 2017 году спровоцировал рост влияния КНР в регионе и повышение значимости ВРЭП, соглашение о создании которого было подписано в ноябре 2020 года. Участниками соглашения стали десять стран АСЕАН, а также Китай, Япония, Южная Корея, Австралия и Новая Зеландия [4].

Пекин умело использовал невнятную политику США в АТР в период президентства Д. Трампа и отстранение Вашингтона от участия в региональных группировках для укрепления своих позиций в регионе не только посредством участия во ВРЭП, но и активном развитии своей инициативы «Пояс и путь», который связывает множество государств Азии при ведущей роли Китая.

Однако региональное атмосфера сотрудничества нарушается нестабильностью, которую нагнетают США. Такие действия как визит конгрессменов США на Тайвань в августе 2022 [5], встреча лидера Тайваня со спикером Палаты представителей в 2023 [6] не способствуют региональной стабильности и вызывают протест со стороны КНР. В случае перерастания противоречий в военный конфликт между двумя великими державами государства АСЕАН будут использованы как плацдарм США и в итоге окажутся жертвами эскалации напряженности в регионе.

Ноябрь 2022 года запомнился странам Азии очередным Восточноазиатским саммит, но в негативном ключе, поскольку на полях этой площадки Вашингтон и Пекин вновь обменялись обвинениями и критикой [7]. Однако в дополнение к вышесказанному США повысили уровень взаимодействия с АСЕАН до статуса всеобъемлющего стратегического партнерства [8], чтобы догнать Китай, который в 2021 году подписал такое же соглашение с АСЕАН. Однако на вышеуказанном документе США не остановились: Вашингтон, Сеул и Токио выдвинули проект договора по запрету нелегального рыболовства в акватории ЮКМ [9], который может снизить активность китайских рыбаков в исключительных экономических зонах Вьетнама и Малайзии. По итогам встречи, подобно саммиту АТЭС, представители государств не смогли сформулировать общее заявлении по причине непреодолимых противоречий между КНР и США.

Итак, следует отметить, что в условиях нарастания напряженности в международных отношениях от АСЕАН как от регионального лидера требуется сплоченность, верность принципам и готовность к трудным переговорам как с партнерами на внешнем контуре, так и между государствами-членами, поскольку для принятия решений в структурах Ассоциации необходим консенсус.

В этой связи Индонезия, Таиланд и Камбоджа выступают за строгое соблюдение принципов АСЕАН. В мае 2022 года три государства опубликовали совместное заявление, в котором еще раз подтвердили заинтересованность в сотрудничестве со всеми партнерами, в том числе с Китаем, вне зависимости от политической конъюнктуры [10]. Именно стратегия балансирования является ключом к сохранению и развитию Ассоциации как успешного интеграционного объединения.

Отношения между АСЕАН и КНР подвергаются воздействию многих негативных факторов, в том числе и деструктивным действиям США. Кроме того, Вашингтон, как альтернативный Пекину центр силы, для некоторых государств ЮВА является более приемлемым партнером.

Соединенные Штаты оказывают негативное влияние на стабильность в АТР, политизируют повестку дня международных организаций, рассматривают Китай как основную угрозу своего мирового доминирования и предпринимают все меры уменьшения роли КНР в международных отношениях. В этой связи сотрудничество между АСЕАН и КНР представляется американскому руководству нежелательным. Вашингтон хотел бы заменить Пекин в качестве ключевого партнера организации и с этой целью активно налаживает двусторонние связи с отдельными государствами-членами Ассоциации различных сферах.

Литература

1. Песцов С.К. Регионализм в интерпретации Китая: Эволюция теоретических взглядов и практической политики // Труды института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2018. № 18. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/regionalizm-v-interpretatsii-kitaya-evolyutsiya-teoreticheskih-vzglyadov-i-prakticheskoy-politiki (дата обращения: 15.05.2023).
2. Козинец А.И. О перспективах сотрудничества России и Китая в Центральной Азии. / Карпович О.Г., Троянский М.Г. // Ежегодник Института актуальных международных проблем. Издательство: Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации (Москва). – 2021. – URL: https://www.dipacademy.ru/documents/4090/%D0%9A%D0%BE%D0%B7%D0%B8%D0%BD%D0%B5%D1%86_%D0%90%D0%BD%D0%B4%D1%80%D0%B5%D0%B9_-_%D0%9D%D0%98%D0%A0.pdf (дата обращения: 15.05.2023).
3. APEC summit fails to reach consensus as US-China divide deepens // The Straits Times. – URL: https://www.straitstimes.com/asia/apec-summit-asia-pacific-leaders-fail-to-reach-consensus-on-communique (дата обращения: 15.05.2023).
4. В Азии создали крупнейшую в мире зону свободной торговли // РБК. – URL: https://www.rbc.ru/economics/15/11/2020/5fb0bdb69a7947d5289e28e9 (дата обращения: 15.05.2023).
5. Колдунова Е.В. Азиатский мультилатерализм: проверка на прочность // РСМД. – 2022. – URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/aziatskiy-multilateralizm-proverka-na-prochnost/ (дата обращения: 16.05.2023).
6. Han B., Delaney R. US House Speaker Kevin McCarthy meets Taiwanese President Tsai Ing-wen in California // South China Morning Post. – URL: https://www.scmp.com/news/china/diplomacy/article/3216119/us-house-speaker-meets-taiwanese-president-california?module=lead_hero_story&pgtype=homepage (дата обращения: 16.05.2023).
7. Readout of President Joe Biden's Participation in the East Asia Summit // The White House. – URL: https://

www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/11/13/readout-of-president-joe-bidens-participation-in-the-east-asia-summit/ (дата обращения: 18.05.2023).
8. ASEAN-U.S. Leaders' Statement on the Establishment of the ASEAN-U.S. Comprehensive Strategic Partnership // The White House. – URL: https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/11/12/asean-u-s-leaders-statement-on-the-establishment-of-the-asean-u-s-comprehensive-strategic-partnership/ (дата обращения: 18.05.2023).
9. Phnom Penh Statement on US – Japan – Republic of Korea Trilateral Partnership for the Indo-Pacific // The White House. – URL: https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/11/13/phnom-penh-statement-on-trilateral-partnership-for-the-indo-pacific/ (дата обращения: 18.05.2023).
10. Joint Press Release of the Foreign Ministries of the Kingdom of Cambodia, the Republic of Indonesia and the Kingdom of Thailand // Ministry of Foreign Affairs of the Kingdom of Cambodia. – URL: https://www.mfaic.gov.kh/posts/2022–05–04-Press-Release-Joint-Press-Release-of-the-Foreign-Ministries-of-the-Kingdom-of-Cambodia – the-Republic-of-Indonesia-10–00–20 (дата обращения: 18.05.2023).

INFLUENCE OF AMERICAN FOREIGN POLICY ON COOPERATION BETWEEN CHINA AND ASEAN

Dontsov A.S.
Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University)

The article studies China-ASEAN relations in the context of rivalry between Beijing and Washington in the Asia-Pacific region. The author explores the history of China-ASEAN ties, achievements and failures in bilateral relations. The paper examines the impact of the US policy aimed at curbing China's development and the accession of Southeast Asian states to the American sphere of influence on cooperation between China and ASEAN. The article analyses Washington's political actions in the competition against Beijing in the Asia-Pacific region. The author conducts a research of the current situation in the Asia-Pacific region, as well as the stances of the Association as an international organization and its individual members on US-China rivalry. The study provides an insight into the trends in the development of relations between the two great powers and ASEAN. The article reveals the constructive role of the organization in maintaining regional stability and the importance of preserving the neutral position of the Association.

Keywords: ASEAN-China, US influence, Asia-Pacific region, US-China rivalry, China containment, Southeast Asia, US foreign policy.

References

1. Pestsov S.K. Regionalism in the interpretation of China: Evolution of theoretical views and practical policy // Proceedings of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Far East Branch of the Russian Academy of Sciences. 2018. № 18. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/regionalizm-v-interpretatsii-kitaya-evolyutsiya-teoreticheskih-vzglyadov-i-prakticheskoy-politiki (accessed: 15.05.2023).
2. Kozinets A.I. On the prospects of cooperation between Russia and China in Central Asia. / Karpovich O.G., Trojansky M.G. // Yearbook of the Institute of Actual International Problems. Publisher: Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Moscow). – 2021. – URL: https://www.dipacademy.ru/documents/4090/%D0%9A%D0%BE%D0%B7%D0%B8%D0%BD%D0%B5%D1%86_%D0%90%D0%BD%D0%B4%D1%80%D0%B5%D0%B9_-_%D0%9D%D0%98%D0%A0.pdf (accessed: 15.05.2023).
3. APEC summit fails to reach consensus as US-China divide deepens // The Straits Times. – URL: https://www.straitstimes.com/asia/apec-summit-asia-pacific-leaders-fail-to-reach-consensus-on-communique (accessed: 15.05.2023).
4. Asia has created the world's largest free trade zone // RBC. – URL: https://www.rbc.ru/economics/15/11/2020/5fb0bdb69a7947d5289e28e9 (accessed: 15.05.2023).
5. Koldunova E.V. Asian Multilateralism: A Test of Strength // RIAC. – 2022. – URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/aziatskiy-multilateralizm-proverka-na-prochnost/ (accessed: 16.05.2023).
6. Han B., Delaney R. US House Speaker Kevin McCarthy meets Taiwanese President Tsai Ing-wen in California // South China Morning Post. – URL: https://www.scmp.com/news/china/diplomacy/article/3216119/us-house-speaker-meets-taiwanese-president-california?module=lead_hero_story&pgtype=homepage (accessed: 16.05.2023).
7. Readout of President Joe Biden's Participation in the East Asia Summit // The White House. – URL: https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/11/13/readout-of-president-joe-bidens-participation-in-the-east-asia-summit/ (accessed: 18.05.2023).
8. ASEAN-U.S. Leaders' Statement on the Establishment of the ASEAN-U.S. Comprehensive Strategic Partnership // The White House. – URL: https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/11/12/asean-u-s-leaders-statement-on-the-establishment-of-the-asean-u-s-comprehensive-strategic-partnership/ (accessed: 18.05.2023).
9. Phnom Penh Statement on US – Japan – Republic of Korea Trilateral Partnership for the Indo-Pacific // The White House. – URL: https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/11/13/phnom-penh-statement-on-trilateral-partnership-for-the-indo-pacific/ (accessed: 18.05.2023).
10. Joint Press Release of the Foreign Ministries of the Kingdom of Cambodia, the Republic of Indonesia and the Kingdom of Thailand // Ministry of Foreign Affairs of the Kingdom of Cambodia. – URL: https://www.mfaic.gov.kh/posts/2022–05–04-Press-Release-Joint-Press-Release-of-the-Foreign-Ministries-of-the-Kingdom-of-Cambodia – the-Republic-of-Indonesia-10–00–20 (accessed: 18.05.2023).

Влияние миграционного фактора на внешнеполитическую повестку Италии

Омарова Тамара Руслановна,
магистрант, Дипломатическая академия МИД России
E-mail: tomik126@bk.ru

Италия, как одно из самых крупных государств Европы и активный участник международной арены, сталкивается с вызовами и проблемами, связанными с управлением миграцией и ее регулированием. Приток мигрантов в страну не только влияет на внешнеполитическую повестку Италии, но и формирует ее отношения как с соседними странами, так и с Европейским союзом и другими международными организациями. В данной статье обозреваются и исследуются дипломатические связи Италии и проблемы, с которыми она сталкивается в сотрудничестве и распределении бремени с европейскими партнерами в контексте управления кризисом миграции. Цель работы: изучить и установить степень воздействия миграционного вопроса на внешнюю политику Итальянской Республики.

Ключевые слова: Итальянская Республика, миграция, миграционный кризис, внешнеполитические процессы в Италии, Европейский Союз.

В январе 2009 года министры иностранных дел Греции, Италии, Мальты и Кипра встретились в Риме, чтобы обсудить нелегальную миграцию в Средиземном море [1]. Результатом стал объемный документ, призывающий к более скоординированным действиям Европы в отношении потоков нелегальной миграции и стоящих за ними сетей контрабанды. Европейский совет уже принял Европейский пакт об иммиграции и убежище в октябре 2008 года, но практические последствия не были значительными.

С тех пор разразился миграционный кризис 2015 года, во время которого на европейские берега высадилось более миллиона мигрантов, что вызвало беспрецедентный политический и социальный кризис. Дублинский договор, впервые подписанный в 1990 г., когда такие большие потоки еще были невообразимы, был изменен в 2003 г. (Дублин II) и 2013 г. (Дублин III). Но его основной принцип – место, куда впервые прибывает мигрант, – это то место, где регулируются вопросы приема и связанного с этим ходатайства о предоставлении убежища – оказался крайне тяжелым для двух стран, наиболее пострадавших от наплыва беженцев, Италии и Греции.

Кроме того, запрет на передвижение лиц, ищущих убежища, в пределах ЕС привел к тому, что многие мигранты были возвращены в страны их первоначального прибытия такими странами, как Германия, Франция и Австрия. В 2019 году, например, в Италии количество лиц, ищущих убежища, которое вернулось из других европейских государств было больше, чем количество высадившихся на ее собственных берегах [2]. По данным властей Германии, только в 2018 году было зарегистрировано 35 375 случаев перемещения мигрантов в Германию после прибытия в другие страны ЕС. Каждый месяц с территории Германии вылетало несколько самолетов, доставляющих таких мигрантов обратно, в основном в Италию.

Затем, 23 сентября 2019 года, министры внутренних дел Мальты, Италии, Франции и Германии встретились в Валлетте для подписания Мальтийских соглашений о перераспределении мигрантов, прибывающих морем. Сделка подверглась серьезной критике: соблюдение было фактически добровольным. Например, бремя Италии осталось неизменным. Из примерно 53 000 мигрантов, прибывших в период с октября 2019 года по май 2021 года, только около 990 были переселены в другие европейские страны – менее 2% от общего числа. Девять из 10 мигрантов, спасенных в Средиземном море, остаются в Италии.

12 ноября 2022 г. Кипр, Мальта, Греция и Италия снова встретились и опубликовали совместное коммюнике, призывающее к дальнейшим действиям со стороны остальной Европы по управлению миграционными потоками. Они утверждают, что другие государства-члены ЕС по-прежнему оставляют большую часть проблем этим четырем странам, чье расположение вдоль Средиземного моря делает их самым легким местом назначения для тех, кто покидает Африку.

Это последнее заявление было сделано после дела Ocean Viking [3]. Корабль с 234 мигрантами на борту, арендованный неправительственной организацией SOS Mediterranee, был заблокирован правительством

премьер-министра Италии Джорджи Мелони от швартовки. В результате, после дипломатического перетягивания каната между Францией и Италией, судно было вынуждено отправиться в далекий порт Тулон, где к отправке в различные европейские страны было принято всего 111 человек, а остальные 123 были оставлены для дальнейшего разбирательства. Однако многие из них сбежали из центра приема [4].

После этого инцидента и совместного заявления от 12 ноября был собран чрезвычайный совет министров внутренних дел ЕС, состоявшийся 25 ноября, на котором они пришли к соглашению о «необходимости усиления поддержки и сотрудничества ЕС со всеми странами-партнерами и организациями для предотвращения человеческих жертв, для устранения коренных причин миграции и борьбы с сетями контрабанды, а также для значительного улучшения условий возвращения и реадмиссии».

Новый министр внутренних дел Италии Маттео Пьянтедози очень положительно оценил проект плана действий встречи, подчеркнув, что с Францией нет никаких трений. Тем не менее, по тому же поводу министр внутренних дел Франции Жеральд Дарманен пояснил, что Париж не будет забирать просителей убежища, прибывших в Италию, до тех пор, пока Рим не соблюдает «морское право» и не откажется принимать корабли с мигрантами, спасенными в Средиземном море.

Основная проблема, с которой Европа столкнется в ближайшие несколько лет, – контроль за притоком мигрантов из Африки [5]. До сих пор не было реализовано никакой общей стратегии, чтобы положить конец африканской проблеме в самом ее корне. Если европейским политикам не нравятся политические и экономические последствия (в основном экономические) иммигрантов и беженцев, последствия будут намного хуже, когда прибудет число климатических беженцев, в десять раз превышающее прежнее. Неспособность противостоять этой проблеме сейчас, когда число людей относительно невелико, приведет к политическому и экономическому хаосу климатической миграции.

В лучшем сценарии северные европейские страны начнут серьезно сотрудничать со своими южными коллегами. Но на данный момент это кажется маловероятным, поскольку трения, берущие начало десятилетия назад, все еще существуют. Исправление дублинской структуры будет главным приоритетом. Конструктивное сотрудничество между Францией и Италией помогло бы, но в настоящее время не представляется возможным.

Также, в то время как Рим по-прежнему заинтересован в развитии хороших рабочих отношений с Брюсселем и Вашингтоном, Дж. Мелони стремится диверсифицировать внешнюю политику Италии, играя более активную и независимую роль в Средиземноморье и Персидском заливе.

Как полуостров, простирающийся к сердцу центрального Средиземноморья, Италия традиционно считала этот район стратегической средой, имеющей решающее значение для ее национальной безопасности. Руководствуясь острой необходимостью доступа к энергоресурсам по конкурентоспособным ценам и сдерживания морских миграционных потоков в Европу, Рим стремился установить теплые дипломатические отношения со странами Северной Африки. Однако ее собственные недолговечные правительства и ограниченная финансовая мощь, а также более напористая внешняя политика некоторых ее европейских соседей (в первую очередь Франции) часто препятствовали усилиям Италии по укреплению влияния и проецированию власти в регионе.

На фоне СВО России в Украине средиземноморское досье приобрело для Италии новое стратегическое значение. Стремление Запада разорвать торговые отношения с Россией заставило Рим пересмотреть свою зависимость от Москвы и искать альтернативных поставщиков энергоносителей. Стратегия диверсификации энергетики Италии, запущенная бывшим премьер-министром Марио Драги, принесла результаты. С начала войны доля России в общем объеме импорта газа в Италию упала с 40 до 16 процентов. Вопреки предположениям о том, что правая, евроскептическая коалиция будет стремиться к улучшению отношений с Кремлем, – правительство Дж. Мелони полностью приняло политику отлучения Италии от российского газа [6].

В конце января 2023 года высокопоставленная делегация, в которую входили Джорджа Мелони, генеральный директор итальянского энергетического гиганта Eni Клаудио Декальци и министр иностранных дел Италии Антонио Таджани, посетила с двухдневным государственным визитом Алжир, который недавно заменил Россию в качестве главного поставщика энергии Италии, и имеет десятилетия дружеских дипломатических отношений с Римом. Находясь в Алжире, Джорджа Мелони встретилась с президентом Алжира Абдельмаджидом Теббуном, чтобы изучить возможности для укрепления и расширения сотрудничества между странами [7]. Стороны встретились, чтобы обсудить увеличение поставок алжирского газа в Италию. Намечены двусторонние встречи между Eni и алжирской энергетической группой Sonatrach, планы по укреплению стареющей энергетической инфраструктуры Алжира, инициативы по модернизации хрупкой промышленной части страны и проекты по ускорению перехода на экологически чистые источники энергии [8]. Используя глубоко укоренившиеся отношения между двумя странами, Джорджа Мелони упомянула Энрико Маттеи – основателя Eni и ключевую фигуру в стремлении Алжира развивать свой энергетический потенциал – как пример добрых намерений Италии в отношении своего южного соседа и ее новой активной позиции сотрудничества в сторону Средиземного моря. Так называемый «План Маттеи» для Африки предусматривает, что Рим предлагает странам Северной Африки взаимовыгодное партнерство, при котором интересы и потребности обеих сторон в равной степени гарантируются [9].

После своего визита в Алжир Дж. Мелони побывала в Триполи, где 28 января 2023 года встретилась с главой правительства национального единства Ливии Абдулхамидом аль-Дбейбой. В ходе визита руководители Eni и Национальной нефтяной корпорации Ливии подписали соглашение. 25-летняя газовая инвестиционная сделка на сумму 8 миллиардов долларов США для разработки двух морских платформ и завода по улавливанию и секвестрации углерода. Ожидается, что после полной эксплуатации энергетические объекты будут производить до 750 миллионов кубических футов газа в день, чтобы удовлетворить внутренний спрос Ливии и утолить жажду европейских рынков.

Нестабильность и отсутствие сильного центрального правительства в Ливии вызвали массовый приток несанкционированных мигрантов в Италию. Это стало серьезной проблемой в итальянских политических дебатах, где Дж. Мелони и ее правые союзники поддерживали строгий подход, который резко ограничил бы эту миграцию. Торговля людьми также увеличилась из-за многих факторов. Ливийское государство утратило контроль над огромными территориями с 2011 года. Также усилились вооруженные конфликты и социально-экологические кризисы в более широком регионе.

Три основных миграционных пути, которые сходятся в Ливии, направлены к южному побережью Италии: западный из Сенегала, центральный из Нигерии и восточный из Йемена и Сомали. Многие эксперты подчеркивают необходимость защиты права на убежище и обеспечения законных и безопасных путей для трудящихся-мигрантов, намеревающихся попасть в Европу. Тем не менее, ЕС имеет тенденцию откладывать общую миграционную политику из-за разногласий между государствами-членами и вместо этого уделять приоритетное внимание двусторонним переговорам со странами происхождения и транзита, чтобы предотвратить прибытие мигрантов или просто внедрить миграционный контроль [10]. Двумя примерами являются Бенгазское соглашение 2008 года между тогдашним премьер-министром Италии Сильвио Берлускони и Каддафи и соглашение между ЕС и Турцией 2016 года.

Однако эти краткосрочные «решения» имели ужасные последствия на многих уровнях. С юридической точки зрения ливийские центры содержания мигрантов печально известны злоупотреблениями и нарушениями прав человека [11]. В политическом плане демобилизация ополченцев, которые извлекают выгоду из войны, например, управлением этими центрами, тюрьмами, торговлей людьми и контрабандой, оказалась сложной. Блокирование одного маршрута миграции не мешает торговцам людьми находить другие, о чем свидетельствуют постоянные кораблекрушения у итальянских берегов [12].

Хотя энергетический портфель имеет решающее значение в стратегических расчетах Италии, он не является единственным фактором, поддерживающим контакты Рима с Алжиром и Ливией. Укрепление сотрудничества со своими североафриканскими соседями также направлено на противодействие вдохновленным исламистами террористическим сетям, которые продолжают действовать в регионе Магриба, и сдерживанию потока мигрантов, пересекающих Средиземное море. Независимо от текущих политических тенденций, миграционная проблема оставалась неизменной во всех итальянских правительствах.

Таким образом, миграционный фактор всегда имел и по сей день имеет значительное влияние на внешнеполитическую повестку Италии. Приток мигрантов в страну вызывает сложности, требующие дипломатического взаимодействия и сотрудничества с соседними странами, Европейским союзом и другими международными организациями. Реакция ЕС на миграционные вызовы оказывает влияние на позицию Италии внутри ЕС и ее приверженность европейской интеграции. Координация и согласование действий внутри ЕС становятся все более важными для эффективного управления миграцией, но в то же время становятся все более сложными из-за разногласий и растущего дипломатического напряжения.

Хоть Италия в XXI веке намного богаче и развитее, чем несколько десятков лет назад, на повестке дня все равно осталось много проблем, в том числе продолжающаяся политическая нестабильность и коррупция, исторические, но все также сохраняющиеся экономические и культурные разногласия между севером и югом и, безусловно, также новые проблемы иммиграции и европейского экономического и политического объединения. Эти вызовы доминируют в политической и экономической повестке дня Италии в начале нового века, оказывают прямое влияние на проводимые внутренние и внешние политики.

Италия активно взаимодействует с другими странами и международными организациями в области миграции, разрабатывая совместные стратегии и меры. Сотрудничество включает соглашения о репатриации, борьбу с трафиком людей и помощь странам-источникам миграции. Италия также взаимодействует с организациями ООН, Европейским союзом, африканскими и другими странами в соседних регионах, чтобы разработать совместные решения и сотрудничество в области миграции.

В свете этих факторов, Рим продолжает стремиться к разработке более эффективных стратегий управления миграционными потоками, защите прав мигрантов и содействию интеграции и сталкиваться с вызовами, связанными с миграцией, особенно на фоне снижения интереса к данному вопросу со стороны ЕС.

Литература

1. Rising migration tensions on Mediterranean shores. – Текст: электронный // Europa.eu: [сайт]. – URL: https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST%205689%202009%20INIT/EN/pdf (дата обращения: 29.05.2023).
2. I migranti rispediti in Italia sono più di quelli che sbarcano. – Текст: электронный // ilsole24ore: [сайт]. – URL: https://www.ilsole24ore.com/art/i-migranti-rispediti-italia-sono-piu-quelli-che-sbarcano-AC9ySL (дата обращения: 29.05.2023).
3. Migrant rescue ship Ocean Viking arrives in French port of Toulon after Italian refusal. – Текст: электронный // France 24: [сайт]. – URL: https://www.france24.com/en/video/20221111-the-ocean-viking-has-finally-found-a-safe-haven (дата обращения: 29.05.2023).
4. 59 La Francia nega l'ingresso a 123 migranti della Ocean Viking. Ue: «Problema non una nave ong». – Текст: электронный // Corriere Della Sera: [сайт]. – URL: https://www.corriere.it/esteri/22_novembre_18/migranti-francia-italia-brutto-gesto-respinti-naufraghi-ocean-viking-12c893c6–673d-11ed-b05a-06c1012dfe21.shtml (дата обращения: 29.05.2023).
5. The EU's endemic migration crisis. – Текст: электронный // GiS Reports: [сайт]. – URL: https://www.gisreportsonline.com/r/eu-migration-crisis/ (дата обращения: 29.05.2023).
6. Meloni resumes Draghi's agenda in Algeria: "We will be a gas hub for Europe". – Текст: электронный // Atalayar: [сайт]. – URL: https://www.atalayar.com/en/articulo/politics/meloni-resumes-draghis-agenda-algeria-we-will-be-gas-hub-europe/20230124130053159885.html (дата обращения: 29.05.2023).
7. President Meloni in Algeria. – Текст: электронный // Italian Government Presidency of the Council of Ministers: [сайт]. – URL: https://www.governo.it/en/media/president-meloni-algeria/21579 (дата обращения: 29.05.2023).
8. Eni and Sonatrach sign strategic agreements to accelerate emissions reduction and strengthen energy security. – Текст: электронный // Eni: [сайт]. – URL: https://www.eni.com/en-IT/media/press-release/2023/01/eni-sonatrach-sign-strategic-agreements-accelerate-emissions-reduction.html (дата обращения: 29.05.2023).
9. Meloni: "Promuovere un 'Piano Mattei' per l'Africa". – Текст: электронный // Rai News: [сайт]. – URL: https://www.rainews.it/articoli/2022/10/meloni-promuovere-un-piano-mattei-per-lafrica-5e46b0f7–6a2a-4795-b70a-fb4bc57add81.html (дата обращения: 29.05.2023).
10. More Politicization, More Externalization: EU Migration Governance 7 Years After the Crisis. – Текст: электронный // BRIDGE: [сайт]. – URL: https://bridgenetwork.

eu/2022/01/21/eu-migration-governance-7-years-crisis/ (дата обращения: 29.05.2023).
11. Nowhere but Back Assisted return, reintegration and the human rights protection of migrants in Libya. – Текст: электронный // United Nations: [сайт]. – URL: https://www.ohchr.org/sites/default/files/2022–12/Report-on-assisted-return-and-reintegration.pdf (дата обращения: 29.05.2023).
12. Italy: Migrants paid 8,000 euros each for 'voyage of death'. – Текст: электронный // AP NEWS: [сайт]. – URL: https://apnews.com/article/italy-migrant-shipwreck-smugglers-8975494dcdfd1dc4ca8727fa81484577 (дата обращения: 29.05.2023).

THE IMPACT OF THE MIGRATION FACTOR ON ITALY'S FOREIGN POLICY AGENDA

Omarova T.R.
Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

Italy, as one of the largest countries in Europe and an active participant in the international arena, faces challenges and issues related to migration management and regulation. The influx of migrants into the country not only affects Italy's foreign policy agenda but also shapes its relationships with neighboring countries, as well as with the European Union and other international organizations. This article provides an overview and explores the diplomatic ties of Italy and the problems it encounters in cooperation and burden-sharing with European partners in the context of managing the migration crisis. The aim of this study is to examine and determine the extent of the impact of the migration issue on the foreign policy of the Italian Republic.

Keywords: Italian Republic, migration, migration crisis, foreign policy processes in Italy, European Union.

References

1. Rising migration tensions on Mediterranean shores. – Text: electronic // Europa.eu: [website]. – URL: https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST%205689%202009%20INIT/EN/pdf (Date of access: 29.05.2023).
2. More migrants returned to Italy than those who arrive. – Text: electronic // ilsole24ore: [website]. – URL: https://www.ilsole24ore.com/art/i-migranti-rispediti-italia-sono-piu-quelli-che-sbarcano-AC9ySL (Date of access: 29.05.2023).
3. Migrant rescue ship Ocean Viking arrives in French port of Toulon after Italian refusal. – Text: electronic // France 24: [website]. – URL: https://www.france24.com/en/video/20221111-the-ocean-viking-has-finally-found-a-safe-haven (Date of access: 29.05.2023).
4. France denies entry to 123 migrants from Ocean Viking. EU: "The problem is not an NGO ship." – Text: electronic // Corriere Della Sera: [website]. – URL: https://www.corriere.it/esteri/22_novembre_18/migranti-francia-italia-brutto-gesto-respinti-naufraghi-ocean-viking-12c893c6–673d-11ed-b05a-06c1012dfe21.shtml (Date of access: 29.05.2023).
5. The EU's endemic migration crisis. – Text: electronic // GiS Reports: [website]. – URL: https://www.gisreportsonline.com/r/eu-migration-crisis/ (Date of access: 29.05.2023).
6. Meloni resumes Draghi's agenda in Algeria: "We will be a gas hub for Europe." – Text: electronic // Atalayar: [website]. – URL: https://www.atalayar.com/en/articulo/politics/meloni-resumes-draghis-agenda-algeria-we-will-be-gas-hub-europe/20230124130053159885.html (Date of access: 29.05.2023).
7. President Meloni in Algeria. – Text: electronic // Italian Government Presidency of the Council of Ministers: [website]. – URL: https://www.governo.it/en/media/president-meloni-algeria/21579 (Date of access: 29.05.2023).
8. Eni and Sonatrach sign strategic agreements to accelerate emissions reduction and strengthen energy security. – Text: electronic // Eni: [website]. – URL: https://www.eni.com/en-IT/media/press-release/2023/01/eni-sonatrach-sign-strategic-agreements-accelerate-emissions-reduction.html (Date of access: 29.05.2023).
9. Meloni: "Promote a 'Mattei Plan' for Africa." – Text: electronic // Rai News: [website]. – URL: https://www.rainews.it/articoli/2022/10/meloni-promuovere-un-piano-mattei-per-lafrica-5e46b0f7–6a2a-4795-b70a-fb4bc57add81.html (Date of access: 29.05.2023).
10. More Politicization, More Externalization: EU Migration Governance 7 Years After the Crisis. – Text: electronic // BRIDGE: [website]. – URL: https://bridgenetwork.eu/2022/01/21/eu-migration-governance-7-years-crisis/ (Date of access: 29.05.2023).
11. Nowhere but Back Assisted return, reintegration and the human rights protection of migrants in Libya. – Text: electronic // United Nations: [website]. – URL: https://www.ohchr.org/sites/default/files/2022–12/Report-on-assisted-return-and-reintegration.pdf (Date of access: 29.05.2023).
12. Italy: Migrants paid 8,000 euros each for 'voyage of death'. – Text: electronic // AP NEWS: [website]. – URL: https://apnews.com/article/italy-migrant-shipwreck-smugglers-8975494dcdfd1dc4ca8727fa81484577 (Date of access: 29.05.2023).

Чесноков Григорий Дмитриевич,
д.ф.н., профессор
E-mail: greche@mail.ru

В центре внимания статьи – вопрос, как случилось, что, несмотря на разгром нацизма в мае 1945 г., он вновь поднял голову и уверенно шагает по Европе. На этот раз мы отчетливо видим его на Украине. Наш ответ на поставленный вопрос: его новое пришествие обусловлено распадом Советского Союза в 1991 г. Вследствие распада великой страны мир стал однополярным, а капиталистический Запад получил возможность делать все, что пожелает. Не надо забывать, что нацизм – продукт западной цивилизации. Это идеология и политика самых реакционных слоев империалистической буржуазии. И пока Советский Союз, возглавлявший антиимпериалистические силы, был силен, возрождение фашизма оставалось невозможным. Но почувствовав безнаказанность, Запад не постеснялся предстать во всем своем безобразном обличье, в том числе и нацистском. Идеологи Запада отвергают свою связь с фашизмом, но факты говорят об обратном.

Ключевые слова: империализм, Запад, нацизм, неонацизм, расизм, антидемократические методы правления.

Все средства массовой информации коллективного Запада с утра до вечера вещают на своих каналах, что любые разговоры о появлении неонацизма в «свободном демократическом» мире есть полный абсурд, выдуманный путинской пропагандой с целью убедить общественное мнение в том, что «неспровоцированная агрессия» Путина против Украины может иметь под собой хоть какое-то справедливое основание. Настоящий нацизм, уверяют нас, был сокрушен Западом в мае 1945 г., и почвы для его возрождения не существует. Западная пропаганда уверяет, что угроза миру после окончания Второй мировой войны исходила только от Советского Союза, и с распадом его наступила эпоха полного спокойствия, когда демократический Запад смог, наконец, вздохнуть полной грудью. Приход к власти президента В.В. Путина нарушил существовавшую якобы идиллию, и потому Западу надо срочно объединиться, дабы дать отпор путинской России.

Из этого главного тезиса западной пропаганды вытекают уже и другие, призванные усилить веру западного обывателя в то, что единственным нарушителем мирового спокойствия, которым многие годы являлся Советский Союз, ныне выступила Россия Путина.

Лживость и примитивизм западной пропаганды бьет через край, и тем не менее противники России не унимаются и продолжают выдумывать все новые мифы об агрессивной России, коварстве и жестокости ее президента, и все эти россказни распространяются через интернет нашей пятой колонной, численность которой в годы правления Горбачева и Ельцина постоянно росла. Работа по обработке мозгов россиян продолжалась на протяжении трех десятилетий, но она не прекратилась и сегодня. Оставлять без ответа западную болтовню далее невозможно, ибо наши враги не просто говорят, но и активно борются против России. Они даже не скрывают, что их главная цель – отстранить В.В. Путина от власти любым путем, вплоть до его физического уничтожения.

Объявление Президентом России 24 февраля 2022 г. начала специальной военной операции по защите населения Донбасса вызвало взрыв ярости как со стороны западного блока, так и его пятой колонны внутри России. Те и другие считали, что Россия уже смирилась с участью придатка Запада и теперь будет действовать только в фарватере его политики. С началом военной операции выяснилось, что, несмотря на миллиарды долларов, потраченных на переформатирование сознания граждан России, сделать это оказалось не так легко, как это мыслили себе западные стратеги и их прихвостни внутри нашей страны.

Часто говорят, что Запад Россию не понимает. Я скажу больше. Он не понимает не только Россию: он не понимает, что мир не может пребывать в застывшем состоянии и что в соответствии с текущими изменениями должна меняться и политика стран Запада. Но именно этого западные правители и не могут допустить и принять.

Наша страна сделала в Октябре 1917 г. свой выбор – двигаться по пути социалистических преобразований. Либералы, придя к руководству страной в 1991 г., объявили, что этот выбор населению навязали большевики, тогда как на деле Россия должна двигаться в одном

строю с Западом, поскольку это якобы и есть путь развития всей мировой цивилизации. Утверждалось, что революции в 1917 г. не был, а был антиконституционный заговор большевиков. Непонятно, правда, как они могли удержаться у власти без поддержки народных масс, изгнать из страны иностранных интервентов и всю внутреннюю контрреволюцию, создать в кратчайшие сроки современную экономику, выиграть войну с гитлеровской Германией, у которой было немало союзников по всему миру.

Западу, несомненно, нравилось то, что говорилось в 1990-е гг. ельцинской либеральной властью, тем более что ее утверждения полностью сочетались с исконной верой Запада в то, что никакого другого порядка, кроме буржуазного, существовать не может. Наша пята колонна полностью усвоила этот способ мышления. Либеральная власть запретила преподавание марксизма, и была уверена, что с запретом этого учения мир и страна будут развиваться уже не по объективным законам, а по программе, намеченной ими самими и их западными «друзьями». Однако К. Маркс и Ф. Энгельс доказали, что капитализм – это исторически преходящее общество, которое в процессе развития уйдет в небытие, как это случилось ранее с рабовладельческим и феодальным обществами, которые тоже когда-то считались вечными.

Позволю себе процитировать в этой связи «Манифест коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса – произведение, которое вовсе не является устаревшим, как уверяли нас в 1990-х гг. либералы. Его не только не зазорно читать в XXI в., но, уверен, весьма полезно порой и перечитывать. «Коммунисты, – читаем мы в этой работе, – повсюду поддерживают всякое движение, направленное против существующего (читай: западного, буржуазного. – *Г.Ч.*) общественного и политического строя… Пусть господствующие классы содрогаются перед Коммунистической Революцией. Пролетариям нечего в ней терять кроме своих цепей. Приобретут же они весь мир!» [3, с. 459].

Октябрьская революция 1917 г. реально поставила в повестку дня истории вопрос о завершении капиталистического мирового порядка, и произошло это еще в то время, когда большинству людей казалось, что порядок этот еще очень и очень прочен. К середине XX в. капиталистическая система развязала уже две мировые войны. Тем не менее с появлением Советского Союза на пути доселе неподотчетного никому мирового капитала возник серьезный заслон, с которым капиталистическому Западу приходилось считаться.

Чтобы ответить на вопрос, откуда в XXI в. в Европе мог вновь появиться нацизм, надо вернуться почти на сто лет назад и вспомнить, кто взращивал первые отряды гитлеровских штурмовиков. Ведь не могли же они появиться вдруг из ниоткуда? Фашизм появился по воле Запада. Он был ему необходим, чтобы держать народы в узде.

Фашистское движение зародилось в Европе после окончания Первой мировой войны как реакция империалистической буржуазии на подъем выступлений рабочего класса против класса правящего. Фашистская идеология должна была переформатировать революционное сознание пролетариата, сделать из наемного работника послушного прислужника установленного в мире буржуазного порядка. Добровольно призвать население в ряды защитников капиталистического общественного устройства было, разумеется, непросто, но мировая война и послевоенная действительность породили ситуацию, в которой реальностью стало то, что в обычных условиях вряд ли было бы возможно.

О чем идет речь? Войны готовятся и развязываются правящими классами. Но более всего страдают от них наименее обеспеченные слои населения стран, втянутых в войну. Это обстоятельство как раз и явилось причиной революционных выступлений трудящихся России, Германии, бывшей Австро-Венгрии и революционного выхода ряда стран из мировой бойни. Однако с завершением войны ситуация на мировой арене оказалась неоднозначной. Победители (страны Антанты) постарались переложить разделяемую ими вину с себя на побежденные государства (прежде всего Германию). По Версальскому мирному договору Германию лишили всех ее колоний, у нее отняли часть ее территорий, на нее была наложена огромная контрибуция, установлен запрет на обладание армией и флотом. Понятно, что несправедливость заключенного договора всей своей тяжестью легла на плечи наименее состоятельной части населения этой страны, что не могло не привести к росту революционных настроений.

Особо подчеркиваю, что несправедливый итог войны явился прямым следствием того, что Первая мировая война изначально велась на несправедливых началах, и если бы верх одержала противоположная коалиция, то мирный договор оказался бы столь же несправедливым, правда, уже в отношении другой группы стран. Именно поэтому мир, которым завершилась Первая мировая война, не мог оказаться хоть сколько-нибудь прочным. Повторение прежней схватки между участниками было лишь вопросом времени. Тем не менее результат мировой бойни не свелся к военной победе Антанты над ее противниками. На карте мира появилось еще одно государство, с другим общественно-политическим строем, выступающее за недопущение империалистических войн. Игнорируя этот факт, невозможно правильно понять ни природы фашизма, ни причин его нынешнего возрождения в Европе.

Итак, фашизм появился в Европе в 20-х – 30-х гг. XX в. как прямой результат завершившейся к этому времени империалистической войны 1914–1918 гг. Если до начала этой войны в мире существовало две группы хищников, жаждавших обогатиться за счет другой стороны, то с ее окончанием проигравшая сторона утратила такую возможность, на время ушла в тень, но жаждала реванша. Победители (Англия, Франция, США) это хорошо понимали, но чувствовали себя вполне уверенно. Им казалось, что ситуация сложилась для них достаточно благоприятная, поскольку реваншистские настроения в Европе можно будет со временем перенаправить с западного направления на восточное, в сторону Советского Союза. В подтверждение сказанного сошлюсь на имеющийся в нашем распоряжении документ – беседу специального представителя английского премьер-министра А.Н. Чемберлена (вскоре он станет министром иностранных дел Великобритании) лорда Э. Галифакса с А. Гитлером, проходившую в Берлине в ноябре 1937 г. практически за два года до начала Второй мировой войны. Вот, что сказал в ходе этой беседы Э. Галифакс: «В Англии придерживаются мнения, что имеющиеся в настоящее время недоразумения (между Англией и Германией. – *Г.Ч.*) могут быть полностью устранены. Целиком и полностью признаются заслуги фюрера в деле восстановления Германии, и если английское общественное мнение занимает иногда критическую позицию к известным германским проблемам, то это отчасти объясняется тем, что в Англии не полностью осведомлены о мотивах и обстоятельствах известных германских мероприятий… Несмотря на эти трудности, – продолжал Галифакс, – он и другие члены английского правительства проникнуты сознанием, что фюрер достиг многого не только в самой

Германии, но что в результате уничтожения коммунизма в своей стране он преградил путь последнему в Западную Европу и поэтому Германия по праву может считаться бастионом Запада против большевизма» [1, т. 1, с. 35]. По существу сказанное Галифаксом означало следующее: «Двигайтесь на Восток, и наша полная вам поддержка обеспечена».

После вышесказанного все разговоры о борьбе Запада с нацизмом теряют всякий смысл. Галифакс открытым текстом назвал Гитлера своим союзником, а общим противником объявил Советский Союз. И это было именно так, что, конечно, не означает, что между гитлеровской Германией и «западными демократиями» вмиг исчезли все их старые противоречия. Гитлер в глубине души не верил в доброе расположение к нему англичан и французов. Он, бывший участник Первой мировой войны, прекрасно помнил, как повели себя победители после капитуляции Германии. Однако он моментально оценил, какую выгоду может иметь Германия из сделанного ему предложения. Оно позволяло Гитлеру пусть не сразу, а по прошествии времени разобраться и с Англией, и с Францией. Но пока ему нужно было вооружить вновь созданную немецкую армию и поочередно одержать верх над всеми, кого он считал ближайшими врагами Рейха. Вот почему он ведет себя так, словно принимает предложенную англичанами игру. Отсюда его ответ Галифаксу. «Фюрер, – цитирую документ беседы, – заявил, что он полностью может принять для Германии только что названную лордом Галифаксом цель (служить бастионом Западу в борьбе с большевизмом. – *Г.Ч.*). Тот, кто был, как он, солдатом в мировую войну, не хочет больше войны (надо понимать, с западными странами. – *Г.Ч.*). В Англии и других странах, – сказал он, – господствуют одинаковые стремления. Лишь одна страна – Советская Россия – может в случае общего конфликта выиграть. Все другие, – завершил беседу Гитлер, – в глубине души стоят за укрепление мира» [1, т. 1, с. 46].

Итак, мы видим, что у западных демократий с фашистской Германий намечается не просто «любовь», а «любовь с интересом». Из текста приведенной беседы читателю становится абсолютно понятной позиция западных «демократий». До начала войны они игнорировали все советские предложения по пресечению действий агрессора, а после ее начала вели с Гитлером сепаратные переговоры, затягивали открытие второго фронта, словом, делали все, чтобы Советский Союз вышел из войны полностью обескровленным.

Для умиротворения Гитлера Запад пошел на сдачу ему своих бывших союзников (Чехословакии и Польши). Все это делалось в тайной надежде, что после уже после этого Германия непременно начнет войну с Советским Союзом. Но Гитлер методично укреплял свои позиции и не торопился втягиваться в конфликт с нашей страной. Его конечной целью было установление мирового господства. Когда Запад это понял, он вынужден был сам объявить Германии войну.

Таким образом, гитлеровская Германия – это продукт агрессивной политики всего империалистического Запада. Гитлер был ему необходим как орудие разгрома Советского Союза. Однако в итоге Запад сам оказался жертвой своих же собственных планов: использовать возрожденную мощь Германии для устранения Советского Союза с политической мировой арены.

Но если фашизм продукт агрессивных устремлений Запада, то и бороться с ним до полного искоренения было не в его планах. Зарвавшегося конкурента нужно было поначалу ослабить, сделать более послушным, а затем дождаться момента, чтобы извлечь из него пользу уже для себя. И такой удобный момент, как считали на Западе, наступил после исчезновения Советского Союза. Конечно, учитывая печальный опыт войны с Германией, сегодняшний Запад рассчитывал держать нацизм на коротком поводке. Но беда в том, что раз возникнув, фашистская машина движется уже по своей собственной логике, и остановить ее движение волевым решением, как показывает история, Западу может оказаться не под силу.

После распада Советского Союза активной силы, препятствующей возрождению фашизма, в мире не стало, тогда, как необходимость в укреплении Запада осталась. И Запад счел, что в такой ситуации фашизм может вновь сослужить ему необходимую службу, если ему удастся убедить мировую общественность в том, что неонацизм – это и не нацизм вовсе, а нечто иное.

Напомним еще раз, что появление нацизма в Европе в 20-х – 30-х гг. прошлого века было облегчено тем, что его носители смогли убедить население своих стран (в первую очередь, Италии и Германии) в том, что цель фашистов состоит в восстановлении справедливости, нарушенной в ходе предшествующей истории. Для этого требовалось сначала найти страну – «жертву» произвола, а потом бросить эту жертву в бой против своего «обидчика». Так, собственно, и возник план превращения Украины в Анти-Россию. Правда, здесь возникало одно затруднение. Украина обрела независимость в результате распада Советского Союза. И тут требовалось доказать, что в состав Советского Союза она вошла не по доброй воле, а что вся ее трехсотлетняя история, начиная с Переяславской рады, была не чем иным, как существованием оккупационного режима. В действительности из всех бывших республик Советского Союза Украина получила от России больше других, причем не только в виде доходов из общегосударственного бюджета, но и посредством передачи ей ряда исконно российских территорий. А поскольку целью являлось сделать Украину Анти-Россией, был создан миф, согласно которому, Украина как отдельное государство появилась раньше России и являлась едва ли не провозвестником нынешней мировой цивилизации. В обоснование этого мифа начались «исторические» изыскания многотысячелетней истории Украины, у которой Москва «хитростью» похитила ее историю. Национальный угар должен был стать неизбежным следствием возвращения Украиной своего «величия», и националистическая пропаганда заработала на полную мощь. Единственной целью украинской пропаганды с момента выхода Украины из СССР стало обоснование тезиса, что Украина как государство древнее, культурней и мощнее, чем Россия. Как и нацисты Германии, украинские националисты создали свой миф об Украине как жертве агрессивной политики России. После этого поддерживать в стране выпущенного из бутылки джина национализма было лишь вопросом техники.

Почему Украина может позволить себе стрелять по российским территориям? Потому что «укры» – особая нация, которой можно все, чего нельзя другим.

Итак, суть нацизма в том, что есть высшие и низшие расы, при этом высшим разрешается все, а низшие обязаны молчать и все, что требует от них высшая раса, безоговорочно выполнять. Пусть кто-нибудь объяснит мне, на каком основании в украинских СМИ непрерывно муссируется тезис, что русских не просто можно, а нужно уничтожать как нелюдей, как это утверждалось гитлеровской пропагандой в 30-е гг. XX в.? Ответ прост. Украина претендует сегодня на роль «бастиона» по защите западной цивилизации от России.

После всего вышесказанного становится ясно, что фашизм появляется всякий раз там и тогда, где и ког-

да империалистическая буржуазия утрачивает почву под ногами и уже не может управлять миром прежними, буржуазно-демократическими методами. С другой стороны, как открыто признать себя сегодня приверженцами нацизма, когда на его руках кровь миллионов и миллионов людей. Правда в том, что украинские нацисты уже давно не скрывают своего истинного лица (убийство и пытки мирных граждан, запрет их родного языка и литературы, снос памятников и т.д.), а западная пропаганда по-прежнему повторяет, что нацизм в наше время появиться не может, поскольку давно повержен.

Нацизм не имеет национальности. Сквозь оболочку украинизированного национализма четко просматривается западная идея расового превосходства европейцев над жителями других континентов. Украинские нацисты не только не признают Украину страной, родственной России, но, как и объединенный Запад объявили ее для себя врагом номер один. Россию, считают они, следует непременно уничтожить, а ее территории поделить между заинтересованными странами. Нацизм служит только одному богу, имя которому Международный Капитал. Смешны доводы западной пропаганды, что нацизм на Украине появиться не может только потому, что президент Украины еврей. Как будто немецкие нацисты убивали одних евреев, и не убивали также русских, поляков, украинцев, цыган и представителей других национальностей, если те оказывали им хоть какое-то сопротивление.

В одной из телевизионных передач Владимира Соловьева ее участник, гражданин Израиля Я. Кедми, озвучил любопытную цифру. Оказывается, что на гитлеровцев в годы Второй мировой войны «трудились» более 100 тысяч евреев. Кто они после этого, евреи или нацисты? Для меня однозначно нацисты. Почему же, когда киевская власть призывает уничтожать русских, объявляя их неполноценной расой, она уже не является нацистской? Ровно такая же нацистская, как и во времена Гитлера. И разве не видно аналогии между утверждением, что арийцы – раса господ, и заявлением, что население Запада – это «золотой миллиард» и только его следует всячески оберегать?

«Пятая колонна» в России постоянно запугивает нас тем, что вместе с Украиной против нас выступает весь объединенный Запад. Но разве Запад не оказывал в свое время Гитлеру такую же поддержку? На его стороне выступило немало стран, но это его не спасло. Если бы в момент нападения Гитлера на Советский Союз самой совершенной вычислительной машине был задан вопрос, кто победит в этой войне, не сомневаюсь, что машина предсказала бы полную победу гитлеровской Германии. Между тем, победителем в той войне стал Советский Союз, хотя мы не были так подготовлены и технически оснащены, как Германия. Но мы знали, что́ мы защищаем. В Отечественной войне, когда решался вопрос, быть или не быть русскому народу и нашему Отечеству, у гитлеровцев не было шансов на победу. Русский и другие народы нашей страны готовы были сражаться только за победу. Другой альтернативы для нас в этой войне просто не существовало. И это, надо заметить, не единственный пример, доказывающий, что победить народ, взявший в руки оружие и готовый драться до конца, победить нельзя. Народу нужно только быть уверенным, что власть, которую он избрал, его не предаст. США находились и продолжают находиться в непосредственной близости от маленького острова Куба, но поработить кубинский народ американцам не удалось. Почему? На призыв Ф. Кастро: «Родина или смерть!» народ дружно ответил: «Родина!». Так Куба стала первым островом свободы на американском континенте.

Победить объединенный Запад действительно нелегко. Но мы победили Гитлера и его союзников, а это было не проще. Напомню, что второй фронт был открыт только летом 1944 г., и к этому времени мы фактически завершили освобождение собственной территории и уже громили врага за пределами наших границ. И кто после этого является сокрушителем нацизма, Советский Союз или наши западные союзники? Ответ очевиден: наша страна и никто другой. Мы не только освободили себя и целый ряд стран Восточной Европы, в завершение всего именно наша страна взяла Берлин – столицу Рейха.

С разгромом Германии фашизм не ушел в небытие. Чтобы это случилось, сначала должен был бы исчезнуть его прародитель – империалистический Запад. Встает вопрос: как наследники бойцов-победителей должны были поступить, наблюдая за тем, как нацизм поднимает голову в Европе и угрожает жизни не только наших братьев, но и нас самих, а те, кого мы освобождали от коричневой чумы, делают вид, что не видят факельных шествий нацистов в странах Европы? Участники специальной военной операции, о которых Президент не первый раз говорит, что каждый из них – герой, решительно заявили, что остаются верны заветам своих отцов, что неонацизм будет сокрушен так же, как был сокрушен его прямой предшественник – немецкий нацизм.

В моменты, оказывающиеся для страны судьбоносными, каждый поступает так, как велит ему совесть. Лично я не берусь ни осуждать, ни защищать тех, кто покинул свою страну в знак несогласия с началом специальной военной операции. Если это была ошибка, то, думаю, еще есть время ее исправить. Если же эти люди решили примкнуть к стану врагов России, то они сами вынесут себе приговор. Надо, однако, понять, что союз Украины с Россией – это был выбор самого украинского народа, и вместе мы были непобедимы. Поэтому для Запада поссорить наши народы всегда являлось заветной мечтой. Попытки оторвать Украину от России предпринимались не раз. Вероятно, поэтому нацисты в Киеве охотно вспоминают сегодня еще и гетмана Мазепу, но им бы следовало также не забывать, чем закончилась его уния с шведским королем Карлом XII: полным поражением под Полтавой.

Как и нынешние киевские власти, Мазепа сделал ставку на сильный Запад в лице шведского короля Карла XII, считавшегося в начале XVIII в. лучшим европейским полководцем. Однако замысел Мазепы выйти из-под руки царя Петра и стать вассалом шведского правителя к успеху его не привел. Как пишет историк Н.И. Костомаров: «Мазепа плохо рассчитал, как на способности Петра, которому он делался соперником, так еще более на расположение подчиненных ему малороссов… Малорусские политики, – продолжает Костомаров, – воспитанные в духе польской культуры, не могли пленить народ никакой идеей политической независимости, так как у народа составились свои собственные социальные идеалы, никак не вязавшиеся с тем, что могли дать народу люди с польскими понятиями. Если эти политики и не думали возвращать Малороссию в рабство польских панов, а мечтали о независимом малорусском государстве, то все-таки такое государство, созданное ими под влиянием усвоенных ими понятий, было бы, в сущности, подобием польской Речи Посполитой. Не желая отдавать Малороссию Польше, они бы невольно создали из нее другую Польшу, а этого народ малорусский не хотел, хотя бы при какой угодно политической независимости» [2, т. 2, с. 526].

Нынешние события на Украине словно бы возвращают историю на 400 лет назад. Подталкивая население Украины к созданию собственного государства по западному образцу, киевские власти по существу ведут дело к тому, чтобы присоединить Украину, а вернее то, что от нее останется, все к той же Польше. А потому главным ходатаем за объединение Украины с Западом выступает не кто иной, как нынешний президент Польши А. Дуда, втайне мечтающий о воссоздании Речи Посполитой. Для украинского народа подобная перспектива не означает ничего другого, как стать людьми второго сорта, только уже не в собственной стране, а в соседней Польше. Уверен, что Украина рано или поздно вернется в родную гавань, как это уже сделали, несмотря на пронзительный визг средств массовой информации коллективного Запада, Крым и Донбасс.

Литература

1. Документы и материалы кануна Второй мировой войны. 1937–1939: в 2 т. – М., 1981.
2. Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей: в 2 книгах. – М.: Эксмо, 2004.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2. Т. 4. – М.: Гос. изд-во политической литературы, 1955. – 615 с.

NAZISM AND NEO-NAZISM

Chesnokov G.D.

The main issue put forward in the article is how it became possible that after our Great Victory in the Second World War Nazism could reappear in Europe. This time we can discern it clearly in the Ukraine. Our answer is the following: the revival of Nazism is the result of the disintegration of the USSR and other socialist countries in Europe. As the consequence of this disintegration the world became unipolar, and the West got the opportunity to do whatever it wished. It must not be forgotten that Nazism is the product of Western civilization, an ideology of the most reactionary circles of bourgeoisie. While the Soviet Union, standing at the head of all anti-imperialist forces, was strong, the revival of fascism in Europe was impossible. But, having believed in its own impunity, the West revealed its true nature. Western ideologists deny their connection with the revival of fascism, but the facts refute their claims.

Keyword: imperialism, the West, Nazism, neo-Nazism, racism, antidemocratic methods of government.

References

1. Documents and materials on the eve of the Second World War. 1937–1939: in 2 vols. – M., 1981.
2. Kostomarov N.I. Russian history in the biographies of its main figures: in 2 books. – M.: Eksmo, 2004.
3. Marx K., Engels F. Works. Ed. 2. T. 4. – M.: State. Publishing house of political literature, 1955. – 615 p.

Социально-политическая идентичность стран ЕС: систематизация теорий безопасности

Чжоу Юди,
аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: 2958363307@qq.com

В статье исследуется развитие и специфика восприятия европейской идентичности сквозь призму теорий безопасности. Демонстрируется, как европейская идентичность создается методом «от противоположного», то есть, на основе продуцирования и исключения «чужих» идентичностей. Рассмотрено то, как восприятие угроз европейской идентичности связано с их видением Европы, сформулированным по различным направлениям, например, культурное наследие, социально-экономический порядок и наднациональное управление против межправительственности. Утверждается, что политико-социальная идентификация безопасности является мощным фактором, способствующим регулярному поддержанию стратегии борьбы с угрозами идентичности сплоченной Европы. Делаются выводы о том, что опыт конструирования европейской идентичности уязвим, так как нехватка четкой стратегии внешней политики и политики безопасности, с созданием образа внешнего «иного» или «чужого», повлечет поиск «непризнанных идентичностей» внутри ЕС, что чревато противостоянием объединения и наций.

Ключевые слова: европейская идентичность, безопасность, теория, европейскость, политизация, конструкт.

Актуальность изучения проблематики идентичности через категории безопасности можно обусловить несколькими факторами. Прежде всего, безопасность является одним из наиболее употребляемых понятий в современном дискурсе международных отношений, в научных работах, в двусторонних и многосторонних договорах. Однако в большинстве случаев оперирование этим понятием имеет место в контексте борьбы против имеющихся или потенциальных угроз и без глубинного понимания того, что такое безопасность и где целесообразно разграничить безопасность, оборону, политику безопасности и др.

Вследствие такой неопределенности понятие безопасности универсализируется, приобретает не одинаковый смысл при конфликте, который не может быть решен в процессе политического дискурса. Безопасность подразумевает стратегию борьбы против опасного по отношению к «своему» – «универсальному», именно поэтому ныне стратегия безопасности становится мощным средством идентификации той или иной идентичности, являющейся определением борьбы против «иных» и «чужих», что ярко демонстрирует пример Европейского Союза, где безопасность и идентичность играют важную роль в условиях объединения различных наций, культур и интересов.

Новизна исследования обусловлена тем, что в современном мире, особенно в свете миграционных потоков, усиления националистических движений, перманентных войн и вызовов, стоящих перед ЕС, проблема идентичности становится крайне актуальной. ЕС, объединяющий различные нации и культуры, сталкивается с вызовами сохранения своей единой идентичности и справедливого представления своих интересов. Исследование проблемы идентичности в ЕС с точки зрения теорий безопасности представляет новаторский подход автора статьи. В исследовании проблемы идентичности в Европейском Союзе с точки зрения теорий безопасности лежит огромный потенциал. Теории безопасности предоставляют широкий аналитический инструментарий для изучения проблем безопасности в различных контекстах. Применение этих теорий к проблеме идентичности в Европейском Союзе позволяет получить глубокое понимание взаимосвязи между идентичностью и безопасностью. Понимание проблемы идентичности и ее связи с безопасностью имеет практическую значимость для разработки политик, стратегий и мер по обеспечению стабильности и безопасности. Результаты исследования могут быть использованы при формировании эффективных механизмов управления и решения конфликтов.

Обоснование европейской идентичности

Отношение к европейской интеграции в основном определяется составным набором восприятий и настроений в отношении идентичности, которые получили в научной литературе название «европейскость» [1]. В различных формах это понятие является основным феноменом, которое рассматривается как многомерный концепт с эмотивным, когнитивно-оценочным и проективно-конативным измерениями. Речь идет об общепризнанном теоретиче-

ском инструменте в науке о поведении, восходящем к теории социального действия М. Вебера [16]. Другие авторы использовали его для концептуализации европейской идентичности, проводя различие между чувством, мышлением и действием. Эмоциональное (чувственное) измерение относится к положительным или отрицательным чувствам привязанности к объединению и интеграции Европы. Когнитивно-оценочное (мыслительное) измерение относится к оценке и степени одобрения современного состояния европейской интеграции и целей объединения. Проективно-конативное (действующее) измерение относится к одобрению или неодобрению перспектив более высоких уровней европейской унификации и интеграции в институциональной среде ЕС. Исходя из такого конструкта, более правдоподобным будет рассуждать о том, что европеизация – это скорее проект, чем процесс.

Зачастую люди классифицируют себя и других по группам идентичности, сортируя мир по национальным и транснациональным признакам. Чтобы объяснить, как эти идентичности влияют на политические взгляды, целесообразно обозначить два измерения: приверженность «европейскости» и ее содержание. Приверженность показывает, насколько сильно люди отождествляют себя со своей группой. Некоторые чувствуют более сильную связь с Европой, чем другие – например, даже когда Соединенное Королевство было членом ЕС, немногие британцы считали себя европейцами по сравнению со своими континентальными коллегами.

При рассмотрении содержания европейской идентичности возникают две общие темы, представляющие две стороны того, что значит быть «единым в многообразии». Некоторые считают, что европейцы должны сохранять единство. Нормы единства описывают Европу как транснациональную семью – расширенную родственную сеть с общим происхождением и религиозными традициями [2, p. 36]. Приверженность единству обязывает европейцев заботиться о своих образных «братьях и сестрах», а не о согражданах ЕС, которых считают лишенными необходимых исторических или культурных связей. Другие считают, что европейская идентичность предполагает равенство. Такое понимание подчеркивает уважение к законам ЕС, общеевропейским нормам и демократическому участию. Говоря иначе, чтобы соответствовать группе, нужно относиться ко всем соотечественникам справедливо и как к равным. Благодаря этой приверженности справедливости и взаимности, «европейскость» подразумевает доверие друг к другу, разделение между собой общности по обеспечению безопасности.

Вышеобозначенные измерения «европейскости» коренятся в более глубоких ментальных слоях формирования установок, в связи с чем оценки европейской интеграции и подходы к ней вытекают из представлений об одинаковости европейского населения, являющихся результатом когнитивных репрезентаций истории. Соответственно, привязанность к Европе рассматривается как идентификация, основанная на чувстве принадлежности. Готовность передать контроль над важными областями политики и поддержания безопасности на наднациональный европейский уровень основывается на «прогрессивном» восприятии судьбы и будущего предназначения единой Европы.

Конструкты безопасности

Что же касается безопасности, то ее понятие всегда преимущественно использовалось по отношению к государству–нации и особо не применялось в отношении различий между государством и нацией: национальная безопасность стала устоявшимся нарративом в отношении безопасности практически каждого актора. В этом смысле традиционная концепция безопасности, тесно связанная с военными делами государства, считается недостаточной для формирования более широкой концепции, которая бы затрагивала и государство, и его национальную составляющую. Один из подходов, был представлен Й. Галтунгом в соответствии с которым референтным объектом безопасности должна быть личность и речь должна идти о человеческой безопасности, где государство должны быть только средством, а не самоцелью [7, p. 147].

Обычно такой подход приводит к концепции безопасности, которая указывает на индивидуальный и глобальный уровень. Если отойти от «среднего уровня» – государства, – то можно продвигаться одновременно по двум уровням: индивидуальная безопасность – это безопасность отдельного человека, а безопасность всех людей – это безопасность всего человечества (человечество подразумевается, как «люди», а не «граждане» конкретных государств), что и является глобальной безопасностью. Но есть как минимум три проблемы с этим, казалось бы, простым отходом от государственно-центристской концепции безопасности.

Во-первых, такой подход обычно теряет связь с истеблишментом безопасности. Трудно понять, как из индивидуальной безопасности можно реконструировать реальные коллективы государства и нации и таким образом получить контроль, например, за взаимодействием между государствами. Постмодернисты склонны утверждать, что безопасность государства не может быть достигнута путем добавления безопасности большого числа людей, что является классической проблемой методологического коллективизма и индивидуализма.

Во-вторых, неясно, что имеется в виду под индивидуальной и международной/глобальной безопасностью. Понятие безопасности, традиционно известное из термина «политика безопасности», не имеет основного значения, независимого от референтного объекта (государства). По словам представителя постструктуралистского течения в исследовании безопасности и общества Р. Уокера: наши политические концепции были сформированы современным контекстом национального государства и наивно полагать, что понятие национальной безопасности (то есть государственной безопасности) следует понимать, отделяя государство и осмысливая его без его измерения безопасности, а затем присоединяя это состояние к столь же независимому от контекста понятию безопасности. По сути, оба понятия уже присутствуют друг в друге и если это отрицать, то и государство, и безопасность должны быть овеществлены и натурализованы, чтобы их можно было рассматривать как необходимые, внеисторические постоянные сущности.

В-третьих, индивидуализация безопасности обычно также способствует очень широкому расширению того, что непосредственно к ней. Сомнительный эффект этой «альтернативной» концепции безопасности заключается в том, что «секьюритизируются» еще более широкие области, например, экологическая безопасность, иммигранты как проблема безопасности и т.д. Рассматривая, например, окружающую среду или иммигрантов как проблемы безопасности, эти проблемы концептуализируются особым образом с коннотациями, вытекающими из «безопасности»: угроза, от которой нужно защищаться, роль государства, проблема «извне» и т.д. Таким образом, можно говорить о наличии, как аналитического, так и политического обоснования для промежуточной концепции безопасности – между ее узким пониманием (безопасность всегда государственная и только военная) и широким (все, что беспокоит людей).

При таком неоконвенциональном анализе безопасности, который придерживается традиционной сути концепции безопасности (экзистенциальные угрозы, выживание), но недогматичен как в отношении секторов (не только военных), так и референтных объектов (не только государства), более дифференцированной получается картина первичных единиц международной системы. Пример ЕС демонстрирует, что не только национальное государство способно утвердиться в качестве единицы, требующей «выживания идентичности», когда государство и нации сосуществуют, но не всегда движутся в едином фарватере.

Европейская идентичность сквозь призму безопасности

Дебаты об идентичности ЕС в области международной безопасности и о том, отличается ли он в каком-либо смысле от других, более традиционных международных акторов, можно спроецировать вокруг четырех центральных концепций: пацифистской, интервенционистской, либеральной и реалистской.

Чтобы отразить предположительно особую международную идентичность ЕС, представитель пацифистского течения исследований безопасности Я. Мэннерс ввел термин «Normative Power Europe» (NPE), который подразумевает намерение ЕС как внешнеполитического актора разрабатывать, постепенно воплощать и распространять, стандартизировать нормы (правила) и европейские ценности в международных отношениях с помощью несиловых (без принуждения) методов [11, p. 236].

NPE опирается на силу материальных возможностей, таких как экономическая и военная мощь. С точки зрения данного концепта, по сравнению с традиционными средствами силовой политики влияние идей может быть менее прямым. Однако, когда власть идей применяется эффективно, то есть в соответствии с процессуальными принципами легитимности, согласованности и последовательности, она может быть ключевой силой к обеспечению безопасности и укреплению идентичности Европы, потому что согласовывает интересы других сил посредством внутреннего убеждения, а не внешнего давления. Кроме того, NPE относится к продвижению определенных идей. Нормативная власть заключается в продвижении и защите универсальных ценностей, как составных элементов европейской идентичности. С этой точки зрения, нормативная власть Европы, сформированная и выдвинутая соответствующими политическими элитами, будучи уточненной и помещенной в более широкий контекст, помогает выявить нюансы европейской идентичности [13, p. 1080].

Оригинальное понимание NPE крайне сложно согласовать с использованием понятия безопасности в соответствии с реалистским пониманием в контексте применения военной силы. Как отмечает С. Смит: «прибегая к якобы превосходящей руке военной силы, ЕС дискредитирует и отказывается от самого мощного инструмента мягкой силы, который у него был» [15, p. 69]. Ключевой проблемой является милитаризация (и даже секьюритизация) безопасности идентичности ЕС, то есть вытеснение других инструментов военной силой.

Отклоняясь от традиционного пацифистского понимания NPE, некоторые ученые утверждали, что военная сила может быть важным инструментом для эффективного распространения универсальных ценностей «европейскости», лежащих в основе NPE, по всему миру [14, p. 243]. Сторонники этой интервенционистской концепции международной идентичности ЕС опираются на такие нормативные принципы, как человеческая безопасность и «ответственность за защиту, предлагающие обоснование для любого военного вмешательства, в случае если ситуация ставит под угрозу идентичность Европы и не соответствует универсальным стандартам сплоченности и единства [10, p. 511]. Таким образом интервенционисты ожидают, что военные операции ЕС превратят его возможности по обеспечению международной идентичности от использования нормативной силы по умолчанию («мягкая сила» и поддержка европейской семьи) в избирательную нормативную силу (возможность применения военной силы для защиты европейской идентичности по всему миру).

С точки зрения реализма, который традиционно настаивает на том, что государства являются основными международными акторами, и отказывается приписывать акторство международным организациям, ЕС можно рассматривать как международного актора, который придерживается той же логики действий, что и государства [9, p. 220]. С реалистической точки зрения, внешняя политика ЕС всегда руководствовалась личными интересами, но нарушалась практическими ограничениями и провалом коллективных действий. В этом смысле, только традиционными средствами обеспечения безопасности (военными), ЕС может позиционировать себя как более серьезную реалистическую державу и преследовать цели поддержания безопасности своей международной идентичности. В этой концепции, обеспечение безопасности, основанное на поддержании общеевропейских ценностей, закладываемых в основу идентичности, имеет в лучшем случае второстепенное значение [8, p. 41].

Также в дискуссиях о международной идентичности ЕС имеется и четвертая позиция, озаглавленная как «Liberal Power Europe» (LPE). Как и NPE, LPE настаивает на том, что специфика ЕС не позволяет ему действовать как реалистической державе. Однако внешнее взаимодействие либеральной державы, отличающееся как от взаимодействия, основанном на ценностях, так и от соображений безопасности идентичности, отражает ее внутреннюю конфигурацию как единого рынка, фокусируясь на экономических соображениях как на оправдании применения силы [4, p. 684]. Таким образом, в отличие от интервенционистской NPE, вместо того чтобы отдавать приоритет защите внутренних факторов европейской идентичности, концепция LPE обосновывает применение силы для обеспечения безопасности внешнего контура европейской идентичности (защита европейских ценностей за пределами границ ЕС).

Как можно судить из вышеизложенного, рассмотренные теоретические рамки представлены в основном исследованием нормативной власти Европы по обеспечению собственной идентичности с точки зрения областей обороны и военной безопасности. Представляется целесообразным связать обоснование безопасности европейской идентичности с политико-идеологическими ориентациями и восприятием угроз сплоченной Европе, где угрозы определяются с точки зрения функционалистской логики, предполагающей гомеостатическую природу социальных систем.

Каждая идентичность, будь то индивидуальная, социальная или политическая, представляет собой фундаментальный и тревожный парадокс: идентичность утверждает себя в отношении набора различий и действует под давлением, направленным на исправление, регулирование или исключение некоторых из таких различий. Теория «не демос», предполагающая отсутствие какой-либо подлинно европейской общности, подчеркивает отсутствие общеевропейского характера и поддерживает положение о том, что нынешний европей-

ский проект основан на территориальных связях между странами и узкими социальными кругами элит [6, p. 19]. С данной позиции, ввиду отсутствия общей воли и идентичности единого народа, сплоченность европейского проекта по-прежнему сильно зависит от элит. В связи с этим теоретики социальной психологии и политологии, например Р. Водак, предположили, что фигура «врага» и поддержание идеи о наличии постоянной угрозы имеет основополагающее значение для того, чтобы служить объединяющей силой к установлению национальной идентичности Европы [17, p. 99].

С постструктуралистской точки зрения в отношении построения европейской идентичности исследователь Т. Диез разработал трехступенчатую типологию «инаковости», в части представления «иного» как экзистенциальной угрозы для Европы (секьюритизация): представление «иного» как чего-то низшего; представление «иного» как нарушающего универсальные принципы единой Европы и представление «иного» как чуждого европейской семье [5, p. 616]. С точки зрения этой теоретической рамки можно утверждать, что основные ценности, принципы и нормы ЕС, подпитывающие идентичность, лежат в центре отображения угрозы инаковости на протяжении всего периода построения и развития европейской интеграции.

В сфере международных отношений и исследований национальной безопасности общепризнано, что самоутверждение нации и демократичность политического режима зависят от общественного признания «инаковости» и от объединяющего духа, возникающего из-за регулярного оспаривания инаковости как угрозы безопасности. Представители социального конструктивизма сосредотачивают свое внимание на нормативной силе Европы и ее способности формировать представления о т.н. «нормальном мире с универсальными ценностями» [11, p. 248]. В этом ключе общая европейская политика оценивается как средство борьбы национальных государств с внешними угрозами, тем самым укрепляющее, а не ослабляющее национальное государство для сохранения его самоопределения и суверенитета. Европейские исследования также показывают, что предполагаемые угрозы не только мотивируют поведение ЕС в сфере обеспечения безопасности как многонационального актора (например, пограничный контроль, ограничение свобод и прав иммигрантов и т.д.), но и способствуют поддержке единой политики на уровне ЕС.

В частности, Лиссабонский договор провозглашает, что ЕС основан на ценностях свободы, демократии, равенства и уважения прав человека, в том числе прав меньшинств, и отмечается, что эти ценности являются общими ценностями государств ЕС. При этом, если посмотреть на оригинальную формулировку: «эти ценности являются общими для государств-членов в сообществе, основанном на плюрализме, недискриминации, толерантности, справедливости, солидарности и равенстве между мужчинами и женщинами», то становится очевидным, что ценности толкуются как общие в неразрывном сочетании с пониманием общества (европейской нации) как такового.

Соответственно, Лиссабонский договор является тем документом, который призван сконструировать европейскую политическую идентичность, солидаризировать государства на основе ценностей, принятых всеми ими. Однако в то же время с акцентом на универсальности демократии, свободе или равенстве происходит присвоение статуса второстепенных тем, кто не принимает эти ценности как универсальные. Соответственно, те, кто не вписывается концепт универсальной «европейскости», становятся второстепенными, «иными» в отношении этого концепта. В этом ключе основой безопасности идентичности выступает, следовательно, концепт защиты от не универсальных ценностей, концепт противостояния добра и зла, друга и врага, своего и чужого. Действуя по принципу «никакой свободы врагам свободы», такое обеспечение безопасности можно рассматривать как воинственную демократию, которая отрицает взаимную толерантность, устанавливая границу между разными мировоззрениями [19].

В то время как проведение границы по демократическим ценностям считается практикой «врагов демократии», в самой демократии, где граждане вроде бы имеют равные права и свободы, есть аналогичные границы терпимости. Так, воинственность и милитаризация, которые сами по себе представляют угрозу безопасности, становятся смысловым, нормативным и эмпирическим наполнением политики безопасности ЕС. Именно интенсивное развитие политики безопасности ЕС является примером того, как формируется европейская идентичность путем средства создания образа «чужого».

Применение образа «чужого» в дискурсе безопасности свидетельствует о воплощении «мирной войны», ведущейся в основном без прямого использования военных средств для борьбы против того же врага, этот феномен получил название ультраполитики [18, p. 187]. Очень близко к ультраполитике понимание безопасности исследователей Копенгагенской школы. Для них безопасность всегда является продолжением политики с использованием чрезмерных средств, своего рода экстремальной версии политизации, лежащей за пределами политических правил игры [3, p. 23]. При этом Копенгагенская школа признает наличие общественной безопасности. Это означает, что безопасность, репрессируя политически, предполагает конец политической коммуникации с признанием и пониманием ценностей «иного» и начало конструирования идентичности с применением экстремальных методов защиты против определенного «врага». Кроме того, политика безопасности может быть вполне действенной стратегией создания европейской идентичности. Ведь поскольку противопоставление добра и зла производит понимание добродетелей для каждого индивида и одновременно всегда основано на определенных стереотипах, то стереотип формирует базис, конструирующий индивидуальную идентичность.

Таким образом, можно говорить о том, что концепция безопасности европейской идентичности основана на конструировании постоянной угрозы и наличии перманентной опасности, а опасность в свою очередь – на противопоставлении идентичностей. Такая манипуляция между сторонами добра и зла способствует формированию европейской идентичности, как идентичности против кого-либо «иного». Иными словами, конструирование идентичности «мы» (европейцы) являемся основой конструирования отрицаемой идентичности «чужие) (не европейцы). Апелляция к страху и необходимости постоянной защиты влечет легитимность экстремальных средств, в том числе милитаризации в поддержке идентичности, которая постепенно начинает восприниматься как стандарт оборонной политики ЕС.

Можно говорить о том, что Европейский Союз является нормативной силой, которая намерена приблизить его к полноценному актору в сфере безопасности. Однако нормативные документы ЕС апеллируют к демократическим ценностям, а тенденции развития сферы безопасности им противоречат. Политику безопасности можно считать современной стратегией формирования европейской идентичности, однако другой стороной медали является осуществимость стратегии безопасности как новой стратегии контроля, которую систематически

и планомерно реализует европейская и национальная бюрократия путем поиска новых угроз, их искусственной гиперболизации и визуализации в образе «врага».

Поэтому, с точки зрения автора статьи, существуют три главные альтернативы дальнейшему развитию политики безопасности в сфере укрепления идентичности в Европейском Союзе:

1) ЕС полноценно признает другие идентичности, даже если под ними подразумеваются все виды «иных»;

2) ЕС развивает политику безопасности, основанную на отрицаемых идентичностях и единственной приоритетной европейской идентичности безопасности соответственно, что имеет тенденцию к милитаризации;

3) возникает конфликт между людьми, способными артикулировать смысл участия, привлечения, коммуникации – своего рода гражданской силой, и людьми, стремящимися к контролю; при этом появление такой гражданской силы возможно только при условии осуществимости европейского сообщества в значении «societas» (союза ради общей цели).

Таким образом, в статье продемонстрировано, что безопасность европейской идентичности представляет собой экстремальную версию политизации. При этом, возможность повторной политизации не кажется исключительно теоретической, чему способствуют несколько факторов. Во-первых, граница между идентичностями всегда очень хрупкая: четкое добро и четкое зло (фиксированные идентичности «мы» – «чужие») сконструированы искусственно. Во-вторых, граница между политикой и безопасностью крайне нечеткая: безопасность является составляющей политического дискурса в терминах мира, войны, внешней политики, рисков и угроз. Соответственно, за нечеткой границей всегда стоят политические дискуссии, то есть, если политическое заканчивается там, где заканчивается коммуникация, то, можно предположить, что политизация будет иметь место при введении безопасности в дискурсивное поле при взаимодействии разных акторов, в том числе представителей идентичностей, которые не воспринимаются, с их политическими убеждениями, этническим и расовым происхождением, религиозными взглядами, но вне «универсальных» ценностей Европы. Подобный опыт конструирования европейской идентичности видится уязвимым, поскольку нехватка четкой стратегии внешней политики и политики безопасности, с созданием образа внешнего «иного» или «чужого», влечет поиск «непризнанных идентичностей» уже внутри многонационального объединения, выливающегося в противостояние государства и нации.

Литература

1. Брутер М. Граждане Европы? Возникновение массовой европейской идентичности. – Бейсингсток: Пэлгрейв Макмиллан, 2005. – 225 с.
2. Брайсон Д. Транснациональная семья: новые европейские границы и глобальные сети. // В: Транснациональная семья: Новые европейские границы и глобальные сети; Д. Брайсон и У. Вуорела (ред.). – Оксфорд: Издательство Берг, 2002. – С. 31–59.
3. Бузан Б., Вейвер О.. Безопасность: Новая основа для анализа. – Боулдер: Линн Риннер, 1998. – 239 с.
4. Дамро С. Рыночная власть в Европе. // Журнал европейской публичной политики. – Т. 19. – № 5. – С. 682–699.
5. Диц Т. Конструирование себя и изменение других: переосмысление тысячелетия “Нормативной власти в Европе”. // Журнал международных исследований. – 2005. – Т. 33. – № 3. – С. 613–636.
6. Фоссум Дж., Менендес А. Разработка конституции для Европы. – Оксфорд: Рутледж, 2004. – 304 с.
7. Галтунг Дж. Меняющаяся взаимосвязь между миром и развитием в меняющемся мире. // Бюллетень мирных предложений. – 1980. – Т. 11. – № 2. – С. 145–149.
8. Хайд-Прайс А. Нормативная власть в Европе: реалистическая критика. // Журнал европейской публичной политики. – 2006. – Т. 13. – № 2. – С. 217–234.
9. Хайд-Прайс А. Трагический актер? Реалистический взгляд на этическую власть в Европе. // Международные отношения. – 2008. – Т. 84. – № 1. – С. 29–44.
10. Януш Х. Нормативная власть и логика аргументации: рационализация слабости или отказ от силы? // Сотрудничество и конфликт. – 2016. – № 4. – С. 504–521.
11. Мэннерс І. Нормативная власть в Европе: противоречие в терминах? // Журнал исследований общего рынка. – 2002. – Т. 40. – № 2. – С. 235–258.
12. Макларен Л. Общественная поддержка Европейского союза: анализ затрат и выгод или предполагаемая культурная угроза? // Политический журнал. – 2002. – Т. 64 – № 2. – С. 551–566.
13. Ноутчева Г. Поддельное, частичное и навязанное соблюдение: пределы нормативной власти ЕС на Западных Балканах. // Журнал европейской публичной политики. – 2009. – № 7. – С. 1065–1084.
14. Сюрсен Х. ЕС как нормативная сила: как это может быть? // Журнал европейской публичной политики. – 2006. – Т. 13. – № 2. – С. 235–251.
15. Смит К. За рамками дебатов о гражданской власти. // Европейская политика. – 2005. – № 17. – С. 63–82.
16. Вебер М. Экономика и общество: фундаментальный план понимающей социологии: Фундаментальный план понимающей социологии. – Тюбинген: Мор Зибек, 2002–981 с.
17. Водак Р. Национальная и транснациональная идентичности: европейская и другие идентичности, сконструированные в интервью с официальными лицами ЕС. // В: Р. Херрманн, Т. Риссе-Каппен, М. Брюер (ред.). Транснациональная идентичность: Становление европейцем в ЕС. – Оксфорд: Роумэн и Литтлфилд, 2004. – С. 97–128.
18. Жижек С. Универсальное исключение: Избранные труды. – Лондон: Континуум, 2006. – 362 с.
19. Хэ Ронг. О конструктивной парадигме Иного и европейской идентичности]. // Народный форум. 2016–06–30. URL: http://www.rmlt.com.cn/2016/0630/430940.shtml (дата обращения: 13.03.2023)

THE SOCIO-POLITICAL IDENTITY OF EU COUNTRIES: A SYSTEMATIZATION OF SECURITY THEORIES

Zhou Youdi
St. Petersburg State University

The article examines the development and specificity of the perception of European identity through the prism of security theories. It demonstrates how European identity is created by the method “from the opposite,” that is, on the basis of the production and exclusion of “alien” identities. It considers how the perception of threats to European identity is linked to their vision of Europe formulated along different lines, such as cultural heritage, socio-economic order and supranational governance versus intergovernmentalism. It is argued that the political-social identification of security is a powerful factor that contributes to the regular maintenance of a strategy to combat identity threats to a cohesive Europe. It is concluded that the experience of constructing a European identity is vulnerable because the lack of a clear foreign and security policy strategy, with the creation

of an external “other” or “alien” image, will entail the search for “unrecognized identities” within the EU, which is fraught with the confrontation of unification and nations.

Keywords: European identity, security, theory, Europeanness, politicization, construct.

References

1. Bruter M. Citizens of Europe? The Emergence of a Mass European Identity. – Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2005. – 225 p.
2. Bryceson D. The Transnational Family: New European Frontiers and Global Networks. // In: The Transnational Family: New European Frontiers and Global Networks; D. Bryceson & U. Vuorela (eds.). – Oxford: Berg Publishers, 2002. – P. 31–59.
3. Buzan B., Wæver O. Security: A New Framework for Analysis. – Boulder: Lynne Rienner, 1998. – 239 p.
4. Damro C. Market power Europe. // Journal of European public policy. – Vol. 19. – № 5. – P. 682–699.
5. Diez T. Constructing the Self and Changing Others: Reconsidering “Normative Power Europe” Millennium. // Journal of International Studies. – 2005. – Vol. 33. – № 3. – P. 613–636.
6. Fossum J., Menéndez A. Developing a Constitution for Europe. – Oxford: Routledge, 2004. – 304 p.
7. Galtung J. The Changing Interface Between Peace and Development in a Changing World. // Bulletin of Peace Proposals. – 1980. – Vol. 11. – № . 2. – P. 145–149.
8. Hyde-Price A. Normative power Europe: a realist critique. // Journal of European public policy. – 2006. – Vol.13. – № 2. – P. 217–234.
9. Hyde-Price A. A tragic actor? A realist perspective on ethical power Europe. // International affairs. – 2008. – Vol. 84. – № 1. – P. 29–44.
10. Janusch H. Normative power and the logic of arguing: rationalization of weakness or relinquishment of strength? // Cooperation and conflict. – 2016. – № 4. – P. 504–521.
11. Manners I. Normative power Europe: a contradiction in terms? // Journal of common market studies. – 2002. – Vol. 40. – № 2. – P. 235–258.
12. McLaren L. Public Support for the European Union: Cost/Benefit Analysis or Perceived Cultural Threat? // The Journal of Politics. – 2002. – Vol. 64 – № 2. – P. 551–566.
13. Noutcheva G. Fake, partial and imposed compliance: the limits of the EU’s normative power in the Western Balkans. // Journal of european public policy. – 2009. – № 7. – P. 1065–1084.
14. Sjursen H. The EU as a normative power: how can this be? // Journal of European public policy. – 2006. – Vol. 13. – № 2. – P. 235–251.
15. Smith K. Beyond the civilian power debate. // Politique europeenne. – 2005. – № 17. – P. 63–82.
16. Weber M. Economy and Society: Outline of Understanding sociology: Outline of Understanding Sociology. – Tübingen: Mohr Siebeck, 2002. – 981 p.
17. Wodak R. National and Transnational Identities: European and Other Identities Constructed in Interviews with EU Officials. // In: R. Herrmann, T. Risse-Kappen, M. Brewer (eds.). Transnational Identities: Becoming European in the EU. – Oxford: Rowman & Littlefield, 2004. – P. 97–128.
18. Žižek S. The Universal Exception: Selected Writings. – London: Continuum, 2006. – 362 p.
19. He Rong. On the Constructive Paradigm of the Other and European Identity]. // People’s Forum. 2016–06–30. URL: http://www.rmlt.com.cn/2016/0630/430940.shtml (accessed 13.03.2023).

Формирование внешнеполитического курса Перу в 1945–1990 гг.

Щербачевич Егор Сергеевич,
магистр, Дипломатическая академия МИД России
E-mail: egor.shcherbachevich2000@gmail.com

В статье проводится поэтапное исследование внешнеполитического курса каждой перуанской администрации, начиная с 1945 года и заканчивая 1990 годом. Делается акцент на перуано-американские отношения и, в целом, на активность Вашингтона в Латинской Америке, как главного регионального актора, от действий которого зависит политика внушительного количества стран. В целом, перуанские администрации того периода делились на «активно проамериканских», как это было в период М. Одриа, и на «умеренно проамериканских», как это было в периоды правления М. Прадо и Ф. Белаунде Терри. Только правление Х. Веласко Альварадо можно условно считать периодом «независимости» Перу во внешнеполитических делах. Особенности и детали внешней политики каждой администрации и причины положения дел подробно рассматриваются в данной статье и заключают в себе новизну и актуальность для отечественной перуанистики, в силу крайне малого количества материалов на эту тему на русском языке.

Ключевые слова. Латинская Америка, Перу, внешняя политика, двустороннее и многостороннее сотрудничество, Веласко Альварадо.

В силу исторических, политических и географических особенностей латиноамериканский регион считался и считается «задним двором» США. Политические и экономические курсы слаборазвитых южных стран напрямую зависят от настроений Вашингтонской администрации. Логично рассматривать эволюцию внешнеполитического курса Перу, базируясь на ключевых точках взаимоотношений с США в разные исторические периоды.

Во время Второй Мировой войны Вашингтон, стремясь заполучить ресурсную поддержку латиноамериканских стран, отошел от полицейских принципов «большой дубинки» и пытался выстраивать добрососедские взаимовыгодные отношения, что благоприятно сказывалось и на перуанской экономике в том числе. Вашингтон получал сырье для военной промышленности, а южноамериканские страны – капитал, рынок сбыта, дополнительные рабочие места.

В 1945 году Вторая Мировая война закончилась и американская «большая дубинка» снова стала ведущим инструментом в регионе. Экономика перешла с военных рельс на мирные. В таких условиях здесь столкнулись с рядом проблем: 1) казначейства – с резким снижением прибыли, что привело к образованию дыр в бюджете, дисбалансу и инфляции, 2) сокращение рабочих мест в силу неэффективности задействования такого количества кадров в потерявших свою актуальность после войны сырьевых отраслях, что привело к безработице и социальному напряжению, 3) возвращение полицейской вашингтонской риторики, например, отказ от терпимости в отношении перуанского гос.долга, в следствие которого выдача новых займов зависела от «вынужденного» согласия Лимы с любыми политическими североамериканскими установками, 4) жестокая борьба с популярной после победы СССР коммунистической идеологией, которая находила отклик у бедных городских слоев, сельских фермеров и коренных народов, которые составляли абсолютное большинство перуанского общества.

В своей работе с регионом в первые послевоенные годы Вашингтон делал акцент на лояльные военные режимы. Популярной тактикой стало смещение неугодных лидеров любыми доступными путями. В 1950-е годы в Латино-Карибской Америке прошла волна переворотов, самыми яркими из которых были кейсы Бразилии (Эурику Гаспар Дутра в 1946–1951 года), Чили (Габриэль Гонсалес Видела в 1946–1952 годах) и Гватемалы (Карлос Кастильо Армас в 1954–1957 годах после свержения Х. Арбенса в 1954 году). Наиболее беспринципным стал колумбийский сценарий. В 1948 году при содействии ЦРУ был убит влиятельный политик и юрист, очевидный фаворит на президентских выборах – Хорхе Эльесер Гайтан. Данное событие вошло в историю под названием El Bogotazo и привело к гражданской войне, также известной как La Violencia. Период «жестокости» длился 10 лет, вплоть до 1958 года. Последствиями стали сильный экономический спад, появление и подрывная деятельность ФАРК (Революционные вооружённые силы Колумбии), общий высокий уровень преступности и печально известный наркотерроризм, вышедший на планетарный уровень в конце 1970-х и сохраняющий сильные позиции до сих пор.

В Перу с 1945 по 1948 год президентом был Хосе Бустаманте Ривьеро. Бустаманте занимал двоякую позицию по важным для Вашингтона вопросам, чем спровоцировал досрочное завершение своей политической карьеры. Первый важный аспект для США состоял в их военном присутствии на территории Перу. Бустаманте препятствовал полноценной передаче базы Эль-Пато в Таларе американцам. В дальнейшем Мануэль Одриа беспрепятственно передаст её в пользование. Вторым аспектом являлось недостаточно жесткое отношение к коммунистическому движению. Бустаманте не был «красным», однако и не преследовал Коммунистическую партию Перу, которая действовала на системном политическом уровне. Одриа запретит ее существование, а агитаторов будет карать. Закончится президентство Хосе Бустаманте Ривьеро по традиционному для того времени латиноамериканскому сценарию – военным переворотом.

Нельзя не упомянуть знаковый для всего континента момент. Запуск Плана Маршалла для Европы, объявленный в 1948 году, вызвал наибольшее разочарование в отношении США, поскольку большинство стран региона, в том числе и Перу, предполагали, что аналогичный план будет разработан и для Латинской Америки. Эту позицию высказал даже Энрике Гарсиа Саян (министр иностранных дел Перу в период 1946–1948 гг.), который считал, что это жизненно важно для региона. Вместо грамотного инвестирования и налаживания взаимовыгодных справедливых отношений был выбран путь подавления. Идеально вписаться в эту стратегию мог только лояльный авторитарный лидер из числа военных. Таким лидером для Перу и США стал Мануэль Одриа в 1948 году.

«Временное правительство устранит все коммунистические и тоталитарные вспышки, чтобы уберечь Перу и Америку от опасностей, исходящих от тех разлагающих доктрин, которые проповедуют классовую ненависть и используют беспорядок и агитацию в качестве своего метода». Этими словами 27 октября 1948 года генерал Одриа объяснил гражданам Перу причины, по которым был совершен переворот. Одриа презентовал свой режим как оплот в борьбе с коммунизмом для политической и финансовой поддержки со стороны Вашингтона. Он разделял мнение о том, что свободная торговля и поощрение экспорта сырья были единственными способами оживить перуанскую экономику. Поэтому тарифные планы и государственное вмешательство постепенно ослаблялись, в соответствии с предпочтениями МВФ и рекомендациями североамериканской миссии во главе с Джулиусом Кляйном (советник Одриа до 1955 года). Прямые американские инвестиции резко увеличились. Поспособствовали этому законодательные изменения. Например, в 1950 году был принят Горный кодекс, который США охарактеризовали как «необычайно благоприятный». Благодаря нему появились большие североамериканские горнодобывающие компании в Токепале и Марконе, что усилило иностранный контроль над добычей полезных ископаемых. Также примером может служить Закон о нефти 1952 года, который разрешил североамериканским компаниям, таким как International Petroleum Company (IPC), искать новые нефтяные месторождения в пустыне Сечура. К слову, перуанский кейс станет образцом «дружественного» вмешательства, на который будут ориентироваться при разработке законодательства о добыче полезных ископаемых в Боливии в 1955 году под давлением Вашингтона.

Военная сфера также была ориентирована на сотрудничество с США. В 1952 году были подписаны Соглашение о совместной обороне и Двусторонний оборонный план. В соответствии с этими документами Перу получало оружие и военную помощь (на сумму, которая увеличилась в период с 1952 по 1956 год со 100 тысяч долларов до 9 миллионов долларов в год) в обмен на поставку стратегических полезных ископаемых и право создавать военные базы на перуанской территории.

Отлично иллюстрирует «марионеточность» режима случай, который даже Вашингтону показался чрезмерным. В июле 1952 года Одриа предложил североамериканцам, чтобы офицер ВВС США стал командующим ВВС Перу. Американцы были удивлены, так как они справедливо считали, что по Конституции это невозможно, что, впрочем, так и было. Однако они опасались, что назначенный офицер может быть вовлечен во внутренние споры перуанских вооруженных сил и это стало бы совершенно необязательной провокацией. Одриа получил отказ.

Стоит отметить, что за лояльность Перу не получило таких же наград, как, например, Бразилия (развитие сталелитейной промышленности), Чили (штаб-квартира CEPAL) или Колумбия (Генеральный секретариат ОАГ). Перу не хватало стратегического географического положения и амбициозного правительства. А после окончания Корейской войны и повторения послевоенного сценария конца 1940-х годов с падением экспорта сырья в США и ухудшения экономических показателей, стал падать и рейтинг Мануэля Одриа, который вскоре был заменен на Мануэля Прадо Угартече.

Для Прадо это был второй президентский срок. Ранее он являлся главой страны в период 1939–1945 годов. В свой второй срок Прадо был обеспокоен тем, что Перу имело явную зависимость от Соединенных Штатов, однако осознавал, что без Вашингтона в военном и финансовом аспектах стране просто не выжить. Тем более в 1954 году (за 2 года до прихода к власти Прадо) случилось знаковое событие – очередная противозаконная демонстрация силы в исполнении США. Переворот, который был осуществлен в Гватемале в конце июня 1954 года, стал результатом секретной операции под названием PBSUCCESS. Был организован ЦРУ США. Целью являлось свержение Хакобо Арбенса Гусмана, законно избранного президента Гватемалы, за то, что противостоял интересам американской United Fruit Company и позволял членам гватемальской коммунистической партии (Partido Guatemalteco del Trabajo) влиять на принятие важных решений правительства. Вашингтон показал всем администрациям региона план своих действий при отклонении от генеральной линии. Часть стран это ожесточило и подтолкнуло к немедленным действиям (Кубинская революция), другая часть осознала перспективы и запустила процесс методичного составления плана по избавлению от североамериканского гнета. Мануэль Прадо, будучи опытным политиком, начал работу в этом направлении. Единственным способом диверсифицировать внешние связи, не нарушая императивов биполярной оппозиции, было сближение с западноевропейскими странами. Однако полноценно сделать этого не удалось. Удалось лишь перенять европейский опыт интеграции и начать развивать свои проекты, например, Латиноамериканскую ассоциацию свободной торговли (ЛАСТ), созданную 18 февраля 1960 года в соответствии с договором Монтевидео, которая была заменена Латиноамериканской ассоциацией интеграции (ЛАИ) в 1980 году.

Иллюстрацией того, что Перу было недостаточно сильным актором для прямого противоречия США, может быть случай, произошедший с Раулем Порресом Барренеча, который был министром иностранных дел Перу в 1958–1960 годы. Когда в 1960 году ОАГ поддержала блокаду Кубы Соединенными Штатами, Баррене-

ча на Генеральной Ассамблее выразил свое несогласие. Его позиция была обусловлена не идеологической симпатией, а уважением принципа невмешательства во внутренние дела суверенных стран. По возвращении с конференции Поррас Барренеча был снят с должности. Таким образом, наиболее ярким проявлением «самостоятельности» во внешней политике Перу в тот период был сиюминутный демарш министра.

После непродолжительного военного правления Рикардо Переса Годоя и Николаса Лопеса в 1962–1963 годах к власти пришел Фернандо Белаунде Терри, который занимал президентский срок с 1963 по 1968 год. Его президентство было крайне противоречиво. Белаунде имел проамериканские взгляды и идеально вписывался в тот образ, который был нужен Вашингтону. Это было десятилетие существования Альянса за прогресс (Alianza para el Progresso) – проекта администрации Кеннеди, стремившегося совладать с революционными настроениями в Латинской Америке после Кубинской революции 1959 года. Если ранее Штаты стремились задушить эти вспышки посредством прямого военного вмешательства, то Кеннеди стремился содействовать развитию, экономическим и социальным реформам на континенте, исходя из логики, что всеобщее процветание будет лучшим оружием против коммунизма. Белаунде был «достаточно прогрессивным, чтобы остановить коммунизм, но недостаточно радикальным, чтобы приблизиться к нему». Однако парадокс его правления заключается в том, что именно при нем произошли события, которые стали последней каплей в чаше терпения перуанских патриотов.

Первым событием стал скандал по поводу покупки французских истребителей Mirage. В середине 1960-х годов Перу, как и большинство латиноамериканских государств, осознавая, что большая часть военной техники была еще времен Второй мировой войны, уведомило Вашингтон о своем желании модернизировать ВПК. Был сделан запрос на приобретение американских Northrop F5A Freedom Fighters, однако Конгресс отклонил первичное предложение, но, понимая важность, обещал поставить F5 в ряд южноамериканских стран ближе к началу 1970-х. Перуанские вооруженные силы не хотели ждать. Благо «доктрина Прадо» конца 1950-х, ориентированная на налаживание отношений с Западной Европой, все-таки имела успех в долгосрочной перспективе. В 1967 году сложилась благоприятная для Перу обстановка на рынке вооружений. После Шестидневной войны (5–10 июня 1967 г.) Франция не могла реализовать продажу 50 истребителей Mirage Израилю в силу наложенного вето. Чтобы компенсировать потерю израильского рынка и в очередной раз продемонстрировать независимость, Де Голль удачно нашел покупателя в лице Перу. Таким образом, в 1967 году во время правления президента Фернандо Белаунде Терри был подписан первый контракт на приобретение 16 самолетов Mirage M-5P. Стоит отметить, что самолеты поставлялись и после ухода Белуанде. С 1967 по 1977 год было заключено 9 контрактов и поставлено 37 самолетов. Логично предположить, что реакция Вашингтона была крайне негативной. Традиционный санкционный механизм был запущен и финансовые вливания уменьшились.

Вторым и ключевым событием стал скандал вокруг Таларского акта и американской нефтяной компании International Petroleum Company (также имеет название «скандал 11 страницы»). Если самолетный кризис в 1967 году подогрел обстановку, то эта ситуация в 1968 году стала решающей. Исторически американские компании присутствовали на рынках латиноамериканских стран еще с 19 века и история использования национальных богатств в колониальном стиле и без уважения к суверенитету стран-обладателей этих богатств насчитывает десятки лет. IPC была арендатором (с 1914 года), а затем и владельцем месторождений La Brea y Pariñas (с 1924 года). Суть проблемы заключалась в том, что компания уходила от уплаты налогов и к середине 1960-х сумма накопленного долга достигала 144 миллионов долларов (хотя в 1969 году правительство Веласко Альварадо объявило о сумме в 690 миллионов). Белаунде сделал выбор в пользу переговорного, компромиссного решения и в 1968 году подписал Таларский Акт между Перу и IPC. Решения Акта: IPC признали, что La Brea y Pariñas является собственностью государства, IPC передали государству часть своих владений, оставили за собой Таларский нефтеперерабатывающий завод, но взамен «любые долги, которые могли быть у IPC перед Перуанским государством по разного рода причинам, считались списанными». Общество ожидало радикального решения – экспроприации. Только такой финал мог быть допустимым для восстановления достоинства страны, терпевшей финансовые и моральные убытки от деятельности иностранной компании. Таларский скандал не только способствовал росту антиамериканизма среди рядовых перуанцев, но также побудил Вооруженные Силы совершить государственный переворот и сместить Белаунде.

С приходом к власти военного правительства Хуана Веласко Альварадо в перуанской внешней политике произошли кардинальные изменения. Этот сдвиг был связан с Доктриной всеобъемлющей безопасности и Планом Инка. «Если экономическую зависимость следует рассматривать как угрозу национальному суверенитету, то эту проблему, необходимо решать не только путем экспроприации иностранных компаний, но и путем призыва к новому экономическому порядку на международной арене».

При Веласко были реализованы: 1) национализация месторождений природных богатств, 2) национализация основных секторов бизнеса (рыболовство, транспорт, связь, СМИ и других), 3) аграрная реформа, 4) принятие новой Конституции. На внешнеполитическом направлении происходит полный разрыв с США и, как следствие, поиск новых союзников и партнеров, без привязки к идеологическим установкам. Лучшая иллюстрация: восстановление дипломатических отношений и контактов с СССР в 1969 году, что было немыслимо за несколько лет до прихода Веласко. К сожалению, революционного запала хватило ненадолго. Грандиозная стратегия внешней политики революционного правительства начала давать сбои в 1973 году. Это произошло по ряду причин: 1) ухудшение здоровья генерала Веласко (примерно февраль 1973 года), 2) проблемы в экономике, 3) усиление внутреннего и внешнего давления на режим со стороны США. Если первый пункт не нуждается в пояснении, то второй и третий необходимо разобрать поподробнее. Популярная в то время теория об «импортозамещающей индустриализации» была справедливой лишь на бумаге. На деле же опора только на собственные силы вела к самоизоляции и, следовательно, к тупику в развитии. Резкая смена курса и не менее резкий отток американского капитала (который занимал львиную долю перуанского бюджета) не могли за короткий срок (буквально 5 лет) привести к экономическому росту, что очевидно пошатнуло позиции Веласко даже среди своих соратников. Что касается третьего пункта, то логично предположить, что, если во время проамериканских президентов хватка Вашингтона не ослабевала, то в период Веласко давление усилилось в десятки раз. Это иллюстрируют несколько случаев, когда присутствие ЦРУ

в стране даже не ставилось под сомнение. После свержения Альенде (свержение и гибель чилийского соратника также негативно повлияла на здоровье Веласко) в Чили Вашингтон обратил свое внимание на перуанский «диссидентский» режим. В 1974 году США назначают новым послом Роберта Дина, известного своими связями с ЦРУ. 5 февраля 1975 года произошел полицейский мятеж, когда Лима осталась без охраны, подверглась грабежам, поджогам и нападениям на помещения вооруженных сил и правительства. Армия прибегла к жесткому подавлению. Агитаторы ЦРУ умело стравили две структуры «безопасников», серьезно подорвав имидж режима. Следующим шагом был шантаж через Чили (продажа оружия, а затем накал обстановки). Перуанские силы были стянуты к границе и внимание было сконцентрировано на чилийских действиях. Заключительным аккордом стал военный переворот в исполнении Моралеса Бермудеса в городе Такна (El Tacnazo) с уже опробованными полицейскими беспорядками, вандализмом и многотысячными жертвами. Попытка построения независимой суверенной страны растянулась на 7 лет и не увенчалась успехом.

После прихода к власти Моралеса Бермудеса в 1975 году произошел моментальный возврат к ориентации на США, ухудшение отношений с СССР, отход от Плана Инка и идеологии Движения неприсоединения. В июле 1977 года Моралес объявил план по возвращению власти гражданскому правительству. В 1980 году на пост президента вернулся уже знакомый перуанцам (и американцам) Фернандо Белаунде Терри. А с 1985 по 1990 год кресло президента занимал Алан Гарсия.

Описанию перуанской внешнеполитической стратегии с момента свержения Веласко Альварадо и до момента прихода Альберто Фухимори в 1990 году обычно уделяется меньше внимания, так как изменения происходили больше в экономической сфере, нежели во внешнеполитической, где ориентация на Вашингтон могла оспариваться лишь во время президентства Гарсии. Заработная плата, достигшая наивысшего уровня в 1972–1973 гг., начала снижаться в 1974 году, одновременно с падением цен на перуанскую экспортную продукцию. В 1975 году произошла шокирующая девальвация, ознаменовавшая начало длительного экономического кризиса в стране. Белаунде и Гарсия не смогли выправить ситуацию: ни ортодоксальными методами в начале десятилетия с полномасштабным открытием рынков для товаров и инвестиций, ни неортодоксальными в конце декады с наращиванием производства по всем фронтам, контролем над ценами и «кооперативистской моделью». В историографии Перу и всей Латино-Карибской Америки это десятилетие считается «потерянным». А символами эпохи стали: многотысячная инфляция, безработица, разрушительная деятельность Сендеро Люминосо и Революционного движения имени Тупака Амару, исключение страны из международных финансовых институтов за дефолт по гос.долгу, наркоторговля, многотысячная эмиграция и коллапс экономических, политических и социальных устоев.

***

Анализируя внешнюю политику Перу в период с 1945 по 1990 год необходимо зафиксировать огромное влияние США. Спектр политических взглядов перуанских лидеров нельзя назвать широким. Администрации делились на «активно проамериканских», как это было в период М. Одриа, и на «умеренно проамериканских», как это было в периоды правления М. Прадо и Ф. Белаунде Терри. Основное различие заключалось в том, что М. Одриа осознанно привязывал политические, экономические и военные сферы к США, в то время как М. Прадо и Ф. Белаунде осознавали, что зависимость критическая, но Перу было не в состоянии проводить независимую внешнюю политику в 1950-е и 1960-е годы. Однако попытки диверсифицировать дипломатические и экономические связи предпринимались. В соответствие с «Доктриной Прадо» налаживался контакт с дружественными Вашингтону западноевропейскими странами. При Белаунде произошло столкновение с США по линии ВТС, когда после отказа североамериканцев заключать контракт на поставку Northrop F5, Перу приобрело французские истребители Mirage в 1967 году во время правления Ш. де Голля, известного своей антиамериканской риторикой. Вплоть до 1968 года Лима была вынуждена следовать курсу, который диктовался Вашингтоном. Правительство Хуана Веласко Альварадо (1968–1975) может считаться единственным периодом «независимости» Перу во внешнеполитических делах. За 7 лет его пребывания у власти были установлены отношения с государствами различной идеологической направленности, что поспособствовало диверсификации дипломатических и экономических отношений. Был установлен контакт со странами социалистического блока, особенно с СССР и КНР. Страна также разделила идеи Движения неприсоединения. Многовекторность политики Веласко Альварадо стала фундаментом для развития Перу в постбиполярную эпоху. К сожалению, в 1980-х годах Перу не могло реализовать весь свой потенциал на мировой арене из-за экономического кризиса, охватившего страну и весь латиноамериканский регион в целом. Однако на момент прихода к власти Альберто Фухимори у страны были установлены дипломатические отношения и налажены дружеские контакты со всеми ведущими экономиками мира.

Литература

1. Мартынов Б.Ф. История международных отношений стран Латинской Америки и Карибского бассейна (XX – начало XXI в.) / Б.Ф. Мартынов. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2019. – 320 с.
2. Петрова Т.П. «Перу в системе международных отношений (1821–2010 гг.)». М.: ООО «Аванглион-принт», 2011. – 392 с.
3. Alburquerque G. No alineamiento, tercermundismo y seguridad en Perú: la política exterior del gobierno de Juan Velasco Alvarado (1968–1980) // América Latina hoy. – 2017. – No 75.
4. Belaunde G. Dos siglos de desafíos en la política exterior peruana / José Antonio García Belaunde. 1. ed. digital. Lima: Ministerio de Cultura – Proyecto Especial Bicentenario de la Independencia del Perú, 2021
5. Granda J.V. Política exterior del Perú durante el gobierno militar // Agenda Internacional. – 1995. – No 2.
6. Jaworski, H. La identidad de la política exterior. En C. Franco (Coord.), El Perú de Velasco. Lima: CEDEP, 1983
7. Mercado E. Doce años de gobierno militar. Lima La Prensa. Domingo, 20 de julio de 1980, Sección Editorial, página 15.
8. Sommer R. Alineamiento y desafío: la política exterior peruana en los gobiernos de Odría y Velasco. Escuela de Gobierno y Políticas Públicas, Pontificia Universidad Católica del Perú
9. Sommer G. La política exterior del Gobierno Revolucionario Peruano y los cambios en el orden internacional, 1968–1975 // Agenda Internacional Año XXV N° 36, 2018, pp. 257–301
10. Velaochaga, L. Políticas exteriores del Perú: sociología histórica y periodismo. – Lima: Universidad de San Martín de Porres, 2001

THE SHAPING OF THE PERUVIAN FOREIGN POLICY IN 1945–1990.

Shcherbachevich E.S.
Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry

The article provides an analysis of the foreign policy course of each Peruvian administration, starting from 1945 and ending in 1990. Emphasis is placed on Peruvian-American relations and, in general, on the activity of Washington in Latin America, as the main regional actor, on whose actions the policy of an impressive number of countries depends. In general, the Peruvian administrations of that period were divided into “actively pro-American”, as it was during the period of M. Odria, and “moderately pro-American”, as was the case during the reigns of M. Prado and F. Belaunde Terry. Only the reign of J. Velasco Alvarado can be conditionally considered the period of “independence” of Peru in foreign affairs. The features and details of the foreign policy of each administration and the reasons for the state of affairs are discussed in detail in this article and contain novelty and relevance for domestic Peruvian studies, due to the extremely small amount of materials on this topic in Russian.

Keywords: Latin America, Peru, foreign policy, bilateral and multilateral cooperation, Velasco Alvarado.

References

1. Letter Б.Ф. Thanks for reading the rest of the snowflake Америки и Карибского бас book (XX–Letter XXI p.) / Lu. Jo. – M.: Journal of the “English Empire”, 2019. – 320 pages.
2. Language Т.П. «Experience in the history of the kingdom (1821–2010.)». M.: Journal «English-English», 2011. – 392 pp.
3. Alburquerque G. Non-alignment, third worldism and security in Peru: the foreign policy of the government of Juan Velasco Alvarado (1968–1980) // Latin America today. – 2017. – No.75.
4. Belaunde G. Two centuries of challenges in Peruvian foreign policy / José Antonio García Belaunde. 1st ed. digital. Lima: Ministry of Culture – Special Project Bicentennial of the Independence of Peru,
5. Grand J.V. Peru’s foreign policy during the military rule // International Agenda. – 1995. – No.
6. Jaworski, H. The Identity of Foreign Policy. In C. Franco (Coord.), The Peru of Velasco. Lima: CEDEP, 1983
7. Market E. Twelve years of military rule. Lima The Press. Sunday, July 20, 1980, Editorial Section, p.
8. Sommer R. Alignment and challenge: Peruvian foreign policy under the governments of Odría and Velasco. School of Government and Public Policy, Pontificia Universidad Católica del Peru
9. Sommer G. The foreign policy of the Peruvian Revolutionary Government and changes in the international order, 1968–1975 // International Agenda Year XXV N° 36, 2018, pp. 257–3
10. Velaochaga, L. Peruvian foreign policies: historical sociology and journalism. – Lima: University of San Martin de Porres,